СОДЕРЖАНИЕ

Адрес редакции:
119034, Москва, Б. Левшинский пер, д. 10/2.
Тел./факс (495) 927-01-93
Email: histudies@gmail.com

Учредитель журнала
Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память».

Отпечатано в ООО «Масполиграф».
Москва, 4-ый Лихачевский пер., д.4.

Тираж 500 экз.

Статьи

Ханнес Хеер

Прелюдия к Холокосту: Львов в июне-июле 1941-го

Передовые отряды 17-й армии преследовали советские войска, отступившие 27 июня 1941 года из района Львова, и 29 июня приблизились к городу на расстояние 10 километров[1]. Взятие города, после того как было сообщено, что столица Восточной Галиции свободна от врага[2], было назначено на ночь с 29 на 30 июня. Выполнение задачи было поручено первой горнострелковой дивизии, соединению, которое в сентябре 1939 года после нападения на Польшу уже стояло во Львове и, согласно договору, передало затем город союзной Красной Армии. Два батальона горных стрелков должны были занять ключевые объекты – цитадель и Высокий Замок[3]. Затем к ним должен был присоединиться батальон учебного полка особого назначения 800 (подчиненного напрямую абверу, далее в тексте – батальон 800), который постепенно занял бы остальные важные объекты города. К таковым относились – помимо собора, ратуши, здания НКВД, радиостанции, электроцентрали, вокзала и складов – три больших тюрьмы и военный госпиталь[4]. Батальону 800 был придан набранный из украинских националистов батальон «Нахтигаль» общей численностью в 400 человек.

Взятие Львова произошло практически без сопротивления. В 4 утра батальон 800 занял собор св. Юра, в 4.15 – ратушу и центр города, в 5.30 – радиостанцию, тюрьмы и военный госпиталь, около 7.00 майор Хайнц смог доложить о взятии всех остальных объектов[5]. Разведгруппа горных стрелков около 4.20, согласно приказу, заняла цитадель и вывесила на ней немецкий флаг. Батальоны горнострелковых полков 98 и 99 достигли цитадели в 6.15 и, соответственно, Высокого Замка в 6.40.[6] Командир принадлежащего к первой горнострелковой дивизии артиллерийского батальона 132 полковник Винтергерст, назначенный приказом от 28 июня комендантом Лемберга[7], прибыл в 8.30 в ратушу и приступил к исполнению своих обязанностей.[8]

Когда подразделения батальона 800 достигли трех тюрем и военного госпиталя, их глазам предстала ужасная картина: при отступлении Красной Армии органы советской госбезопасности устроили кровавую расправу с политзаключенными. Среди жертв было обнаружено также три немецких солдата[9]. Предварительное намерение НКВД эвакуировать 5 тыс. заключенных в тыл, очевидно, не удалось осуществить из-за быстрого продвижения немецких войск и недостатка транспортных средств. Лишь 527 заключенных были эвакуированы. Приказ Берии от 24 июня 1941 года о расстреле заключенных в прифронтовых областях стал для львовских НКВДшников карт-бланшем на убийство[10]. Комендант города немедленно приказал начать расследование, которое показало, что трупы были кое-как сброшены в общие могилы, либо лежали кучами в камерах. В качестве причины смерти указывались выстрелы в затылок[11]. Некоторые трупы подверглись надругательствам и были изувечены. Предварительно названная цифра в 500 погибших увеличилась на следующий день до 3500[12].

1. Львовские «материалы о зверствах»

По указанию коменданта города немедленно начали извлекать трупы жертв из подвалов и общих могил и складывать рядами во дворах тюрем, чтобы дать возможность родственникам опознать погибших[13]. На евреев, как на сообщников Советской власти, возложили ответственность за преступления и в качестве наказания заставили заниматься выкапыванием, переноской и раскладыванием трупов. В сообщении XXXXIX армейского корпуса от 30 июня говорится: «Среди населения царит неистовое ожесточение в связи с гнусными преступлениями большевиков, которое выплескивается на проживающих в городе евреев, сотрудничавших с большевиками»[14]. В тот же день офицер городской комендатуры писал своей жене: «Русские и евреи ужасно здесь похозяйничали, устроили бойню в тюрьмах... Евреев забивают – среди украинцев легкие погромные настроения»[15]. Горнострелковый

полк 99 уже утром 30 июня сообщил об «отдельных выстрелах неизвестного происхождения», предположив, что «речь идет, скорее всего, о расстрелах евреев украинцами»[16]. Выстрелы были слышны и 1 июля во время командного совещания первой горнострелковой дивизии: «Выстрелы в тюрьмах ГПУ, где евреев заставляют хоронить украинцев (несколько тысяч), убитых в последние недели русскими по еврейским доносам»[17].

Геббельс, как показывают записи в его дневнике, немедленно осознал возможность представить немецкому народу и международной общественности свидетельства «животного» оскала еврейского большевизма[18]:

«5.7. Русские совершили ужасные зверства. Им придется за это поплатиться.

6.7. Начата большая пропагандистская кампания против большевизма. С участием прессы, кино и пропаганды. Общая идея: маска спадает, Москва без грима. К этому крупные материалы о зверствах во Львове, куда я посылаю 20 журналистов и радийщиков. Там настоящий кошмар. Большевизм – это бич людской, страшная болезнь нашего времени, которая должна быть искоренена.

7.7. Я организую большую поездку журналистов и дикторов во Львов и на бывшие русские территории. Надо ковать железо, пока горячо.

8.7. Вечер. "Вохеншау", в том числе бросающие в дрожь сцены большевистских зверств во Львове. Грандиозно! Звонит фюрер: это лучшее "Вохеншау", которое мы когда-либо сделали»[19].

Фюрер не ошибся, геббельсовские «материалы о зверствах» из Львова произвели впечатление и на фронте, и на родине[20]. И последствия этой пропагандистской победы, как показали дискуссии вокруг выставки «Война на уничтожение. Преступления вермахта 1941–1944», ощущаются по сей день. Причина этого заключается отчасти в том, что феномен пересечения преступлений НКВД и убийств евреев, начало и ход резни в Лемберге, вопросы инициативы и ответственности до сих пор слабо исследованы. Украинская эмиграция либо отрицает факт преследования евреев[21], либо отвергает политическую ответственность за это, возлагая вину на полукриминальный сброд[22]. В серьезных исторических дискуссиях высказывались различные точки зрения на вопрос, кто развязал террор и управлял им. Рауль Хильберг считает главными действующими лицами членов айнзацгрупп, Дитер Поль и Томас Зандкюлер, как ранее и Александр Даллин, возлагают ответственность на украинских националистов[23]. Новое исследование Богдана Мусяла характеризуется радикальным отказом от этих тезисов. Он интерпретирует убийства евреев в русле идей Иоахима Хоффманна о том, что «спонтанно возникшие еврейские погромы, проводимые возмущенным украинским населением» представляли собой акцию, начавшуюся независимо от желаний оккупантов, и (опираясь на тезис Анджея Збиковски «"to pay the Jews back" for real and imaginary wrongs»[24]) акт мести нееврейского населения: «большая часть погромов была связана с советским террором, особенно с массовыми убийствами в тюрьмах, ответственность за которые разделяли и евреи»[25]. В дальнейшем будет предпринята попытка реконструировать ход событий, разобраться с вопросом ответственности сторон и при этом заострить внимание на роли организации, во всех прежних исследованиях остававшейся в тени, – вермахта.

2. Роль украинских националистов

Во всех размышлениях и планах нацистов, посвященных будущей войне на Востоке, Украина занимала особое место. Как и в 1918 году, когда под защитой немецкого оружия возникло недолговечное украинское правительство, страна должна была «создать противовес мощи России, Польше и Балканам»[26] и одновременно стать житницей Рейха, обеспечив немецкому народу «снабжение продовольствием и полезными ископаемыми на все времена»[27]. Помимо ведомства Розенберга, в установлении прочных связей с готовыми к решительным действиям группами эмигрантов был заинтересован вермахт и особенно абвер под руководством адмирала Канариса[28]. Подходящий союзник был найден в лице основанной в 1929 году Организации Украинских Националистов (ОУН). Сотрудничество облегчалось тем, что в 1930-е годы ОУН на глазах превращалась в «полуфашистское» движение[29]. В первую очередь, среди молодых активистов все большей популярностью пользовались антисемитские убеждения провозвестника украинского национализма Дмитро Донцова. Согласно им, евреи считались «принципиальными противниками любой украинской государственности»[30]. Влияние немецких служб на укра-

инскую эмиграцию в конце 1930-х было так велико, что Йозеф Рот в своем парижском изгнании назвал украинский национализм «немецким патентом»[31], а американский посол в Праге Джордж Ф. Кеннан и вовсе считал украинцев «марионетками в руках немецких агентов»[32]. Недаром Кейтель после нападения на Польшу в сентябре 1939 года дал указание абверу позаботиться о том, чтобы в случае провозглашения независимой Галиции ОУН подняла там «восстание, ставящее целью уничтожение поляков и евреев»[33]. С независимой Галицией ничего не вышло, но тесное политическое сотрудничество с украинской эмиграцией продолжалось.

Под впечатлением от немецкой победы над Польшей и открывающихся благодаря этому возможностей, ОУН раскололась в 1940 году на радикальное крыло под началом Степана Бандеры (ОУН-Б) и умеренную группу прежнего лидера Андрея Мельника. Антисемитски настроены были обе фракции. На втором конгрессе в Кракове в апреле 1941 года ОУН-Б приняла резолюцию, гласившую: «Организация Украинских Националистов борется с евреями как с опорой московско-большевистского режима»[34]. В том же месяце группа Мельника запросила правительство генерал-губернаторства, нельзя ли предоставить ей в самоуправление части люблинского и краковского округов, после того как они будут очищены от «польского и еврейского элементов»[35]. Абвер поддерживал тесный контакт с обеими группами. Похоже, группировке Бандеры удавалось быстрее и эффективнее реагировать на поставленные задачи, поэтому зимой 1940–1941 годов абвер спешно формирует состоящие из украинцев батальоны «Нахтигаль» и «Роланд». Предполагалось, что в случае нападения на Советский Союз они в немецкой форме и под началом немецких офицеров вместе с вермахтом вступят на территорию Украины[36]. В то же время сторонники ОУН на Украине, как признал офицер абвера Штольце перед Нюрнбергским трибуналом, должны были пытаться «при помощи сети агентов разжигать национальную рознь между народами Советского Союза» и «с помощью провокаций ослаблять советские войска в их непосредственном тылу»[37]. Весной 1941-го начались нападения активистов ОУН на большевистских функционеров, колхозников, членов советов[38]; с началом войны подобные акции участились. Отступающие подразделения Красной Армии обстреливались, в некоторых городах вспыхнули настоящие восстания[39]. Центром волнений стал Львов. Уже 25 июня украинские националисты вступили в перестрелки[40], которые перекинулись и на тюрьмы, тем более что часть охраны временно покинула город[41]. Восстание было подавлено, что означало окончательный смертный приговор для узников: 25 и 26 июня все тюрьмы были «очищены»[42]. В ночь на 28 июня последние части Красной Армии и НКВД покинули город – Львов освободился от советского террора[43]. Но вакуума власти не образовалось: контроль над городом взяли на себя украинские националисты[44]. Тогда же начались первые антиеврейские выступления и разграбление еврейского имущества[45]. Незадолго до нападения на Советский Союз ОУН-Б еще более радикализировала свою антиеврейскую программу – теперь евреи считались «враждебным» меньшинством. В листовке первых дней войны говорилось: «Не бросай оружие. Возьми его в руки. Уничтожай врага. […] Народ! Знай! Москва, поляки, венгры, евреи – вот твои враги! Уничтожай их!»[46]. Расстрелы, совершенные НКВД в Львове и в других городах Галиции, стали для ОУН удобным предлогом воплотить в жизнь свои планы.

3. Подготовка акций «самоочищения»

Уличные бои, равно как и массовые расстрелы в тюрьмах Львова не остались незамеченными вступившей в город 17-й армией[47]. Очевидно, командование сделало для себя выводы, подтверждением чему может служить высказывание командующего 17-й армией Карла Хайнриха фон Штюльпнагеля (которое, однако, точно не датируемо и не сохранилось дословно). Перед сопровождавшей армию айнзацгруппой С он поставил вопрос об «использовании живущих на оккупированных территориях антиеврейски и антикоммунистически настроенных поляков для акций “самоочищения”»[48]. Гейдрих, еще 17 июня устно приказавший командирам айнзацгрупп инициировать подобные акции[49], сообщил об этом айнзацкоманде 4b, которая направлялась во Львов[50]. Если исходить из того, что задействованные на Востоке военачальники знали заранее о запланированных айнзацгруппами акциях «самоочищения» и, возможно, уже слышали о первой подобной инсценировке, имевшей место 25–26 июня в литовском Каунасе, Штюльпнагель преследовал цель получить от айнзацгрупп поддержку

для собственных действий в этом направлении. В распоряжении армии находилось подразделение, которое можно было использовать не только для рискованных вылазок в тыл врага, но и для иных задач, – батальон 800 учебно-диверсионного полка Бранденбург. Так как военных причин задействовать элитное соединение не было – Красная Армия сдала Львов без боя – в качестве объяснения остается лишь политический заказ[51]. Своя логика в этом была: три украинских роты батальона «Нахтигаль» были настроены предельно антикоммунистически и антисемитски и набраны из прекрасно ориентирующихся на местности жителей Львова и окрестностей[52].

Судя по подготовительным мероприятиям, Львову отводилась особая роль: как приказ о взятии города, так и назначение коменданта исходили от 17-й армии[53]. Более того, после занятия Львова она продолжала жестко контролировать оцепление города[54]. Кроме задействованных батальонов, никаким соединениям не разрешалось входить во Львов, допуск отдельных лиц был возможен лишь по специальным пропускам[55], даже проход фронтовых частей – таких как Ваффен-СС дивизия «Викинг» – был задержан на один день[56]. Передвижение внутри города также ограничили: патрули должен был сопровождать офицер, а горные стрелки получили приказ оставаться на своих постах в цитадели и Высоком замке[57]. Перечисленные меры предосторожности создают впечатление, что батальону 800 хотели предоставить возможность действовать без помех. В этой связи интересно, что батальон 800 не подчинился приказанному порядку следования – за горными стрелками[58] – и стал первой частью вермахта, вошедшей в город. Это упомянутое в батальонном рапорте игнорирование приказа не имело, судя по документам, никаких последствий, так как армия, очевидно, прикрывала батальон. В обосновании для нарушения дисциплины, которое дал командир батальона Хайнц, – он хотел спасти из горящей тюрьмы ГПУ «еще живых немецких солдат и украинцев», а также быстрым маневром не позволить «еврейскому населению и черни» разворовать склады[59] – проступают задачи, которые на самом деле были поставлены перед батальоном 800: взять под контроль тюрьмы и, возможно, координировать антиеврейские акции.

Взятием под контроль дело не ограничилось. Из показаний свидетелей становится ясно, что после прибытия батальона 800 и подчиненных ему украинских рот, некоторые находящиеся в тюрьмах трупы были изуродованы[60]. То же самое, судя по всему, происходило и в других городах Галиции.[61] Исполнителями называют активистов ОУН-Б. НКВДшники, утверждают свидетели, были, в первую очередь, озабочены эвакуационными мероприятиями и собственным поспешным отступлением, у них было «слишком мало времени» для садистских измывательств[62]. Эти ужасные манипуляции с трупами объясняют несоответствия в сообщениях из тюрем[63]. Следует добавить, что еврейские жертвы НКВД были вывезены из львовских тюрем до того, как население стали запускать внутрь для опознания[64].

Остается неясным, действительно ли, как предположено выше, батальон дал начальный импульс для массовых убийств евреев. В пользу этого говорит соответствие между выпущенным днем раньше приказом XXXXIX АК «всех взрослых гражданских мародеров расстреливать на месте преступления»[65] и докладом командира батальона 800 о том, что его часть 30 июня «решительно расстреливала еврейских мародеров».[66] Также следует учитывать свидетельство полковника Пикера, командира находившегося во Львове горнострелкового батальона: вскоре после занятия города он нашел в одной из тюрем 15 евреев, «убитых местным гражданским населением в качестве возмездия»[67]. Именно его полк 30 июня уже в 8.00 сообщил о «расстрелах евреев украинцами»[68].

4. Срежиссированное убийство

Уже утром по приказу коменданта города армейский судья д-р Томфорде и военврач д-р Зельтцер осмотрели трупы в тюрьмах. В их отчетах на видном месте упоминаются истязания – отрезанные груди и половые органы[69]. Полковник Пикер также констатировал «кошмарные увечья»[70]. То же говорится в отчете тайной полевой полиции[71]. Три фотографа пропагандистской роты СС, которые, как невинно замечает судебно-медицинское заключение, «случайно оказались в Лемберге», принимали участие в аутопсии[72]. Поэтому трупы и увечья были сразу же запечатлены на фотопленку. Получив эти отчеты, руководство армейского корпуса уже вечером 30 июня направило телефонограмму командованию 17-й армии с просьбой «прислать представителей прессы Германского Рейха и нейтральных государств»

и предложило план проведения пресс-конференции, в которой рассказы о зверствах должны были играть ключевую роль. В обосновании этих неординарных мер проскальзывают нотки нежданной радости: «Количество убитых русскими во Львове так велико, а условия, в которых их нашли, настолько скотские, что фотографии должны быть использованы в целях пропаганды в максимально возможном объеме. Представляется сомнительным, что мы еще когда-либо сможем получить столь же пропагандистски полезные фото, как во Львове»[73]. Командование армии знало, что ему делать: оно немедленно обратилось напрямую к ОКХ. В результате: «Уже в 23.00 ОКХ сообщило о принципиальном согласии фюрера с внесенным предложением. Число и время прибытия участников будет сообщено 1.7»[74]. Львов неожиданно очутился в самом центре большой политики. Резолюция фюрера санкционировала все уже совершенные, равно как и последующие действия.

Параллельно шла подготовка уличных акций. Уже вскоре после взятия города появились плакаты «Украинского национального комитета» – ядра бандеровской группы, которые приветствовали немцев и требовали отомстить «еврейским большевикам» за зверства. В заключение провозглашалось: «Да здравствуют Адольф Гитлер и Степан Бандера. Смерть евреям и коммунистам!»[75] Не отстали и немцы: в их листовках сообщалось об убийствах и назывались виновные – «еврейские большевики»[76]. Последовавшая за этим расправа была столь же организованной. Она началась – тут все свидетели сходятся – «сразу» после захвата Львова[77]. Установить точное время не представляется возможным, скорее всего после полудня, когда Львов был полностью взят под контроль[78], а направленная городской комендатурой комиссия завершила осмотр трупов в трех тюрьмах. Эта датировка опирается на необычный прецедент: в журнале боевых действий XXXXIX корпуса существует лакуна между 13.00 и 16.00 – две пронумерованные страницы были постфактум удалены из экземпляра журнала, хранящегося в военном архиве[79].

Установлено, что уличный террор начался «одновременно» во всем городе[80]. Свидетели сообщают, что на пустых улицах «внезапно, как будто из-под земли» появились люди с нашивками и желто-голубыми повязками, «якобы чтобы обеспечить порядок»[81]. Это была организованная ОУН-Б милиция[82], которая с одобрения вермахта приняла на себя полицейские функции[83]. Усиленная перебежчиками из милиции советской, бандеровская милиция стала главным действующим лицом травли лембергских евреев[84]. Несмотря на царившие погромные настроения, соблюдался общий сценарий: евреев вытаскивали из их домов, на них нападали на улицах, затем их вели к сборным пунктам и оттуда гнали к одной из трех тюрем. По дороге милицейский эскорт и прохожие избивали жертв[85]. Когда их пригнали к тюрьмам, агрессия превратилась в террор: милиционеры и гражданские лица встали в две шпалеры и били прогоняемых через строй евреев штакетинами, колами, кулаками и т.д.[86] Один из выживших евреев вспоминает: «Когда мы пришли к воротам тюрьмы Бригидки, там на очень широкой улице собралась большая толпа. Мы натолкнулись на забитых насмерть евреев, которых пригнали к Бригидкам до нас. Гражданские продолжали нас избивать. После многочисленных побоев я был весь в крови. Я видел, как передо мной маленького ребенка схватили за ноги и ударили об стену, так что на меня брызнула кровь»[87]. Ситуация у входа в другие тюрьмы была схожей[88].

Вермахт, по всей видимости, не принимал участия в сборе и сгоне евреев[89]. Но ему не разрешалось и препятствовать этому: приказы по корпусу и по армии запрещали любое применение оружия против украинского гражданского населения и милиции[90]. Участие подразделений вермахта ограничилось контролем над тюрьмами, которые, однако, стали центрами резни. Согласно сообщению тогдашнего штабного офицера городской комендатуры, батальон полевой жандармерии получил задание взять тюрьмы под контроль и сменить находившиеся в них украинские роты[91]. В каком объеме это произошло и произошло ли вообще – неизвестно[92]. Сообщения выживших евреев дают понять, что скорее имело место «разделение труда»: немецкие офицеры отдавали приказы, вооруженные украинцы исполняли их[93]. Примером тому может служить городская тюрьма, ворота в которую полевая жандармерия взяла под контроль. Пока она оттесняла беснующуюся толпу, чтобы позволить евреям войти на территорию тюрьмы – при этом не участвуя в их избиении[94], – стоящие в проходах и у других выходов украинские милиционеры и солдаты нападали на евреев[95]. Но и сама по себе операция вовсе не преследовала безобидно-ненасильственных целей. У нее было

две цели. Во-первых, отбор: женщин, детей и стариков отдавали в руки разъяренной толпы, молодых годных к работе мужчин пропускали, чтобы «вести работы по расчистке» внутри тюрьмы[96]. Во-вторых, дело было вовсе не в том, как утверждали причастные после войны, что они не пускали уличных погромщиков в тюрьму[97], нет, целью постовых было лишь ограничение числа входящих. Один из выживших евреев вспоминает, что гражданских пускали в тюрьму для опознания убитых. Но эти гражданские «набрасывались на работающих евреев и избивали их». После этого вошедшие опять покидали тюрьму[98].

Проведение опознания, безусловно, соответствовало желаниям большей части жителей Львов. Изданный еще в первый день после взятия города приказ коменданта достать трупы из общих могил и разложить рядами, казалось бы, был призван облегчить эту процедуру. На самом деле подоплека была иной: нужна была причина, чтобы согнать евреев в тюрьмы, и нужна была арена, на которой ненависть обезумевшей толпы могла бы найти выход. В итоге, в тюрьмы было согнано так много евреев, что «любая работа» стала невозможной[99]. Они были нужны, что доказывают сохранившиеся фотографии, как молчаливая сидящая на корточках с осознанием вины масса, на фоне которой родственники или якобы родственники расхаживают вдоль выложенных рядами трупов[100], или, согласно описанию выше, как беззащитные жертвы мстителей. Самое очевидное доказательство тому – тот факт, что процедура осмотра трупов была проведена вопреки настоянию главного врача, который утверждал, что разложение зашло уже слишком далеко, что опознание практически невозможно и следует пощадить чувства родных и близких.

Врач оказался прав, удалось опознать совсем немногих[101], но его протест не принес результатов. Раскладка трупов была частью антисемитского сценария, она служила, как метко заметил Зандкюлер, «эмоциональному разжиганию погромных настроений», отказаться от нее было нельзя. Командир участвовавшего во взятии Львова 3 батальона 98-го горнострелкового полка капитан Залмингер рекомендовал своим бойцам «при возможности осмотреть тюрьмы Лемберга, чтобы понять, наконец, какие бестии нам противостоят». Затем он вменил это в обязанность: «пусть каждый сомневающийся лично ознакомится с этими бесчеловечными зверствами. Только тогда он осознает необходимость битвы против жидовско-коммунистической преступной банды и поймет, что каждый немецкий солдат, которому пришлось пролить кровь или пожертвовать жизнью в этой решающей битве между порядком и хаосом, должен быть отмщен тысячекратно. Такова будет клятва 3 батальона до полного уничтожения и искоренения большевистской армии». Солдат, которые, как горные стрелки Залмингера, заходили в тюрьму, несущие там службу товарищи проводили по всем самым ужасным местам, сопровождая экскурсию познавательными комментариями[102].

В сценарий оказались вовлечены и украинцы из батальона «Нахтигаль». Они заставляли пригнанных в тюрьму евреев на коленях подползать к трупам и обмывать их[103], они раздирали платья женщинам и девушкам, чтобы фотографировать их полуобнаженными[104], они выдирали бороды старикам[105]. В работающих евреев внезапно бросали гранаты или вызывали у них панику прицельными выстрелами[106]. Кульминацией же служил снова и снова повторяемый ритуал наказания шпицрутенами. Как сообщает один из выживших евреев: «После того как мы справились с разбором гор трупов, нас заставили долго бегать по внутреннему двору, при этом мы должны были держать руки над головой. […] Во время бега, а может быть сразу после него я услышал немецкую команду “К шпицрутенам” или “Стройся для шпицрутенов”. Насколько я помню, эта команда была отдана кем-то из группы немецких военнослужащих, стоявших несколько в стороне от общей могилы и наблюдавших за нами все время. Группа состояла из 5 или 6 человек. Это были офицеры. […] По этому немецкому приказу украинские солдаты построились в две шпалеры и выставили штыки. Через эти шпалеры должны были пройти все находившиеся во дворе тюрьмы евреи, при этом украинские солдаты били и кололи их. Я не был в числе первых, которые должны были пройти через шпалеры. Чистая случайность. Первые евреи, которые должны были пройти, почти все были заколоты штыками»[107]. Всего во время этой срежиссированной расправы погибло 4 тыс. львовских евреев[108].

5. Ответственность и соучастие вермахта

Кто несет ответственность за расправу над евреями, определяется однозначно: городской комендант обладал всей полнотой власти уже с утра 30 июня, когда взятие города было за-

вершено[109]. В его распоряжении находились – помимо батальона 800 и обоих батальонов первой горнострелковой дивизии – отделение полевой жандармерии 693[110], батальон службы регулирования движения 760[111], группа 711 тайной полевой полиции[112], часть полевого запасного батальона 54[113], штаб саперного полка 620[114] и полевая комендатура 603[115]. Обещанный коменданту города резервный полицейский батальон 82 не прибыл в город или прибыл лишь частично[116]. Все эти подразделения либо входили в состав первой горнострелковой дивизии, либо были откомандированы XXXXIX корпусом или 17-й армией. Первого июля коменданту города было придано еще два батальона, взвод телеграфистов и десять грузовиков.[117] Обоснование этих принятых вечером 30 июня мер – «защита города Львов от мародерства и эксцессов любого рода, установление порядка»[118] – в последнее время используется как доказательство того, что командование вермахта «предпринимало усилия, чтобы прекратить эксцессы»[119]. Об этом не может быть и речи. Увеличение войскового контингента служило не защите евреев, а исключительно немецким интересам. Это было реакцией на потенциальную опасность, которую представляли тысячи вооруженных украинских националистов, вечером 30 июня совершенно неожиданно для немецких оккупантов провозгласивших независимое украинское государство[120], и угрозу эпидемии, которая исходила от гор трупов в тюрьмах и делала необходимым их немедленный вывоз[121]. Кроме того, оно было призвано решить проблемы, возникающие при прохождении через город, чья инфраструктура еще не восстановлена, многочисленных фронтовых дивизий[122] и расположения в городе различных командных пунктов[123]. Вдобавок ко всему ожидалось одобренное фюрером и назначенное на 1 июля прибытие большого числа немецких и иностранных журналистов[124]. Также 1 июля была создана подчиняющаяся комендатуре украинская администрация под руководством крайне антисемитски настроенного бургомистра Полянского, в чьем ведении находилась и милиция[125].

Кто брал на себя командование перед воротами тюрем и в них самих – офицеры первой горнострелковой дивизии, полевой жандармерии, тайной полевой полиции или полицейского батальона – точно реконструировать уже невозможно. На фотографиях можно видеть военнослужащих всех этих подразделений[126]. Руководство «работами по расчистке» было сначала возложено на штабсфельдфебеля Брахтхойзера, а с 1 июля – на лейтенанта Леммера[127]. Интересен в этой связи заключительный пассаж рапорта командира батальона 800: «30.6 и 1.7.41 начались силовые акции против евреев, частично принявшие характер ужасных погромов. Введенные в город полицейские части показали неспособность к выполнению стоящих перед ними задач. Своим грубым и безразличным поведением они подстрекали население против беззащитных. Войска, что показывают доклады из рот, возмущены жестокостью и садизмом. Они считают безжалостный суд над виновниками устроенной большевиками бойни абсолютно необходимым, но не понимают, зачем нужно мучить и расстреливать беспорядочно согнанных евреев, в том числе женщин и детей. Особенно это расшатывает дисциплину в украинских ротах. Они не отличают вермахта от полиции и начинают, так как видят в немецких солдатах пример для себя, колебаться в оценке немцев. Те же самые войска, которые вчера беспощадно расстреливали еврейских мародеров, отвергают бессердечные измывательства»[128]. Под «полицией» здесь подразумеваются полицейские подразделения вермахта, т.е. полевая жандармерия, тайная полевая полиция и, возможно, приданная вермахту часть полицейского батальона. Хайнц написал этот рапорт 1 июля. В XXXXIX корпусе его снабдили входящей пометкой «14.00». До этого момента других полицейских частей, кроме вышеназванных, в городе не было. Передовая группа зондеркоманды 4b прибыла во Львов 30 июня. Она заняла здание НКВД[129] и озаботилась обычными делами передовой группы: сохранение обнаруженных документов, подготовка к прибытию основного контингента и информирование штаба[130]. Свидетельств о ее участии в расправах нет[131]. Ничего не изменилось и когда на следующий день во Львов прибыли штаб айнзацгруппы, основная часть зондеркоманды 4b и айнзацкоманды 6. Главным поводом для беспокойства был кризис, связанный с действиями бандеровцев: провозглашение независимости Украины от 30 июня было поддержано 1 июля зачитанным по радио пастырским посланием митрополита Галицкого А. Шептицкого, в котором он признал новое украинское правительство. Из Берлина поступил приказ арестовать верхушку ОУН-Б во Львове и нормализовать обстановку в русле восточной политики Гитлера[132].

Не менее сложно, чем ответить на вопрос, какие части вермахта осуществляли оперативное командование на месте, точно установить размах участия немецких солдат в убийстве евреев. Существуют рассказы, согласно которым немецкие солдаты вместе с озверевшей толпой устремились к тюрьмам – при этом один фельдфебель «заколол штыком еврея»[133]. Другие свидетели описывают бесчинства группы солдат люфтваффе – месть за якобы убитых НКВД товарищей: «На входе в цитадель стояли солдаты с дрекольем и били им куда попало. Евреи, толпившиеся у входа, валились друг на друга, словно свиньи, и визжали подобно им же. Снова и снова некоторые из них поднимались, залитые кровью, и бежали наутек»[134]. Военнослужащие батальона 800, как свидетельствует вышеприведенный рапорт («беспощадно расстреливали еврейских мародеров»), также принимали участие в резне[135]. Нет никаких сомнений и в том, что украинцы батальона «Нахтигаль» и их немецкие соратники активно в ней участвовали. Вопреки утверждениям немецких офицеров о том, что личный состав «Нахтигаля» не покидал мест дислокации[136], доказано присутствие солдат батальона во всех трех тюрьмах.[137] Прежде всего, для тюрьмы НКВД существуют точные показания свидетелей[138], на основании которых боннская прокуратура установила, что как минимум часть второй роты «перешла к актам насилия против согнанных евреев и виновна в гибели многих евреев»[139]. Свидетельство сотрудника СД, который присутствовал при расстреле евреев военнослужащими батальона «Нахтигаль» во дворе гимназии[140], дает законные основания сомневаться в том, что круг преступников был ограничен только второй ротой, а место совершения преступлений – тюрьмой НКВД. Бойцы «Нахтигаля» были настроены более чем решительно: агиографическая литература о действиях батальона 800 во Львове рассказывает без обиняков, что украинцы были одержимы лишь одним – местью[141]. В отчете тайной полевой полиции говорится, что приданные ей при посредничестве «Нахтигаля» переводчики столь «фанатично настроены» по отношению к евреям, что «границы их использования […] в рамках воинской дисциплины» стали очевидны в первый же день[142]. Даже для не слишком дружелюбно относившегося к евреям политинструктора Оберлендера[143] состояние его солдат в эти дни стало поводом для беспокойства[144].

Насколько была задействована в убийствах дивизия Ваффен-СС «Викинг», неясно. По крайней мере, существуют улики, указывающие на полк «Вестланд», проходивший через Львов 1 июля[145]. Что касается 2 и 3 июля, то командир IV армейского корпуса сообщал, «что СС-дивизия "Викинг" со вчерашнего дня находится на дороге Львов–Золочев. Поставив грузовики поперек шоссе, она перекрыла всякое движение грузового транспорта и никого не пропускает. Отдельные военнослужащие отправились охотиться на евреев»[146].

6. Начало систематического истребления

Как долго продолжалась открытая охота на евреев, трудно установить точно: одни свидетели говорят о трех, другие – о десяти днях[147]. Все, однако, сходятся в том, что со 2 июля ситуация изменилась, что, впрочем, не означало прекращения убийств, а лишь смену подхода. «Everything began on Wednesday July 2» – так говорит об этом один из выживших[148]. Этим днем датируется первый расстрел евреев айнзацгруппой С. Ее основная часть – штаб группы, айнзацкоманды 5, 6 и особого назначения – прибыла во Львов 1 и 2 июля[149]. Один из участников событий, гауптшарфюрер СС Феликс Ландау, записал в свой дневник: «2.7.1941 около 16 часов мы прибыли в Лемберг. Первое впечатление: Варшава безобидна по сравнению с ним. Вскоре после прибытия нами расстреляны первые евреи. […] 3.7.1941 утром […] команда: строиться. В касках с карабинами, по 30 патронов. […] 500 евреев выведены на расстрел»[150]. С помощью украинской милиции тысячи еврейских мужчин были выгнаны на улицу и собраны на спортивной площадке неподалеку от штаба айнзацгруппы. Там их держали два дня под охраной взвода полицейского батальона 9. После того как отсеяли годных к работе, 2500–3000 евреев были расстреляны в роще на окраине города айнзацкомандами 5, 6 и особого назначения. К этому же времени относится и убийство 22 польских профессоров университета[151]. Айнзацгруппа детально информировала командование 17-й армии о своих действиях[152], в том числе после начала расстрелов во Львове: «Айнзацкоманда 6 (Штанд.фю. д-р Крегер) передает из Львова, здание НКВД: более 400 евреев расстреляно в качестве карательной меры за убитых украинцев. На очереди следующие 200. В Львове 150000 евреев»[153]. После этих первых систематических расстрелов

айнзацгруппа С двинулась дальше на восток, оставив в городе лишь айнзацкоманду особого назначения[154], которая сосредоточилась на создании в окрестностях Львова опорных пунктов[155], отчего, возможно, у оставшихся в городе евреев возникло обманчивое ощущение безопасности. Но вскоре айнзацкоманда напомнила о себе: с 25 по 28 июля 2000 евреев были расстреляны в качестве воздаяния за убийство в 1926 году еврейским террористом героя движения за независимость Украины Семена Петлюры[156].

Выкапывание трупов и их вывоз из тюрем продолжались и после прибытия айнзацгруппы С. Работами руководил назначенный комендантом города офицер[157]. Свидетели утверждают, что эти «работы по расчистке» продолжались минимум неделю[158]. Первая горнострелковая дивизия сняла с себя ответственность за них 4 июля – в этот день она покинула город. Вечером 3 июля Львов получил статус «тылового района армии», что привело к смене коменданта[159]: место полковника Винтергерста занял генерал-лейтенант Ренц[160]. Некоторые из находившихся во Львове подразделений, к примеру, полевая комендатура 603, перешли в распоряжение нового коменданта[161], 3 июля к ним добавились полицейский батальон 82 и группа тайной полевой полиции 708[162]. С 4 июля во Львове находился командный пункт охранной дивизии 454 и части этой дивизии[163]. Ее командир генерал-лейтенант Крантц перенял должность коменданта города 8 июля[164]. На следующий день город стал «тыловым районом группы армий»[165]. 12 июля вышло первое распоряжение нового командующего фон Рока: евреи должны быть удалены со всех управленческих постов, на еврейских лавках должен висеть опознавательный знак[166]. С 21 июля во всем тыловом районе группы армий были введены выход на принудительные работы и обязательное ношение звезды Давида[167]. Кроме того, евреев Львова заставили переселиться в специально обозначенный район города и выплатить контрибуцию в 20 миллионов рублей[168].

Располагавшиеся в первые недели июля 1941 года во Львове, равно как и проходившие через него части вермахта стали соучастниками и свидетелями пролога Холокоста на оккупированных восточных территориях, что не осталось без последствий. Для командования ответ на вопрос, кто виновен в убийствах в львовских тюрьмах, был ясен: «Русские и евреи ужасно здесь похозяйничали, устроили бойню в тюрьмах. Жертв – тысячи. Украинцы и немецкие военнопленные – просто ужас. Некоторых замуровали, а тюрьмы подожгли», – писал 30 июня офицер городской комендатуры своей жене[169]. Солдат 125 пехотной дивизии, прошедшей через Львов 2 июля, сообщал, как он стал в одной из тюрем «свидетелем еврейских, большевистских зверств». Ефрейтор первой горнострелковой дивизии сделал такой вывод: «Надо гораздо больше этих выродков ставить к стенке, чем делалось до сих пор»[170].

С этим образом врага и с этой готовностью к насилию солдаты вермахта шли дальше на восток. Говорить о том, что из-за этого война превратилась в «войну на уничтожение», неверно[171]. Однако наученные «опытом» Львова, Тарнополя, Золочева и других городов Галиции войска стали гораздо больше доверять агрессивной антисемитской пропаганде командования вермахта и оправдывать систематические убийства, которые с июля 1941 года регулярно происходили у них в тылу. Несогласных или протестующих против подобных мер было крайне мало[172]. Даже после окончания войны, во время допросов в Нюрнберге или позже в немецких судах, тогдашняя уверенность в том, что евреи были виновны в преступлениях НКВД, проявлялась вновь и вновь[173]. Командование XXXXIX корпуса, предположив 30 июня 1941 года, что «представляется сомнительным, что мы еще когда-нибудь сможем получить столь же пропагандистски полезные фото, как в Львове», оказалось право. И шанс был использован.

Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.
Heft 5. 2001. S. 409–427.
Перевод с немецкого И. Петрова.

---

1 Heeresgruppe Süd, Fernschreiben an AOK 17, 27.6 und 28.6.1941, BA-MA, RH 20-17/32; AOK 17/1a, FS an HGr Süd 29.6.1941, BA-MA, RH 24-49/14.

2 Generalkommando XXXXIX (Geb) AK/I a Korpsbefehl Nr. 19, 29.6.1941, BA-MA, RH 24-49/14.

3 Участвовали I GJR 99 и III GJR 98, см. I Gebirgsdivision/1a, Divisionsbefehl für die Wegnahme von Lemberg am 30.6, 29.6.1941, BA-MA, RH 28-1/23.

4 Bataillon 800, Kommandeur, Betr.: Schlußmeldung über Einnahme Lemberg und vollzogene Objektsicherung, 1.7.1941, BA-MA, RH 28-1/23.

5 Ibid.

[6] I Geb.Div., Kriegstagebuch, Eintragung 30.6.1941, BA-MA, RH 28-1/20.

[7] Gen.Kdo XXXXIX (Geb) AK/I a Befehl für den Stadtkommandanten von Lemberg, 29.6.1941, BA-MA, RH 28-1/23; AOK 17/1a an Gen.Kdo XXXXIX, Sonderanweisung „Lemberg“, 28.6.1941, BA-MA, RH 24-49/14.

[8] Aussage des ehemaligen Stabsoffiziers der Stadtkommandatur von lemberg, Hauptmann Meyding in Landsberg/Lech am 20.4.1964, Landsgericht Fulda, 2 O 283/59, Oberländer gegen Fuldaer Verlagsanstalt; Зандкюлер расплывчато говорит о занятии города 29/30 июня, см.: **Sandkühler T.** "Endlösung in Galizien". Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz, 1941–1944. Bonn, 1996. S. 115; Мусял называет в качестве даты 29 июня: **Musial B.** "Konterrevolutionäre Elemente sind zu erschießen". Die Brutalisierung des deutsch-sowjetischen Krieges im Sommer 1941. Berlin/München, 2000. S. 152.

[9] Btl. 800, Schlußmeldung vom 1.7.1941; Anlage zu Bat. 800, Schlußmeldung vom 1.7.1941.

[10] См.: **Musial B.** "Konterrevolutionäre Elemente...". S. 102ff. Первое исследование темы было проведено Альфредом де Заясом: **Zayas A. de.** Die Wehrmachtsuntersuchungsstelle. Deutsche Ermittlungen über alliierte Völkerrechtsverletzungen im Zweiten Weltkrieg. München, 1989. S. 333–359.

[11] Gericht der Feldkommandatur 603, Bericht vom 30.6.1941, BA-MA, RH 24-49/161.

[12] См. Geheime Feldpolizei-Gruppe 711, Betr.: Wahrnehmungen über die bolschewistischen Bluttaten in Lemberg 7.7.1941, BA-MA, RH 26-454/6b; Ereignismeldung Nr. 24 vom 16.7.; **Zayas A. de.** Die Wehrmachtsuntersuchungsstelle. S. 346.

[13] Vernehmung Dr. Sältzer durch den Armeerichter Möller am 6.7.1941, BA-MA, RW 2/149 S. 339 ff; Bericht der GFP-Gruppe 711 vom 7.7.41; **Zayas A. de.** Die Wehrmachtsuntersuchungsstelle. S. 346.

[14] Gen.Kdo XXXXIX AK, KTB, Eintragung 30.6.1941, BA-MA, RH 24-49/8.

[15] Feldpostbrief Eugen Meyding, 30.6.1941, LG Fulda 2 283/59.

[16] GJR 99, Funkspruch an I Geb.Div. vom 30.6.41, 8.00 Uhr, BA-MA, RH 28-1/24.

[17] I Geb.Div KTB, Eintragung 1.7.1941, BA-MA, RH 28-1/20.

[18] Mitteilungen für die Truppe, hrsg. Vom OKW/WFSt/WPr (II.e), Nr. 116, Juni 1941.

[19] Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Sämtliche Fragmente / Hrsg. Elke Fröhlich. Bd. I/4: 1.1.1940–8.7.1941. München, 1987. S. 736f, 739, 741.

[20] Для Рейха см. Meldungen aus dem Reich, Nr. 205, Nr. 207, 24.7 und 31.7.1941 BA Koblenz, R 58/162, Bl.197f., 260; для фронта см. S. 20.

[21] **Kosyk W.** L'Allemagne national-socialiste et l'Ukraine. Paris, 1986. S. 154ff; **Subtelny O.** Ukraine: A History. Toronto; Buffalo; London, 1989. S. 463ff.

[22] **Heimann L.** The saved Jews. Ukrainian patriots defied Nazis // The Ukrainian Quarterly. Vol. XVII. Number 4. Winter 1961. S. 320, 322.

[23] **Hilberg R.** Die Vernichtung der europäischen Juden. Bd. 3. Frankfurt a.M., 1990. S. 325f; **Pohl D.** Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941bis 1944. München, 1996. S. 62; **Sandkühler T.** "Endlösung in Galizien". S. 114, **Dallin A.** Deutsche Herrschaft in Russland 1941–1945. Düsseldorf, 1958. S. 129.

[24] **Hoffmann J.** Die Kriegsführung aus der Sicht der Sowjetunion // Der Angriff auf die Sowjetunion / Hrsg. Horst Boog (= Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd.4). Stuttgart, 1983. S. 782; **Zbikowski A.** Local Anti-Jewish Pogroms in the Occupied Territories of Eastern Poland, June-Jule 1941 // The Holocaust in the Soviet Union: studies and sources on the destruction of the Jews in the Nazi-occupied territories of the USSR, 1941–1945 / Ed. Lucjan Dobroszycki, Jeffrey S. Gurock. N.Y., 1993. S. 175.

[25] **Musial B.** "Konterrevolutionäre Elemente...". S. 174f. Автор умалчивает как о преследованиях, которым подвергалось еврейское население в Польской Республике, так и об их тяжелом положении во время советской оккупации и подкрепляет свои утверждения о еврейском коллаборационизме лишь расплывчатыми кванторами «не все евреи... немало евреев» (S. 73f), «довольно много евреев» (S. 76). См. для сравнения тщательное исследование: **Korzec P., Szurek J.-C.** Jews and Poles Under Soviet Occupation (1939–1941): Conflicting Interests // Polin: A Journal of Polish-Jewish Studies. Vol. 4 (1989). S. 204–225. Показательно, что Мусял эту работу не упоминает. Современные исторические оценки см.: **Sandkühler T.** "Endlösung in Galizien". S. 57ff; **Pohl D.** Nationalsozialistische Judenverfolgung. S. 29ff.

[26] **Bräutigam O.** Aufzeichnung 25.10.1942, Nürnberger Dokumente 194-PS, XXV, S. 340.

[27] **Rosenberg A.** Instruktionen für den Reichskommissariat in der Ukraine, 7.5.1941, Nürnberger Dokumente 1028-PS, XXVI.

[28] **Dallin A.** Deutsche Herrschaft. S. 117ff; **Kosyk W.** L'Allemagne national-socialiste. S. 63ff, 94ff.

[29] **Armstrong J.A.** Ukrainian Nationalism 1939–1945. N.Y.; London, 1963. S. 28.

[30] **Motyl A.J.** The turn to the right: the ideological origins and development of Ukrainian nationalism, 1919–1929. Boulder Co, 1980. S. 73.

[31] **Wachs P.-C.** Der Fall Theodor Oberländer (1905–1998). Ein Lehrstück deutscher Geschichte. Frankfurt a.M; N.Y., 2000. S. 56.

[32] **Kennan G.F.** Diplomat in Prag. Frankfurt a.M, 1972. S. 81.

[33] Vermerk Erwin Lahousen, 14.9.1939 // Groscurth H. Tagebücher eines Abwehroffiziers. Stuttgart, 1970. S. 357, см. также показания Лахузена в Нюрнберге: Internationaler Militärgerichtshof. Bd. 2. S. 485ff; Bd. 3. S. 9ff.

[34] Цит. по: **Golczewski F.** Ukrainische Reaktionen auf die deutsche Besetzung. 1939/41 // Anpassung, Kollaboration, Widerstand: kollektive Reaktionen auf die Okkupation / Hrsg. Wolfgang Benz. Berlin, 1996. S. 203.

[35] Цит. по: **Pohl D.** Nationalsozialistische Judenverfolgung. S. 41.

[36] **Kosyk W.** L'Allemagne national-socialiste. S.143ff; **Wachs P.-C.** Der Fall Theodor Oberländer. S. 63ff.

[37] Aussage Stolze am 11.2.46 // Internationaler Militärgerichtshof. Bd. 7. S. 303.

[38] **Musial B.** "Konterrevolutionäre Elemente...". S. 49f.

[39] **Pohl D.** Nationalsozialistische Judenverfolgung. S. 57.

[40] **Szende S.** Der letzte Jude aus Polen. Zürich; N.Y., 1945. S. 172; **Gerstenfeld-Maltiel J.** My Private War. One Man's Struggle to Survive the Nazis and the Soviets. London; Portland, 1993. S. 49; **Wells L.W.** The Death Brigade. N.Y., 1978. S. 34; **Yones E.** Die Straße nach Lemberg: Zwangsarbeit und Widerstand in Ostgalizien 1941–1944. Frankfurt a.M. S. 15f.

[41] Aussage von M.G. vor der StA Bonn, цит.по: **Raschhöfer H.** Der Fall Oberländer. Eine vergleichende Rechtsanalyse der Verfahren in Pankow und Bonn. Tübingen, 1962. S. 39; Aussage Bogdan Kazaniewskyj durch Armeerichter Möller am 7.7.1941, BA-MA, RW 2/149, S. 350ff.

[42] **Musial B.** "Konterrevolutionäre Elemente...". S. 105; **Szende S.** Der letzte Jude. S. 172.

[43] **Pohl D.** Nationalsozialistische Judenverfolgung. S. 61.

[44] **Szende S.** Der letzte Jude. S. 173; этот факт подтвержден в беседе в министерстве восточных территорий 8.7.1941: Rücksprache nit SS-Ostuf Beyer, HSSPF, BAK, R 6/150, Bl.2 RS.

[45] **Szende S.** Der letzte Jude. S. 173, см. также: **Friedman P.** The Destruction of the Jews of Lwow, 1941–1944 // Roads to Extinction: Essays on the Holocaust. N.Y.; Philadelphia, 1980. S. 317.

[46] **Pohl D.** Nationalsozialistische Judenverfolgung. S. 48, 57.

[47] I Geb.Div/Ic., Berichte, Gefangenenverhör am 26.6 und 28.6. 1941, BA-MA, RH 28-1/28; **Raschhöfer H.** Der Fall Oberländer. S. 60f.

[48] BA Berlin, R 58/214, Ereignismeldung UdSSR Nr. 10, 2.7.1941; о Штюльпнагеле см.: Christian Streit Angehörige des militärischen Widerstandes und der Genozid an den Juden im Südabschnitt der Ostfront // Ueberschär G. R. NS-Verbrechen und der militärische Widerstand gegen Hitler. Darmstadt, 2000. S. 90–103.

[49] Helmut Krausnik Hitlers Einsatzgruppen, Die Truppe des Weltanschauungskrieges 1938–1942. Frankfurt a.M, 1985. S. 145.

[50] Ibid. S. 180.

[51] Батальон был передан 25.6 AOK 17 в XXXXIX AK и 29.6 в первую горнострелковую дивизию для использования по «особому назначению»: AOK 17/Ia Fernschreiben an XXXXIX AK 25.6.1941, BA-MA, RH 24-49/14; I Geb.Div. KTB Eintragung 29.6.1941, BA-MA, RH 28-1/20; об истории соединения см.: **Spaeter H.** Die Brandenburger – Eine deutsche Kommandotruppe – z.b.V. 800. München, 1978; **Brockdorff W.** Geheimkommandos des Zweiten Weltkrieges. Wels, 1983.

[52] При выборе бойцов для «Нахтигаля» ОУН-Б уделяла особое внимание набору жителей Лемберга и окрестностей: **Wachs P.-C.** Der Fall Theodor Oberländer. S. 64.

[53] AOK 17, „Sonderanweisung Lemberg" vom 28.6.1941; AOK 17/Chef des Generalstabes 28.6.1941, BA-MA, RH 20-17/46.

[54] AOK 17/Ia, Verkehrsregelung Lemberg, 28.6.1941, BA-MA, RH 24-49/14.

[55] I Geb.Div, KTB Eintrag 30.6.1941, BA-MA, RH 28-1/20; Fernmündl.Gespräch Kdr.I Geb.Div. mit Major Fleischmann 30.6, BA-MA, RH 28-1/23; насколько строгим был контроль, показывает тот факт, что специального уполномоченного абвера проф. Коха поначалу не пустили в город, также был запрещен проход интенданту XXXXIX AK: Rücksprache mit Prof.Koch am 11.7.41, BAK R 6/150, Bl. 4; Gen.Kdo. XXXXIX AK AK/Abt. Qu Tätigkeitsbericht 20.6–15.8.1941, Eintragung 30.6.1941, BA-MA, RH 24-49/253.

[56] I Geb.Div, KTB Eintrag 1.7.1941, BA-MA, RH 28-1/20.

[57] Fernmündl.Gespräch Kdr.I Geb.Div. mit Major Fleischmann 30.6.

[58] Ibid.

[59] Btl 800, Schlußmeldung vom 1.7.41.

[60] **Kleiner R.** Erinnerrungen aus der Besatzungszeit 1941–1945; Bericht eines anonymen Juden über die sowjetische und deutsche Besatzung in Lemberg 1941, Jüdisches Historisches Institut Warschau; цит по: **Musial B.** Konterrevolutionäre Elemente. S. 267.

[61] Bericht Erna Klinger, Jüdisches Historisches Institut, 301/1096, S. 1; цит по: **Musial B.** Konterrevolutionäre Elemente. S. 267.

[62] Jerzy Pilecki; цит по: **Musial B.** Konterrevolutionäre Elemente. S. 267; то же у Erna Klinger, см. прим. 61.

[63] Большинство свидетельств тех, кто посещал тюрьмы 28-29.6, не содержат в отличие от поздних свидетельств указаний на то, что трупы изувечены: Vernehmung von B.K. und L.P. durch den Armeerichter Möller, BA-MA, RW 2/149, S. 355, 347; Aussage W. Vor der StA Bonn, цит. по: **Raschhöfer H.** Der Fall Oberländer. S. 59f; Gespräch A.K. mit de Zayas, Wehrmachtsuntersuchungsstelle, S. 352; также первый рапорт батальона 800 не содержит подобных указаний: Gen. Kdo. XXXXIX AK/Ic, Tagesmeldung 30.6.41, BA-MA, Bd.18253/I, S. 65.

[64] **Pohl D.** Nationalsozialistische Judenverfolgung. S. 56.

[65] Gen.Kdo. XXXXIX AK/Ia Korpsbefehl 29.6.1941, BA-MA, RH 24-49/14.

[66] Btl 800, Schlußmeldung vom 1.7.41.

[67] Aussage Picker im Nürnberger Prozess, 5.7.1946, цит. по: **Zayas A. de.** Wehrmachtsuntersuchungsstelle. S. 347.

68 GJR 99, Funkspruch an I Geb.Div. vom 30.6.41, 8.00 Uhr, BA-MA, RH 28-1/24.

69 FK 603, Bericht vom 30.6.41; Vernehmung Dr. Sältzer durch den Armeerichter Möller am 6.7.1941, BA-MA, RW 2/149, Bl. 139ff.

70 Aussage Picker im Nürnberger Prozess, 5.7.1946, цит. по: **Zayas A. de.** Wehrmachtsuntersuchungsstelle. S. 346.

71 GFP-Gruppe 711, Bericht vom 7.7.1941.

72 FK 603, Bericht vom 30.6.41; согласно справке из бундесархива Кобленц, рота была приписана дивизии «Викинг», существует фотоальбом одного из трех эсэсовцев (Лоссы) с фотографиями полка «Вестланд» (принадлежавшего «Викингу»), датированный летом 1941 г.

73 Gen.Kdo. XXXXIX AK/Ic, An AOK 17, 30.6.41 (приписка от руки: 21.30 телефоногр. перед. капит. Шуоном), BA-MA, RH 24-49/161.

74 AOK 17/ Abt. 1c/AO Tätigkeitsbericht 15.1–12.12.1941, Eintragung 30.6.1941, BA-MA, RH 20-17/38.

75 **Yones E.** Die Straße nach Lemberg. S. 18.

76 **Szende S.** Der letzte Jude. S. 179; **Tenenbaum J.** In Search of a Lost People. N.Y., 1948. S. 115; **Friedman P.** The Destruction of the Jews. S. 246.

77 Ibid.; Aussagen Kreppel, Winkler und Picker im Nürnberger Prozess, 5.7.1946; цит. по: **Zayas A. de.** Wehrmachtsuntersuchungsstelle. S. 346f.

78 Объезд командира дивизии по еще «не взятому полностью под контроль» Лембергу был завершен около 10.00: I Geb.Div, KTB Eintrag 30.6.1941, BA-MA, RH 28-1/20.

79 Gen.Kdo. XXXXIX AK, KTB недостает S. 173f; подобный пробел имеется и в присланной позже в архив выписке из KTB der IV Abt./Geb.Art.Rgt 79-1 Geb.Div. – там нет информации о событиях между 12.00 и 16.00, BA-MA, MS g 2/97.

80 Oberstaatsanwaltschaft Bonn, 8 Js 344/59, Verfügung vom 5.8.1960, S. 23 Автор благодарит Филиппа-Кристиана Вакса за возможность просмотра документов.

81 **Yones E.** Die Straße nach Lemberg. S. 18.

82 **Pohl D.** Nationalsozialistische Judenverfolgung. S. 58.

83 OStA Bonn, Verfügung vom 5.8.1960, S. 22.

84 OStA Bonn, Verfügung vom 5.8.1960, S. 21, 29 (Brand), 30 (Goldberg), 31 (Jones), 33 (Feinsilber).

85 OStA Bonn, Verfügung vom 5.8.1960, S. 25 (Teske, Spindler), 26 (Schmidt, Spod), 27 (Strenberg), 28 (Buchner), 29 (Brand), 30 (Goldberg), 31 (Jones).

86 OStA Bonn, Verfügung vom 5.8.1960, S. 28 (Buchner); Raschhöfer, Der Fall Oberländer, S. 53ff (Jones), 56ff (Brand), 58f (Goldberg).

87 OStA Bonn, Verfügung vom 5.8.1960, S. 31f (Jones).

88 Amtsgericht Bonn 43, GS 1635/60, Aussage Irene Feinsilber am 30.6.1960; ähnlich Aussage Brand, OStA Bonn, Verfügung vom 5.8.1960, S. 42.

89 **Szende S.** Der letzte Jude. S. 174, 179; или: **Friedman P.** The Destruction of the Jews. S. 246.

90 LG Fulda, Aussage Meyding, 20.4.1964.

91 LG Fulda, Aussage Meyding, 17.3.1963.

92 См. высказывание инструктора «Нахтигаля » Оберлендера: **Wachs P.-C.** Der Fall Theodor Oberländer. S. 74.

93 OStA Bonn, Verfügung vom 5.8.1960, S. 34 (Goldberg), 37 (Jones), 39 (Reiss), 41 (Feinsilber), 42 (Brand).

94 Aussage Jones, OStA Bonn, Verfügung vom 5.8.1960, S. 32.

95 Aussage Reiss, OStA Bonn, Verfügung vom 5.8.1960, S. 39.

96 **Yones E.** Die Straße nach Lemberg. S. 20.

97 Aussage Sternberg und Schmidt Jones, OStA Bonn, Verfügung vom 5.8.1960, S. 27, цит. по: **Raschhöfer H.** Der Fall Oberländer. S. 44.

98 Aussage Jones, OStA Bonn, Verfügung vom 5.8.1960, S. 37.

99 **Yones E.** Die Straße nach Lemberg. S. 20.

100 Ibid.; см. фотографии в BA-MA, RH 24-49/161, MS g 2/97; также фото в изданном 4-й горнострелковой дивизией сборнике воспоминаний: Gebirgsjäger erleben Serbien und die Ukraine. München, 1942.

101 GFP-Gruppe 711, bericht vom 7.7.1941.

102 **Sandkühler T.** “Endlösung in Galizien”. S. 116; I Geb.Div, KTB BA-MA, RH 28-1/284, Bl. 33; об экскурсиях см.: **Raschhöfer H.** Der Fall Oberländer. S. 43f.

103 **Musial B.** Konterrevolutionäre Elemente, Foto 10 (nach eigener Zahlung).

104 Aussage Feinsilber vom 30.6.60, AG Bonn.

105 Aussage Jones, OStA Bonn, Verfügung vom 5.8.1960, S. 38; **Yones E.** Die Straße nach Lemberg. S. 21f.

106 Aussage Jones, OStA Bonn, Verfügung vom 5.8.1960, S. 37.

107 Aussage Goldberg, OStA Bonn, Verfügung vom 5.8.1960, S. 34f; см. также: Grynbardt, Ibid., S. 42.

108 **Pohl D.** Nationalsozialistische Judenverfolgung, S.61; **Sandkühler T.** “Endlösung in Galizien”. S. 119.

109 Вакс ошибочно датирует учреждение городской комендатуры 2 июля (**Wachs P.-C.** Der Fall Theodor Oberländer. S. 83), опираясь на данные боннской прокуратуры (OStA Bonn, Verfügung vom 5.8.1960, S. 24); на самом деле уже 29 июня AOK 17 говорит о создании «городской комендатуры под началом полковника Винтергерста»: AOK 17/OQu/Qu 2 Betr: Ordnungsdienste, 29.6.1941, BA-MA, RH 20-17/557.

110 Sonderanweisung „Lemberg“, 28.6.1941; AOK 17/OQu Ordnungsdienste, 29.6.1941, BA-MA, RH 20-17/557; 454 Sicherungsdivision/Abt.Ia, Divisionsbefehl für die Übernahme der Sicherung der Stadt Lemberg, 8.7.1941, BA-MA, RH 26-454/6b.

111 Sonderanweisung „Lemberg“, 28.6.1941.

112 Bericht der GFP-Gruppe 711, 7.7.1941, 1 июля в Лемберге появилась и группа 13; AOK 17, Tätigkeitsbericht 15.5–12.12.1941, BA-MA, RH 20-17/769.

113 I Geb.Div./Abt.Qu, Tätigkeitsbericht Ib 24.4–10.8.1941,

Eintragung 30.6.1941, BA-MA, RH 28-1/215; I Geb.Div KTB Eintragung 30.6.1941, BA-MA, RH 28-1/20.

[114] Geb.Pi.Rgt.Stab 620 Kdr., Bericht über die Tätigkeit des Geb.Pi.Rgt.Stabes 620 in Lemberg, 10.7.1941, BA-MA, RH 24-49/19.

[115] Gen.Kdo XXXXIX AK/I a Befehl 30.6.1941, BA-MA, RH 28-1/24.

[116] Befh.rückw.Heeresgebiet 103, Fernspruch an Sich. Div.454, 28.6.1941, BA-MA, RH 22/4. Добавление от руки: «отменено, батальон остается при 454». Телефонограмма того же содержания содержит приписку от руки «отправлена только 1 рота, в распор. 444». В телефонограмме AOK от 1.7 затребовано отправить в Лемберг «еще две роты», AOK 17/ Abt.OQ, Fernspruch an – Befh.rückw.Heeresgebiet 103, 1.17.1941, BA-MA, RH 20-17/568.

[117] Gen.Kdo XXXXIX AK/I a Korpsbefehl Nr. 22, 30.6.1941, BA-MA, RH 24-49/14; 71 ID Eintragung 1.7.1941, BA-MA, RH 26-71/5.

[118] Gen.Kdo XXXXIX AK/I a Korpsbefehl, 30.6.1941.

[119] **Musial B.** Konterrevolutionäre Elemente. S. 245 ff; **Pohl D.** Nationalsozialistische Judenverfolgung. S. 61; последний датирует вмешательство 2.7.

[120] Подробности см.: **Dallin A.** Deutsche Herrschaft. S. 129f; **Wachs P.-C.** Der Fall Theodor Oberländer. S. 85f, 89ff.

[121] 17 AOK/OQu KTB, Eintragung 1.7.1941, BA-MA, RH 20-17/556.

[122] Проблемы создавала, прежде всего, дивизия Ваффен-СС «Викинг», см. AOK 17/Ia, Meldungen an die HGr. Süd 2.7, 3.7.1941, BA-MA, RH 20-17/38.

[123] Gen.Kdo XXXXIX AK KTB Eintragung 2.7.1942, BA-MA, RH 24-49/8; 17 AOK, Tätigkeitsbericht OQu 1.7–15.7.1941, Eintragung 2.7.1941, BA-MA, RH 20-17/568.

[124] Из-за отсутствия самолета возникла задержка на один день, AOK 17/IC/AO, Tätigkeitsbericht, Eintragungen 1.7.1941, 2.7.1941, BA-MA, RH 20-17/38.

[125] Pi.Rgt.Stab 620, Bericht, 10.7.1941.

[126] **Musial B.** Konterrevolutionäre Elemente. Fotos Nr. 5, 9, 10 (nach eigener Zahlung); Fotos im Militärarchiv Freiburg: BA-MA, MS g 2/97, RH 20-17/768 (Foto 1545/17).

[127] FK 603, Bericht, 30.6.1941; Vernehmung Lemmer durch Armeerichter Möller 7.7.1941, BA-MA, RW 2/149, S. 350ff.

[128] Bat. 800, Schlußmeldung, 1.7.1941; в свою очередь, подчиненные XXXXIX AK полицейские силы перекладывали вину на украинцев и сообщали, что они изо всех сил «давили еврейские погромы в зародыше»: BA-MA, RH 20-17/538.

[129] **Sandkühler T.** "Endlösung in Galizien". S. 115f.

[130] Ereignismeldung Nr. 9, 1.7.1941.

[131] Шеф айнзацгрупп Раш якобы в этой связи резко критиковал зондеркоманду 4b, см.: **Pohl D.** Nationalsozialistische Judenverfolgung. S. 68.

[132] **Wachs P.-C.** Der Fall Theodor Oberländer. S. 76ff, 89f; Ereignismeldung Nr. 10, 2.7.1941; или: **Musial B.** Konterrevolutionäre Elemente. S. 253.

[133] **Pohl D.** Nationalsozialistische Judenverfolgung. S. 60, там же дальнейшие свидетельства – S. 59.

[134] Aus dem Tagebuch des SD-Angehörigen Felix Landau // Klee E., Dreßen W., Rieß V. „Schöne Zeiten". Judenmord aus der Sicht der Täter und Gaffer. Frankfurt a.M, 1988. S. 90.

[135] Bat. 800, Schlußmeldung, 1.7.1941.

[136] **Raschhöfer H.** Der Fall Oberländer. S. 45ff, 74f.

[137] **Wachs P.-C.** Der Fall Theodor Oberländer. S. 74; см. также: «Gruppe Nachtigall», 3 Kp.Meldung 2.7.1941, BA-MA, RH 20-49/161.

[138] См. прим. 107.

[139] OStA Bonn, Verfügung vom 5.8.1960, S. 53.

[140] Vernehmung H.O. 21.2.1964, Landesarchiv Schleswig-Holstein, Abt. 352, Lübeck/1734, Bl. 1194f. Цит. по: **Sandkühler T.** "Endlösung in Galizien". S. 488. Anm. 21, «Нахтигаль» был расквартирован в бывшей немецкой гимназии невдалеке от ратуши, OStA Bonn, Verfügung vom 5.8.1960, S. 72.

[141] **Brockdorff W.** Geheimkommandos. S. 130ff; **Spaeter H.** Die Brandenburger. S. 169ff.

[142] Bericht der GFP-Gruppe 711, 7.7.1941.

[143] **Golczewski F.** Ukrainische Reaktionen auf die deutsche Besetzung. S. 210f.

[144] Brief Oberländers an seine Frau, 2.7.1941; цит.по: **Wachs P.-C.** Der Fall Theodor Oberländer. S. 86.

[145] **Pohl D.** Nationalsozialistische Judenverfolgung. S. 60. Anm. 103.

[146] AOK 17/Chef Generalstab, Fernmündlich an Ia IV AK, 3.7.1941, 10.50 Uhr, BA-MA, RH 20-17/46.

[147] **Friedman P.** The Destruction of the Jews. S. 246; **Szende S.** Der letzte Jude. S. 180; **Yones E.** Die Straße nach Lemberg. S. 24.

[148] **Gerstenfeld-Maltiel J.** My Private War. S. 55.

[149] **Pohl D.** Nationalsozialistische Judenverfolgung. S. 68ff.

[150] Klee Dreßen/ Rieß Schöne Zeiten, S.89.

[151] **Pohl D.** Nationalsozialistische Judenverfolgung. S. 69; описание последующих событий см.: **Held T.** Vom Pogrom zum Massenmord: Die Vernichtung der jüdischen. Bevölkerung Lembergs im Zweiten Weltkrieg // **Fässler P. u.a.** Lemberg-Lwow-Lviv. Eine Stadt im Schnittpunkt europäischer Kulturen. Köln, 1995. S. 113–166. Автор благодарит Томаса Хельда за возможность ознакомиться с его коллекцией свидетельских показаний.

[152] AOK 17/Ic/AO Tätigkeitsbericht, Eintragung 25.6.1941, BA-MA, RH 20-17/769.

[153] Ibid., Eintragung 5.7.1941.

[154] **Pohl D.** Nationalsozialistische Judenverfolgung. S. 69.

[155] Berück 103/Abt Ic, Betr. Maßnahmen auf dem Ic Gebiet, BA-MA, RH 22/5.

[156] **Sandkühler T.** "Endlösung in Galizien". S. 126.

[157] Vernehmung Lemmer durch Armeerichter Möller 7.7.1941, BA-MA, RW 2/149, S. 350ff.

[158] Maina Strutyuska, 28.12.1977; **Zayas A. de.** Die Wehrmachtsuntersuchungsstelle. S. 352.

[159] AOK 17/Chef, 3.7.1941, BA-MA RH 24-49/15.

[160] Geb.Art.Kdo.132 an Gen.Kdo. XXXXIX AK, 4.7.1941, BA-MA, RH 24-49/15.

[161] AOK 17/OQu, Tätigkeitsbericht 1.7–15.7.1941, Eintragung 2.7.1941, BA-MA, RH 20-17/568.

[162] Ibid.; Fernschreiben an Befh.rückw. Heeresgeb. 103, 1.7.1941; 454 Sich.Div/Abt.Ia, Divisionsbefehl, 3.7.1941, BA-MA, RH 26-454/6b.

[163] 454 Sich.Div, Divisionsbefehl, 3.7.1941.

[164] 454 Sich.Div /Abt.Ia, Divisionsbefehl für die Übernahme der Sicherung der Stadt Lemberg, 8.7.1941, BA-MA, RH 26-454/6b.

[165] Heeresgruppe Süd/Ib, Besondere Anordnung für Sicherung Nr. 3, 6.7.1941, BA-MA, RH 26-454/6b.

[166] Berück/Abt.VII, I Anweisung zur Durchführung der besonderen Anordnung, 12.7.1941, BA-MA, RH 22/5.

[167] Berück/Abt.VII, V Anweisung zur Durchführung der besonderen Anordnung, 21.7.1941, BA-MA, RH 22/5.

[168] **Sandkühler T.** "Endlösung in Galizien". S. 116.

[169] Цит. по: **Wachs P.-C.** Der Fall Theodor Oberländer. S. 82. Anm. 88.

[170] Цит. по: **Manoschek W.** "Es gibt nur eines für das Judentum: Vernichtung". Das Judenbild in deutschen Soldatenbriefen 1939–1944. Hamburg, 1995. S. 31, 41.

[171] Так формулирует Мусял – в полном неведении о планах и приказах операции «Барбаросса» – уже в подзаголовке своей книге, еще резче на стр. 292.

[172] **Pohl D.** Nationalsozialistische Judenverfolgung. S. 62. Anm. 185; **Musial B.** Konterrevolutionäre Elemente. S. 243f.

[173] Zeugen St., W, v.B.; цит. по: **Raschhöfer H.** Der Fall Oberländer. S. 43, 44, 60, 79; Aussage Picker im Nürnberger Prozess, 5.7.1946; цит. по: **Zayas A. de.** Wehrmachtsuntersuchungsstelle. S. 347.

Адам Цира

Бандеровцы в концентрационном лагере Аушвиц

Пребывание в заключении в концентрационном лагере Аушвиц украинских националистов, ранняя деятельность которых была связана преимущественно с территорией Юго-восточных окраин (Кресов) II Республики Польша, является малоизвестным фактом. Чтобы выяснить, почему они были направлены в этот нацистский лагерь, необходимо хотя бы вкратце напомнить об их предыдущей более чем десятилетней деятельности.

1. Возникновение Организации украинских националистов и роль Степана Бандеры

В 1929 г. на Юго-восточных окраинах II Республики Польша начала нелегальную деятельность Организация украинских националистов (ОУН). Показателем деятельности этой организации были сформулированные в июне 1929 г. «Десять заповедей украинского националиста» («Декалог»).[1] Их автором был студент философии Степан Ленкавский, один из организаторов и участник I Конгресса ОУН, состоявшегося в Вене в 1929 г.[2] В качестве идеологии ОУН Конгресс принял в виде резолюции доктрину украинского национализма, сформулированную Дмитрием Донцовым.[3]

Уже упомянутый «Декалог украинского националиста» был адаптирован к этой доктрине[4] и получил широкое распространение ещё до возникновения ОУН. ОУН быстро превратилась в опасную для польского государства организацию[5], добивающуюся создания независимого и единого украинского государства путём беспощадной вооружённой борьбы.

«Члены ОУН – пишет Гжегож Мотыка – были сторонниками так называемой перманентной революции, отвергающей любой компромисс с «оккупантами». Поэтому неоднократно считали вредителями национальному делу тех украинцев, которые стремились к компромиссу с поляками. Главным образом приверженцами ОУН была украинская молодёжь».[6]

Уже в следующем году члены этой организации начали саботажно-диверсионные и террористические акции против поляков, а также украинцев, стремящихся к соглашению с Польшей.[7]

«Для краевого руководства ОУН террор был средством, которое должно было вызвать всеобщее антипольское восстание. Террористические акты вместе с реакцией польских властей должны были довести украинское население до состояния непрерывного революционного кипения, а в подходящий момент – к поднятию оружия и окончательной расправе над врагом» – утверждает украинский историк Ярослав Грицак.[8]

Особенно громким террористическим актом было убийство по приказу ОУН министра внутренних дел полковника Бронислава Перацкого, произошедшее 15-го июня 1934 года.[9] Это преступление совершил в Варшаве молодой украинец Григорий (Гриц) Мацейко.[10] Самого его арестовать не смогли, однако были схвачены более десяти других националистов, связанных с ним.

Спустя два года на варшавском процессе были вынесены приговоры. Студента-агронома львовского Политехнического института Степана Бандеру[11], давшего согласие на совершение покушения, приговорили к смертной казни, с заменой на пожизненное заключение на основании амнистии; студента философии Ягеллонского Университета в Кракове Николая (Мыколу) Климишина – к пожизненному заключению; стажёра-юриста Ярослава Рака – к четырём годам тюремного заключения.[12] К смертной казни, заменённой пожизненным заключением, также был приговорён соратник Степана Бандеры и главный организатор покушения, выпускник гимназии Николай (Мыкола) Лебедь.[13] Украинские националисты, приговорённые на этом и других процессах, отбывали заключение в различных исправительных учреждениях Польши (главным образом во Вронках, Равиче, в Святом Кресте и Березе Картуской). На Пасху 1939 года многих из них пере-

везли в тюрьмы Седлеца и Бреста-над-Бугом. Удалось им покинуть тюремные застенки в сентябре 1939 г., когда Польша оказалась под германской и советской оккупацией.[14]

2. Украинский вопрос в политике III Рейха и причина репрессий против бандеровцев

После окончания военных действий в 1939 году и начала оккупации польских земель, большинство активистов ОУН перебрались в западную Малую Польшу, надеясь на помощь гитлеровской Германии в строительстве независимой Украины. Одним из главных центров украинских националистов стал Краков. Там находились Николай Климишин и Лев Ребет из Стрыя. Ребет после ареста и осуждения Степана Бандеры руководил Краевой экзекутивой ОУН на западно-украинских землях перед войной, замещая последнего.[15] Функции референта «Службы безопасности» в упомянутой Краевой экзекутиве с 1939 года исполнял Богдан Рыбчук. В состав этой экзекутивы как референт по идеологическим вопросам также входил Петро Мирчук.[16] Позже оба последних попали в заключение в концлагерь Аушвиц.

В 1940 году произошёл раскол ОУН на бандеровцев и мельниковцев. Это случилось 10 февраля 1940 года на съезде организации в Кракове. Степан Бандера вместе с другими своими сторонниками – среди них были Николай Климишин и Ярослав Рак – отказались повиноваться Андрею Мельнику. Мельниковцы (так называемая «старая генерация») были намного более умеренными, и старались по отношению к оккупационным немецким властям соблюдать действующие юридические положения[17], зато бандеровцы (так называемая «молодая генерация»), имеющие наибольшее влияние в украинском обществе, были радикалами как по своим целям, так и по методам.[18] Деятельность ОУН характеризовали отсутствие терпимости по отношению к другим народностям и жестокость в борьбе. Выражением этого был индивидуальный террор украинских националистов в межвоенный период, превращённый бандеровцами в массовый террор, который впоследствии привёл к геноциду поляков на Волыни и в юго-восточных воеводствах II Республики Польша во время германской оккупации.[19]

Немного ранее, в январе 1940 года, появилась идея формирования «походных групп»[20], которые в случае начала германо-советской войны должны были действовать на украинских территориях за линией фронта. Для осуществления этого плана были избраны активисты ОУН. Было сформировано шесть «походных групп»: три мельниковские и три бандеровские.[21] К последним принадлежали Дмитрий (Дмытро) Яцив, Степан Ленкавский и Лев Ребет. В дальнейшем члены этих групп должны были устанавливать на подконтрольной территории административную власть, формировать украинскую полицию и по мере развития дальнейших военных действий легализоваться. Также они работали переводчиками и водителями в структурах вермахта.[22]

Когда 22 июня 1941 года началась ожидаемая бандеровцами война, вместе с германскими войсками продвигались и украинские «походные группы».[23] Они также выполняли самовольно установленные Бандерой задачи пропаганды украинской независимости и вербовки в свои ряды новых добровольцев. Северной группой, идущей в направлении Сокаля на Житомир, руководил Николай Климишин.

В отличие от бандеровцев, мельниковцы преимущественно высказывались за формирование регулярных украинских войск при подразделениях Вермахта, что не было реализовано.[24]

Утром 30 июня немецкие войска вступили во Львов, оставленный советскими войсками. В тот же день бандеровцы провозгласили независимость Украины, передав сообщение об этом через львовскую радиостанцию, которую сумели захватить и назвали именем Евгена Коновальца.[25] Воззвание, известное как «Акт 30 июня», зачитал Юлиан Савицкий, студент из Львова.[26] Стоит процитировать фрагмент этого документа: «Организация украинских националистов под руководством Степана Бандеры призывает к подчинению сформированному во Львове Национальному Правительству … Слава доблестной Германской Армии и её Фюреру Адольфу Гитлеру!».[27]

Последняя фраза позже была убрана из официальных документов ОУН.

В состав упомянутого правительства вошел Лев Ребет, в качестве первого заместителя премьер-министра.[28]

Прогитлеровские акценты «Акта 30 июня» не могли скрыть того, что провозглашение независимости не соответствовало планам руководства III Рейха, в том числе самого Гитлера,

по отношению к Украине. В июде 1941 г. оуновское «национальное правительство» было распущено, а его члены заключены в тюрьму.[29]

1 августа 1941 г. на основании указа Гитлера был образован дистрикт «Галичина», включённый в Генеральное губернаторство, которому подчинялись области: Львовская, Тернопольская, Станиславская, Дрогобычская и южная часть Кременецкого повета.

В ответ на это Лев Ребет заявил от имени ОУН(Б): «Немцы – это наши единственные друзья, они освобождают Украину из большевистских рук, мы идём вместе с ними, но мы высказываемся за украинскую государственность, с отвращением принимаем идею присоединения (Галиции) к Генеральной губернии, то есть к Польше».[30]

1 сентября 1941 года гитлеровцы образовали Рейхскомиссариат Украина, в состав которого вошли также Волынь и Полесье, а с 15 сентября того же года начались массовые аресты среди активистов ОУН(Б) – как правило, молодежи.[31] Степан Бандера и часть его сторонников были отправлены в различные тюрьмы на территории дистрикта «Галичина», например, в Коломые, Станиславе и Львове.[32] Позже большинство из них перевели в Заксенхаузен и в тюрьму Монтелюпиха[33] в Кракове, а оттуда в Аушвиц.[34] Следует отметить, что некоторых бандеровцев задержали на территории самого Кракова.[35] Также были разогнаны походные группы ОУН.

К концу 1941 г. аресты охватили восемьдесят процентов руководящих кадров ОУН(Б).[36] Однако удалось избежать ареста шефу «Службы безопсности» Николаю Лебедю[37], ставшему проводником ОУН(Б) после ареста Степана Бандеры в Кракове 5 июля 1941 г. и последующего заключения в Заксенхаузен.[38]

3. Заключение в концлагере Аушвиц и смерть братьев Александра и Василия Бандеры. Депортация в лагерь их единомышленников

Все женщины, а также большинство мужчин их числа украинских националистов, арестованных в Кракове, были сначала размещены в камерах женского филиала учреждения Хелцлов (Helclów). Только часть мужчин были заключены в тюрьме Монтелюпих. Оставшаяся под опекой Украинского комитета помощи группа этапированных националистов насчитывала несколько десятков человек. Среди них находились двое братьев Степана Бандеры – Александр и Василий (Васыль).[39]

20 июля 1942 г. полицией безопасности из Кракова были отправленных в концлагерь Аушвиц семьдесят заключённых, под номерами 49689 – 49758.[40] Среди них, преимущественно поляков, было двадцать четыре бандеровца, которые получили номера с 49721 по 49744. После прохождения карантина в блоке № 11, их первоначально поместили в блоке № 13.[41]

Приведённый ниже отрывок воспоминаний бывшего заключённого Яна Олшовского (№ 6157), работавшего на регистрации вновь привезённых заключённых, скорее всего, относится к этим украинцам: «Только в одном случае наши писари, составляющие описи, проявили равнодушие к судьбе вновь прибывших заключённых. Это было при заполнении данных, относящихся к группе бандеровцев, которые были присланы в лагерь, поскольку восстановили против себя … своих гитлеровских хозяев. Тогда часть блока № 11 была предназначена для карантинного помещения и около входа в него поздним вечером поместили список этой группы. Высокомерные и заносчивые, уверенные в обещанных им СС снисхождении и привилегиях, эти заключённые с открытой враждебностью вели себя по отношению к польским заключённым и устроили дебош, который прекратила с применением силы вызванная обслуга блока».[42]

Первым из тех заключённых, называемых в лагере «Bandera Gruppe» или «Bandera Bewegung» («Группа Бандеры», «Движение Бандеры»)[43], был зарегистрирован Василий Бандера (№ 49721), студент философии, проживавший в Кракове. Вместе с ним были привезены Леонтин Дякив (№ 49723) – выпускник права и богословия, Дмитрий (Дмытро) Яцив[44] (№ 49727) – юрист, Роман Полутранка[45] (№ 49737) – банковский служащий из Станислава, Николай (Мыкола) Коваль (№ 49729) – журналист из Дрогобыча, Петр (Петро) Мирчук (№ 49734) – журналист и Степан Ленкавский (№ 49731), автор уже упомянутого «Декалога украинских националистов». Только двое последних пережили освенцимский лагерь.[46]

24 июля 1942 года из тюрьмы Монтелюпих в Кракове в Аушвиц привезли шестьдесят заключённых. Они получили номера от 51426 до 51485. Главным образом это были польские политические заключённые.

Вместе с ними был этапирован ещё один брат Степана Бандеры – Александр (№ 51427), доктор общественно-политических наук[47], по-

гибший в лагере раньше, чем его младший брат Василий.[48] Его смерти в строительной команде «Нойбау» («Neubau») косвенно способствовал студент из Пшемышля Францишек Подкульски (№ 5919). Он, выполняя функции форарбайтера (руководителя работ), принуждал А. Бандеру к непосильной работе. Бандеровцы, которые пережили пребывание в концлагере Аушвиц, утверждали, что над ними также издевался Юзеф Краль (№ 17401)[49], по профессии – строительный техник, выполняющий функцию оберкапо в команде «Нойбау». Это однако не находит подтверждения в других источниках, примером чего может быть заявление Станислава Гадомского (№ 18878): «Это был очень порядочный человек … В этой команде работал более года, если бы не Краль, испустил бы в лагере дух. Благодаря помощи Краля, как-то продержался, впрочем, Краль также помогал многим другим, много кричал, но зла не причинял».[50]

Физическое перенапряжение и, скорее всего, избиение другими польскими заключёнными стали причиной того, что Александр Бандера был помещён в больничный блок № 20. 10 августа 1942 года врачом СС в ходе осмотра были выбраны семьдесят пять заключённых. В тот же день их по распоряжению СС убили инъекцией фенола в сердце. Одним из убитых был Александр Бандера.[51]

Петр Мирчук, который после войны осел в Канаде, в своих воспоминаниях утверждает[52], что Василий Бандера преследовался и был избит польскими заключёнными, членами подпольной группы[53], во время работы в строительной команде «Нойбау». Главным виновником его смерти – по мнению Мирчука – также являлся упомянутый Францишек Подкульски, который будто бы говорил, издеваясь над Василем: «Ты – Бандера, а я – пантера».[54]

Из сообщения Леона Соберая (№ 1879) следует, что Василия Бандеру перепутали с его братом Степаном, по приказу которого – как уже упоминалось – было организовано покушение на министра Перацкого. Это и стало косвенной причиной смерти Василия: «Главным организатором исполнения приговора украинцу, убийце Перацкого (мнимому – А.Ц.), был Франек Подкульски, в этом ему помогали: Болек Юсиньски (Юзиньски)[55], трубочисты Тадек и Эдек, капо Нойбау Казик[56] и другие, имена которых не помню. … Франек Подкульски и Казик составили план исполнения приговора. Франек стал убийцей, а остальные наблюдали, чтобы никто не видел. Франек незаметным движением толкнул убийцу Бандеру и тот свалился с высоты … Увидев это, один из украинцев доложил в Политический Отдел (Politische Abteilung)[57]. … В Политический Отдел были вызваны те, кто принимал участие в исполнении приговора. … Болек Юсиньски (Юзиньски), оба трубочиста – Тадек и Эдек и другие через несколько дней пребывания в бункере … последовали в уголовный транспорт в Заксенхаузен. Франек и Казик всю вину исполнения приговора взяли на себя и погибли в блоке № 11».[58]

В свою очередь Владимир (Володымыр) Мартынец (№ 49773) в своих показаниях засвидетельствовал, что с высоты трёх метров Василия Бандеру вместе с тачкой сбросил Юзеф Краль.[59] Последний категорически возражал тому, что якобы намеревался издеваться над заключёнными из «группы Бандеры» в концлагере Аушвиц.[60]

По поводу причин смерти одного из братьев Степана Бандеры, вероятней всего Василия, Зигмунд Гаудасиньски (№ 9907) сделал такое заявление: «Летом 1942 года работал в команде «Нойбау» помощником писаря … После прибытия в блок 16 капо Эдвард Радомски[61] указал нам на заключённого небольшого роста, который по подмосткам подвозил штукатурам строительный раствор, заявляя при этом, что это украинский преступник Бандера, ответственный за смерть многих поляков. Тогда заметил, что форарбайтер Феликс Марута[62] (позже – один из капо команды) жестоко обходился с Бандерой, утверждая, что это расплата за преступления, которые тот совершил по отношению к его семье и другим полякам».[63]

В результате вышеуказанных событий, 5 августа 1942 года Василий Бандера попал в лагерную больницу[64], где позже умер.[65]

Ежи Табю, находящийся в лагере под фамилией Ежи Весоловски (№ 27273), дал показания, что, когда он работал санитаром, то был свидетелем смерти одного из братьев Бандеры (очевидно это был Василий Бандера – А.Ц.), который умер от поноса в больничном блоке № 28. В своих показаниях он также засвидетельствовал, что раньше к нему в комнату приходили многие украинцы, которые просили, чтобы о Василии хорошо заботились.[66]

В результате следствия, проведённого лагерным гестапо по поводу смерти брата Бандеры, Францишека Подкульского, бывшего студента из Пшемышля, посадили в карцер

блока № 11, а впоследствии, 25 января 1943 года, расстреляли у Стены Смерти. Тогда же казнили Феликса Сулиговски[67] (№ 8635), писаря строительной команды «Нойбау», который до войны был городским служащим в Тересполе.[68] У Стены Смерти вместе с ним погиб капо команды «Нойбау» Вильгельм Шима[69] (№ 6038) и арестант этой команды Юзеф Лихтенберг[70] (№ 988), а также – о чём уже упоминалось – Казимеж Колодыньски, родом из Тересполя.

Бывший заключённый Людвик Раевски (№ 42170) в своём донесении утверждает, что при посредничестве ротмистра Влодзимежа Колиньского[71] (№ 3135) контактировал с подпольной группой военных, состоящей из польских арестантов команды «Нойбау»[72], которой руководили Казимеж Колодыньски и Феликс Сулиговски. По его мнению, после смерти Василия и Александра Бандеры эта группа была раскрыта, а тринадцать её членов расстреляны у Стены Казней.[73]

В причастности к смерти братьев Александра и Василия Бандеры лагерное гестапо подозревало и Юзефа Краля[74], исполняющего, как было уже упомянуто, функции оберкапо в команде «Нойбау».[75] Его также обвинили в сотрудничестве с тайной лагерной организацией.[76] 18 декабря 1942 года он был заключен в карцер блока №11, откуда, после тяжёлого следствия с пытками его освободили 15 февраля 1943 г.[77]

8 августа 1942 года из тюрьмы Монтелюпиха в Кракове в КЛ Аушвиц отправили шестьдесят три заключённых, которые получили номера 57317 – 57379. С польскими политическими заключёнными тогда прибыли двадцать три члена ОУН(Б).[78] Также как и другие заключённые в лагерь украинские националисты, они по большей части были арестованы в различных населённых пунктах на территориях довоенных Юго-восточных кресов II Республики Польша. Чаще всего в Монтелюпиху их направляли после предварительного заключения в других тюрьмах, например, Тернополя или Львова.[79] Регистрация бандеровцев из этого транспорта была проведена в блоке № 19.

4. Статус и условия быта бандеровцев в концлагере Аушвиц

Бывший заключённый Казимеж Смолень (№ 1327), который работал в команде «Aufnahme» («Приём»), регистрирующей вновь привезённых в КЛ Аушвиц, утверждает, что очередные партии украинцев из «группы Бандеры» из тюрьмы Монтелюпих в Кракове этапировал гауптшарфюрер СС Малотки, который в лагере контактировал с эсэсовцем Гансом Старком.[80] По распоряжению Малотки украинцы из этой группы должны были находиться в концлагере Аушвиц под надёжной защитой. Выполняя это распоряжение, Старк принял решение о размещении бандеровцев в изолированном блоке № 11.[81]

Николай Климишин (№ 57340), привезённый в Аушвиц 8 августа 1942 года, так описал первые часы своего пребывания в лагере: «Вечером в блок №11 пришли поляки с палками. Их было более десяти, начали спрашивать, кто здесь из ОУН(Б). Никто из нас не отозвался. Так три раза спрашивали, угрожая, что убьют на месте, если найдут. Когда, несмотря ни на что, никто из нас не вызвался, они начали одного за другим спрашивать имя и фамилию. Если имя и фамилия звучали по-польски, отправляли в блок. … Когда подошла моя очередь, сказал свою настоящую фамилию, и что я украинец. Но на вопрос, откуда, сказал, что из Житомира. «Где находится Житомир?» – «Около Киева» – ответил. «То есть ты не из польской Украины?» – «Нет» – даю ответ. «Тогда иди в блок» – решил один из них».[82]

Во время этапирования в лагерь других украинских националистов, Малотки узнал, как встретили бандеровцев в блоке № 11, и направился туда с Гансом Старком на беседу с заключёнными бандеровцами. От имени украинцев выступили Климишин, Рак и другие. Результатом поданных тогда жалоб стал перевод всех бандеровцев в два помещения блока № 17. Бандеровцы находились вместе и между собой разговаривали исключительно на родном языке. Они даже создали украинский хор.[83]

Кроме того, следует добавить, что в больничном блоке № 20 была выделена отдельная палата для больных бандеровцев. Причиной этого было то, что польские заключённые подозревали их в сотрудничестве с эсэсовцами, а украинцы в лагерной больнице хотели сами оказывать медицинскую помощь своим друзьям, боясь поляков.

Врач Владислав Фейкель (№ 5647) утверждает, что бандеровцы получили отдельное помещение в палате № 4 на первом этаже блока, где у них было два своих медбрата: Михайло Шевчук (№ 121343), давний друг Фейкеля по

учёбе, и молодой санитар Леонид Мостович (№ 57353). Однако своего врача они не имели.[84] В более ранних своих воспоминаниях Владислав Фейкель написал намного больше, указывая, что перед заключением в концлагере Аушвиц бандеровцы верно служили Гитлеру и его режиму. По мнению Фейкеля, эта группа была гротескная и трагическая: «Замена ожидаемого почёта на печальное пребывание в лагерных условиях их ничему не научила. Были окружены всеобщей ненавистью и презрением почти всего лагеря, потому что все видели, что на их совести тысячи убитых невинных людей. Также по этим причинам даже в больничном отделении другие заключённые не могли скрыть неприязнь по отношению к ним. Несмотря на это, мы, врачи, старались обращаться с ними как можно корректно».[85]

Уже упомянутый Люциан Соберай запомнил, что во время бесед с бандеровцами, заключёнными в концлагере Аушвиц, некоторые из них выдавали себя за министров несостоявшегося украинского правительства.[86]

Кроме того – как утверждает Фейкель – бандеровцы подчёркивали, что являются почётными арестантами (Ehrenhäftlinge). Их не расстреливали и не направляли в газовые камеры, также они были освобождены от некоторых издевательств, но на этом их привилегии кончались. В главном лагере они находились – как уже упоминалось – в отдельном блоке, в лагерной больнице имели отдельное помещение, находящееся в инфекционном отделении. Таким образом, в одной больничной палате, в которой лечили бандеровцев, концентрировались всевозможные случаи тифа, дифтерии и других заболеваний, поскольку бандеровцы не хотели лечиться с другими заключёнными, помещёнными в больницу по причине болезни, а не национальному признаку.[87]

«Запретил коллегам – пишет Фейкель – выдавать им лекарства, нелегально добываемые заключёнными, ограничивая их только «официальным» снабжением. … Сейчас кому-то это может показаться жестоким или бесчеловечным, но это была нормальная реакция; не могли простить им недавнего прошлого, как и тогдашней лояльности к режиму».[88]

Среди бандеровцев, привезённых в освенцимский лагерь вместе с Николаем Климишиным, находился Лев Ребет (№ 57368) - одн из ближайших соратников Степана Бандеры и членом украинского правительства[89], сформированного на основании «Акта 30 июня» в 1941 г. Лагерь он пережил, как и привезённый в Аушвиц немного ранее другой член этого правительства – Степан Ленкавский.[90] После войны доктор Лев Ребет был одним из основателей и активным деятелем Организации украинских националистов за границей.[91]

Помимо двух перечисленных транспортов в 1942 г. бандеровцев больше не привозили из Монтелюпиха большими партиями. Однако отдельных представителей ОУН по-прежнему направлялись из этой тюрьмы в концлагерь Аушвиц. Например, 30 сентября 1942 года был привезён Ярослав Рак (№ 66676), перед войной осуждённый и приговорённый за помощь, оказанную убийце Бронислава Перацкого. Отдельных бандеровцев направляли из тюрьмы Монтелюпиха в концлагерь Аушвиц в 1943 г., а двоих из них 8 мая 1943 г. привезли в лагерь из тюрьмы Праги.

Необходимо отметить, что упомянутый ранее Климишин пользовался наибольшим авторитетом у бандеровцев, заключённых в концлагерь Аушвиц, и они называли его старостой. Он это упомянул во время одной из бесед с Людвиком Раевским, когда утверждал, что знает о существовании в лагере подпольной организации и желает передать ей основные постулаты группы бандеровцев, чтобы наиболее ослабленным из них давали работу «под крышей». Также Климишин потребовал, чтобы в блоке № 11 был принят на работу врач-украинец, бандеровец Василий (Васыль) Стронцицкий.[92] Это одобрили арестанты поляки: Юзеф Циранкевич (№ 62933), Станислав Клодзиньски (№ 20019) и Адам Курилович (№ 18487).[93]

Следует отметить, что в первые месяцы пребывания в концлагере Аушвиц, отношения между польскими заключёнными и бандеровцами были исключительно напряжёнными. Ситуация особенно накалилась, когда однажды в обособленную больничную палату блока № 20 вошёл, вероятно по ошибке, пьяный санитар СС Йозеф Клер. Он планировал выбрать нескольких больных украинских националистов для убийства инъекцией фенола в сердце, однако, это ему не удалось. Зато бандеровцы ошибочно посчитали, что это была провокация, подготовленная польскими заключёнными, и начали жаловаться и доносить на них в лагерное гестапо.

Владислав Фейкель понял, что ситуация становится очень опасной и решил действовать так, чтобы изменить взаимоотношения

с бандеровцами. С этой целью он выбрался в блок № 17, в котором жили бандеровцы, сказав, что хочет обсудить дела их больных. Бандеровцы ответили, что не будут говорить с поляком на эту тему. «В тот момент – вспоминает Фейкель – ко мне на помощь пришёл счастливый случай. С кровати на третьем ярусе соскочил какой-то высокий, тёмный заключённый, подошёл ко мне и начал тепло приветствовать. В первый момент я не мог его узнать. Вскоре вспомнил, что это Михал Шевчук, мой давний университетский приятель из Львова. Шевчук прервал неприятную и напряжённую дискуссию и сказал мне, что посетит меня вечером».[94]

Он сдержал слово, и в тот же вечер пришел на обещанную встречу с несколькими другими бандеровцами. Последние обязались лояльно относиться к полякам и просили о дальнейшей помощи для своих больных.

Фейкель принял их предложение, надеясь, что таким образом можно будет предотвратить опасность. Он назначил для опеки над их больными надёжного польского врача Тадеуша Шиманьского[95], а также по-прежнему гарантировал работу в больнице в качестве медбрата бандеровцам Шевчуку и Мостовичу.[96] С этого момента взаимоотношения изменились.

«Дошло даже до того – вспоминает Фейкель – что бандеровцы до конца пребывания в лагере предупреждали меня о некоторых неблагоприятных замыслах гестапо по отношению к больнице. (Необходимо признать, что Шевчук и Мостович уже после эвакуации освенцимского лагеря помогали группе поляков, находящихся в лагере в Эбензее)».[97]

3 октября 1943 года из тюрьмы на ул. Лонцкого во Львове в освенцимский лагерь привезли двести тридцать девять женщин (номера 64085 – 64323) и семьсот тридцать мужчин (номера 154392 – 155121), которых разместили в Бжезинке. Среди заключённых этого транспорта было около пятидесяти украинских националистов. Благодаря хлопотам Николая Климишина в лагерном гестапо, служащим которого был унтершарфюрер-СС Клаус Дылевски, до войны обучавшийся в Гданьске с украинскими студентами, будущими членами ОУН, все они были переведены из Бжезинки в материнский лагерь в Освенциме и размещены в блоке № 17, что многим из них, несомненно, спасло жизнь.[98]

Одним из заключённых этого транспорта был Степан Петелицкий (№ 154922), арестованный немцами за националистическую деятельность и отправленный в тюрьму в Злочеве, откуда его перевезли в тюрьму на ул. Лонцкого во Львове. Позже он пребывал в Аушвице, Маутхаузене и Эбензее, где был освобождён 6 мая 1945 г.[99]

Следующий большой транспорт из этой тюрьмы прибыл в Освенцим 28 октября 1943 года. Он насчитывал пятьдесят пять женщин (номера 66315 – 66369) и двести тридцать мужчин (номера 159046 – 159275).[100] Вместе с польскими политическими заключёнными в этих транспортах привезли в лагерь сто тридцать два украинских националиста, в том числе сто двадцать два мужчины и десять женщин, преимущественно украинских студентов.[101] В упомянутых львовских транспортах кроме членов ОУН(Б) также были члены Украинской повстанческой армии (УПА)[102], которая с весны 1943 г. составляла вооружённое крыло ОУН(Б).[103] В противоположность польским заключённым, большинство этих людей в лагере также выжило.[104] Можно предположить, что причиной вышеупомянутых арестов среди членов ОУН-УПА, привезённых в концлагерь Аушвиц из Львова, стал перенос действий ОУН-УПА из Волыни в Восточную Галицию, что вызвало массовые репрессии немцев против украинцев.[105]

Бандеровцы, размещённые в блоке № 17 осенью 1942 г.[106], занимали две комнаты и находились под покровительством Политического отдела или лагерного гестапо, работая в различных хороших командах «под крышей», что давало этим заключённым шансы на выживание.[107] Например, это были такие команды, как: Bekleidungskammer (склад арестантской одежды), Effektenkammer (склад вещей, полученных на хранение от привезённых в лагерь заключённых), Krankenbau (лагерная больница), картофельная, пекарня, скотобойня, а также кухня для заключённых и кухня для эсэсовцев.[108]

В команду «Aufnahme», где работал Казимеж Смолень, были включены трое бандеровцев: Николай Климишин, Зенон Винницкий и Борис Витошинский. Этот явный факт избранности украинцев из «группы Бандеры» польские заключённые трактовали как определённый вид инфильтрации Политическим отделом команд, к которым они были причислены.

Как позже выяснилось, эти опасения были преждевременными, а подозрения – безосновательными, что в своём сообщении подтверждает Казимеж Смолень: «Не слышал,

чтобы кто-то из украинцев нашей команды доносил в Политический отдел. А такую возможность они имели, так как упомянутый гауптшарфюрер-СС Малотки время от времени появлялся в концлагере Аушвиц, беседовал с украинцами и интересовался условиями их пребывания в лагере, следовательно, если бы они хотели, то могли ему рассказать свои замечания».[109]

Среди бандеровцев, заключённых в концлагерь Аушвиц, можно было заметить не только антипольские, но и антинемецкие настроения.

Чеслав Аркушиньски (№ 131603), работая в лагерной больнице, запомнил такой случай: «Другим больным, который перед пробуждением после наркоза выступал против немцев, но также против поляков, был украинский националист по фамилии Чайковски. Произносил целые речи насчёт свободной Украины. Из того, что он говорил, следовало, что это был очень интеллигентный и образованный человек».[110]

Также следует отметить, что о трёх бандеровцах, работающих в команде «Aufnahme» (Климишин, Винницкий и Витошинский) Казимеж Смолень ещё раз отзывается положительно: «Говоря о наших украинских коллегах по команде, необходимо добавить, что они сотрудничали с нами поляками при составлении нелегального списка транспортов с заключёнными. Список … этот был скрытно отправлен из концлагеря Аушвиц и сохранился. Если бы эсэсовцы из Политического отдела узнали об этой нашей деятельности, участникам такой деятельности грозила смерть. В упомянутом списке транспортов можно, в том числе, узнать рукопись Климишина».[111]

5. Соглядатаи из украинской группы бандеровцев

Бывший заключённый Герман Лангбейн (№ 60335) утверждает, что СС использовала непримиримую вражду между бандеровцами и поляками, вербуя соглядатаев из этой украинской группы.

Одним из них был Богдан Комарницкий[112] (№ 3637), который формально не принадлежал к группе бандеровцев, но в лагере полностью находился под их влиянием.[113] Перед установлением контактов с бандеровцами он был дежурным заключённым в штрафной команде и в исправительной команде в блоке № 11, где издевался над другими и хвастался числом убитых заключённых.[114] Позже он работал писарем в лагерной канцелярии, регистрирующим вновь прибывших заключённых, сначала в материнском лагере в Освенциме, потом в Бжезинке. Там он спас жизнь еврейке Элизе Спрингер, направив её во время регистрации вновь прибывших заключённых к тем, кто должны были находиться в лагере, а не быть убитыми в газовых камерах.[115] В январе 1945 г. он был вывезен транспортом в Маутхаузен. После войны бывший заключённый Михал Кула (№ 2718) дал показания: «Во время транспортировки всё время находился в сопровождении коменданта транспорта оберштурмфюрера-СС и только благодаря этому доехал живым до Маутхаузена. Там «порекомендовали» его местным заключённым, которые действительно его избили, но из беды выбрался живым и был переведён СС в команду в Мелке (Melku)».[116]

По мнению Лангбейна также опасным соглядатаем был Борис Кравченко (№ 105441), привезённый в освенцимский лагерь 4 марта 1943 г. из Флоссенбурга. Лангбейн, ссылаясь на послевоенное показание раппортфюрера[117] Вильгельма Клаузена, утверждает, что Кравченко принадлежал к группе бандеровцев, хотя неизвестно, был ли он украинцем. Находясь в качестве врача в карцере блока № 11, он доносил, когда арестантский персонал помогал там заключённым. Позже Кравченко был переведён в подлагерь «Фюрстенгрубе» («Fürstengrube») в Весоле (Wesołej), откуда его вновь собирались перевезти 18 сентября 1944 г. в Лейтмериц (Leitmeritz) (подлагерь Флоссенбурга). Тогда лагерфюрер[118] подлагеря в Весоле по фамилии Шмидт о доносительской деятельности Кравченко предупредил заключённых поляков, которые будто бы собирались его линчевать.[119]

6. Транспорты в концлагерь Маутхаузен и общий баланс потерь

Пребывание в концлагере Аушвиц пережило большинство заключённых в нём бандеровцев, которые благодаря покровительству лагерного гестапо[120] позже работали в привилегированных арестантских командах.[121] К тому же они получали в больших количествах продовольственные посылки от Красного Креста.[122] Часть из них позже освободили из концлагеря Аушвиц, например, Ярослав Рак обрёл свободу 18 декабря 1944 года, а Николая Климишина[123], Степана Ленкавско-

го и Льва Ребета освободили на следующий день – 19 декабря.[124]

Несмотря на это бандеровцы также понесли потери, особенно в первые месяцы их заключения в концлагере Аушвиц. К примеру, из сорока восьми украинских националистов, которые были привезены из тюрьмы Монтелюпиха в транспортах от 22 июля и 8 августа 1942 года, в этом лагере погибло шестнадцать человек.[125]

Также более десяти бандеровцев умерло в Эбензее (куда они попали из концлагеря Маутхаузен после их эвакуации туда из концлагеря Аушвиц в январе 1945 г.[126]), вследствие страшного голода, господствующего в этом лагере весной 1945 г. Как вспоминает польский заключённый Ян Дзиопек (№ 5636): «Тогда ежедневно от голода умирали сотни заключённых. Крематорий не успевал сжигать тела, поэтому кучи трупов лежали под открытым небом».[127]

Всего из почти двухсот бандеровцев, заключённых в концлагере Аушвиц, а после эвакуации арестантов этого лагеря – в Маутхаузене и Эбензе, в упомянутых гитлеровских концентрационных лагерях погибло более тридцати из них.

7. Послевоенные судьбы бандеровцев

Освобождение Степана Бандеры и других его сторонников из Заксенхаузена произошло осенью 1944 г. После войны Бандера находился в Инсбруке, где в феврале 1946 г. прошло тайное совещание руководящих членов ОУН(Б). В этом совещании участвовали заключённые концлагеря Аушвиц: Николай Климишин, Ярослав Рак и Лев Ребет. Руководителем этой фракции ОУН опять выбрали Степана Бандеру: «Продолжались дискуссии, имели место драматические сцены – Микола Климишин стал на колени и говорил, что Бандера является наполовину Богом, сам Бандера уверял, что обладает сверхъестественной силой, свойствами пророчества и провидения, которые происходят неизвестно откуда … Так началось возвращение к вождизму, монопартийности, тоталитаризму, системе основанной на единоличном руководстве вождя, антидемократии».[128] Тоталитарное крыло ОУН также поддержали другие бандеровцы, когда-то заключённые в концлагерь Аушвиц: Евгений Лозинский, Степан Ленкавский и Петр Мирчук, автор многих послевоенных книжек, содержанием которых является апология ОУН.[129]

В середине пятидесятых годов руководство советского КГБ приказало ликвидировать в Мюнхене эмиграционных руководителей ОУН. Сначала агент КГБ Богдан Сташинский в 1957 году убил находившегося в эмиграции бывшего заключённого концлагеря Аушвиц Льва Ребета, который стоял во главе группы деятелей, высказывавшихся за демократические изменения в организации. Он отошёл от бандеровцев и создал новую фракцию ОУН за границей.[130] Через два года тот же советский агент, также в Мюнхене, убил Степана Бандеру.

«Факт, что Л. Ребет погиб первым – пишет Гжегож Мотыка – указывает на то, что КГБ видел в нём опаснейшего противника. Однако чёткая пропаганда бандеровцев стала причиной того, что большинство людей знает только лишь о смерти С.Бандеры».[131]

После убийства Степана Бандеры в 1959 г. «проводником» его фракции стал Степан Ленкавский (умер в 1977 г.), бывший заключённый концлагеря Аушвиц, а также автор упомянутого уже несколько раз «Декалога украинского националиста».[132]

Петр Балей, деятель ОУН(Б) с 1940 г, привезённый 8 августа 1942 г. транспортом из тюрьмы Монтелюпиха в Кракове в концлагере Аушвиц (№ 57321), автор ряда послевоенных работ по теме украинского национализма, напоминает нынешним поборникам ОУН-УПА, что «в тридцатые годы Донцов был настоящим повелителем душ молодого поколения. «Десять заповедей украинского националиста» представляют собой верный перевод политической философии Донцова на разговорный язык … в ОУН(Б)… аксиомы тридцатых годов также действуют сегодня. Это не тезисы, выдвинутые в обсуждении среди зрелых членов, а аксиомы без дискуссий».[133]

Верно написал Гжегож Мотыка: «В результате антипольской акции украинское национальное движение совсем ничего не добилось. Сегодняшние границы Польши и Украины выглядели бы точно так, как выглядят, ибо за них решали крупные державы. … Ни одна цель, даже борьба за независимость собственного государства, не может оправдывать убийства невинных людей».[134]

Бандеровцы, которые пережили пребывание в концлагере Аушвиц, после войны поселились преимущественно на территории Соединённых Штатов, Канады и Германии. После войны, проживая в эмиграции, в многочисленных публикациях они старались

представить свою деятельность в наилучшем свете, хотя, как справедливо отметил в своей работе английский историк Андрю Вилсон: «Сложная история ОУН-УПА осталась в памяти не наилучшим образом. Факт, что ОУН и УПА вообще были в состоянии начать борьбу, сегодня является предметом гордости исключительно на землях Западной Украины».[135]

Приложение

Фрагменты показаний бывших заключённых концлагере Аушвиц о смерти Александра и Василия Бандеры, содержащиеся в актах уголовного дела Юзефа Краля

«Видел, как заключённый по фамилии Бандера возил на тачках цемент. Он был среднего, вернее низкого роста, истощён, и катанье цемента вызывало у него большую трудность. Во время этого катанья видел, как Краль Юзеф начал жестоко и безжалостно бить заключённого Бандеру черенком лопаты по голове, спине и рукам так, что этот заключенный, наконец, потерял сознание и упал на землю. Вследствие этого избиения после обращения был отвезён в амбулаторию, откуда уже не вернулся. После убийства Бандеры Краль хвастался, что покончил с Бандерой, потому что он был убийцей Перацкого».

Показание бывшего заключённого Владислава Смальского, к. 11 а

«Юзеф Краль нанёс Бандере более десяти ударов палкой и тот упал. … Во время этого происшествия там присутствовали более десяти заключённых, но видел ли это кто-то ещё, не знаю, фамилии тех заключённых сообщить не смогу. … После выхода из лагеря проживал в Хожове и был арестован, потому что был обвинён вместе с Мотыкой, что в лагере был конфидентом – сделал на меня донос в июле 1945 г. В суде прошёл процесс и был признан невиновным».

Показание бывшего заключённого Владислава Смальского (Władysława Smalskiego), к. 301 а

«После смены курса немцев по отношению к бандеровцам и после получения бандеровцами полномочий, бандеровцы начали доносить на тех, кто ранее над ними издевался».

Показание бывшего заключённого Владислава Смальского, к. 301а

«Смальски и Малорны выдали немцам много людей, и также заслугой Смальского является то, что Юзеф Краль находится на скамье подсудимых».

Показание бывшего заключённого Бронислава Мотыки (Bronisława Motyki), к. 305

«Это произошло во время бетонирования перекрытия блока №17 – видел, как Краль Юзеф вместе с немцами мучил заключённых, в том числе братьев Бандеры, даже слышал крики тех людей, так нечеловечески стонали. В тот день погибло несколько человек, среди них братья Бандеры. При том происшествии Краль присутствовал вместе с немцами».

Показание бывшего заключённого Яна Скальского (Jana Skalskiego), к. 48 и 48 а

«Братьев Бандеры не знал, а только слышал от заключённых, что таковых должны были привезти, и позже также узнал, что были убиты. Они должны были быть членами украинского фашистского правительства, которые до войны убили министра Перацкого, кроме того, даже были версии, что это конфиденты гестапо».

Показание бывшего заключённого Яна Скальского, к. 309

«Не видел того, чтобы Краль Юзеф убивал заключённых и совершил убийство двоих братьев Бандеры, зато слышал от заключённых, что один из братьев Бандеры был замучен во время бетонирования перекрытия. Об этом мне говорил Скальски Ян …. Потому что ворарбейтер Подкульски Францишек приказал ему выполнять наиболее тяжёлые работы».

Показание бывшего заключённого Зигмунта Гаудасиньского, к. 51 и 51 а

«Слышал про убийство одного заключённого из «Нойбау», но в тот период там уже не работал. Тогда работал уборщиком на территории лагеря. Это было летнее время или уже под осень 1942 года. Слышал, что этого заключённого должен

был убить писарь Суликовски. Он являлся бывшим армейским офицером, который был писарем в «Нойбау». В 1942 или в 1943 году был расстрелян немцами. Как слышал, это было сделано за убийство Бандеры, но было ли их два брата, этого не знаю».

Показание бывшего заключённого
Феликса Бучиньского
(Feliksa Buczyńskiego), к. 63 и 64

«Не видел, чтобы Краль издевался над заключёнными, также не знаю, чтобы кого-нибудь убил. Знаю только, что по инициативе Краля и по его распоряжению, подчинённые Кралю капо Ковальски и Микульски убили двоих братьев Бандеры, украинцев, членов украинского правительства. Краль убеждал меня бить украинцев и упрекал меня, что как ворарбейтер мягко обращаюсь с подвластными мне украинцами. О факте убийства братьев Бандеры по распоряжению Юзефа Краля узнал от форарбайтеров Ковальского и Микульского, которые рассказали мне об этом. Говорили, что Бандер избили палками, а потом их окунули в бочку с водой и таким образом добили. Впоследствии немецкое лагерное начальство изменило курс по отношению к украинцам, членам правительства Бандеры и украинцам доверили различные функции. Украинцы, находясь на должностях, начали мстить тем людям, которые над ними издевались. Начали поимённо доносить, в результате этих доносов немцы арестовали тех капо».

Показание бывшего заключённого
Рудольфа Жачка (Rudolfa Żaczka),
к. 109 и 110

«Знаю только, что братья Бандеры были в Освенциме, а один работал в той же команде, что я, и даже при моей группе был тот Бандера, во время бетонирования перекрытий в первом блоке он также был занят. Я находился наверху, а он возил бетон, и во время перевозки этого бетона его позвали на этаж ниже и там, как узнал, был избит Голусом Яном и Микульским Францишеком. Бил ли его Краль? – этого не знаю, сам Микульски потом всем хвастался, что он его так избил».

Показание бывшего заключённого
Феликса Маруты (Feliksa Maruty), к. 115

«Вспоминаю, что один из братьев Бандеры был выброшен заключёнными в окно вновь строящегося блока, однако кто это сделал, этого не знаю».

Показание бывшего заключённого
Мечислава Котлярского
(Mieczysława Kotlarskiego), к. 125 а

«Отрицаю, что якобы во время исполнения мной обязанностей форарбайтера, капо и оберкапо били и издевались над заключёнными, а также лишали заключённых жизни. Также отрицаю, что подчинённые мне капо Голус, Жачек и другие по моему заданию и приказу били и убивали заключённых. В частности, не признаю, что лично избил до смерти заключённого Бандеру во время, когда он возил на стройку цемент».

Показание бывшего заключённого
Юзефа Краля, к. 149

«В 1942 году – летом – по распоряжению оберкапо Краля Юзефа были убиты два брата Бандеры таким способом, что Краль приказал своим подручным капо прикончить их, и они были смертельно избиты помощниками. Один из них умер на другой день, а что стало с другим, этого не знаю. Видел, что братьев Бандеры помощники капо Краля забрали с территории стройки, их было трое или четверо, точно не помню. Оберкапо Краль Юзеф также был вместе с ними и с территории стройки проводили двух братьев Бандеры в другой, вновь построенный блок, в подвал. Краль пошёл с ними. Этот факт имел место в 1942 году – летом – в один день в предобеденное время, после того, как Бандер увели в упомянутое место, капо поодиночке начали выходить из этого блока на смену, также и Краль Юзеф. В вечерние часы увидел избитых, сильно обескровленных этих двоих братьев Бандеры, которых заключённые увели с работы на перекличку, а предварительно забраны капо и оберкапо Краля Юзефа, где были ими так сильно избиты».

Показание бывшего заключённого
Эдварда Качмарчика
(Edwarda Kaczmarczyka), к. 161

«Бандеровцы находились в специальном блоке, где находились одни украинцы,

и ходили слухи, что это было украинское правительство, которое изменило немцам. Лично я не видел, кто замучил братьев Бандеры, только так говорили, что один был убит, и за это были заключены в бункер Краль Юзеф и неизвестный по фамилии Франек, который под командой печников работал на строительстве кафельных печей. Через некоторое время Франек был расстрелян …».

Показание бывшего заключённого
Збигнева Засадзкого
(Zbigniewa Zasadzkiego), к. 172

«Свидетель Смальски в своих показаниях сообщил, что видел, как Краль бил заключённого Бандеру черенком от лопаты по голове и всему телу до такой степени, что заключённый упал и был увезён в амбулаторию, откуда уже не вернулся. Кроме того, этот свидетель даёт показания, что подозреваемый Краль в своих высказываниях хвастался, что «прикончил Бандеру».

Обвинительное заключение против
Юзефа Краля, к. 191

«Как следует из обвинительного заключения, это я должен был прикончить Бандеру, что не является правдой. Тех Бандер никто не знал, ещё перед их прибытием заключённые лагеря, имеющие связь снаружи, уже говорили, что в лагерь прибудут бандеровцы, которые намеревались перебить их семьи в 1939 г., которые были украинцами и сформировали украинское националистическое правительство, сотрудничающее с германским фашизмом … В июле или августе 1942 г. приказал Суликовскому затребовать 30 заключённых для бетонирования перекрытия в блоках от 1 до 10 на женском отделении, женщины должны были прибыть из лагеря Равенсбрюк, в назначенный день явились 26 – 28 хорошо откормленных заключённых …, услышал в моей команде «Нойбау» какой-то шёпот, что это украинцы …, что это те, кто убивал их семьи в 1939 г. …. После ухода рабочих колонн ко мне подошёл Суликовски, который до войны на самом деле был полковником Войска Польского, и заявил мне, что заключённый Щипка говорил ему, что среди этой группы заключённых узнал двоих, которые вместе с гестапо арестовали и избили его, что он присутствовал во время одного митинга, где один из них сказал речь в пользу украинского правительства, а потом последовали массовые расстрелы поляков в 1939 году. После этого ко мне пришёл заключённый, работающий в «Arbeitseinsatz», которого знаю только по кличке «Метек» … и заявил мне, чтобы предостерёг своих людей от этих заключённых, потому что они являются членами фашистского украинского правительства, что они конфиденты гестапо, а сам отправился к группе Колодиньского, к которому определил эту группу заключённых, и сказал ему, чтобы был внимательным с ними, так как эти люди находятся под особой опекой Политического Отдела, и чтобы наши люди с ними не контактировали. … В критический день ко мне пришёл Роттенфюрер-СС Любиц (Lubic), который фактически был руководителем строительства, и я, предчувствуя что-то плохое, предложил ему осмотреть строительство перекрытия в женском блоке, в который сам не имел доступа, и где как раз работала та группа украинцев. Эсэсовец пошёл со мной и там Колодиньски или Марута родом из Закопане сказал ему, что двое заключённых были убиты или же избиты … и тогда … просил эсэсовца Любица, чтобы распорядился тех двоих заключённых отвести в палату для больных, с чем он согласился, и они были отведены. … Колодиньски или Марута мне сказали, что их избил Щипка. На другой день эти заключённые к нам уже не прибыли, но слышал, что их допросил Политический Отдел. … После возвращения в лагерь пошли с Суликовским к Подкульскому и спросили, была ли у него какая-нибудь группа людей и производил ли он какие-то работы по указанию эсэсовца Любица …. Кроме того, спросили его, работал ли у него Бандера, на что ответил да, и что с ним произошёл несчастный случай при обрушении перекрытия и стены …. В сентябре или октябре месяце вызвали Ковальского, Подкульского, Щипку и 10 заключённых, которые находились в конфронтации с теми украинскими арестантами, вернулся только Ковальски, а остальные уже не вернулись. Тогда эти украинцы занимали в лагере лучшее положение. Позже узнал …, что Подкульски, Щипка и ещё один, фамилию которого не помню, были расстреляны за сбрасывание его со строительных лесов. … Движение сопротивления было окутано

большой таинственностью. В этом движении участвовали Суликовски, Колодыньски, Щипка, Лихтенберг и другие».

Показание бывшего заключённого Юзефа Краля, к. 298, 298 а и 300.

«Знаю, что был убит Бандера, член фашистского украинского правительства, и согласно тому, что я знаю, его намеревались убить Микульски и Ковальски. После прибытия украинцев в команде распространялись слухи, что необходимо отомстить за 1939 год, потому что, сотрудничая с Германией, убили много поляков. Микульски хвастался, что избил Бандеру до такого состояния, что тот потерял сознание, а он его засунул в бочку с водой, а когда пришёл в себя, бил его дальше, пока не доконччил. Кроме того, после прибытия этой группы заключённых были слухи, что когда изменится отношение немцев к этому правительству, то у них будет лучшее положение, фактически так и стало, после наделения полномочиями издевались в лагере над заключёнными других национальностей».

Показание бывшего заключённого Рудольфа Жачка (Rudolfa Żaczka), к. 310

«Знал, что во время бетонирования в первом блоке заключёнными Микульским и Ковальским был убит заключённый Бандера, они сами этим хвастались. Позже их вызвали в Политический Отдел и расстреляли, только, поскольку точно это знаю, – Ковальски умер от тифа».

Показание бывшего заключённого Феликса Маруты, к. 310 а

«Знаю, что один из Бандер был убит в лагере заключёнными, это имело чисто политическую основу, знаю, что был убит в 1942 г. и что совершить это убийство намеревались двое заключённых из штрафной команды, фамилий которых не помню …».

Показание бывшего заключённого Францишка Таргоша (Franciszka Targosza), к. 311 а

«Бандера был убит двумя заключёнными – Микульским и Ковальским, но Юзеф Краль с этим не имел ничего общего. … В лагере находился Бандера, который прибыл с группой заключённых, являющихся членами националистического фашистского украинского правительства и неотвратимо записались в лагере, что были конфидентами гестапо, а с этим Бандерой заключённые покончили на политической почве».

Показание бывшего заключённого Станислава Павличка (Stanisława Pawliczka), к. 312

«Об убийстве Бандеры слышал и также слышал, что это хотел сделать Ковальски и ещё один, фамилии которого не помню».

Показание бывшего заключённого Яна Лейводы (Jana Lejwody), к. 312 а

«На следствии меня спрашивали о Бандере, и я первый раз слышал, что его собирался убить Юзеф Краль. Категорически утверждаю, что Краль этого не делал. Группу заключённых, так называемых украинцев-бандеровцев, лично знаю лучше, так как это были члены украинского националистического правительства, которых в 1942 году немцы привезли в лагерь вместе с Бандерой, в первое время немцы сами не знали, как должны поступать с ними. Потом Бандера был убит и десятки заключённых хвастали, что это сделали они, потому что убийство этого Бандеры считали своим патриотическим долгом и честью. Хвалились тем, что сделали это Микульски, Ковальски, Махула и другие, но кто это фактически сделал, не знаю поныне. В любом случае с Бандерой покончили в команде «Нойбау». Этим вопросом заинтересовалась лагерная администрация и … Махула был арестован за то, что собирался убить Бандеру, после расследования был освобождён, а Микульски арестован …. В лагере было движение сопротивления и убийство Бандеры можно точно ассоциировать с этим движением сопротивления, так как Бандера был нашим врагом».

Показание бывшего заключённого Эрвина Олшовки (Erwina Olszówki), к. 316 а

«Братья Бандеры были убиты, видел их лежащими в морге, но тогда никто не говорил, что это сделал Юзеф Краль, а только были слухи, что упали с перекрытия во время бетонирования».

Показание бывшего заключённого Феликса Валентиновича (Feliksa Walentynowicza), к. 318 а

«Бандера был убит в 1942 г., был это сам премьер-министр или же его брат, но неизвестно, кто это сделал. Эта группа так называемых членов фашистского украинского правительства была окружена особой опекой со стороны немцев. Кто убил Бандеру, этого точно никто не знает, потому что много заключённых хвасталось, что это они убили Бандеру, палача поляков».

Показание бывшего заключённого
Губерта Сколика (Huberta Skolika),
к. 318 а

«Номера от 63000 пришли в лагерь только в середине 1942 г. и через некоторое время арестовали … заключённых из команды «Нойбау», так как один из Бандер был убит. … Когда жена убитого Бандеры узнала об этом, обратилась в немецкое консульство, потому что была итальянской гражданкой, немцы этот вопрос изучили, и тогда вышло дело «Нойбау» … В Политическом Отделе работало много заключённых, такие как Губски Ян, Вилибалд Пайонк, Коцур и другие, которые предоставляли нам информацию. … Тогда в делах украинцев, так называемых бандеровцев, был тёмный и не знал, но сейчас знаю, почему убили Бандеру, потому что он был врагом поляков, и собственно они, то есть группа украинцев, присланных немцами в лагерь, создала националистическое правительство, кроме того, отдельные члены этого правительства работали в подразделениях германских войск, продвигающихся в Советском Союзе, были переводчиками. Это была очень привилегированная группа, и с ними приезжал сам Малотке из СС, очень дружелюбно с ними беседовал, они были обособлены от поляков. Убийство Бандеры имело чисто политическую почву и прожужжало мне уши, что его убили двое заключённых, один из которых именовался на «М», но фамилию не помню».

Показание бывшего заключённого
Казимежа Смоленя (Kazimierza Smolenia),
к. 319 и 319 а.

«Обвиняемый Юзеф Краль вины не признал… В освенцимском лагере был направлен в штрафную команду, все заключённые которой были назначены на отделку. В штрафной команде работал 3 месяца, откуда как специалист каменщик был переведён лагерными властями в команду «Нойбау». Обвиняемый Краль … отрицал …, что применял какие-то жестокости и издевательства над заключёнными, а, наоборот, относился по-человечески и по мере возможности приходил на помощь к заключённым.

Свидетели, опрошенные на заседании для выяснения совокупности действий и поведения обвиняемого Краля на протяжении его пребывания в Освенциме, сообщили в этом направлении совершенно разные показания.

… Если речь идёт о смертельном избиении заключённого Бандеры, то очевидцем этого избиения мог быть только свидетель Смальски. … Однако вопреки показаниям свидетеля Смальского, никто из остальных свидетелей не утверждал, что Бандеру убил обвиняемый Краль. Кроме того, как подтвердили свидетели Таргош, Пласкура, убийство Бандеры имело политическую почву, и кто собственно убил Бандеру, это точно установить не удалось. Свидетели только сообщают, что это сделал Курт Махула, а другие свидетели, что Бандеру убили заключённые Суликовски или Микульски, Ковальски. … Ближайший анализ показаний этих свидетелей, их взаимное сравнение в сопоставлении с другими свидетелями, подводит к выводу, что нельзя иметь доверия к показанию этих свидетелей и Суд убеждён, что … Смальски … сделал свои показания, руководствуясь неприязнью и местью Кралю, что было заметно хотя бы из порядка дачи показаний Суду, … по уголовному делу V.K.214/46 Окружного Суда в Бытоме, Краль выступал в качестве главного свидетеля против того же Смальского, … В этих условиях после разбирательства совокупности вопроса, Суд признал обвиняемого Краля невиновным».

Приговор Воеводского Суда
в Сталинограде (Катовице)
от 25.9.1953 г., к. 291 – 297

■

Acta Universitatis Wratislaviensis. № 3039.
Studia nad Faszyzmem i Zbrodniami
Hitlerowskimi XXX. Wrocław, 2008. S. 383 – 432.
Перевод с польского В. Воронцова,
Е. Назарова.

[1] См. текст «Декалога»: **Motyka G**. Ukraińska partyzantka 1942 – 1960, Warszawa, 2006, S. 49 – 50; **Masłowśkyj W**. Z kim i przeciw komu walczyli nacjonaliści ukraińscy w latach II wojny światowej? Wrocław, 2001, S. 25; **Poliszczuk W**. Prawosławnego Ukraińca w 55-tą rocznicę mordów wołyńskich posłanie do braci Polaków, Toronto – Warszawa 1998, S. 23; **Jastrzębski S.** Kresy wschodnie we krwi, Wrocław, 2001, S. 15 – 16.

[2] **Poliszczuk W**. Dowody zbrodni OUN–UPA, Toronto, 2000, T. 2, S. 40 – 41; **Marunczak M.** Ukrainśki polityczni wiazni w nacistkich koncientracijnych taboach, Winnipeg, 1996, S. 108.

[3] См. **Stryjek T.** Ukraińska idea narodowa okresu międzywojennego. Analiza wybranych koncepcji, Wrocław, 2000, S. 110 – 190; тот же автор: Europejskość Dmytra Doncowa, czyli o cechach szczególnych ideologii ukraińskiego nacjonalizmu //Antypolska akcja OUN–UPA 1943–1944. Fakty i intepretacje, Warszawa 2002, S. 19 – 32; **Motyka G**. Ukraińska partyzantka…, S. 44 – 46; **Masłowśkyj W**. Z kim i przeciw komu …, S. 14 – 27; **Kulińska L.** Dzieje Komitetu Ziem Wschodnich na tle losów ludności polskich Kresów w latach 1943 – 1947, Kraków, 2002, T. 1, S. 343.

[4] **Poliszczuk W**. Pojęcie integralnego nacjonalizmu ukraińskiego, в: Polacy i Ukraińcy dawniej i dziś, pod red. B.Grotta, Kraków 2002, S. 73.

[5] **Szkaradziński B.** Ukraińcom: «Przebaczamy i prosimy o przebaczenie»?//Nie jesteśmy ukrainofilami. Polska myśl polityczna wobec Ukraińców i Ukrainy. Antologia tekstów, pod red. **Kowala P.**, **Ołdakowskiego J.** i **Zuchniak M.** Wrocław, 2002, S. 407 и 408**;.Zełenko K** Stosunki polsko-ukraińskie w drugiej Rzeczypospolitej 1918–1939//Nowoczesna historia Polski, Londyn, 1987, S. 256; **Werschler I.** Tadeusz Hołówko życie i działalność, Warszawa, 1984, S. 340 – 341.

[6] **Motyka G**. Postawy wobec konfliktu polsko-ukraińskiego w latach 1939–1945//Tygiel narodów, Warszawa – Londyn, 2002, S. 281.

[7] **Torzecki R.** Polacy i Ukraińcy, Warszawa, 1993, s. 12 – 13; **Żeleński W.** Jeszcze o zabójstwie Pierackiego i rozrachunkach polsko-ukraińskich, «Zeszyty Historyczne», nr 46, Paryż, 1978, S. 152.

[8] **Hycak J.** Historia Ukrainy 1772–1999, Lublin 2000, S. 199.

[9] **Lepecki M.** Pamiętnik adiutanta marszałka Piłsudskiego, Warszawa 1987, S. 220 – 221.

[10] **Poliszczuk W.** Dowody zbrodni…, S. 64 – 65.

[11] Степан Бандера, родился 1.01.1909 г. в Старом Угринове, 15.10.1959 г. был убит в Мюнхене советским агентом Богданом Сташинским. См. его биографию: **Torzecki R.** Polacy …, S. 314 – 316.

[От]цом Степана Бандеры был Андрей Михайлович Бандера (1882 – 1941), священник, 23.05.1941 г. арестованный НКВД в районе Станислава, 8 июля того же года военным трибуналом в Киеве был приговорён к смертной казни, приговор приведён в исполнение (**Чуев С.** Украинский легион. М., 2006. С. 494).

[12] См. подробно по этому вопросу: **Żeleński W.** Zabójstwo ministra Pierackiego, «Zeszyty Historyczne» 1973, nr 25, s. 3 – 87; Sic., Zabójstwo ministra Pierackiego, Warszawa, 1995; **Dobrzański M.** Gehenna Polaków na Rzeszowszczyźnie 1939–1948, Wrocław, 2002, s. 29 – 30.

[13] **Osadczuk B.** Mykoła Łebed' – od terrorysty do politycznego pragmatyka, «Zeszyty Historyczne» nr 128, Paryż, 1998, S. 144 – 145.

[14] **Torzecki R.** Polacy…, S. 26 – 27 и 315; **Poliszczuk W.** Dowody zbrodni…, s. 85 – 86; **Heydenkorn B**. Ukraińska polemika o Berezi e Kartuskiej, «Zeszyty Historyczne» nr 62, Paryż, 1982, S. 205 – 208.

[15] В феврале 1939 г. Лев Ребет передал руководство организацией Мирославу Турашову (Грабовскому). Сам вскоре был арестован и заключён в Березе Картуской. См. **Motyka G**. Ukraińska partyzantka…, с. 65.

[16] См. подробно: **Poliszczuk W.** Dowody zbrodni…, S. 86, 97, 113 – 116 и 387.

[17] **Kerski B., Kowalczyk A.S.** Wiek ukraińsko-polski. Rozmowy z Bohdanem Osadczukiem, Lublin, 2001, S. 30; **Drozd R.** Ukraińska Armia Powstańcza, Warszawa, 1998, S. 22; **Mazur G.** Poucie w latach drugiej wojny światowej. Położenie ludności, polityka okupantów, działalność podziemia, Kraków, 1994, s. 135; **Prus E.** Atamania UPA, Wrocław, 1996, S. 14.

[18] Это означало – как говорил Богдан Осадчук – «победу крайности и жестокости над эластичностью и умеренностью». **Kerski B., Kowalczyk A.S.** Wiek ukraińsko-polski…, с. 30.

[19] Uzgodnienie i rozbieżności, в: Polska–Ukraina: trudne pytania, T. I–II: Materiały II międzynarodowego seminarium historycznego «Stosunki polsko-ukraińskie w latach 1918–1947», Warszawa, 22–24 maja 1997, S. 229; **Hryciuk G.** Spory wokół konfliktu polsko-ukraińskiego 1939–1945 // «XVI Powszechny Zjazd Historyków Polskich». Wrocław, 15–18 września 1999 roku, S. 361. См. также: W. i E.Siemaszko, Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na ludności polskiej Wołynia 1939–1945, Warszawa, 2000.

[20] **Poliszczuk W.** Dowody zbrodni..., S. 173.

[21] **Hycak J.** Historia Ukrainy…, S. 222.

[22] **Torzecki R.** Polacy…, s. 64. См. также: W.Masłowśkyj, Z kim i przeciw komu…, S. 86; **Poliszczuk W.** Dowody zbrodni…, S. 175 – 176, 189 – 190 i 211.

[23] **Motyka G** Ukraińska partyzantka…, S. 92 – 94.

[24] **Żeleński W.** Zabójstwo ministra Pierackiego…, S. 94.

[25] Полковник Евген Коновалец, лидер ОУН, ликвидированный советским агентом Павлом Судоплатовым в Роттердаме 23.5.1938 г. См. **Sudopłatow P.** Wspomnienia niewygodnego świadka, Warszawa 1999.

[26] Юлиан Савицкий, заключённый Аушвица, Маутхаузена и Эбензее, где умер 5.04.1945 г.

27 Цит. фрагмент одного из вариантов «Акта 30 июня» по: **Poliszczuk W.** Gorzka prawda. Zbrodniczość OUN–UPA (spowiedź Ukraińca), Toronto–Warszawa–Kijów, 1995, S. 174. См. Sic., Dowody zbrodni… S. 191 – 196; **Masłowśkyj W.** Z kim i przeciw komu…, S. 38 – 56; **Mańkowski Z.** Między Wisłą a Bugiem 1939–1944. Lublin, 1978. S. 259.

28 **Motyka G.** Ukraińska partyzantka… S. 89.

29 **Mazur G.** Niemcy i Sowieci a antypolska akcja UPA, в: Antypolska akcja… S. 124.

30 Цит. по: **Poliszczuk W.** Dowody zbrodni… S. 246.

31 **Marunczak M.** Ukrainśki politychni wiazni… S. 67; **Kosyk W**. Ukrajina i Nimeczczyna u druhij switowij wijni. Paryż–Nowy Jork–Lwów, 1993. S. 140; **Poliszczuk W.** Dowody zbrodni… S. 206; **Prus E**. Kurhany. Warszawa, 1993. S. 36.

32 **Marunczak M.** Ukrainśki politychni wiazni… S. 68. Например, Владимир (Володымыр) Мартынец, формирующий местную украинскую администрацию в Богородчанах, был арестован 15.09.1941 г. и заключён сначала в тюрьмы в Станиславе и во Львове, а после в Монтелюпиху в Кракове. Archiwum Państwowego Muzeum Auschwitz-Birkenau w Oświęcimiu (дальше: APMA-B). Materiały z procesu we Frakfurcie nad Menem 1963–1965. T. 110. S. 2 (показание Мартынца).

33 Только в Монтелюпихе в Кракове в 1942 году было заключено около 300 украинских националистов. **Chwalba A.** Dzieje Krakowa. Kraków, 2002. T. V. S. 94.

34 См. **Torzecki R.** Polacy…, s. 315; W.Masłowśkyj, Z kim i przeciw komu…, s. 64.

35 **Motyka G.** Ukraińska partyzantka… S. 91.

36 **Motyka G.** Postawy wobec konfliktu… S. 322; Sic., Ukraińska partyzantka… S. 91 – 92.

37 **Osadczuk B.** Mykoła Łebed'… S. 146; **Torzecki R.** Polacy… S. 319.

38 **Poliszczuk W.** Dowody zbrodni… S. 387; **Motyka G.** Ukraińska partyzantka… S. 92; **Чуев С.** Украинский легион. С. 213.

39 **Hein W**., **Jakubiec Cz.** Montelupich. Kraków–Wrocław 1985. S. 299 – 300; **Torzecki R.** Polacy… S. 124 i 125.

40 Księga Pamięci. Transporty Polaków do KL Auschwitz z Krakowa i innych miejscowości Polski południowej (научная редакция F.Piper i I.Strzelecka), Warszawa–Oświęcim 2002. T. II. S. 1247 – 1253.

41 См. показание Владимира Мартынца.

42 APMA-B. Zespół Wspomnienia, t. 127, k. 61 (воспоминания бывшего заключённого Яна Олшовского).

43 **Marunczak M.** Ukrainśki politychni wiazni… S. 118.

44 Один из министров «национальной власти», учреждённой «Актом 30 июня» 1941 г. во Львове. **Prus E**. Herosi spod znaku tryzuba, Warszawa 1985. S. 185. Дмитро Яцив умер 19.08.1942 г. в больничном блоке №20, наиболее вероятно, от тифа.

45 Роман Полутранка, будучи больным, находился в больничном блоке №20. 14.08.1942 г. врач СС проводил отбор среди больных заключённых. В тот же день выбранные заключённые были убиты инъекцией фенола в сердце. В числе убитых также был Роман Полутранка. APMA-B. Materiały Ruchu Oporu, t. VI, k. 17 B; **Czech D**. Kalendarz wydarzeń w KL Auschwitz,. Oświęcim 1992. S. 224.

46 **Marunczak M.** Ukrainśki politychni wiazni… S. 103 – 110.

47 Księga Pamięci. Transporty Polaków…, t. 2, S. 1255 i 1262. Жена Александра Бандеры была родственницей итальянского министра иностранных дел Галеаццо Чиано (Galeazzo Ciano). Langbein H. Der Auschwitz… T. 1. S. 479.

48 «Ликвидацию» одного из братьев Бандеры в КЛ Аушвиц также подтверждает в своём сообщении Людвик Раевски. APMA-B. Zespół Oświadczenia, t. 21, k. 111.

49 Сравни: APMA-B. Materiały z procesu…, t. 110, S. 2 – 5 (показание бывшего заключённого Владимира Мартынца); **Mirchuk P.** In the German Mills of Death 1941–1945. Washington–New York–London–Münich 1985. S. 43 – 45. **Naumann B.** Auschwitz. Bericht über die Strafsache gegen Mulka und andere vor dem Schwurgericht Frankfurt. Frankfurt am Main–Bonn, 1965. S. 183 – 184. Сохранились акты смерти Александра и Василия Бандеры, из которых следует, что первый из братьев умер 10.08.1942 г., а второй – 5.09.1942 г. APMA-B. Sterbebücher, №28 541/1942 i №19 279/1942, акты смерти Александра и Василия Бандеры. Об их смерти в концлагере Аушвиц также вспоминает: **Kosyk W.** Ukrajina i Nimeczczyna… S. 283 i 380. Юзеф Краль, родился 14.01.1910 г. в Вартогловце (Wartogłowcu) около Тыхова (Tychów), привезён в КЛ Аушвиц 29.06.1941 г., после освобождения из лагеря 19.05.1943 г. работал гражданским рабочим на прилагерной территории. Умер в Катовице в сентябре 1996 г. Irena Pająk, Józef Kral – więzień KL Auschwitz, numer 17401, «Biuletyn Towarzystwa Opieki nad Oświęcimiem» 2007, №50, S. 22 – 26.

50 APMA-B. Zespół Oświadczenia, t. 84, k. 12, сообщение бывшего заключённого Станислава Гадомского. Юзеф Краль на выездной сессии в Бытоме (Bytomiu) по приговору Воеводского Суда в Сталинограде (Катовице) был оправдан от обвинения, что «совершил убийство заключённого Бандеры, а также бил заключённых во время работы черенком от лопаты и приказывал подчиняющихся ему капо издеваться над лагерными заключёнными …». APMA-B. Akta procesowe – procecy różne. Копии акта по уголовному делу Юзефа Краля, t. 55, k. 291 (доступ к оригиналам был предоставлен через Biuro Udostępniania i Archiwizacji Dokumentów IPN-KŚZpNP в Варшаве, akta o sygn. IV K 165/53). Также см. добавленные в приложение объёмистые фрагменты показаний бывших заключённых КЛ Аушвиц во время следствия и упомянутого процесса.

[51] APMA-B. Materiały Ruchu Oporu, t. VI, k. A, B, D-AuI-5/1. Książka kostnicy, k. 201 – 203; **Czech D.** Kalendarz wydarzeń… Oświęcim, 1992. S. 221.

[52] **Mirchuk P.** In the German… S. 44.

[53] APMA-B. Zespół Oświadczenia, t. 21, k. 110 (сообщение бывшего заключённого Людвика Раевского).

[54] **Mirchuk P.** In the German… S. 43 – 44; APMA-B. Zespół Oświadczenia, t. 39, k. 118 (сообщение бывшего заключённого Зигмунда Гаудасиньского).

[55] В списке бывших заключённых КЛ Аушвиц такая фамилия не значится.

[56] Казимеж Колодыньски (Kazimierz Kołodyński), родился 5.01.1913 в Бресте Литовском, проживал в Тересполе, строительный техник, лагерный номер 8629, расстрелян 25.01.1943 г. APMA-B. Sterbebücher, №3600/1943 (акт смерти Казимежа Колодыньского).

[57] Этот факт также подтверждает оберкапо команды «Нойбау» Юзеф Краль. APMA-B. Materiały z procesu…, t. 110, S. 3 – 4 (показание Юзефа Краля).

[58] APMA-B. Zespół Wspomnienia, t. 58, k. 111 (воспоминания бывшего заключённого Леона Соберая).

[59] APMA-B. Materiały z procesu…, t. 110, s. 3 (показание бывшего заключённого Владимира Мартынца). В 1964 году во время процесса во Франкфурте-на-Майне над эсэсовцами из команды концлагеря Аушвиц похожие показания в качестве свидетелей давали другие бандеровцы, которые пережили пребывание в этом лагере и после войны проживали на Западе: Николай Климишин, Петр Мирчук, Алексей (Олекса) Винтоняк и Борис Витошинский. В смерти братьев Бандеры обвиняли уже мертвого Францишка Подкульского и ошибочно Юзефа Краля, безуспешно требуя его ареста в зале суда, так как Краль также выступал на этом процессе в качестве свидетеля. **Bruder F.** «Der Gerechtigkeit zu dienen». Die ukrainischen Nationalisten als Zeugen im Auschwitz-Prozess // Im Labyinth der Schuld. Täter-Opfer-Ankläger. Herausgegeben im Auftrag des Fritz Bauer Instituts von Irmtrud Wojak und Susanne Meinl. Frankfurt–New York, 2003. S. 139 – 149; **Naumann B.** Auschwitz. Bericht über die Strafsache gegen Mulka… S. 183 – 184, 439 – 441; **Podkowiński M.** Banderowska prowokacja na procesie oświęcimskim // «Trybuna Ludu» z 22.05.1964 r.

[60] **Langbein H.** Der Auschwitz-Prozess. Eine Dokumentation. Frankfurt, 1995. T. 1. S. 473 – 474 (показания бывшего заключённого Юзефа Краля).

[61] Эдвард Радомски родился 1.05.1905 г. в Калише, каменщик, № 15314, переведён в Гросс-Розен, а позже в Бухенвальд, судьба неизвестна.

[62] Феликс Марута, родился 1.05.1906 г. в Кракове, каменщик, № 18856, лагерь пережил, после войны проживал в Закопане.

[63] APMA-B. Zespół Oświadczenia, t. 137, k. 882 i t. 39, k. 118 (сообщение бывшего заключённого Зигмунта Гаудасиньского).

[64] APMA-B. Syg. D-AuI-5/1. Książka szpitalna №20, s. 290. 5.08.1942 г. был принят в больничный блок №20, откуда был переведён в больничный блок №28, где умер 5.09.1942 г.

[65] **Langbein H.** Der Auschwitz… T. 1. S. 474 (показания бывшего заключённого Омеляна Коваля).

[66] **Langbein H.** Der Auschwitz… T. 1. S. 478; **Naumann B.** Auschwitz. Bericht über… S. 231.

[67] APMA-B. Sterbebücher, t. 3/2/1943, № 3535 i № 3604 (акты смерти Францишека Подкульского и Феликса Сулиговского, род. 18.11.1892 в Быдгоще).

[68] APMA-B. Zespół Oświadczenia, t. 39, k. 118 (сообщение бывшего заключённого Зигмунта Гаудасиньского); Sic., Mimo wszystko z uśmiechem. Pruszków, 1998. S. 67 i 76.

[69] Ibid., t. 39, k. 115; **Brol F., Wloch G., Pilecki J.** Książka bunkra // «Zeszyty Oświęcimskie» 1957, №1, S. I/105.

[70] Юзеф Лихтенберг, родился 24.10.1914 г. в Саноке, расстрелян 25.01.1943 г.

[71] Влодзимеж Колиньски, родился 13.03.1894 г., офицер, член Союза Воинской Организации в концлагере Аушвиц, 25.01.1943 г. расстрелян у Стены Казней. См. **Cyra A.** Ochotnik do KL Auschwitz. Oświęcim, 2000. S. 86, 111 – 112, 230 i 370.

[72] Факт существования такой группы подтверждает в своём сообщении бывший заключённый Зигмунт Гаудасиньски. Zespół Oświadczenia, t. 47, k. 62 i 67.

[73] APMA-B. Zespół Oświadczenia, t. 21, k. 110 (сообщение бывшего заключённого Людвика Раевского).

[74] «Здесь необходимо добавить, что Краль получил повязку оберкапо только потому, что был отличным строительным специалистом. Со своими подчинёнными обращался очень хорошо, помогал заключённым, особенно женщинам». **Jeleń-Chroń R.** To nie może się powtózyć // Numery mówią, Katowice, 1980, S. 253.

[75] APMA-B. Syg. Mat./14775, инв. № 170428, бланк данных, относящихся к бывшему заключённому Юзефу Кралю, «Чтобы удержаться в должности, смог быть достаточно агрессивным. После войны был осуждён …» – утверждает Станислав Рыняк (Stanisław Ryniak). Zespół Oświadczenia, t. 132, k. 26 (сообщение бывшего заключённого Станислава Рыняка).

[76] APMA-B. Zespół Oświadczenia, t. 85, k. 133 (сообщение бывшего заключённого Яна Кравчука); Materiały z procesu …, t. 110, S. 3 (показание бывшего заключённого Юзефа Краля).

[77] APMA-B. Zespół Oświadczenia, t. 92, k. 267 – 268 (сообщение бывшего заключённого Юзефа Краля).

[78] Księga Pamięci. Transporty Polaków… S. 1290 i 1297 – 1298; **Marunczak M.** Ukraiński polityczni wiazni… S. 107 – 108.

[79] APMA-B. Zespół Materiały, ankiety: syg. Mat./17524, inw. № 174272 i syg. Mat./2325, инв. №44949, анкеты, заполненные бывшими заключёнными: Ни-

колаем Климишиным и Романом Юрьевичем Андришиным (№ 57319). Также см.: АРМА-В. L.dz. IV-8521/1366/1562/1973, переписка с бывшим заключённым Юзефом Селецким (Józefem Sieleckim, № 57369), уроженцем Львова, от 3.04.1973 г.

80 Унтершарфюрер-СС (капрал) Ганс Старк, родился 14.06.1921 г. в Дармштадте, где умер 29.03.1991 г.

81 АРМА-В. Zespół Oświadczenia, t. 114, k. 184 (сообщение бывшего заключённого Казимежа Смоленя).

82 Копия письма Николая Климишина от 30.12.1985 г. к бывшему прокурору Владиславу Желеньскому (Władysława Żeleńskiego), который обвинял его в 1936 году во время процесса в Варшаве в связи с убийством полковника Бронислава Перацкого, имеется у автора.

83 АРМА-В. Zespół Oświadczenia, t. 114, k. 186 (сообщение бывшего заключённого Казимежа Смоленя).

84 **Fejkiel W.** Więźniarski szpital w KL Auschwitz. Oświęcim, 1994. S. 91.

85 **Fejkiel W.** Medycyna za drutami//Pamiętniki lekarzy, Warszawa, 1968, S. 501 – 502.

86 АРМА-В. Zespół Wspomnienia, t. 58, k. 111 (воспоминания бывшего заключённого Леона Соберая).

87 Насчёт участия украинских националистов в аресте львовских профессоров см.: **Albert Z.** Zamordowanie 25 profesorów wyższych uczelni we Lwowie przez hitlerowców w lipcu 1941 r. // «Przegląd Lekarski», 1964, №1, S. 64, 71 – 72, 74 – 75 i 76.

88 **Fejkiel W.** Medycyna… S. 502; Sic., Terror gestapo, banderowcy, szpicle // «Życie Literackie», №3 от 15.01.1961 г.

89 **Prus E.** Herosi… S. 181 i 185.

90 Арестованный со Львом Ребетом и взятым повторно Степаном Бандерой 15.09.1941 г. **Prus E.** Herosi…, s. 189.

91 12.10.1957 г. Лев Ребет был убит в Мюнхене агентом КГБ Богданом Сташинским. См. **Torzecki R.** Polacy i Ukraińcy… S. 322; **Motyka G., Wnuk R.** Pany i rezuny. Współpraca AK-WiN i UPA 1945–1947. Warszawa, 1997. S. 51 i 190.

92 **Marunczak M.** Ukrainśki polityczni wiazni… S. 97. Врач Стронцицкий позже (это также подтверждает бывший заключённый Казимеж Смолень) был эвакуирован в Маутхаузен и Эбензее, выжил. См. также: АРМА-В. Zespół Oświadczenia, t. 116, k. 171 – 172, сообщение бывшей заключённой Ванды Бениошек (Wandy Bienioszek); W.Fejkiel, Szpital…, S. 181. Насчёт этого врача бандеровца бывшая заключённая Зофия Габрись-Домасик (Zofia Gabryś-Domasik), в 1944 г. помещённая в блок №11, рассказывала: «В коридоре поставили ёлку, а мы вышли из камер. Могли петь колядки, один из заключённых даже прочитал стих на польском языке, в котором были карикатурные определения германской системы. Среди заключённых также находился доктор из Украины, который хорошо знал польский язык. После произнесения заключённым стиха, он пересказал приблизительное его содержание одному из постовых (это был эсэсовец Шлаге (Schlage) – **прим. А.Ц.**). Тогда нас насильно разогнали по камерам, а произнесший стих получил жестокие побои». АРМА-В. Zespół Oświadczenia, t. 85, k. 85 (сообщение бывшей заключённой Зофии Габрись-Домасик).

93 АРМА-В. Zespół Oświadczenia, t. 21, k. 111 (сообщение бывшего заключённого Адама Куриловича).

94 **Fejkiel W.** Medycyna za drutami… S. 502 – 503.

95 Тадеуш Шиманьски, родился 13.01.1905 г. в Скажиске-Каменном (Skarżysku-Kamiennej), лагерный номер 11785, вывезен в Маутхаузен в июле 1944 г., выжил. После войны работал врачом в Кракове, где умер 16.06.1969 г. Księga Pamięci. Transporty Polaków …, t. 1, S. 473.

96 Заключённых украинцев также лечил бандеровец, врач Олекса Лятышевский. АРМА-В. Zespół Oświadczenia, t. 71, k. 244 (сообщение бывшего заключённого Шимона Заеги).

97 Ibid., S. 503.

98 **Langbein H.** Der Auschwitz… S. 505 – 506.

99 Свои переживания описал **Petelyćkyj S**. Into Auschwitz, for Ukraine. Kingston–Kyiv, 1999.

100 **Czech D.** Kalendarz wydarzeń… S. 531 i 548.

101 **Marunczak M.** Ukrainśki polityczni wiazni… S. 111 – 118.

102 «Массовые убийства польского населения в феврале 1943 г. начала националистическая фракция Максима Боровца «Тараса Бульбы», так называемые бульбовцы … Однако независимо от бульбовцев к действиям по ликвидации поляков приступила фракция националистов Степана Бандеры …, а также фракция Андрея Мельника … Постепенно бандеровцы подчинили себе боевки остальных националистических группировок и взяли от бульбовцев название Украинская Повстанческая Армия». E.Semaszko, W.Semaszko, Mordy ukraińskie na Wołyniu w czasie II wojny światowej // Europa NIE prowincjonalna, Warszawa–Londyn, 1999, S. 1044. С процитированным определением не согласен Гжегож Мотыка, утверждая, что не нашёл доказательств того, что подчинённые Бульбы принимали участие в ликвидации польского населения. См. **Motyka G.** Ukraińska partyzantka… S. 120 – 121.

103 **Motyka G.** Ukraińska partyzantka… S. 118; G.Mazur, Niemcy i Sowieci a antypolska akcja UPA//Antypolska akcja…, S. 126.

104 АРМА-В. Zespół Materiały, t. 108, k. 169 – 213 (список лиц, привезённых в КЛ Аушвиц из Львова 3 и 28.10.1943 г.).

105 **Motyka G.** Postawy wobec konfliktu… S. 373.

106 Раньше бандеровцы в КЛ Аушвиц находились в различных блоках вместе с заключёнными других

национальностей, например, в блоке № 4, который был блоком видных лагерных лиц, летом 1942 года находились заключённые: Мартынец Владимир, Мирчук Петр, Пасичник Андрей, Пасычняк Василий (Васыль), Полутранка Роман, Пилипенко Олекса, Приймак Василий (Васыль), Рыбчук Богдан и Семчишин Михаил (Мыхайло). АРМА-В. Ewidencja więźniów zarejestrowanych w książce bloku nr 4 w Auschwitz I (opracowanie zbiorowe: Małgorzata Gryska i inni, maszynopis), S. 194, 198, 210, 218, 220, 230 i 238.

[107] **Langbein H.** Der Auschwitz-Prozess… T. 1. S. 473 i 483.

[108] АРМА-В. Zespół Wspomnienia, t. 58, k. 111 (воспоминания бывшего заключённого Леона Соберая) и t. 74, k. 47 (воспоминания бывшего заключённого Мечислава Урбаньского); АРМА-В. Zespół Oświadczenia, t. 77, k. 27 (сообщение бывшего заключённого Станислава Полака); **Bruder F.** «Der Gerechtigkeit zu dienen». Die ukrainischen Nationalisten… S. 143 – 144.

[109] АРМА-В. Zespół Oświadczenia, t. 114, k. 186 – 188 (сообщение бывшего заключённого Казимежа Смоленя).

[110] АРМА-В. Zespół Wspomnienia, t. 220, k. 113 (воспоминания бывшего заключённого Чеслава Аркушиньского).

[111] АРМА-В. Zespół Oświadczenia, t. 114, k. 189 (сообщение бывшего заключённого Казимежа Смоленя).

[112] Факт, что Богдан Комарницкий был шпиком, также подтверждают другие бывшие заключённые КЛ Аушвиц. АРМА-В. Zespół Oświadczenia, t. 33, k. 10, t. 89a, k. 97 i t. 141, k. 127 (сообщения Тадеуша Шиманьского, Романа Тауля и Анны Паларчик); Proces Załogi, t. 54a, k. 146 (показание бывшего заключённого Здзислава Миколайского); **Langbein H.** Der Auschwitz-Prozess… T. 1. S. 474 i 482.

[113] АРМА-В. Zespół Oświadczenia, t. 33, k. 10 (сообщение бывшего заключённого Тадеуша Шиманьского).

[114] **Cegłowska T.** Karne kompanie w KL Auschwitz, «Zeszyty Oświęcimskie» 1975, №17, S. 174 i 185.

[115] **Springe E.** Milczenie żywych. Oświęcim 2001. S. 70 i 71.

[116] АРМА-В. Proces Hössa, t. 2, k. 65 (показание бывшего заключённого Михала Кули).

[117] Дежурный по лагерю, как правило, унтер-офицер.

[118] Комендант лагеря.

[119] **Langbein H.** Ludzie w Auschwitz. Oświęcim 1994. S 203. Также см.: **Iwaszko T.** Podobóz «Fürstengrube», «Zeszyty Oświęcimskie» 1975, №16, S. 140.

[120] «На кухню назначили … несколько украинцев из группы националистов Бандеры. Мы узнали, что … были направлены Политическим Отделом. Сначала атмосфера была очень напряжённой и враждебной. Среди них были: Доманьский, о котором говорили, что он греко-католический епископ, Клим, Мазурок и студент Савицкий. Спустя некоторое время отношения между нами и украинцами стали сносными …». АРМА-В. Zespół Oświadczenia, t. 103, k. 29 (сообщение бывшего заключённого Эдмунда Шиманка). Другой бывший лагерный повар утверждает: украинцы – опасные «капо». АРМА-В. Zespół Oświadczenia, t. 103, k. 37 (сообщение бывшего заключённого Эдварда Вечорка). Стоит процитировать ещё одно высказывание лагерного повара: «С украинцами был в хороших отношениях, один из них обучал меня украинским песням». АРМА-В. Zespół Oświadczenia, t. 103, k. 53 (сообщение бывшего заключённого Анджея Раблина). Казимеж Албин, который в свою очередь работал и ушёл с кухни СС 27.02.1943 г., написал: «Оказалось, что и Политический Отдел посадил своих агентов в нашу команду. Вскоре мы их расшифровали: это были двое украинцев *с* очень высоким статусом, которые через несколько месяцев пребывания в лагере, без серьезной рекомендации попали на такое видное место». List gończy. Oświęcim, 1996. S. 103 – 104. «Член группы Бандеры – показал бывший заключённый Игнацы Голик (№ 9898) – был на кухне СС, называл себя Франек (Васыль Пасычняк – А.Ц.). Мне было известно, что он сотрудничал с Политическим Отделом. Все мы оберегались его и не имели с ним никаких контактов» // **Langbein H.** Der Auschwitz… T. 1. S. 482.

[121] **Mirchuk P.** In the German… S. 88 – 90; **Sobolewicz T.** Wytrzymałem więc jestem. Oświęcim, 1991. S. 146: «Через некоторое время и поляки, и украинцы начали сообща разделять свою участь на кухонной работе, … не помню …, чтобы между нами дошло до конфликтов или доносов».

[122] АРМА-В. Zespół Wspomnienia, t. 60, k. 4 (воспоминания бывшего заключённого Хенрика Зонбика).

[123] Вероятно, что после освобождения из КЛ Аушвиц Николай Климишин был направлен в учебный центр членов Абвера (германской разведки), который назывался Земмеринг (Semmering) и был расположен около Вены. АРМА-В. Zespół Oświadczenia, t. 114, k. 190 (сообщение бывшего заключённого Казимежа Смоленя).

[124] **Bruder F.** «Der Gerechtigkeit zu dienen». Die ukrainischen Nationalisten... S. 154; Księga Pamięci. Transporty Polaków..., t. 2, s. 1297, 1396 i 1402. Среди заключённых ходили слухи, что причиной освобождения бандеровцев из КЛ Аушвиц было то, что значительное их количество вызвались добровольцами в дивизию СС «Галичина». АРМА-В. Zespół Wspomnienia, t. 74, k. 47 (воспоминания бывшего заключённого Мечислава Урбаньского).

[125] **Bruder F.** «Der Gerechtigkeit zu dienen». Die ukrainischen Nationalisten... S. 154.

[126] **Marunczak M.** Ukraiński polityczni wiazni... S. 136.

[127] **Dziopek J.** Walka o życie, в: Pamiętniki nauczycieli z obozów i więzień hitlerowskich 1939–1945. Warszawa, 1962. S. 363.

[128] **Stachiw J.** Kriż, tiurmy, podpilia j kordony. Kijów, 1995. S. 216 – 219 (цитата по: **Poliszczuk W.** Dowody zbrod-

ni… S. 665). Сравни: **Motyka G.** Ukraińska partyzantka… S. 624 – 625.

[129] Ibid., S. 665 i 692. См. также: **Motyka G.** Ukraińska partyzantka… S. 624.

[130] Эта фракция была создана Львом Ребетом совместно с Зеноном Матлой, следовательно, формально её создали только два деятеля, отсюда эту партию также называли партией «двойкарей». **Poliszczuk W.** Dowody zbrodni… S. 678.

[131] **Motyka G.** Postawy wobec konfliktu… S. 366.

[132] Там же, S. 678.

[133] **Baley P.** Fronda Stepana Bandery w OUN 1940 r. Las Vegas 1997. S. 20 – 21 (цит. по: **Poliszczuk W.** Dowody zbrodni… S. 707).

[134] **Motyka G.** Postawy wobec konfliktu… S. 406 – 407. Виктор Полищук утверждает: «… минимальная численность польских жертв от экстерминационной деятельности ОУН-УПА составляет 120 тысяч». **Poliszczuk W.** Dowody zbrodni… S. 488.

[135] **Wilson A.** Ukraińcy. Warszawa, 2002. S. 136.

Дмитрий Жуков

Германские оккупационные органы на территории СССР: структура и юрисдикция

В ходе оккупации европейской части СССР на захваченной территории гитлеровцами был создан чрезвычайно разветвленный административный аппарат с целью решения поставленных нацистским руководством задач. По характеру эти задачи можно классифицировать как:

а) административные;
б) экономические;
в) военно-полицейские;
г) карательные.

Административные задачи предусматривали создание сети военных, полицейских и гражданских органов для управления оккупированными территориями с целью их последующей колонизации.

Под экономическими задачами подразумевалось установление на захваченных территориях режима, который позволял бы обеспечивать ведение войны за счет использования промышленного (сельскохозяйственного, ремесленного, кустарного и проч.) потенциала страны. Кроме того, оккупанты планировали воспользоваться сырьевыми ресурсами СССР. Также осуществлялись мероприятия по вывозу рабочей силы на территорию Рейха.

В круг военно-полицейских задач входило, главным образом, недопущение в тылах действующей армии развертывания партизанской войны и вооруженного сопротивления. В ходе войны по инициативе представителей вермахта возникла задача привлечения в ряды вооруженных сил и вспомогательных формирований «добровольцев» из числа местного населения.

Военно-полицейские задачи дополнялись задачами карательными, обусловленными как мировоззренческо-идеологическими предпосылками, так и соображениями военного характера. Сюда следует отнести физическое уничтожение некоторых категорий местного населения (в первую очередь, коммунистов и евреев), а также борьбу с партизанами и подпольем, так называемое замирение местности[1].

За решение всех этих задач было ответственно значительное число немецких армейских, полицейских и гражданских ведомств и структур, а также коллаборационистские органы и формирования.

По режиму оккупации завоеванные территории подразделялись на три зоны. В первой, так называемой эвакуированной зоне, глубиной 30-50 км, непосредственно примыкавшей к району боевых действий, административный режим был наиболее строгим. Все население отсюда принудительно выселялось в тыл, а в случае любого сопротивления – уничтожалось. Из второй зоны жители не выселялись, но появление вне своих домов было разрешено только в течение нескольких часов в сутки. В третьей зоне был установлен общий режим[2].

По юрисдикции оккупированная территория была разделена на зоны «А» и «В». Глубина первой оккупационной зоны составляла около 250-500 км от линии фронта, и управление здесь осуществляли военные власти. Зона «А» подразделялась на три сектора. Восточный сектор представлял собой зону ответственности действующей армии. За центральный сектор отвечал действовавший на дивизионном уровне Армейский тыловой район (Rückwartiges Armeegebiet), которому подчинялись полевые и гарнизонные комендатуры, охранные батальоны, батальоны охраны тылов и военная полиция. Западный сектор контролировался действовавшим на корпусном уровне Тыловым районом группы армий (Rückwartiges Heeresgebiet), управлявшими комендатурами и соединениями, охранявшими тылы и тыловые коммуникации[3].

В зоне оккупации «В» управление осуществлялось гражданскими властями. В директиве

начальника штаба верховного командования вермахта об установлении оккупационного режима на подлежащей захвату территории СССР (от 13 марта 1941 года) указывалось: «Как только район боевых действий достигнет достаточной глубины, он должен быть ограничен с тыла. На оккупированной территории, находящейся за районом боевых действий, будет организовано собственное политическое управление»[4].

Основными военно-административными подразделениями службы поддержания порядка в военной зоне оккупации были комендатуры (Kommandaturen). Организационно они входили в состав тыла резерва Верховного командования сухопутных войск (ОКХ). Существовали главные полевые комендатуры (Oberfeldkommandaturen), полевые комендатуры (Feldkommandaturen) и гарнизонные комендатуры (Ortskommandaturen).

В функции комендатур входило осуществление административного управления на оккупированной территории, борьба с партизанами, назначение старост и бургомистров, организация вспомогательной полиции и гражданских административных учреждений (из числа пособников из местного населения), которые в дальнейшем подчинялись комендатурам и действовали по их указаниям[5]. Комендатуры возглавлялись, как правило, старшими офицерами, а в крупных городах – генералами.

Перед началом войны с СССР в вермахте было сформировано 18 комендатур армейских тыловых районов и армейских полевых комендатур, 58 полевых комендатур и 181 гарнизонная комендатура[6]. На оккупированной территории действовало 5 главных полевых комендатур (392, 394, 396 – в группе армий «Север», 393, 579 – в группе армий «Юг»)[7]. На 1 октября 1943 года в комендатурах вермахта на советско-германском фронте служило 7 500 солдат и офицеров[8]. У каждой армии в тылу имелось от 2 до 4 полевых комендатур.

В полевых комендатурах имелись отделы: военный, полиции, сельскохозяйственный, транспортный, регистрации и прописки населения, по делам военнопленных и казначейство. Структура гарнизонной комендатуры включала в себя: отделение по работе и организации (Ia), отделение автотранспорта (Ib), офицерский личный состав (IIa), унтер-офицерский и рядовой личный состав (IIb; это отделение также было ответственно за «еврейский вопрос», надзор за ценами и выдачу пропусков), судебное отделение (III; также ведало вопросами противовоздушной обороны, квартирами, трофеями и складами), казначейство (IV). При комендатурах был разветвленный аппарат делопроизводителей и переводчиков. Численность личного состава комендатур обычно не превышала нескольких десятков человек[9].

В стратегически важных городах могло быть организовано несколько комендатур. Так, с захватом части Сталинграда немецким военным командованием были созданы две комендатуры: «Сталинград-Центр» (Дзержинский и Ерманский районы) и «Сталинград-Царица-Юг» (Ворошиловский район). Спустя некоторое время была создана третья комендатура (в северной части города). Комендантами этих комендатур являлись офицеры полевой жандармерии. Комендатурами были сформированы городские управы, начаты облавы (в первую очередь на коммунистов и евреев) и обыски. 1 октября 1942 года в Сталинград прибыл назначенный комендантом города генерал-майор Леннинг вместе с 30 сотрудниками. По первоначальному плану комендатура Сталинграда должна была иметь до 130 сотрудников, распределенных по 9 отделам. Однако уже через несколько дней Леннинг убыл, а оставшуюся в городе единую временную комендатуру возглавил майор Шпейтель. Его основной задачей была принудительная эвакуация гражданского населения из города. В конце концов, временная единая комендатура была вновь разделена на три комендатуры по районам Сталинграда[10].

Зачастую при комендатурах существовали подразделения тайной полевой полиции, охранные, полицейские и жандармские части и подразделения, совместно с которыми проводились акции «замирения территории». Так, на аппарат комендатур повсеместно возлагалась задача организации гетто и регистрации населения. Комендатурами вермахта (иногда совместно со службами полиции безопасности и СД) было сформировано свыше 400 гетто на Украине, более 200 – в Белоруссии, десятки – в Прибалтике, Молдавии и России. Показателен пример попытки создания гетто в Ржеве. С середины октября 1941 года гарнизонная комендатура I/532 города (комендант полковник Кучера) начала регистрацию евреев и создание гетто, однако уже в конце месяца в отчете комендатуры указывалось, что создание гетто оказалось излишним из-за того, что в городе проживает лишь один еврей[11].

В июле 1942 года полевая комендатура Брянска приказала начальникам районов, старшинам и старостам провести регистрацию всех жителей по двум спискам. В список «А» включались граждане, проживавшие в данном населенном пункте до 22 июня 1941 года, в список «В» заносились евреи, иностранцы, а также лица, приехавшие в населенный пункт после 22 июня, прибывшие из Красной Армии и состоявшие в коммунистической партии. Евреям было предписано носить на правой руке большую повязку с желтой звездой или кругом, а жителям других национальностей запрещалось приветствовать евреев[12].

Оккупационные войска вермахта (как правило, непригодные для боевого использования) были представлены соединениями, частями и подразделениями, подчиненными тыловому командованию: охранными дивизиями (9) и бригадами (4), тайной полевой полицией, полевой жандармерией (15 батальонов), корпусом фельдъегерей (с 1943 года), учебно-полевыми (5) и резервными (18) дивизиями, а также, в ряде случаев, пехотными дивизиями, личный состав которых был набран из негодных к строевой службе солдат[13]. В функции оккупационных войск входили: комендантская служба, конвоирование и охрана военнопленных, контроль за передвижениями по дорогам, охрана объектов, проведение карательных акций и т.п.

Охранная бригада состояла из штаба и трех пехотных полков двухбатальонного состава, охранная дивизия – из штаба, комендатуры, одного пехотного полка трехбатальонного состава, различных подразделений снабжения. Иногда охранным дивизиям придавались моторизованные полицейские батальоны или части ландвера (так называемых «земельных стрелков»)[14].

21 июля 1939 года по приказу начальника штаба Верховного командования вермахта генерал-полковника В. Кейтеля была сформирована Тайная полевая полиция (Geheime Feldpolizei, ГФП). Эта военно-полицейская структура вермахта (сухопутных войск и военно-воздушных сил) выполняла надзорные и карательные функции в системе оккупационного аппарата на территориях, подчиненных военному командованию (в армейских тыловых районах и тыловых районах групп армий). Руководил ГФП шеф полевой полиции вермахта (Feldpolizeichef der Wehrmacht), военный чиновник в ранге генерал-майора (все служащие ГФП относились к категории военных чиновников), который находился при штабе ОКВ. По линии сухопутных войск ему подчинялся шеф полевой полиции сухопутных войск (Heeresfeldpolizeichef) – К. Циглер[15]. Личный состав ГФП набирался в основном из сотрудников криминальной полиции («крипо»), а также тайной государственной полиции («гестапо»). На оккупированной территории СССР ГФП находилась в оперативном подчинении органов военной контрразведки, отчитываясь перед управлением «Абвер-Заграница», в состав которого входил реферат «Feldpolizei der Deutsche Wehrmacht» (начальник полковник В. Крихбаум).

Функции ГФП предполагали: выявление «антигосударственной деятельности», борьба с саботажем, шпионажем, уголовными преступлениями в военной среде, отслеживание настроений в войсках, осуществление (совместно с полицией безопасности) контрразведывательных мероприятий, розыск и допрос военнопленных и выявление среди них командиров, большевиков и евреев, контроль за почтовой, телеграфной и телефонной связью гражданского населения. Нередко ГФП выполняла и карательные функции[16].

Подразделения ГФП были представлены группами (Geheime Feldpolizei Gruppe), комиссариатами (Komissariate), наружными командами (Aussenkomand) и отделениями. Группы находились при штабах групп армий, армий и полевых комендатурах. Комиссариаты и команды – при корпусах, дивизиях и гарнизонных комендатурах. В одну группу ГФП входило от 80 до 100 сотрудников. Группы ГФП подчинялись абверофицеру отдела 1с штаба соответствующей армии или полевой комендатуры. Подразделения ГФП могли формироваться при соединениях и частях вермахта, в основном охранных дивизиях[17].

Полевая жандармерия (Feldgendarmerie) осуществляла полицейские функции в войсках и на оккупированных территориях. В вермахте фельджандармерия была сформирована в ходе мобилизации в августе 1939 года. Ее сотрудниками были преимущественно обладавшие большим опытом бывшие служащие полиции и армейские унтер-офицеры.

Старший по званию офицер фельджандармерии находился в непосредственном подчинении генерал-квартирмейстера сухопутных войск. Следующие по уровню командиры состояли при командовании каждой из армий. Это были штаб-офицеры, которые

контролировали все подразделения фельджандармерии при армии. Каждая полевая армия вермахта располагала батальоном фельджандармерии (находился в подчинении командующего тыловым районом), а каждая дивизия – отрядом. Батальон состоял из группы управления, отделения технической поддержки, трех рот, группы обеспечения[18].

К началу войны с СССР в вермахте было 15 батальонов полевой жандармерии. На 1 октября 1943 года в 198 подразделениях полевой жандармерии на советско-германском фронте служило 5 тыс. солдат и офицеров. В задачи фельджандармерии входили контроль и организация дорожного движения, поддержание порядка и дисциплины, конвоирование военнопленных, предотвращение беспорядков, контроль над населением на оккупированных территориях, разоружение гражданского населения, поиск и задержание бежавших военнопленных, проверка документов, патрулирование населенных пунктов, пресечение саботажа, арест дезертиров, борьба с партизанами[19].

Подразделения фельджандармерии существовали и в войсках СС (при каждой дивизии была сформирована группа полевой жандармерии, состоявшая из 1 офицера, 4 унтер-офицеров и 36 солдат).

Полевая жандармерия активно использовалась на оккупированных территориях. Подразделения фельджандармерии могли функционировать при полевых комендатурах. К примеру, в состав гарнизонной комендатуры города Ржева входил начальник части полевой жандармерии 531 лейтенант Медров. Ему подчинялись три роты, которые были рассредоточены по району[20].

В 1941–1942 годах при продвижении вермахта вглубь советской территории штабы фельджандармерии, прибывающие в оккупированные районы, немедленно приступали к организации из числа пособников из местного населения так называемых Местных боевых отрядов (Einwohner Kampf Abteilung, ЕКА), задачей которых являлись: вооруженная борьба с партизанами, осуществление репрессивных мер по отношению к населению, охрана объектов и коммуникаций, содействие в проведении карательных мероприятий оккупантов. В дальнейшем ЕКА находились в непосредственном подчинении фельджандармерии[21].

Показательна практика, согласно которой каждому фельджандарму выдавалась вторая, фальшивая солдатская книжка. Ее и следовало предъявлять в случае пленения (а подлинные документы предписывалось уничтожать)[22].

В ноябре 1943 года в вермахте был создан корпус фельдъегерей (Feldjägerkorps), отчасти дублировавший функции полевой жандармерии. Существовало три фельдъегерских командования, два из которых (I и II) использовались на оккупированной территории СССР. В задачи фельдъегерей входило поддержание порядка и дисциплины, пресечение паники, действия в качестве «заградительной сети», участие в разного рода карательных акциях[23].

Хотя к выполнению карательных задач в той или иной мере привлекались все вышеупомянутые органы, структуры и формирования, основная нагрузка по уничтожению определенных групп населения на оккупированной территории, а также полицейская охрана занятых областей ложились на ведомство Гиммлера. Еще накануне войны с Советским Союзом Гитлер провел ряд совещаний с участием высших представителей вермахта и СС, войсковые формирования которых во время войны находились в оперативном подчинении ОКВ. Распределению карательных функций были посвящены межведомственные совещания представителей вермахта и СС, результаты которых нашли отражение в директивах к плану «Барбаросса» от 13 марта 1941 года, где указывалось, что выполнение «специальных задач» в районе боевых действий ложится на рейхсфюрера СС. 26 марта 1941 года шеф Главного управления имперской безопасности Рейнхард Гейдрих и генерал-квартирмейстер ОКХ генерал-майор Эдуард Вагнер заключили соглашение о разграничении полномочий между армией и оперативными группами полиции безопасности и СД. При этом вермахт должен был предоставлять эсэсовским айнзатцкомандам материально-техническое обеспечение. Это соглашение было подтверждено приказом главнокомандующего сухопутными войсками генерала Вальтера фон Браухича от 28 апреля 1941 года, посвященным различным аспектам взаимодействия зондеркоманд СС и командования тыловых районов вермахта[24].

В мае-июне 1941 года для действий на оккупированной территории СССР было создано четыре айнзатцгруппы (A, B, C и D). Помимо этого, в 1941 году в Западной Белоруссии действовала айнзатцгруппа особого назначения. Личный состав айнзатцгруппы

насчитывал от 550 до 1 200 человек. Айнзатцгруппы подразделялись на айнзатцкоманды (130-160 человек) и зондеркоманды (70-82 человека)[25].

Масштаб карательной практики потребовал привлечения к решению этих задач полицейских формирований, укомплектованных как германскими сотрудниками, так и местными коллаборационистами. Так, высшему командованию СС и полиции подчинялись полицейские батальоны (к 1943 году были развернуты в 38 полков). После вторжения в СССР 11 полицейских батальонов (общей численностью в 5 500 человек) было распределено по различным регионам оккупированной территории (где они перешли в подчинение высшим фюрерам СС и полиции).

Формирования вспомогательной полиции к 1943 году насчитывали в своих рядах 330 тыс. коллаборационистов. К карательным акциям в основном привлекались подразделения «вспомогательной службы полиции порядка» (Schutzmannschaten), в которых проходили службу 48 тыс. человек[26].

Основным координирующим органом в «гражданской» зоне оккупации (или в зоне оккупации «В») являлось Министерство по делам оккупированных восточных территорий (Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete, кратко именовалось также Восточным министерством), созданное на основании приказа Гитлера «О гражданском управлении в оккупированных восточных областях» от 17 июля 1941 года. В приказе оговаривалась, что «по прекращении военных действий во вновь захваченных восточных областях управление этими областями переходит от военной администрации к гражданским властям», с целью «восстановления общественного порядка, общественной жизни… и их поддержания». Приказ устанавливал, что «подчиненные имперскому министру по делам оккупированных восточных территорий вновь оккупированные области подразделяются на имперские комиссариаты; они в свою очередь подразделяются на генеральные округа, и эти последние – на районы. Несколько районов могут быть объединены в главные округа»[27].

Во главе Восточного министерства находился рейхсляйтер НСДАП Альфред Розенберг, а его заместителем и постоянным представителем на оккупированной территории являлся Альфред Мейер. Центральный аппарат ведомства располагался в Берлине, сначала в бывшей резиденции югославского посланника (Раухштрассе, 17–18), а с 1942 года – в бывшем здании советского посольства (Унтер ден Линден, 63). Структурно министерство состояло из политического, административного и экономического главных управлений и отдела Z (центральное управление)[28]. Для укомплектования штата министерства было откомандировано 144 фюрера штурмовых отрядов (СА), 711 чиновников Министерства внутренних дел и представителей имперского трудового фронта[29].

На подведомственных Восточному министерству оккупированных территориях изначально предполагалось организовать пять имперских комиссариатов. Фактически были созданы только имперские комиссариаты «Остланд» и «Украина», которые начали работу с сентября 1941 года.

Имперский рейхскомиссариат «Остланд» (Reichskommissariat Ostland) во главе с Генрихом Лозе и с центром в Риге включал в себя территорию Белоруссии, республик Прибалтики и частично РСФСР (главный район «Смоленск» с окружными областями «Смоленск», «Невель», «Велиж», «Ярцево», «Рославль», «Жуковка»). В состав комиссариата вошли генеральные округа «Белоруссия» (генеральный комиссар Вильгельм Кубе, затем – Курт фон Готтберг), «Литва» (Адриан фон Рентельн), «Латвия» (Отто Дрекслер), «Эстония» (Карл Лицман).

Имперский комиссариат «Украина» (Reichskommissariat Ukraina) во главе с Эрихом Кохом и с центром в Ровно подразделялся на волыно-подольский (генеральный комиссар – Генрих Шоне), николаевский (Эвальд Опперман), житомирский (Курт Клемм), киевский (Иозеф Квитцрау), днепропетровский (Николаус Зельцнер) и таврический (Альфред Фрауенфельдт) генеральные округа. Помимо этого, предполагалось создать еще семь генеральных округов (Чернигов, Харьков, Донецк, Воронеж, Ростов, Царицын, Саратов)[30].

Аппараты имперских комиссариатов «Кавказ» и «Москва» (во главе с А. Шикеданцем и З. Каше, соответственно) хотя и были сформированы, но к работе приступили только некоторые административные органы на Кавказе и в центральных районах РСФСР. Аппарат имперского комиссариата «Туркестан» сформирован не был[31].

В отдаленной перспективе, согласно инструкции об особых областях к директиве № 21 (план «Барбаросса») от 13 марта 1941 года, планировалось создать на оккупированной совет-

ской территории «отдельные государства с самостоятельными правительствами»[32]. Данная формулировка, по всей видимости, появилась в указанном документе по итогам «опыта» оккупации Польши и, в частности, предложений Расово-политического управления НСДАП. Его руководитель, профессор Вальтер Гросс, еще в ноябре 1940 года направил в СС секретный документ, посвященный тому, как следует обращаться с коренным населением Генерал-губернаторства (бывшей Польши). Гросс писал: «При обращении с лицами ненемецкой национальности на Востоке мы должны проводить политику, заключающуюся в том, чтобы как можно больше выделять отдельные народности… Мы заинтересованы в том, чтобы раздробить эти народности на бесчисленное количество мелких групп. Выходцев из таких народностей… мы будем, разумеется, использовать в качестве служащих полиции и бургомистров. Главами у таких народностей могут быть только бургомистры и представители местных полицейских властей…»[33].

Как известно, в ходе войны оккупантами действительно был создан целый ряд псевдогосударственных марионеточных образований. Наибольшую известность получили органы «самоуправления» на территориях Литвы («государственный совет»), Латвии («генеральный директорат») и Эстонии («государственный директорат»). Однако подобные эксперименты, хотя и в гораздо меньшем масштабе, имели место и на оккупированных территориях других советских республик, в том числе на территории РСФСР[34].

Функции министерства Розенберга дублировались многочисленными органами, подчиненными различным ведомствам и структурам Германии. В упомянутом выше указе Гитлера, в частности, отмечалось, что «обеспечение нормального функционирования предприятий, транспорта и почты вменяется в обязанность ответственным за это высшим имперским властям»[35].

Выполнение экономических задач было возложено преимущественно на подведомственный уполномоченному по четырехлетнему плану Герману Герингу «Экономический штаб Ост» (также именовался «Штабом Ольденбург»). Основные документы, регламентирующие его деятельность, были представлены в так называемой Зеленой папке, составленной к 23 мая 1941 года и 1 июня высланной в различные инстанции, связанные с проведением оккупационной политики[36].

Во главе «Штаба Ольденбург» был поставлен генерал-лейтенант Шуберт, которому на местах были подчинены 5 хозяйственных инспекций, 23 хозяйственный команды и 12 филиалов, дислоцировавшихся в пределах действия хозяйственных команд. Работа этих учреждений происходила в тыловых районах сухопутных войск. В районе действия каждой группы армий при начальнике тыла группы армий существовала хозяйственная инспекция, в задачи которой входило экономическое использование оккупированной территории[37].

Подводя итог, можно отметить, что нацистам удалось сформировать в целом эффективный оккупационный аппарат, который позволил до определенного момента довольно успешно решать на захваченной территории репрессивно-карательные задачи и экономически эксплуатировать оккупированные районы. Однако, в конечном итоге, восточная оккупационная политика Германии потерпела крах в результате побед советской армии на театре боевых действий и успешных действий партизанского движения и подполья на оккупированной врагом территории. ■

---

1 Оккупационные органы стран-сателлитов Германии в данном материале не рассматриваются. Подробно не освещается также деятельность коллаборационистских административных органов.

2 ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 43. Д. 53. Копия.

3 **Мюллер-Гиллебранд Б.** Сухопутная армия Германии. 1933–1945. М., 2002. С. 261–262 .

4 Цит. по: Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М., 1968. С. 56–58; Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М., 2009. С. 143–144.

5 ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 43. Д. 53. Копия.

6 **Мюллер-Гиллебранд Б.** Указ. соч. С. 564.

7 **Tomas N.** The German Army 1939–1945. Eastern Front 1941–1943. Oxford, 1999. P. 17, 61.

8 **Мюллер-Гиллебранд Б.** Указ. соч. С. 662.

9 Архив УФСБ РФ по Орловской обл. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 251–269.

10 Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 417–420.

11 **Федоров Е.** Правда о военном Ржеве. Ржев, 1995. С. 15–16.

12 ГАБО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 3. Л. 35.

[13] **Мюллер-Гиллебранд Б.** Указ. соч. С. 343–344.

[14] **Хессе Э.** Немецкие мероприятия по охране страны и войск // Антипартизанская война в 1941–1945 гг. М.-Минск, 2005. С. 45–46.

[15] **Williamson G.** German military police units 1939–1945. Oxford, 1989. P. 16–18.

[16] **Киселев В.И.** Службы безопасности Рейха 1939–1945. Артемовск, 2002. С. 8–9.

[17] **Залесский К.А.** Вермахт. Сухопутные войска и верховное командование. М., 2005. С. 402–403.

[18] **Williamson G.** Op. cit. P. 6–7.

[19] **Мюллер-Гиллебранд Б.** Указ. соч. С. 606, 662.

[20] **Федоров Е.** Указ. соч. С. 16.

[21] От ЧК до ФСБ. Документы и материалы по истории органов госбезопасности Тверского края 1918–1998. Тверь, 1998. С. 279.

[22] **Williamson G.** Op. cit. P. 8.

[23] Ibid. P. 13, 15.

[24] Холокост на территории СССР… С. 145.

[25] Там же. С. 13.

[26] **Дробязко С.И.** Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941–1945. М., 2004. С. 236–270.

[27] Преступные цели – преступные средства... С. 56–57

[28] **Dallin A.** German Rule in Russia 1941–1945. London, 1953. P. 283.

[29] «Vierteljahreshelfte für Zeitgeshichte». 3 H. 1958. S. 283.

[30] **Dallin A.** Op. cit. P. 283; **Залесский К.А.** Кто есть кто во Второй мировой войне. Германия и союзники. М., 2010. С. 444–445.

[31] «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 99.

[32] Преступные цели – преступные средства… С. 23–24.

[33] Цит. по: СС в действии. Документы о преступлениях СС. М., 1969. С. 503.

[34] Имеется в виду организация так называемых административных округов, административная власть в которых, с некоторыми оговорками, предоставлялась органам местного самоуправления. Самым известным, однако отнюдь не уникальным, образованием подобного рода является Локотский административный округ, созданный 19 июля 1942 года германскими военными властями. Утверждения некоторых публицистов о том, что этот округ носил характер «русского государственного образования», следует признать спекуляцией.

[35] Преступные цели – преступные средства… С. 58.

[36] См.: **Загорулько М.М., Юденков А.Ф.** Крах плана «Ольденбург» (о срыве экономических планов фашистской Германии на оккупированной территории СССР). М., 1974.

[37] Преступные цели – преступные средства… С. 28–30.

Ульрих Герберт

Месть, нехватка времени, давление обстоятельств: немецкий вермахт во Франции и на Украине

Задачами этой работы являются, во-первых, показать связь между протестом немецкой военной администрации в Париже против расстрелов французских заложников и приведением в исполнение «Окончательного решения еврейской проблемы» во Франции. Во-вторых, исследовать политические, военные и идеологические предпосылки, которые характеризовали действия вермахта в войне с Советским Союзом. Такие факторы, как увеличение продолжительности войны, военные неудачи, трудности со снабжением и угроза действенного сопротивления Советского Союза, были связаны с постоянно обновляемой верой немцев в то, что немецкие войска могли управлять этими угрозами только с помощью крайней жестокости и отказа от всех сдерживающих и замедляющих убеждений и отношений.

Методы управления немецких оккупационных властей во Франции всегда считались противоположностью немецкому режиму террора, установленному на оккупированных территориях Советского Союза, Польши или Югославии. По распространенному убеждению, немецкая оккупационная власть во Франции в целом была сдержанной, не нарушала международных прав и не противоречила своду правил и норм поведения солдат. Там же, где международные права нарушались, это якобы происходило по приказу вермахта и при конфликтах с самим Гитлером.

Насколько описанная картина соответствует действительности? При решении каких вопросов между Военной комендатурой во Франции и руководством Берлина возникали конфликты, а какие вопросы решались мирно? И какие мировоззренческие и ценностные системы сложились у немецких офицеров и служащих в Париже?

Завоеванная и оккупированная Франция не управлялась напрямую органами власти Германии, как это было в случае с оккупированной Польшей. Решающее значение при этом имели личные и финансовые причины. Франция подчинялась во время оккупации очень лояльно настроенной немецкой военной администрации во главе с «военным комендантом во Франции», генералом, который действовал как губернатор. С октября 1940 года эту должность занимал генерал Отто фон Штюльпнагель – типичный представитель прусской военной касты, консервативный и корректный в узких рамках своего мировоззрения. В Париже около 200, а на всей оккупационной территории менее 1 000 немецких офицеров и военнослужащих руководили французскими органами правления и держали страну под контролем Германии[1].

Для большинства офицеров и служащих военного управления, находившегося в парижской гостинице «Majestic», победа Германии над Францией была чем-то вроде претворения в жизнь новейшей немецкой истории. Их политическое мировоззрение определялось уверенностью в социальной верховной власти военных, радикальном национализме и ориентации на авторитарную модель государства и общества. С точки зрения внешнеполитической обстановки, в Европе доминировала перспектива гегемонии и потребность в реванше за поражение Германии в Первой мировой войне. Восстановление немецкой военной власти после 1933 года и, прежде всего, быстрые немецкие победы после 1939 года прочно связали офицеров и служащих военного управления с Гитлером. Но в то же время они находились на покровительственной дистанции от «партийных людей».

В первый период немецкой оккупации Франции сформировался ряд конфликтных вопросов, в которых отличающиеся или противоречащие друг другу взгляды Гитлера противостояли взглядам парижской военной администрации. Один из таких вопросов касался расстрела заложников.

С началом войны Германии с СССР в 1941 году во Франции также началось активное вооруженное сопротивление немцам, которое выразилось в покушениях и попытках взрывов. Поначалу военное управление во Франции реагировало на это интенсифика-

цией охраны, выслеживанием групп сопротивления и их ликвидацией. 4 августа 1941 года было вынесено постановление о смертной казни участников «коммунистических козней». Французской полиции было поручено провести череду арестов, в ходе которой были задержаны и отправлены в лагерь Дранси более 4 тыс. человек.

Разумеется, подразделения вермахта прибегали к более суровым мерам. Однако был риск, что до сих пор спокойное сотрудничество с французским управлением и населением окажется под угрозой. Военное управление неоднократно подчеркивало, что хотело бы по возможности избежать повторения во Франции «польского сценария». Тем не менее, 21 августа 1941 года впервые было решено объявить заложниками всех французов, арестованных немецким административным аппаратом в оккупированной Франции. Поскольку 3 сентября произошло еще одно покушение, военный главнокомандующий велел расстрелять трех коммунистов, находящихся под арестом в качестве заложников[2].

К делу подключились также Кайтель и Гитлер. Военному коменданту сообщили, что Гитлер счел реакцию парижской военной администрации на покушения недостаточной: при следующем покушении на убийство какого-либо немца должны были быть расстреляны как минимум 100 заложников. Без таких суровых мер нельзя быть господином[3]. И через несколько дней Кайтель постановил: «Политические отношения между Германией и завоеванной страной при установлении оккупационной власти невозможны»[4]. Это постановление указывало на суть расхождений во мнениях. В основе действий немецких оккупационных властей в каждой завоеванной стране лежали политические отношения с этими государствами. Под этим понималась собственная политико-культурная оценка этих стран и определение степени контроля военными властями оккупированной территории. Что в Сербии и России в это время было общепринятым, во Франции вызывало протест. Сам Штюльпнагель и его соратники подвергли критике распоряжения Гитлера, которые могли перевести французов в лагерь противников.

Но поскольку 20 октября последовали новые политические убийства, главнокомандующий под сильным давлением штаб-квартиры фюрера объявил о расстреле по 100 заложников за каждое покушение. 22 и 24 октября были казнены 98 заложников – мера, вызвавшая ужас как у населения Франции, так и за границей.[5]

В ответ на это в военном управлении в Париже стали искать пути, как реагировать на дальнейшие требования крайних карательных мер, не расстреливая первых попавшихся французских заложников. Предложения затронули совершенно иную сферу политики: действия антиеврейского военного управления во Франции. При этом следует сделать несколько замечаний: «еврейской политикой» во Франции до лета 1942 года занимались не уполномоченные СС и охранная полиция, как в оккупированных странах на востоке, а штаб управления Военной комендатуры.[6] Уже в августе 1940 года, когда ни немецкая охранная полиция в Париже, ни охранная центральная служба Рейха не предприняли каких-либо мер в этом направлении, штаб управления решил придерживаться жестких принципов еврейской политики. «Военное управление не должно пассивно реагировать на еврейский вопрос… Более того, настало время создать в оккупированной Франции условия для достижения дальнейших целей немецкой политики в данной сфере. Эти цели несомненно заключаются в том, чтобы во всех областях жизни, включая экономику, полностью искоренить еврейское влияние»[7]. В соответствии с данным постановлением во Франции были в срочном порядке изданы указы об арестах, дискриминации и лишении прав евреев. Без ощутимого давления военное управление не отнеслось бы так серьезно к этому процессу.

Никто из ведущих офицеров парижской военной администрации не ощущал себя радикальным антисемитом в национал-социалистском смысле; враждебность к евреям не доминировала в их понимании мироустройства. Выраженного по-разному, но по большей части равнодушного традиционно-консервативного антисемитизма им оказалось достаточно. С одной стороны, большинство офицеров были безразличны к благополучию евреев во Франции, с другой – запланированные акции против евреев осуществлялись из убеждения, что евреи являются самыми большими противниками немецкой оккупации, так что здесь на переднем плане выступали «аспекты безопасности». И, наконец, утвержденные антиеврейские мероприятия проводились на «законных» основаниях, в то время как «незаконные эксцессы» сотрудников Военной

комендатуры якобы отклонялись. «Еврейский вопрос» для военных в Париже был скорее второстепенным театром военных действий, который в целом не вызывал интереса на фоне ожесточенной дискуссии Гитлера и Кайтеля относительно вопроса о расстреле заложников играл явно второстепенную роль.

Уже первый массовый арест после покушений 4 августа 1941 года, при котором в лагерь Дранси было отправлено более 4 тыс. человек, затронул, прежде всего, евреев. У большинства служащих в военной администрации не осталось сомнений в том, что существует связь между коммунизмом, политическими убийствами и евреями, тем более что среди тех, кто совершал покушения, арестованы были, в первую очередь, французы еврейского происхождения. После того как в конце октября 1941 года штаб-квартира фюрера отдала распоряжение о том, чтобы после каждого убийства немца расстреливалось 100 французов-заложников, штаб Военной комендатуры стал искать способы приведения в исполнение мер наказания и репрессий, с помощью которых можно было бы изучить их карательное и превентивное воздействие на совершивших покушение и при этом не затронуть невиновных и не подвергнуть опасности политику коллаборационизма. Офицеры штаба управления разработали план, который заключался в том, чтобы не расстреливать дальше французов, объявленных заложниками, а депортировать большее количество людей «на восток для принудительных работ»; за исключением коммунистов, прежде всего евреев, и в особенности иностранных евреев, которые иммигрировали во Францию после 1918 года и, по всей вероятности, ожидали от местного французского населения только солидарности[8].

Когда 28 ноября было совершено очередное политическое убийство, жертвами которого стали три немецких солдата, военное управление впервые попыталось применить этот новый план. Вместо расстрела 300 французских заложников, как велел Гитлер, Штюльпнагель предложил OKH экзекуцию «50 евреев и коммунистов», «наложение штрафа в размере 1 млрд франков на евреев из Парижа» и «интернирование и депортацию на восток евреев, замеченных в криминальных делах или выступивших против Германии». При этом речь шла о 1 000 человек[9].

Всего через несколько дней последовали другие покушения со смертельным исходом. После этого военное управление вместе с немецкими исполнительными властями провело акцию, в результате которой 12 декабря 1941 года 743 еврея мужского пола (большинство из которых являлись состоятельными людьми и французскими гражданами) были арестованы и отправлены в лагерь Компьен, находившийся под немецким контролем. Из этого лагеря их должны были переправить «на восток». К ним были добавлены (до 1 000) еще 300 заключенных, главным образом евреев, из лагеря Дранси.[10]

Однако попытка Штюльпнагеля избежать организованного массового расстрела французских заложников с помощью депортации евреев «на восток» не удалась.[11] Хотя Гитлер и Кайтель одобрили предложение Штюльпнагеля относительно депортации 1 000 евреев, но не вместо расстрела заложников в соотношении 1 к 100, а в дополнение к этому. После этого Штюльпнагель был снят с должности Военного коменданта.[12] Возмущение в его штабе управления действиями Гитлера по вопросу заложников было исключительным: был поднят вопрос об офицерской чести, дополненный размышлениями юридического характера, моральными угрызениями совести, политическими и мировоззренческими соображениями о будущем Европы, культурном и «расовом» положении французов, а также дальнейшем развитии немецко-французских отношений. Из воспоминаний участников известно, что приказ о массовых расстрелах французских заложников существенно ухудшил отношение офицеров к режиму и подготовил путь, который привел, в конце концов, к участию или хотя бы одобрению многими офицерами в штабах Военной комендатуры попытки восстания 20 июля.

Итак, очевидно, что с целью предотвратить и прекратить массовые расстрелы заложников военное управление предложило начать массовые депортации французских евреев «на восток». Из этого предложения развилась распространенная практика. 23 марта из лагеря Компьень отправился первый поток в Освенцим – он отметил начало массовой депортации французских евреев в лагерь смерти на востоке. Политические усилия парижского военного управления прекратить расстрелы заложников, которые в течение нескольких месяцев находились в центре внимания немецких служб во Франции и французской общественности и которым после войны всегда приписывали благо-

родные мотивы, привели, таким образом, к «окончательному решению еврейского вопроса» во Франции.

Из описанного здесь конфликта можно сделать следующие три вывода:

1. Офицеры в штабах Военной комендатуры были готовы вступить в конфликт с режимным командованием и самим Гитлером, когда приказы из Берлина затронули области, оскорбившие их самосознание и солдатскую честь и одновременно противоречившие их политическим представлениям о нужной форме оккупационного управления в Париже, как это произошло в случаях с массовым расстрелом французских заложников и возражениями против экспроприации французских произведений искусств немецким административным аппаратом.

2. Однако указанное отношение было, очевидно, не повсеместным. Потому что против соответствующих действий немецких учреждений в странах Восточной и Южной Европы восставали, как мы увидим, вовсе не военные; в некоторых случаях это были частные лица. При этом решающее значение имеет культурная оценка Франции и французов, а также связанная с этим позиция, которая заключается в ином, более гуманном, отношении к культурным и цивилизованным нациям, считающимся равными, по сравнению с менее развитыми.

3. В противоположность этому в отношении к действиям против евреев, а также к мерам против коммунистов между берлинским руководством и парижским военным управлением не возникало никаких коренных разногласий. Более того, здесь военные вели себя особенно инициативно и форсированно. Коммунисты считались врагами Германии и агентами Советского Союза и из-за этого подвергались преследованиям.

Еврейская политика базировалась на ярко выраженном, однако скорее традиционном антисемитизме. Евреев не любили и считали менее развитым народом с точки зрения культуры и цивилизации. Однако одного антисемитизма офицеров управления было недостаточно для объединения еврейского вопроса и вопроса о заложниках и депортации. Решающим стало огромное давление, под которое попал штаб управления в своем стремлении сохранить спокойную оккупационную политику коллаборационизма, несмотря на политические убийства. Можно было пойти на уступки, чтобы отстоять главное. Обращение с французскими евреями как раз и было таким второстепенным вопросом в глазах протагонистов: надо было непременно проявить «твердость», лучше всего к какой-либо группе, которую не любили, которая не относилась к французам, которая была уже дискриминирована и не имела защитников и которую и так подозревали в интригах и покушениях, а также считали, что она является ядром антигерманской оппозиции. Этот последний аспект, несомненно, был главным, он стал определяющим и якобы обосновывал разумное, рациональное и идеологически верное решение о депортации евреев из страны.

Касательно судьбы евреев на Востоке, то не позднее чем с декабря 1941 года в военном управлении не возникало иллюзий относительно судьбы евреев «на востоке». Через одного из офицеров, откомандированного с восточного фронта в Париж, руководитель отделения юстиции Бэльц уже в начале октября 1941 года получил точную информацию о массовых убийствах в лагере Бабий Яр и позаботился о том, чтобы об этом стало известно всем и как можно быстрее. Служащий военного управления Вальтер Баргатский написал в своих мемуарах: «Тогда же все стало известно и в “Majestic” также все было известно»[13].

Перед началом войны с Россией по армиям распространились приказы, предусматривавшие совсем другие, более жесткие меры обращения с гражданским населением[14]. Посредством судебных постановлений, распоряжений комиссара и «директив относительно образа действий войск в России» было приказано сразу же расстреливать так называемых партизан, политических комиссаров Красной Армии, гражданских комиссаров и «вражеских гражданских лиц», которые выступали против вермахта. Кроме того, в директивах относительно образа действий войск содержалось требование о «полном устранении активного или пассивного сопротивления», особенно это касалось «большевистских подстрекателей, партизан, саботажников, евреев».[15]

В любом случае быстро выяснилось, что война с Советским Союзом была не такой, какую ожидали немецкие и другие военные специалисты, не «блицкригом». Военное сопротивление немцам было основательным, а наиболее неожиданными стали проблемы со снабжением и питанием. Наряду с этим с самого начала войны с Советским Союзом немцам не хватало времени. Следовало рас-

считывать, по крайней мере, что война будет длиться до зимы. Это не только нарушило стратегические планы немецкого управления, но и быстро отрицательно сказалось на ресурсах Рейха, а также вызвало изменения в характере войны на истощение, к перспективе успеха в которой скептически относилось даже управление вермахта. По мере того как ухудшалось военное положение осенью 1941 года и становилась очевидной нехватка сил, ресурсов и времени, от солдат требовали все большей беспощадности, а также мгновенного и жесткого подавления любого сопротивления, особенно гражданского. Тактичное отношение к местному населению – в случаях, касавшихся снабжения, – что еще можно было наблюдать во Франции, не должно было иметь места в Советском Союзе. Решающей была необходимость закончить войну как можно скорее. То, что это приведет к голоду населения Советского Союза с возможными миллионами жертв, уже до начала войны было просчитано и полностью одобрено[16].

При этом быстро выяснилось, что у большинства немецких офицеров было мало культурных границ или иных сдерживающих факторов по отношению к населению Советского Союза (в отличие от французов) и еще меньше – по отношению к евреям. Идеологически подкрепленное представление о единстве еврейства и большевизма, которое было широко распространено в Мюнхенской Советской Республике в кругах немецких националистов, стало здесь более актуальным и радикальным. Этому способствовало среди прочего то обстоятельство, что нееврейская часть населения, прежде всего в Прибалтике и на Украине, в рамках передаваемого из поколения в поколение антисемитизма, усматривала в евреях подстрекателей большевизма. Если речь шла о поиске виновных в политических убийствах и саботажах против немецких оккупационных войск, опять-таки на передний план выступали евреи. Таким образом, местное население пыталось отклонить гнев немцев от своего народа.

Чтобы ускорить наступление, немецким военным было приказано не штурмовать такие крупные города, как Ленинград, Москва и Киев, а окружать их и брать измором. Перед началом войны было решено не отправлять урожай плодородных южных регионов Советского Союза для снабжения больших городов на севере, а отдать его в пользование немецким войскам или переслать в Рейх. Таким образом, это снимало с немецких войск заботу о местном населении. Эти предписания вызвали одобрение у командования армии, однако не только не улучшили снабжение войск, но способствовали кровопролитным и длительным уличным боям, а также ускорили наступление.[17]

Например, в Киеве, столице Украины, командование 6-ой армии во главе с генерал-фельдмаршалом Райхенау не стало исполнять приказ окружить город и полностью разрушить его с помощью зажигательных бомб. Основной причиной этого явилось то, что Красная Армия покинула город как раз перед подходом к нему немецких войск. Также не предвиделось кровопролитных боев. К тому же командование не хотело потерять очень нужный городской мост через реку при продвижении всего южного фронта. 19 сентября 1941 года первые немецкие войсковые подразделения захватили часть Киева. После захвата города возникли существенные проблемы со снабжением населения, поэтому вермахту пришлось сначала делиться с сотнями человек собственными запасами, пока в октябре от Баке, уполномоченного статс-секретаря министерства сельского хозяйства Германии, не пришло распоряжение о прекращении снабжения населения. В дальнейшем получать снабжение должны были только работавшие на немецкие предприятия украинцы, так как иначе не хватило бы запасов для обеспечения немецких войск. С точки зрения генералов, взятие Киева было ошибкой. А блокаду Ленинграда, жертвами которой пали почти миллион человек, генералы, настроенные ранее скептически, напротив, считали целесообразным методом.

В Киеве к проблемам с обеспечением немецких войск прибавились еще и проблемы увеличившихся потерь. Перед отступлением Красная Армия заминировала большую часть города, в том числе оставила бомбы замедленного действия. 24 сентября 1941 года произошли первые крупные взрывы, которые продолжались в течение следующих нескольких дней. К тому же в городе полыхали пожары, и были убиты сотни немецких солдат. Офицеры 6-ой армии также обязаны были предпринимать ответные меры в Киеве, однако здесь наблюдались совсем другие масштабы по сравнению с Францией.

Уже при наступлении, в предшествовавшие несколько недель, 6-ая армия провела карательные акции. После покушений ко-

мандование армии велело расстрелять виновников. Если виновников не могли найти, то проводили коллективные наказания. Они могли заключаться в расстрелах местных евреев или русских, сжигании еврейских или русских домов.[18] При этом постепенно складывалось разделение труда между войсковыми частями 6-ой армии и сопровождавшей их айнзацгруппой 4а, которое было сформировано из подразделений полицейских и СС. Изобличенные партизаны или саботажники расстреливались самими подразделениями вермахта. При коллективных мерах наказания подразделения вермахта передавали задания исполнителям из айнзацгруппы. Непосредственно подразделениям вермахта оставались особо важные задания. Добровольное участие солдат вермахта в смертных казнях, которые были поручены специальному командованию и о которых извещались солдаты, было запрещено с целью предотвращения «одичания войск».

Уже с июля и августа 1941 года при таких коллективных наказаниях расстреливались прежде всего евреи, а максимум в августе особое командование начало уничтожать еврейское население целых районов. На это указывало АОК 6 от 10 августа 1941 года; речь шла о «смертных казнях как необходимых мерах против преступных, большевистских, главным образом еврейских элементов».[19]

В скором времени стала укореняться практика убийств женщин и детей. В Белой Церкви, расположенной западнее Киева, в середине августа гарнизонная комендатура отклонила регистрацию местных евреев[20]. Первые еврейские семьи, прибывшие для регистрации, были разделены: взрослых тайная военная полиция передала особому командованию, которое их вскоре расстреляло, а около 90 детей были заперты в школьном здании. В следующие несколько дней были найдены и расстреляны остальные евреи из местных насленных пунктов. О детях в школе, по-видимому, забыли; во всяком случае, некоторые солдаты слышали их жалобные стоны и обратили на это внимание подполковника Гроскурта из 295-й пехотной дивизии, которая как раз там разместилась. Гроскурт нашел в здании детей в возрасте от нескольких месяцев до 7 лет, которые в течение многих дней находились там без еды и воды и были брошены на произвол судьбы. Вызванный офицер СС особого командования объяснил, что по согласованию с полевым комендантом дети должны быть расстреляны, как и их родители, однако до них пока не дошли руки. Гроскурт велел отсрочить расстрел и потребовал решения вышестоящих инстанций. После этого детям дали еду и питье. Вечером этот случай обсуждался в штабе 6-ой армии. Полевой комендант счел, что «еврейских женщин и детей срочно надо уничтожить… все равно, каким образом». Генерал-фельдмаршал фон Рейхенау наконец решил, «что если акция уже началась, она, естественно, должна быть продолжена». Это произошло следующим утром.

Населению крупных городов больше не помогали с продовольствием. Также отменили массовые смертные казни за политические убийства немецких военных или сопротивление. С этого времени казнили всех евреев конкретной местности, в том числе дети (как уже было в Белой Церкви).

Однако это «рационализаторское» решение уже давно не решало проблем, возникавших в действительности. Синдром, возникший в результате нехватки времени, стратегических неудач, проблем со снабжением, пренебрежительного отношения к населению, антисемитизма и возрастающего сопротивления, в течение нескольких недель стремительно развился в радикализацию.

Вернемся обратно в Киев. После ужасных взрывов и смерти предположительно более десяти немецких солдат должно было последовать соответствующее наказание. Готовые к коллаборационизму части украинского населения нашли виновных во взрывах евреев. Так же это происходило в других подобных случаях. 27 сентября, спустя три дня после первого покушения, генерал Обстфельдер, командовавший 29-м армейским корпусом, провел совещание с комендантом города генерал-майором Эберхардом и другими офицерами. Вскоре после этого офицеры 29-го армейского корпуса и подчиненных дивизий, державших оборону, вместе с представителями особого командования, тайной военной полиции и других институтов разработали меры по захвату. В донесении особого командования значилось: «Предусмотрена смертная казнь как минимум 50 000 евреев. Вермахт приветствует данные меры и настаивает на радикальных действиях»[21].

После этого решения 6-ой армией были расклеены 2 тыс. объявлений с требованием собраться всем евреям утром 29 сентября на одной из площадей города. «С собой

надо взять: документы, деньги, ценные вещи, а также теплую одежду, белье и т.д.» – хитрость, которой ответственные за это позже особенно гордились, так как они до последнего скрывали от евреев их судьбу. Всего 29 и 30 сентября явились более 33 тыс. человек. Из рассказов выживших мы смогли узнать следующее:

«Многие думали, им предстоит переселение в провинциальные города… Семьи испекли хлеб для путешествия, сшили рюкзаки, взяли в аренду повозки и тележки. Поддерживая друг друга, пожилые мужчины и женщины шли вперед… Массы людей двигались непрерывной цепью по Львовской улице, в то время как на тротуарах стояли патрули… Город безмолвствовал. Львовская улица переходит в улицу Мельника, затем начинается нежилая местность с голыми холмами, крутыми покатыми ущельями – Бабий Яр… Под чистым небом стояли письменные столы… Из толпы людей выделяли по тридцать-сорок человек и под охраной вели на "регистрацию". У них сразу же отнимали документы и ценные вещи. Затем немцы заставили людей, всех, без исключения… полностью раздеться. Одежда была собрана и аккуратно сложена. У раздетых людей снимали кольца с пальцев. Потом палачи расставляли обреченных на смерть группами на краю глубокой пропасти и расстреливали их сзади. Тела сбрасывали вниз с обрыва. Маленьких детей сталкивали в ущелье еще живыми»[22].

По подсчетам особого командования, 29 и 30 сентября 1941 года таким образом были убиты 33 771 еврей. После окончания «акции» новое подразделение вермахта взорвало края ущелья с массовым захоронением, так что трупы были погребены под завалами.

Весть о массовой казни распространилась очень быстро; вряд ли кто-то из населения или немецких солдат, расположившихся в Киеве, мог остаться в неведении относительно этой ужасной акции, учитывая ее открытость. Несколько дней спустя о Бабьем Яре, содрогаясь, уже говорили в офицерских казино в Париже[23]. И даже изолированный и притесненный еврейский профессор романистики Виктор Клемперер в Дрездене записал в своем дневнике в начале 1942 года заметку про слухи о массовых убийствах в Киеве.[24]

Было замечено: сами расстрелы проводились подразделениями полиции и войсками СС. Однако сначала вермахт принимал участие в этих акциях. Он согласовал эти массовые расстрелы с особым командованием, расклеил плакаты и, наконец, велел взорвать края массового захоронения другому подразделению. Здесь наблюдается разделение труда, которое было введено в первые месяцы войны с Советским Союзом.

Путь 6-ой армии, который, в конце концов, закончился в Сталинграде, в период с лета по осень 1941 года характеризуется все растущей беспощадностью ввиду непредвиденных трудностей, жажды мести за политические убийства и акции сопротивления, которые за короткое время активизировались и в итоге привели к убийствам десятков тысяч евреев всех возрастов, а также к организации массовых голодных смертей, как в случаях с Ленинградом и миллионами советских военнопленных. Вермахт, который еще во Франции гордился своей честью и независимостью и докладывал Гитлеру даже о нарушениях военного свода правил и норм, сильно изменил режим функционирования здесь, в России. И это ни в коем случае не означало, что все офицеры ощущали себя национал-социалистами. Частичные разногласия относительно управления режимом в определенных областях, единогласие в других вопросах – все это является признаком элиты в Третьем Рейхе. Мы знаем многочисленные примеры того, что офицеры, различными путями форсировавшие меры по уничтожению, и некоторые организаторы массовых убийств в оккупационных управлениях в Восточной Европе воспринимались совсем не как «национал-социалисты». Так, например, они были не согласны с церковной политикой правительства или презирали партию за ее плебейский образ действий.

Когда речь заходит об «идеологических» или мировоззренческих мотивах, имеется в виду вовсе не определенное минимальное количество лозунгов из «Mein Kampf» или «Народного наблюдателя»; скорее, здесь играют роль более распространенные убеждения. Якобы в Первой мировой войне Германия была жертвой предательства – сговора внутренних врагов и внешних противников; евреи были национальным проявлением этого сговора; у немцев было право на реванш за Первую мировую войну; Германия и немцы были лучше других народов; война с Советским Союзом воспринималась, прежде всего, как борьба цивилизации с варварством, и т.д. Названные убеждения были присущи большинству немецких офицеров. Такие идеи

могли, естественно, обостряться в моменты опасности, неудач, притеснений, в то время как противоположные позиции, например, приверженность гуманистическим идеалам, христианское воспитание, представление о солдатской чести, юридические размышления, наоборот, притуплялись.

Процесс низведения на уровень варварства – одичания и растормаживания, который можно было наблюдать на многих театрах военных действий, сработал от обострившейся проблематики войны с Советским Союзом. Влияли нехватка времени, военные неудачи, проблематичное положение с обеспечением, угроза советского сопротивления – и вытекающее из этого новое убеждение, что можно стать господином только с помощью исключительной беспощадности, еще более жесткого наступления, отрицания всех сдерживающих и смягчающих убеждений и заученного отношения к этим угрозам.

Антисемитизм проявился в том, что гонение, угнетение, убийства евреев обосновывались в каждом конкретном случае определенными рационалистическими целевыми установками, а также в том, что протагонисты считали убедительным следующее мнение: евреи – это переносчики большевизма, шпионы, партизаны. Такие убеждения узаконивают образ действий, когда за максимально короткий срок полностью отказываешься от рационального отношения, как мы могли убедиться на примере с детьми в Белой Церкви.

Рационалистские объяснения подобного рода можно обнаружить также в других контекстах: у евреев больше не было места для жизни, поэтому их количество надо было сократить. Или: дальнейшее содержание нетрудоспособных евреев угрожало обеспечению войск. Таким образом, геноцид связывался с военными, полицейскими или политическими целями, касающимися населения, здоровья и благосостояния. Опираясь на патриотические мотивы, эти цели находили поддержку также у людей, которые, казалось, стояли в стороне от национал-социалистов[25].

Мнение, что среди офицеров немецкого вермахта в Советском Союзе якобы преобладала банда фанатиков-убийц, вводило в заблуждение. На самом деле, тот факт, что это заведомо было неправдой,наводил на размышления, внушавшие опасения.

Положение, в котором оказался вермахт, которое мы описали, было обосновано войной на западе: с одной стороны, она считалась большой победой, с другой – показала, что многие из офицеров и солдат действовали исключительно в соответствии с традициями и законами войны. Расстрел заложников в ответ на политические убийства (как это аргументировалось во время войны и эти аргументы мы слышим до сих пор) был допустимым с точки зрения права военного времени, однако и внутри подразделений вермахта были попытки борьбы с чрезмерным использованием подобных репрессий. По распространенному мнению, депортация евреев проходила якобы без ведома или даже против воли вермахта СС и СД. Как мы уже убедились, это не соответствовало действительности.

Еще более проблематичным является перенос этого представления на действия вермахта на востоке, особенно в Советском Союзе. Больший масштаб репрессий объяснялся реакцией на гораздо более жестокое сопротивление Красной Армии. Между тем эти убеждения, по всей вероятности, не вызывали одобрения общества, а переместились в область представлений о правах победителей, правах радикальных. Но связанные с этим базовые предпосылки, как мне кажется, все еще актуальны, так как они соответствуют распространенному и неизбежному желанию немцев: не интегрировать структуру вермахта в массовые преступления режима национал-социалистов, а лишь рассматривать ее в качестве ответной меры – обычной практики для любой армии. В немецкой историографии сильна тенденция считать убийства евреев исключительно делом СС, а с немецких солдат снять ответственность за эти поступки, под предлогом того, что они об этом не знали или, по крайней мере, не хотели этого делать. Или же историки пытаются, как минимум, распределить ответственность за преступления и вину между несколькими сторонами, а преступления вермахта считать соответствующими преступлениям других армий, возможно, даже превышением власти, исключением. Эти стремления очень сильны и вполне естественны. Ведь если число нацистов можно свести к небольшой группе и называть их аутсайдерами и фанатиками, то вермахт при составе более чем в 15 млн солдат представлял практически всех немцев. А кто, идет ли речь о коллективе или об индивиде, может осознавать в течение длительного времени тот факт, что собственный отец или дед были непосредственно связаны с массовыми

убийствами? Данное обстоятельство вызывает потребность в другом прошлом, в таком, с которым было бы проще обращаться и жить. И если желание найти историю, которая стала бы основой для дальнейшей жизни, есть даже у родившихся через много лет после войны, то каким же большим оно должно было быть у немцев в первые десятилетия после войны?

Данное желание вышло на первый план при дискуссии о первой выставке,[26] посвященной вермахту, которая чуть не сорвала и не разрушила «смягченную» картину истории. Но тогда спасительное решение все-таки не было найдено. На ней обнаружили семь фотографий с ошибками в легенде. Раз часть из экспонатов были подписаны неверно, то могли быть неправильными, преувеличенными или односторонними и целые суждения организаторов выставки.

Таким образом, первая выставка, по всей вероятности, усилила вышеописанные тенденции в историографии в результате своей полемической концепции. Но тут последовала вторая, новая выставка, которая не являлась «переработкой» первой. Она охватывала в объективном виде то, что исследовали в течение многих лет историки – как немецкие, так и иностранные.

Благодаря тому, что при создании выставки авторы не использовали популистские приемы, воздействие на зрителя, который осматривает выставку (или, скорее, перерабатывает её), наводило на еще более прискорбные выводы. Вермахт был составной частью национал-социалистической политики подавления и уничтожения. Да, не все солдаты были его непосредственными участниками. Точное число преступников нам неизвестно. И не все офицеры участвовали в преступной деятельности, хотя часто они высказывали не только несогласие, но и одобрение различных аспектов ее проявлений. Выставка показывает, что вермахт в войне на востоке был одним из решающих факторов, предпосылкой и носителем политики уничтожения; что блокада мирного населения и обращение с советскими военнопленными, приведшие к гибели миллионов людей, были частью стратегии и военной тактики, которая в ходе политики обогащения и сокращения численности населения дала начало убийству евреев, поскольку в вермахте было распространены представления о еврейском большевизме.

Уже в первых отзывах часто встречаются следующие упреки: новая выставка является слишком сдержанной, в ней недостаточно смущающих моментов. Но ведь выставка не должна кричать – она представляет, указывает, озвучивает связи и предъявляет зрителю требования, которые через простое выражение ужаса заставляют глубоко задуматься.

Вопреки пропагандистским постулатам, никто не требует от немцев, чтобы они «посыпали голову пеплом» и чтобы они свое смущение и боль выставляли напоказ. Это также сложно представить ввиду того, что прошло уже много времени.

Только одно моральное требование к немцам в связи национал-социалистическим прошлым кажется мне законным и правильным как в раньше, так и сейчас: чтобы немцы владели точной информацией о том, что тогда произошло.

Во время, когда распространенное мнение о связи времени национал-социализма с политикой вступает в явное противоречие с очевидным незнанием, это требование имеет особое и актуальное значение. Что касается обсуждаемой выставки, то здесь я оцениваю ее положительную роль: мы понимаем, что мы остаемся виноватыми перед жертвами Парижа, Белой Церкви, Бабьего Яра, потому что мы точно знаем о преступлениях, совершенных по отношению к ним, о том, что к этому привело и кто нес ответственность за это. Но это также означает, что мы о них никогда не забудем. ■

Перевод с немецкого Ю. Петровой.

---

1 См. **Ulrich H.** Die deutsche Militärverwaltung in Paris und die Deportation der französischen Juden // Nationalsozialistische Vernichtungspolitik, 1939 bis 1945. Neue Forschungen und Kontroversen. Frankfurt am Main, 1998. S. 170-208; Biographische Studien über Radikalismus, Weltanschauung und Vernunft, 1903-1989. Bonn, 1997. S. 298 ff.; **Meyer A.** Die deutsche Besatzung in Frankreich 1940-1944: Widerstandsbekämpfung und Judenverfolgung. Darmstadt, 2000; **Jäckel E.** Frankreich in Hitlers Europa. Die deutsche Frankreichpolitik im Zweiten Weltkrieg. Stuttgart, 1966; **Umbreit H.** Der Militärbefehlshaber in Frankreich 1940-1944. Boppard, 1968; Der Kampf um die Vormachtstellung in Westeuropa // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, hrsg. v. Militärgeschichtlichen Forschungsamp. Stuttgart, 1979. Bd. 2. S. 235-327; Auf dem Weg zur Kontinentalherrschaft // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg / Hrsg. v. Militärgeschichtlichen Forschungsamt. Stuttgart, 1988.

Bd. 5. S. 3-334; **Paxton R.O.** Vichy France – Old Guard and New Order 1940-1945. N.Y., 1972; **Steinberg L.** Les Allemands en France, 1940-1944. Paris, 1980.

[2] Bekanntmachung d. MBF v. 22.8.1941, Dok. PS-1588, IMT, Bd. 27, S. 365: "Das Geiselverfahren im Bereich des Militärbefehlshabers in Frankreich vom August 1941 bis Mai 1942", BA/MA, RW 35/524; und "Vorbeugungs- und Sühnemaßnahmen des Militärbefehlshabers in Frankreich zur Bekämpfung der Sabotage in Frankreich", o.D., BA/MA, RW 35/308, S. 41.

[3] OKH (Wagner) an MBF, 7.9.1941, BA/MA, RW 35/543, 18.

[4] Chef OKW, 16.9.1941, BA/MA, RW 35/543, 19 ff.

[5] MBF an OKH, 24.10.1941, b. Hans Luther, Der französische Widerstand gegen die deutsche Besatzungsmacht und seine Bekämpfung, Tübingen 1957. S. 206f.

[6] См. Außer den in Anm. 1 genannten Titeln Serge Klarsfeld, Vichy – Auschwitz. Die Zusammenarbeit der deutschen und französischen Behörden bei der "Endlösung der Judenfrage" in Frankreich, Nördlingen 1989. S. 20ff.; **Raul H.** Die Vernichtung der europäischen Juden. Die Gesamtgeschichte des Holocaust. Berlin 1982. S. 641 – 701; **Juliane W.** Frankreich und Belgien // **Benz W.** Die Dimension des Völkermords. Die Zahl der jüdischen Opfer des Nationalsozialismus. München 1991. S. 105 – 135; **Klarsfeld S.** Die Endlösung der Judenfrage: Studie über ihre Grundsätze im 3. Reich und in Frankreich während der Besatzung. Frankfurt am Main, 1979; Ders. Le commissariat general aux questions juives, 1941 – 1944, 3 Bde., Paris 1955 – 1960; Kasten, S. 95ff.; sowie "Ermittlungsvermerk der Zentralen Stelle der Landesjustizverwaltunden betr. Endlösung der Judenfrage in Frankreich" (Vorermittlung Best u.a.), ZStL, 1104 AR-Z, 1670/61, Bde. 4 u. 5.

[7] Aktennotiz MBF, Storz, o.D. (letzte Augustwoche), gedr. in: Klarsfeld, Vichy, S. 358f.

[8] См. **Herbert U.** Militärverwaltung; Meyer, Besatzung. S. 20ff.

[9] MBF an OKH, 1.11.1941, in: Das Geiselverfahren (Anm. 2), S. 77.

[10] Vm. Verw.stab (Bälz) v. 16.12.1941, in: ZStL, 104 ARZ 1670/61, Bd. 10, S. 34; Bekanntmachung d. MBF am 14.12.1941, b. Klarsfeld, Vichy, S. 34; Bekanntm. d. MBF v. 14.12.1941, zit. n. Die faschistische Okkupationspolitik in Frankreich (1940 – 1944). Berlin, 1990. S. 192.

[11] MBF an OKH, 15.1.1942, BA/MA, RW 35/543, 51ff.; Luther, Widerstand, S. 211.

[12] OKH an MBF, 3.2.1942, BA/MA, RW 35/543, 58; MBF an OKH, 15.2.1942, edb.

[13] **Bargatzky W.** Hotel Majestic. Ein Deutsche rim besetzten Frankreich. Freiburg i. Br., 1987. S. 99.

[14] См. Überblick bei **R.-D. Müller** u. **Ueberschär G.-R.** Hitlers Krieg im Osten 1941 – 1945. Ein Forschungsbericht, Darmstadt 2000.

[15] Zum Gesamtkomplex der verbrecherischen Befehle vgl. eingehend Christian Gerlach, Kalkulierte Monde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. Hamburg, 1999. S. 81ff.

[16] Ebd., S. 44ff.; ders., Deutsche Wirtschaftsinteressen, Besatzungspolitik und der Mord an den Juden in Weißrußland, 1941 – 1943, in: Herbert, Vernichtungspolitik, S. 263 – 291; Christoph Dieckmann, Der Krieg und die Ermordung der litauischen Juden, ebd., S. 292 – 339.

[17] См. **Förster J.** Wehrmacht, Krieg und Holocaust // **Müller R.-D.**, **Volkmann H.-E.** (Hrsg.), Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999 S. 948 – 963; **Boll B.**, **Safrian H.** Auf dem Weg nach Stalingrad. Die 6. Armee 1941/42 // **H. Heer** u. **K. Naumann** (Hrsg.), Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 – 1944. Hamburg, 1995. S. 260 – 296; **Pohl D.** Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42. Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD. Berlin, 1997. S. 71 – 87; **Arnold K.-J.** Die Eroberung und Behandlung der Stadt Kiew durch die Wehrmacht im September 1941: Zur Radikalisierung der Besatzungspolitik // MGM 58 (1999). S. 23 – 66.

[18] 62. ID, KTB. Ic, Eintragung v. 21.7.1941, BA-MA RH 26 – 62/40, zit. nach **Boll** u. **Safrian**, S. 268.

[19] Vf. d. AOK 6, 10.8.1941, BA-MA RH 24 – 17/255, n. **Boll** u. **Safrian**, S. 273.

[20] См. **Boll** u. **Safrian**. S. 275 ff.; **Ggroscurth H.** Tagebücher eines Abwehroffiziers 1938 – 1940. Mit weiteren Dokumenten zur Militäropposition gegen Hitler, hrsg. v. **Krausnick H.** u. **Kotze H. v.** Stuttgart 1970. S. 534 – 542.

[21] Ereignismeldung Nr. 97, 28.9.1941, Nbg. Dok. NO-3145; См. также **Krausnick H.** Hitlers Einsatzgruppen. S. 324; **Rüß H.** Wer war verantwortlich für das Massaker von Babij Jar? // MGM 57 (1998). S. 483 – 508; **Wiehn E. R.** Die Schóah von Babij Jar. Das Massaker deutscher Sonderkommandos an der jüdischen Bevölkerung von Kiew fünfzig Jahre danach zum Gedenken. Konstanz, 1991. S. 448ff.; **Boll** u. **Safrian**. S. 277ff.

[22] Цит. по **Grossman W.**, **Ehrenburg I.** Das Schwarzbuch. Der Genozid an den sowjetischen Juden. Reinbek, 1994. S. 51f.

[23] **Bargatzky**, Hotel Majestic, S. 103.

[24] **Klemperer V.** Ich will Zeugnis ablegen bis zum Letzten. Tagebücher 1942 – 1945. Bd. 2. Berlin, 1994. S. 68, Eintr. v. 19.4.1942.

[25] Vgl. **Herbert U**. Vernichtungspolitik. Neue Antworten und Fragen zur Geschichte des "Holocaust" // Ders. (Hrsg.), Vernichtungspolitik. S. 9 – 66.

[26] Выставка «Советские военнопленные в Германии – немецкие военнопленные в Советском Союзе» открылась в Германии 1995 г. и действовала до 1999 г. Вторая её версия работала с ноябрь 2001 г. по март 2004 г. – Прим. ред.

Анатолий Шарков

Партизанское правосудие на оккупированной территории Беларуси

Несмотря на то, что проблеме партизанского движения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны посвящено значительное количество научных, научно-популярных изданий и мемуарной литературы, далеко не все факты и события нашли исчерпывающее отражение в отечественной историографии. Это в полной мере касается деятельности органов судебного преследования, функционировавших в тылу врага.

Советское государство рассматривало укрепление правопорядка, гражданской и воинской дисциплины в годы войны как одно из важнейших условий победы над фашистским агрессором. В целях усиления обороноспособности страны и достижения победы над врагом были изменены нормы права, устанавливающие ответственность за преступления, а также порядок привлечения виновных к уголовно-правовой ответственности в условиях войны. Вступили в действие нормы Общей части уголовного законодательства, предусматривавшие ответственность за деяния, совершенные в состоянии войны, а также стали применяться нормы Особенной части, в которых обстоятельства военного времени учитывались как необходимый элемент состава преступления или как квалифицирующее данный состав обстоятельство. Возрастание в условиях войны общественной опасности ряда правонарушений обусловило усиление мер наказания за некоторые из них, а также введение уголовной ответственности за такие противоправные деяния, которые ранее не признавались преступными или не могли иметь место в мирное время (например, распространение ложных слухов, вызывающих тревогу среди населения).

Суровому наказанию подлежали пособники врага, паникеры, трусы, дезертиры, мародеры и все, кто причинял ущерб делу защиты Отечества, где бы они ни находились – на советской территории или в тылу врага. Такие лица передавались в военные трибуналы, порядок судопроизводства которых регламентировался Положением о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий, утвержденным Президиумом Верховного Совета СССР 22 июня 1941 года. Этим документом устанавливался особый режим работы военно-судебных органов, состав которых после объявления мобилизации существенно пополнился за счет расширения сети трибуналов войск НКВД. На трибуналы возлагались такие ответственные задачи, как борьба со всеми видами преступлений, нарушающих военные порядки, ликвидация вражеских агентов, диверсантов, шпионов, предателей и т.д. Среди немалого числа исключений из общих правил, установленным Положением, следует отметить слушание дела по истечении 24 часов после вручения обвинительного заключения и упразднения порядка обжалования приговора.

Как показывают архивные документы, военно-судебная машина правоохранительных органов интенсивно заработала на территории Беларуси уже в самом начале войны. Так, в докладной записке заместителя наркома госбезопасности БССР С.Г. Духовича секретарю ЦК КП(б)Б Г.Б. Эйдинову о борьбе с пораженческими настроениями и контрреволюционной деятельностью в БССР говорится:

«В связи с войной, начатой фашистской Германией против Союза ССР, на территории БССР, не оккупированной Германией, начал проявлять активность контрреволюционный элемент из среды бывших людей, кулаков и других.

Эти лица выступают с пораженческим настроением в отношении СССР, восхваляют Гитлера, клевещут на советское правительство и коммунистическую партию, высказывают террористические настроения по адресу коммунистов и руководителей сов. аппарата.

По Гомельской области за контрреволюционные преступления с 2.VII по 19.VII.41 г. арестовано 135 человек, следствием закончено и направлено по подсудности дела на 107

человек. Из них рассмотрено судом и осуждено к ВМН – 52 чел., на 10 лет – 13, от 10 до 5 лет – 6.

По УНКГБ Полесской области за 2 дня – 13 и 14 июля с.г. закончено 6 следственных дел по ст. 72 «б» на арестованных за проведение контрреволюционной пораженческой агитации и восхваления фашистской Германии. Законченные дела направлены в военный трибунал.

В Кричевском МРО НКГБ БССР Могилевской области на 14.VII.41 г. за контрреволюционную деятельность арестовано 15 человек. Военному трибуналу передано 4 законченных дела.

Кроме этого, по Гомельской области задержано и направлено в 3-й отдел 21-й армии 30 человек военнослужащих, бывших в плену у немцев»[1].

Репрессивные меры в отношении пособников врага из местного населения и красноармейцев, дезертировавших из своих частей, лиц причастных к совершению злодеяний, в начальный период войны стали применятся и на оккупированной территории. Они осуществлялись командованием партизанских отрядов и спецгрупп НКВД, направленных в тыл для организации партизанского движения и разведывательно-диверсионной деятельности. Так, в рапорте сотрудников НКВД БССР М.А. Головкина и Я.Я. Гуткина в НКВД СССР о проделанной работе в тылу врага говорится: «В итоге 3-месячной работы оперчекистской группы в Петриковском районе изъято и уничтожено до 40 человек антисоветчиков-профашистов и из них 3 агента немецкой разведки, пробравшихся в партизанский отряд»[2].

В докладной записке начальника спецгруппы НКВД БССР и ЦК КП(б)Б Крымова в НКВД БССР о деятельности в тылу врага от 25 сентября 1941 года содержатся сведения о семи дезертирах, расстрелянных партизанами Туровского и Лельчицккого партизанских отрядов, а также об уничтожении старост, назначенных немцами[3].

О расстреле шести пособников немецких оккупантов говорится в отчете о проделанной работе в тылу врага старшего оперуполномоченного УНКГБ БССР по Полесской области П.В. Кузнецова[4]. Перечень таких примеров можно продолжать.

В это время партизанские формирования и спецгруппы НКВД выступали в роли чрезвычайных карательных органов, опираясь в своих решениях на целесообразность мер во имя защиты Отечества. Конечно, говорить о каком-либо судебном разбирательстве в этих случаях не приходится. Скорой и жестокой расправе подлежали все без исключения лица, вызывавшие малейшее подозрение или недоверие, а также те, на кого доносило местное население.

В дальнейшем, по мере развития партизанского движения, в тылу врага в партизанских отрядах и бригадах начали создаваться правоохранительные органы. Как показывают архивные документы, эти органы оформлялись в виде особых отделов, партизанских товарищеских судов, а также судов командирской чести. Они решали вопросы, касающиеся внутрипартизанской жизни, поддерживали дисциплину и правопорядок в партизанских отрядах и бригадах, а также среди мирного населения на контролируемых партизанами территориях. К рассматриваемым ими делам относились: пререкания с командиром, самоуправство, унижение чести и достоинства другого партизана, спор из-за трофейного имущества и т.п. Приговоры партизанских судов командирской чести и товарищеских судов вступали в силу после их утверждения командованием отряда или бригады.

Уголовные дела возбуждались и принимались к рассмотрению на основании решения или с согласия командования партизанских формирований, партийных и советских органов, которые осуществляли контроль и надзор за свершением правосудия в партизанских формированиях и среди населения оккупированных территорий. По сути дела они осуществляли прокурорский надзор за деятельностью партизанских товарищеских судов и судов командирской чести, если сами не выступали в качестве судебного органа. В таких случаях контроль и надзор за судебной деятельностью этих органов осуществляли вышестоящие в порядке подчиненности партийные инстанции, вышестоящее командование партизанских формирований. В частности, в одном из решений Кличевского райкома партии записано:

«Слушали:

Дело члена ВКП(б) Б. Власевича.

Постановили: …

2. за измену Родине и Партии, выразившуюся в невыполнении государственного задания по работе в тылу противника, уклонении от участия в партизанской борьбе против

немецкой власти из рядов партии исключить. Дело о привлечении к ответственности по закону военного времени передать военному суду отряда спецназначения.

3. Просить ЦК КП(б)Б утвердить данное решение»[5].

Партийные комитеты или командование партизанских отрядов осуществляли контроль за деятельностью партизанских судов и следственных органов (в лице последних, как правило, выступали сотрудники особых отделов) путем не только утверждения приговоров, рассмотрения жалоб на приговоры, но и санкционирования ареста. Например, из Зембинского гарнизона Бегомельской партизанской зоны перешла к партизанам группа военнопленных, среди которых, как было установлено работниками разведки и особого отдела, был немецкий резидент по кличке «Петрович». Командованием дана санкция на арест всей группы. Следует отметить, что по делу группы фашистских разведчиков-диверсантов во главе с «Петровичем» и очень опасного разведчика-диверсанта «Михаила Тюка» было проведено обстоятельное квалифицированное следствие, во многом предопределившее успешное разоблачение и обезвреживание названных опасных государственных преступников[6].

В судебной практике осуществления правосудия в партизанских формированиях имели место случаи разрешения уголовных дел на общих собраниях партизан. Это практиковалось тогда, когда по своей политической значимости дело имело общественное значение. Процедура судебного слушания проходила следующим образом. В начале представители командования и партийных органов докладывали собранию суть уголовного дела. Затем собрание выясняло обстоятельства дела, задавая вопросы подсудимому и свидетелям. Приговор выносился путем открытого голосования. Так, в районе расположения 1-й Гомельской партизанской бригады был задержан подозрительный гражданин. При обыске «в воротнике истрепанного пиджака нашли немецкие продуктовые карточки и удостоверение. Задержанный признался, что служит на водокачке, в охране. Подослан, чтобы выведать, где прячется партизанский отряд. В лагере один из наших партизан узнал его и рассказал, как этот старик-полицейский расстрелял в Буде ни в чем не повинную семью». Собрание единогласно вынесло приговор – расстрелять[7].

В случаях, когда совершенное преступное деяние не представляло большой общественной опасности или по своему характеру имело признаки административного правонарушения, командир партизанского формирования имел право на принятие решения о передаче материала на виновного органам расследования в партизанский товарищеский суд или в суд командирской чести, либо ограничивался дисциплинарным взысканием. При этом учитывались обстоятельства и характер совершенного деяния, личность правонарушителя, вина и наступившие последствия. Решение командира партизанского отряда могло быть опротестовано лишь вышестоящим командиром партизанских формирований в порядке подчиненности либо подпольными партийными или советскими органами.

К весне 1942 года партизанское движение в Беларуси стало реальной силой. Если на начальном этапе упор делался на диверсионную работу, ведение боевых действий из засад и разведку, то в дальнейшем задачи партизан усложнились. На территории республики сформировалось около 20 зон, свободных от оккупантов, что составляло 60% ее территории.

В связи со сложившейся обстановкой у партизан, наряду с боевыми действиями и политико-массовой работой в тылу врага, возникла необходимость в выполнении хозяйственно-организаторских функций в зонах, свободных от оккупантов. На подвластных партизанам территориях была фактически восстановлена советская власть, хотя она осуществлялась органами, носившими чрезвычайный характер. Так, постановление Кличевского подпольного райкома партии и райисполкома о восстановлении советской власти в районе гласило:

«Выполняя волю трудящихся района… объявить с сего дня на территории Кличевского района Советскую власть восстановленной. Руководство всей политической деятельностью, как в центре, так и на местах, сосредоточить в районных и местных органах Советской власти. Восстановить в своих полномочиях все выборные и административные советские органы. Обязать руководителей предприятий и колхозов, а также общественных организаций приступить к исполнению своих обязанностей»[8].

В партизанских зонах необходимо было обеспечить законность и правопорядок,

наладить исполнение судебных функций. Для этих целей в подконтрольных партизанам территориях при подпольных обкомах КП(б)Б начали создаваться оперативно-чекистские группы НКВД, а при подпольных райкомах партии районные отделы (РО) НКВД. Начальник РО НКВД должен был выполнять обязанности начальника особого отдела, при котором находился РК КП(б)Б. Например, только в Могилевской области к июлю 1943 года было создано и функционировало 11 райотделов НКВД[9]. В обязанность этим созданным в тылу врага структурам наряду с другими направлениями деятельности вменялось: выявление и проведение следствия по отношению к нерадивым партизанам, отличавшихся недисциплинированностью, мародерством и рукоприкладством по отношению к мирному населению и т.д.

Одновременно в партизанских формированиях начали создаваться партизанские суды, действовавшие на правах народных судов. Информацию об этом мы встречаем, например, в протоколе заседания Могилевского подпольного областного комитета КП(б)Б от 3 мая 1943 года:

«Слушали:

о создании партизанских судов.

Постановили:

1. В целях борьбы с фактами мародерства и проявлением антигосударственных поступков как внутри партизанских отрядов, так и среди населения создать при всех партизанских бригадах партизанские суды на правах народных судов»[10].

Председатель партизанского суда и заседатели избирались на общих собраниях личного состава партизанских формирований. Причем председатели партизанских судов отрядов и бригад утверждались на заседаниях подпольных райкомов КП(б)Б, а заседатели назначались приказом командиров партизанских отрядов и бригад. Согласно решению Могилевского обкома КП(б)Б от 3 мая 1943 года, всем райкомам партии была разослана директива, в которой предписывалось «на общих собраниях партизан избрать не менее пяти заседателей партизанских судов», а «председателей партизанских судов утвердить на заседании РК КП(б)Б». На основании указанного документа упразднялись товарищеские партизанские суды командирской части там, где они прежде функционировали[11].

Следует отметить, что партизанские суды осуществляли правосудие на правах народных судов только в условиях, когда партизанский отряд или бригада находились на отдыхе, пополнялись боеприпасами, продовольствием в партизанских зонах. Когда же они вели бои, находились в рейде, осваивали новые зоны, партизанские суды рассматривали все уголовные дела. Например, разбирали дела о воинских преступлениях (невыполнение приказа командира), что не правомочны были делать народные суды на основании статьи 21 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик от 16 августа 1933 года.

Второй судебной инстанцией (а по некоторой категории дел и первой) являлись военно-полевые трибуналы, которые создавались в партизанских зонах и районах при крупных партизанских бригадах.

Трибуналы, как и партизанские народные суды, были созданы в начале 1943 года. Так, в решении объединенного заседания уполномоченного ЦК КП(б)Б по Могилевской области и руководства Кличевского партизанского оперативного центра «О мерах борьбы с мародерством и произволом над мирным населением, причиняемым ему отдельными партизанами» от 13 марта 1943 года предписывалось: всю борьбу с внутренней контрреволюцией в районах возложить на районные отделы НКВД и отряды специального назначения, «создать в каждом районе при отрядах спецназначения военно-полевые трибуналы»[12].

Следует сказать, что отряды специального назначения были созданы 31 января 1943 года для обеспечения безопасности работы районных подпольных партийных органов и вооруженной охраны партийных аппаратов, а также партийного имущества. Спецотрядам разрешалось арестовывать всех без исключения лиц, совершавших преступления в виде мародерства и произвола в отношении мирного населения и застигнутых на месте преступления, и передавать их в соответствующие следственные органы для привлечения к уголовной ответственности. Командование отрядов специального назначения находилось в полном подчинении РК КП(б)Б и его секретаря и составляло вооруженную часть аппаратов подпольных партийных органов.

Военно-полевые трибуналы рассматривали все дела об антигосударственных преступлениях, а также о преступлениях партизан и командиров подразделений, которые были неподсудны партизанским судам[13]. Все дела,

касающиеся высшего командного состава партизанских формирований, передавались в военно-полевой трибунал оперативного центра. Военно-полевые трибуналы рассматривали дела коллегиально, в составе трех человек – председательствующего и двух членов.

Эти военно-судебные органы рассматривали уголовные дела по наиболее тяжким преступлениям. Особо преследовались самовольные расправы партизан над мирными жителями, что, как показывают архивные документы, было нередким явлением в условиях оккупации. Расправы осуществлялись без надлежащей проверки материалов, поступающих на обвиняемых и, как оказывалось впоследствии, часто клеветнических и провокационных. Партизанское командование, партийные и правоохранительные органы вели жесткую борьбу с этим явлением. По таким фактам незамедлительно проводилось расследование, виновные предавались суду военного трибунала. Например, в постановлении Кличевского райкома партии от 9 марта 1943 года говорится:

«Предварительной проверкой установлено, что 24 февраля 1943 года группа бойцов 537 партизанского отряда, возглавляемая политруком разведки этого отряда М., по указанию помощника командира отряда О. произвела расстрел жителей дер. Пересодня Кличевского района…

Такие беззаконные действия группы партизан являются не больше не меньше как террористическим актом над мирным невинным населением, свойственным только немецкому фашизму. Данные поступки партизан вызвали законное возмущение среди жителей дер. Пересодня и окружающих деревень и дали в руки полиции средства агитации среди населения в целях противопоставлении нашего населения красным партизанам.

РК КП(б)Б расценивает данные факты как враждебные, идущие в разрез с директивами нашей партии и правительства.

РК КП(б)Б ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Поручить начальнику райотдела НКВД т. Лебедеву произвести следствие по этому вопросу и следственные материалы передать Кличевскому Оперативному центру для привлечения виновных к ответственности.

2. Считать необходимым провести судебный показательный процесс над преступниками на месте совершенного преступления с привлечением виновников к ответственности по законам военного времени…

3. Командирам, комиссарам и отсекрам партизанских бюро партизанских отрядов провести вокруг этих фактов широкую воспитательную работу среди личного состава партизанских отрядов, ведя впредь решительную борьбу с таким и подобного рода моментами со стороны партизан»[14].

Более того, с целью пресечения внесудебных расправ, на совместном заседании уполномоченного ЦК КП(б)Б по Могилевской области и Кличевского оперцентра было принято решение: «Запретить всем командирам партизанских отрядов производить расстрелы кого бы то ни было из мирного населения и даже бургомистров, старост полицейских и других служащих немецких органов власти, если последние при их задержании не оказывают вооруженного сопротивления»[15].

Все дела в отношении лиц, не состоящих в партизанских отрядах, но обвиняемых или подозреваемых в контрреволюционной деятельности, проходили непосредственно через РО НКВД, которые вправе были принимать самостоятельное решение в каждом отдельном случае.

В условиях оккупационного режима партийные органы Беларуси осуществляли руководство всеми сферами деятельности партизанских отрядов и местного населения, в том числе судебной. На обкомы партии возлагалось рассмотрение кассационных жалоб на решения партизанских судов и военно-полевых трибуналов. Так, в решении Могилевского подпольного областного комитета КП(б)Б от 13 мая 1942 года указывается, что право на обжалование решений судов предоставляется обвиняемому в течение 48 часов в подпольный обком КП(б)Б[16].

Партийные органы также рассматривали и разрешали заявления осужденных, ходатайства командования, общественных организаций о помиловании и снятия судимости. В частности в постановлении Кличевского РК КП(б)Б и райисполкома от 1 января 1943 года записано:

«Учитывая, что член партизанского отряд № 115 т. Коврик Иван Степанович, осужденный партизанским судом 23 сентября 1942 года к суровой мере наказания, искупил свою вину честным несением партизанской службы, проявил героизм в борьбе с немецким фашизмом, при его личной инициативе и руководстве разгромлена немецкая машина, убит голова района, работая, командиром взвода к работе относит-

ся добросовестно, пользуется авторитетом среди бойцов.

Исходя из чего Кличевский РК(КП)Б и Райисполком постановляют:

1. Снять судимость с члена партизанского отряда № 115 тов. Коврика Ивана Степановича»[17].

Кроме партийных органов, функциями кассационной и надзорной судебной инстанции наделялось командование партизанских отрядов: коллегиальный орган, состоящий из командира, комиссара и начальника штаба.

Анализ судебной практики партизанских судов, которые приравнивались к народным судам, показывает, что те нередко рассматривали уголовные дела, подсудные партизанским военно-полевым трибуналам. Такая практика имела место в случаях, если партизанский отряд находился в рейде и был оторван от основных сил соединения (бригады, оперативного центра), либо выполнял самостоятельную боевую задачу, либо в условиях окружения, блокады, когда по условиям боевой обстановки не имелось возможности передать материалы дела и доставить виновного в военно-полевой трибунал. По сути дела здесь налицо совмещение функций партизанских судов и военных партизанских трибуналов. Жалобы на приговоры партизанских судов рейдовых партизанских полков, бригад и отрядов рассматривались соответственно командованием партизанских частей и соединений.

Партизанские суды и трибуналы при осуществлении правосудия руководствовались Уголовным и Уголовно-процессуальным кодексами БССР, а также указами Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР, принятыми в период войны, поскольку они не были включены в кодексы БССР и действовали в качестве самостоятельных законодательных актов. Наиболее значимым законодательным актом для военно-судебных органов являлся Указ ПВС СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». Согласно этому документу, подсудность военно-судебным органам значительно расширилась и распространилась не только на граждан СССР, но и на военнослужащих немецкой армии.

Каждому судебному разбирательству предшествовало расследование обстоятельств дела. Лица, обвиняемые или подозреваемые в контрреволюционной деятельности, а также все имеющиеся на них материалы для ведения следствия, как правило, передавались в районные отделы НКВД и спецотряды. Нередко проверку по уголовным делам по приказу партизанского командования поручали наиболее подготовленным и заслуживающим доверие партизанам, выступавшим в этих случаях в роле дознавателя, поскольку порядок службы в партизанских отрядах во многом осуществлялся по тем же уставам, законам и требованиям, что и в частях Красной Армии.

Лица, проводившие расследование преступлений, при острой необходимости, с целью выяснения некоторых обстоятельств совершенного преступления, привлекали специалистов, т.е. экспертов. Так, на основании примечания к статье 63 действующего УПК БССР вызов эксперта был обязателен «для установления причин смерти и характера телесных повреждений...». Например, когда в одной из боевых операций было убито двое партизан, при расследовании этого дела возникла необходимость использовать знания специалистов. «Медицинская экспертиза установила, что оба злодейски и одновременно убиты с короткой дистанции очередью из советского автомата в спину». По этому делу была проведена также трассологическая экспертиза, позволившая установить тождественность пуль, вынутых из трупов и автомата подозреваемого в убийстве, а также следов лошади, на которой ехал преступник. Указанное дело расследовала группа чекистов, возглавляемая начальником особого отдела партизанской бригады[18].

Вместе с тем следует отметить, что качество ведения следствия оставляло желать лучшего. Более того, как следует из архивных документов, в ходе предварительного расследования в ряде случаев применялись и недозволенные методы ведения следствия. Однако такие действия пресекались и подлежали разбирательству. Например, в устном заявлении партизана Шмырева от 2 июля 1942 года в Суражкий РК КП(б)Б говорится о том, что «со стороны отдельных работников НКВД неправильно ведется следствие и к отдельным арестованным применяются физические меры и посредством их заставляют арестованных давать показания такие,

которые выгодны для следователей (факт с арестованным Дроздовым). Просить Обком КП(б)Б проверить факты, после проверки рассмотреть»[19].

По окончанию следствия уголовное дело передавалось в суд или трибунал.

Особенностью судебных процессов в партизанских судах является и то, что при осмотре мест происшествия протоколы, как правило, не велись. Поэтому в случае необходимости судом допрашивались лица, производившие осмотры места происшествия и расследовавшие обстоятельства дела.

По результатам судебного разбирательства, которое в зависимости от обстоятельств уголовного дела могло быть как открытым, так и закрытым, выносился приговор. Обычно в документе содержались данные о личности подсудимого; обозначался характер преступления; иногда описывались объективные и субъективные признаки состава преступления; приводилось краткое содержание показаний подсудимого и свидетелей; имелись постановляющая часть, дата, подписи. Иногда указывалось место рассмотрения уголовного дела. Приговор утверждался командиром и комиссаром партизанского формирования, в ряде случаев секретарем РК КП(б)Б.

В большинстве своем вынесенные приговоры были окончательными и обжалованию не подлежали, о чем делалась соответствующая запись. Вместе с тем, с учетом ряда обстоятельств, суд, вынесший суровый приговор, в соответствии со статьей 28 действовавшего тогда УК БССР мог отсрочить его исполнение вплоть до окончания войны и дать возможность виновному искупить свою вину в боях с врагом и освободиться от наказания со снятием судимости.

В ряде случаев вынесенные приговоры носили условный характер. Например, военный трибунал партизанской бригады им. Фрунзе в феврале 1944 года за сон на посту приговорил партизана Мороза «к высшей мере наказания РАССТРЕЛУ, но принимая во внимание чистосердечное признание своего проступка, данное обязательство суду не нарушать воинской дисциплины и искупить свою вину в борьбе с немецкими захватчиками, считать расстрел условным сроком на 3 месяца, одновременно в/трибунал отмечает нач/ку штаба ЗОРИНУ на недостаточную подготовку караула. Дежурному по отряду СТЕПАНОВУ за неточное исполнение Устава Караульной Службы объявить ВЫГОВОР»[20].

Как видим, военный трибунал наряду с уголовным наказанием мог вынести административное взыскание.

Расследование и судебное рассмотрение уголовных дел осуществлялось на основе уголовного и уголовно-процессуального законодательства БССР. Судебное рассмотрение и предварительное расследование преступлений по сравнению с мирным периодом имело свои особенности. Последние выражались, прежде всего, в разнообразии форм осуществления правосудия. В свою очередь это разнообразие обуславливалось особенностями условий ведения борьбы с оккупантами, местными характеристиками регионов. Следует отметить, что как в приговорах, так и материалах расследования уголовного дела не всегда указывался номер статьи, по которой квалифицировалось преступление, совершенное виновным, но во всех случаях назывался состав преступления: кража, грабеж, изнасилование, убийство умышленное или неосторожное и т.д.

Исполнялись приговоры органом, вынесшим их, отрядом специального назначения, комендантским взводом, особым отделом или непосредственно кем-либо из партизан. Например, партизанский суд за массовые убийства мирных граждан приговорил коменданта одного из гарнизонов немецко-фашистских войск в Беларуси к расстрелу. Исполнение приговора было поручено партизану. Вот как выполнение этого задания описывается в мемуарной литературе: «Я вынимаю пистолет и стреляю в упор. Комендант валится на сторону без звука... механически хватаю какие-то списки, чистые бланки и прячу за голенища своих сапог. Спохватываюсь и выкладываю на стол приговор суда народных мстителей о расстреле палача-коменданта»[21].

Командиры и комиссары партизанских отрядов и подразделений в административном порядке решали также вопросы гражданско-правовых отношений, касавшиеся пользования и временного владения мирными жителями государственным или общественным имуществом. При этом, решая вопросы имущественного характера, партизанские командиры и комиссары указывали, что их решение является действующим на период войны и касается только пользования имуществом, не предполагая признания права собственности. Некоторые же представители партизанского командования, разрешая имущественные споры, подчеркивали, что их

решение является временным, а окончательное может быть принято соответствующими органами после освобождения территории Красной Армией.

В случаях, когда разрешение гражданско-правового спора не требовало неотлагательного рассмотрения, командование партизанских формирований такие споры вообще не разрешало. Отказ от рассмотрения некоторых гражданско-правовых исков не противоречил сложившейся во время войны судебной практике. Так, на основании постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30 августа 1941 года «О производстве по гражданским делам в отношении лиц, состоящих в действующих частях Красной Армии и Военно-Морского Флота» гражданские дела в отношении перечисленных лиц подлежали приостановлению на период военных действий. Если правила приведенного постановления Пленума Верховного Суда СССР распространялись на узкий круг лиц (состоящих в действующих воинских формированиях), то в более поздних постановлениях Пленума приостановление дел распространялось на всех граждан. Об этом сказано, например, в постановлении от 15 сентября 1942 года «О приостановлении в связи с обстоятельствами военного времени течения сроков, указанных для принятия наследства в статьях 430 и 433 Гражданского кодекса РСФСР и соответствующих статьях ГК других союзных республик».

Подпольное партийные органы и партизаны проводили большую разъяснительную работу среди населения, в том числе знакомили с советским законодательством, призывая мирное население поступать и жить по законам советской власти. Например, в дневнике погибшего командира партизанского отряда, действовавшего в районе Краснополья и Россон, Сергея Моисеенко содержится запись: «С 3.5 по 6.5 (1942 г.) ходили по населенным пунктам для восстановления Советской власти и законов»[22].

Следует отметить, что зачастую под видом партизан на оккупированной территории орудовали обыкновенные вооруженные банды, занимавшиеся грабежом и насилием с целью наживы. Партизаны делали все возможное к их задержанию и преданию суду, с доведением судебных решений мирному населению. Например, из протокола заседания № 56 от 22 июня 1943 года Кличевского подпольного РК КП(б)Б следует:

«СЛУШАЛИ.

Дело о вооруженной банде в д. Михалово.

ПОСТАНОВИЛИ. РО НКВД установлено, что в д. Михалово Кличевского района в 1941 году была организована вооруженная банда, состоящая из г-н д. Михалово, организованная и возглавляемая дезертиром Красной Армии Мамедовым.

Эта банда, начиная с 1941 г. и по настоящее время занималась вооруженным грабежом мирного населения в целях наживы. Более того, активисты и руководители этой банды имели связь с полицией и немецким гестапо и выполняли его задания по провокационным действиям, направленным на озлобление местных жителей против красных партизан. С этой целью банда при грабеже и издевательствах над мирным населением в ночное время называла себя партизанами.

РК КП(б)Б ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Поручить начальнику РО НКВД т. Силину закончить полностью следствие о деятельности банды и принять решение о привлечении к ответственности по закону военного времени.

2. Поручить отделу пропаганды РК КП(б)Б выделить специальных агитаторов для проведения бесед среди населения деревень, в которых действовала банда, с целью разоблачения ее враждебной деятельности»[23].

Более того, в конце 1942 года Кличевкий райком партии обратился к трудящимся Кличевского района с письмом следующего содержания: «Кличевский райком Партии располагает многочисленными сигналами о фактах мародерства и вооруженного бандитизма в районе.

Проверкой установлено, что за последнее время в деревнях и лесах нашего района появились вооруженные группы, именующие себя партизанскими отрядами и занимающиеся вооруженными грабежами мирного населения в целях своей наживы.

Эти группы держат связь с полицией, получают от полиции оружие и боеприпасы и вместе с полицией под видом партизан грабят и избивают мирное население. Все это делается с целью разорвать создавшуюся дружбу между населением и красными партизанами, противопоставить население партизанам.

Одновременно установлено, что имелись факты, когда отдельные группы партизан, получив задание от командира для выполнения боевых задач, по пути следования заходят в деревню и также, благодаря отсутствию ко-

мандиров, занимаются мародерством и вымоганием у крестьян ненужных для партизан вещей и продуктов питания.

Учитывая наличие этих фактов, Кличевский РК КП(б)Б нашел нужным разъяснить трудящимся нашего района следующее:

1. Мародерство, грабеж и избивание честного, мирного населения со стороны партизан преследуется, и виновные в этом привлекаются к строгой ответственности по закону военного времени.

2. Граждане, у которых партизанами будут незаконно забраны вещи или продукты питания, должны немедленно сообщить об этом командованию соответствующего партизанского отряда»[24].

Нередко партийно-советским руководством и командованием партизанских отрядов практиковалось проведение показательных судебных процессов в отношении лиц, уличенных в преступлениях. Такие процессы имели большое профилактическое значение. В частности, в постановлении Кличевского подпольного райкома партии от 28 июня 1943 года записано:

«Поручить РО НКВД провести следствие по имеющимся материалам на спекулянтов д. Колбча и партизан-мародеров, связанных с ними, после чего провести показательный процесс над партизанами-мародерами и спекулятивным элементом из д. Колбча. Судебный процесс организовать непосредственно в д. Колбча с участием населения»[25].

Строгому наказанию подлежали и должностные лица, которые укрывали преступников. Так, в 1942 году двое командиров партизанских подразделений (рот) были сняты с занимаемых должностей и отданы под суд за то, что укрывали партизан, совершивших мародерство[26].

В некоторых случаях, учитывая тяжесть преступлений и просьбу населения, командование партизанских отрядов или бригад передавало задержанных преступников для суда на собраниях жителей сел и деревень республики. Собрание заслушивало подсудимого, свидетелей и путем общего голосования выносился приговор.

В партизанских отрядах и бригадах Витебской области в период свободного пользования ими так называемыми Суражскими воротами партизанские суды не создавались. Лица, совершившие преступления, вместе с материалами или уголовными делами направлялись за линию фронта, но позже, когда ворота были закрыты, в этой зоне также начали функционировать партизанские суды.

С приближением линии фронта к восточным границам Беларуси и с начавшегося с осени 1943 года ее освобождения, возможность ареста и доставки для судебного преследования лиц, совершивших преступления на оккупированной территории, возобновилась. Для этих целей, наряду с выполнением других заданий, НКВД БССР значительно усилил переброску в тыл врага своих спецгрупп. Обладая опытом оперативной работы, проявляя мужество и смекалку, работники органов внутренних дел разоблачали предателей, шпионов, а также выявляли членов националистических формирований, принимали меры к их задержанию или ликвидации. Так, 6 декабря 1943 года начальником УНКВД Полесской области У.Н. Шваяковым была подготовлена и переброшена через линию фронта оперативная группа в количестве десяти человек под руководством Нескромного и Барышева. Перед ними стояла задача арестовать полицейских и переправить их через линию фронта для привлечения к уголовной ответственности. В результате работники НКВД задержали 78 предателей, разоружили их, переправили на освобожденную территорию и сдали в Паричский РО НКВД[27].

Следует иметь в виду, что на территории Беларуси в тылу врага в годы Великой Отечественной войны вместе с партизанами действовало более 200 отдельных разведывательно-диверсионных групп, насчитывавших в своих рядах свыше 6 тыс. человек. В разведывательно-диверсионных группах постоянно функционирующих судов, как правило, не создавалось. Правосудие осуществляло коллегиально командование группы, либо в необходимых случаях для рассмотрения конкретного дела образовывались товарищеские суды, военные трибуналы.

Так, член одной из диверсионно-разведывательных групп Д.А. Соловьев в разговоре со своей любимой девушкой разгласил секретные сведения о предстоящей операции. Вернувшись домой, девушка поделилась новостью со своими родными. От одного из родственников полицейские узнали об операции. При переходе через железную дорогу партизаны были встречены интенсивным огнем противника, и им пришлось возвратиться обратно, не выполнив задания. Расследование по этому делу было проведено командиром группы. Для судебного рассмот-

рения преступления партизана был образовал товарищеский суд[28].

Следует отметить, что работники особых отделов, НКВД и дознаватели партизанских частей и соединений исполняли функции органов следствия и одновременно участвовали в операциях и боях с немецко-фашистскими войсками. Поэтому раскрываемость преступлений в это время была невысокой по сравнению с уровнем раскрываемости в довоенное время. Значительное количество преступлений, совершенных во время войны, было раскрыто после ее окончания, и виновные были привлечены к ответственности. В случаях же, когда расследование дела затягивалось в связи с недостатком данных о виновности или невиновности лица, а получить их в ближайшее время не представлялось возможным, такие лица направлялись в тыл. Например, дело Ирмы Лейзер, которая выдала сведения о минском подполье немцам, подпольщики передали на решение партизанского суда. Однако партизаны ее не судили, а направили через линию фронта. «Ситуация очень сложная, в ней нужно было разобраться основательно, не по-походному»[29].

Подобным образом поступило командование партизанского отряда и с партизаном Чавриковым, который попал в плен, был завербован фашистской разведкой, а потом перебежал к партизанам и обо всем рассказал командованию партизанского отряда. Было принято решение отправить его из партизанской зоны в Москву[30].

С освобождением территории Беларуси от немецко-фашистской оккупации партизанские суды и военные трибуналы, как и сами партизанские подразделения, были расформированы.

Таким образом, функционировавшие в годы войны в тылу врага в партизанских зонах Беларуси военно-судебные органы, опираясь в своей деятельности на уголовное законодательство военного времени, сыграли позитивную роль в обеспечении государственной безопасности, должного правопорядка и воинской дисциплины в партизанских формированиях, а также общественного порядка среди мирного населения. Деятельность партизанских судов, военных трибуналов и РО НКВД способствовала претворению в жизнь намерений государственных органов по сплочению и направлению народа на борьбу с врагом и имела большое значение в пресечении уголовно наказуемых деяний, совершаемых военными преступниками. ■

---

1 Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 4п. Оп. 29. Д. 2. Л. 51–58.

2 Там же. Оп. 33а. Д. 63. Л. 107–112.

3 Там же. Д. 62. Л. 107–112.

4 Там же. Д. 63. Л. 55–58.

5 Там же. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 107. Л. 93.

6 **Мачульский Р**. Вечный огонь: Партизанские записки. Минск, 1965. С. 351–354.

7 **Лавринович Э.** Огненные рельсы: Мемуары. Минск, 1974.

8 Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Минск, 1967. Т. 1. С. 158.

9 НАРБ. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 46. Л. 217.

10 Там же. Д. 106. Л. 193.

11 Там же. Л. 22.

12 НАРБ. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 106. Л.17-18.

13 **Примаченок А.А., Шарков А.В.** Роль работников НКВД в обеспечении правопорядка в партизанских зонах Белоруссии (1941-1944 гг.) // Актуальные проблемы истории советской милиции: Сборник научных трудов. Минск, 1991. С. 84.

14 НАРБ. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 107. Л. 145.

15 Там же. Д. 106. Л. 17.

16 Там же. Л. 23.

17 Там же. Д. 107. Л. 111.

18 **Дедюля И.** Партизанский фронт. М., 1975. С. 11.

19 НАРБ. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 329. Л. 15.

20 Там же. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 920. Л. 1.

21 **Кайсенов К.** Партизанские тропы: Записки партизана. Алма-Ата, 1970. С. 98-100.

22 **Вишневский А.Ф., Примаченок А.А.** Особенности судебного рассмотрения и предварительного расследования преступлений в партизанских зонах Белоруссии в период Великой Отечественной войны // Старонкі ваеннай гісторыі Беларусі. Мінск, 1992. Вып. 1. С. 142.

23 НАРБ. Ф. 1350 Оп. 1. Д. 107. Л. 201.

24 Там же. Л. 49.

25 Там же. Л. 207.

26 **Примаченок А.А., Шарков А.В.** Роль работников НКВД… С. 86.

27 Архив МВД Республики Беларусь. Приказы НКВД БССР за 1944 г. Л. 25.

28 **Вишневский А.Ф., Примаченок А.А.** Особенности судебного рассмотрения… С. 145.

29 Там же. С. 146.

30 Там же.

Сергей Балмасов

Русская белоэмиграция в борьбе против нацизма

Участие белоэмигрантов в борьбе против нацизма и союзных ему режимов, в борьбе, которая шла не только в Европе, но и в Африке и даже в Азии, до сих пор остается малоизученной темой. Возможно, эта статья поможет немного восполнить этот пробел.

Белые против Франко

Около тысячи белоэмигрантов сражались в Испании против режима Франко. Причем их численность в несколько раз превышала число белых, сражавшихся за каудильо. По воспоминаниям героя Великой Отечественной войны генерала армии П.И. Батова, только под его командованием в Испании находились десятки белоэмигрантов-добровольцев, «у которых на глазах появлялись слезы при звуках песни “Широка страна моя родная”»[1]. При этом среди белоэмигрантов-республиканцев были довольно известные люди. Один из них – бывший полковник В.К. Глиноедский, занимавший у республиканцев высокие посты, в том числе члена военного совета Арагонского фронта и командующего артиллерией фронта[2]. Другим видным представителем белоэмигрантов, сражавшихся против франкистов, был А. Эйснер. В 1920 году его вывезли маленьким мальчиком в эмиграцию. В Испании он был ординарцем и адъютантом известного генерала Лукача (Матэ Залка). Но, пожалуй, самым заметным среди сражавшихся на стороне белоэмигрантов-республиканцев был сын знаменитого Бориса Савинкова, Лев.

Откуда такая перемена в настроении прежде заклятых врагов коммунистов? По словам добровольца-франкиста Яремчука, один из них, офицер-корниловец, изменился под впечатлением от поведения своего брата-эмигранта, «который вел беспутную жизнь среди таких же “подонков всех видов” и которого он глубоко стыдился»[3].

По словам будущего генерал-лейтенанта А. Ветрова, встреченные им среди интербригадовцев белоэмигранты заявили ему, что «хотели в бою заслужить право называться советскими гражданами, мечтая возвратиться на Родину предков»[4].

О подобных настроениях сообщал также известный республиканец Джон Корнфорд. Он вспоминал, что встреченные им в Барселоне белые русские любили выпить, после чего пели русские народные песни и славили Сталина как «отца родного»[5].

Некоторые верили, что борются с «фашизмом», поскольку Франко поддерживали Гитлер и Муссолини. С другой стороны, экономический кризис, ударивший по Западу в 1930-е годы, обездолил многих эмигрантов и вынудил обратить свои взоры в сторону СССР, показывавшего прекрасные экономические результаты. Многие из белоэмигрантов после краха Республики оказались в СССР и во Франции и приняли участие в борьбе против нацизма на их территории.

Стоит заметить, что антифашистская позиция многих белоэмигрантов вынудила Франко относиться к прибывающим в его войска русским антикоммунистам с большой осторожностью. Часто их вообще разворачивали обратно «от греха подальше».

Против нацизма во Франции

С нападением на Польшу союзная ей Франция вступила в войну с Германией. Одних только мобилизованных во французскую армию белоэмигрантов и их детей было не менее трех тысяч человек[6].

В первых рядах добровольцев было казачество, чьи лидеры сразу после начала войны предложили создать казачьи части и двинуть их на фронт. Эту идею поддержали казаки и за пределами Франции. Так, в феврале 1940 года к французскому военному атташе в Белграде обратилось руководство объедине-

ний «Союз Казаков» и «Участники Великой войны» в Югославии с просьбой оказать содействие белогвардейским частям, которые желали бы продолжить исполнение старого русского союзнического долга[7].

В мае, после нападения Германии на Францию, 250-тысячная русская община страны выставила в строй до 20 тыс. бойцов. Причем многие могли бы спокойно сидеть дома и не подвергать свои жизни опасности. Как писал Н. Вырубов, «ими руководило чувство долга по отношению к Франции, общности судьбы с теми людьми, среди которых мы оказались»[8].

Геройски погибший лейтенант Алексей Чехов не попал в армию из-за физического недостатка, но пошел в Сопротивление и своей доблестью затмевал многих французов. Или 56-летние белоэмигранты Шуваев и Яньсаев, вступившие в организацию «Свободная Франция» и отдавшие свои жизни в борьбе с нацизмом. Последний должен был в силу своего преклонного возраста демобилизоваться, но остался и погиб.

И хотя Франция была разбита за каких-то пару месяцев, сопротивление французов нацизму продолжилось. Сторонников этой борьбы сплотил вокруг себя генерал де Голль. В его войсках оставалось немало наших соотечественников. Причем многие белоэмигранты, оставшиеся во Франции и ее колониях, поддержали эту борьбу. Эмигрант Н. Вырубов писал: «им хотелось участвовать в войне, сражаться за свою вторую Родину, с которой они были связаны культурой, и отделаться от эмигрантского ярлыка. Они не чувствовали себя связанными перемирием 1940 г., ими руководило желание внести свой вклад в достижение победы»[9].

По оценкам самих русских эмигрантов, уже тогда их численность составляла не менее десятой части от общего состава сил «Свободной Франции». В конце 1940 года они приняли участие в боях против гитлеровских союзников-вишистов в экваториальной Африке и Сенегале. После достигнутых там успехов они разгромили противника – итальянцев – в Судане и Эфиопии.

Русская эмиграция после 22 июня 1941 года

Нападение Германии на СССР нанесло по белоэмиграции тяжелейший удар. Это событие ее окончательно раскололо. Правая часть белоэмиграции, рассчитывавшая на «освобождение» России Гитлером, выступила на стороне Германии. Николай Вырубов отмечал: «ими руководило искреннее желание избавить страну от коммунистического ига, что привело к тяжелому заблуждению – сотрудничеству с немецкими властями»[10].

Но были и другие настроения. Так, Лев Любимов писал, что в ночь на 23 июня 1941 года застрелился один русский эмигрант. Он оставил письмо, в котором говорилось, что даже старая Россия, несмотря на помощь союзников, не смогла побороть Германию. Дескать, тем более это невозможно для России советской. Что означает полное уничтожение России как государства и превращение русского народа в рабов. А раз так, то дальнейшая жизнь не имеет смысла[11].

Но его примеру последовали не многие. Ведь помочь России можно было даже находясь вдали от нее. Многие белоэмигранты стали на путь сопротивления.

Лев Любимов рассказывает, что 22 июня 1941 года «в Париже эмигрант, служивший у немцев шофером, не вышел на работу. Немцы потребовали у него объяснений. Он заявил, что не является большевиком, но так как немцы напали на его отечество, он не может дальше у них служить». За это эмигрант поплатился жизнью: его посадили в тюрьму, где он через год скончался[12].

Однако сопротивление было не только пассивным, но и активным. Как заявил 22 июня 1941 года сын известного эмигрантского писателя Вадим Андреев, «фашизм отныне – мой ненавистный и абсолютный враг»[13]. Многие из эмигрантов, идя на опасную борьбу, руководствовались девизом: «Не красный, не белый, а русский!»[14]

В свою очередь, белоэмигранты Ниццы обратились к представителям СССР с такой петицией: «Мы глубоко скорбили, что в момент вероломного нападения Германии на нашу Родину были физически лишены возможности находиться в рядах доблестной красной армии. Но мы помогали нашей Родине работой в подполье. И нас, патриотов, не сломили ни застенки правительства Виши, ни убийства наших людей гестапо. Сердцем, своей душой и жертвенностью мы всегда будем с нашим народом. С восторгом, изумлением и гордостью мы следили за его борьбой, в которой героическая красная армия и ее славный вождь Сталин покрыли себя бессмертной славой – они первыми нанесли врагу сокрушительный удар…

Стало ясно, что путь один: к объединению и слиянию с Родиной. А значит, и долг перед ней один: отдать все свои силы на восстановление Родины и для посильного ей служения»[15]. И эти слова отражали мотивы тех, кто боролся против общего врага вдали от родной земли.

Позиция вождей Белого движения

Немаловажную роль в определении позиции белоэмигрантов сыграли убеждения вождей Белого движения. И особенно генерала Деникина, который, проживая во Франции, демонстративно отказался сотрудничать с Власовым и находился под постоянным давлением со стороны гестапо. Он также сурово осудил тех своих бывших подчиненных, которые пошли вместе с гитлеровцами воевать против советских войск и их союзников, и выступал с обличительными заявлениями.

Среди «оборонцев» было немало и других видных белоэмигрантов. Среди них – бывшие министры царского и белогвардейских правительств В.А. Маклаков и И.И. Сукин, а также адмирал М.А. Кедров, командовавший в 1920 году врангелевским флотом. По словам последнего, «немцам не удалось увлечь за собой нашу эмиграцию – только единицы пошли за ними, наивно мечтая, что они, завоевывая Россию для себя и готовя русский народ к роли удобрения для "великого германского народа", вернут им потерянные имения»[16].

В антигитлеровской пропаганде Деникину активно помогал целый ряд соратников. Среди них – полковник Петр Колтышев (1894–1988), бывший старший помощник начальника оперативного отдела штаба Добровольческой армии.

На оборонческих позициях находился и его бывший командир – генерал-лейтенант Петр Махров (1876–1964), бывший генерал-квартирмейстер штаба ВСЮР. Он писал: «День объявления войны немцами России, 22 июня 1941 г., так сильно подействовал на все мое существо, что я послал письмо [советскому послу во Франции] Богомолову, прося его отправить меня в Россию для зачисления в армию, хотя бы рядовым»[17].

Однако письмо просмотрели вишистские цензоры правительства, и Махров оказался в концлагере. Благодаря заступничеству видного генерала Нисселя 7 декабря 1941 года Махрова выпустили на свободу, и он продолжил оборонческую работу среди белоэмигрантов.

Заметим, что Махров был отнюдь не одинок в подобном желании. С той же просьбой в советские учреждения обращался и будущий герой французского Сопротивления князь Николай Оболенский[18]. Однако в СССР к белоэмигрантам относились с подозрением и не спешили принимать их.

А вот генерал-майор белогвардейской авиации Вячеслав Баранов (1887–1964), бывший начальник авиации Донского казачьего войска и армии Врангеля, занимал оборонческую позицию и служил в Министерстве авиации Франции.

Другим видным «оборонцем», поддержавшим Деникина, был казачий генерал-лейтенант Петр Писарев (1874–1967), герой боев за Царицын в 1919 году и один из главных организаторов разгрома красного конного корпуса Жлобы. С лета 1940 года, после захвата Франции нацистами, он вел подпольную работу и по поручению генерала Деникина возглавлял запрещенный «Союз добровольцев»[19].

Не обошлось и без гибели видных «оборонцев». Среди них – генерал-лейтенант Павел Кусонский (1880–1941). Видный деятель РОВС, после оккупации Бельгии он попал под наблюдение гестапо как эмигрант-«оборонец», ведущий «подрывную деятельность среди эмиграции и контактирующий с бельгийским подпольем». 22 июня он резко осудил нападение Германии на СССР, за что и был арестован гестапо. Через два месяца Кусонский скончался от жестоких побоев.

Какую роль он играл в организации Сопротивления в стране и определении настроения местной русской общины, ясно хотя бы из того, что сразу по освобождении Бельгии 30 ноября 1944 года власти этого государства с воинскими почестями перенесли его прах на почетный участок кладбища Юкль в Брюсселе.

Не были исключением и лидеры казаков. Так, один из самых известных организаторов антисоветской борьбы на юге России, генерал от кавалерии Петр Попов[20] (1866–1960), являвшийся во время Второй мировой войны атаманом Войска Донского, наотрез отказался от предложений гитлеровцев взять на себя формирование казачьих частей для борьбы против советских войск. За что и был арестован гестапо.

Его героическая позиция повлияла на настроения казачества. Многие казаки не только не поддержали Краснова и Шкуро, но и активно участвовали в движении Сопротивления. Доказательством тому, что многие казаки поддержали Попова, служит тот факт, что после Второй мировой войны он дважды избирался Донским атаманом.

Как бы там ни было, но благодаря патриотической деятельности этих людей тысячи наших соотечественников поднялись на борьбу против нацизма.

В боях в Северной Африке

Новая волна белоэмигрантов вступила в войска де Голля в конце 1942-1943 годах, когда союзники освободили Северную Африку, где проживали тысячи наших соотечественников. По меньшей мере несколько десятков из них присоединились к так называемой Северо-Африканской армии (C.F.A.). Уже к концу ноября 1942 года в ее составе было более 30 русских добровольцев, в том числе шесть офицеров[21].

Однако из-за недостатка оружия и инструкторских кадров ее отправка на фронт задерживалась. И тут белоэмигранты, жаждущие сразиться с нацистами, стали дезертировать… из тыла на фронт! Пожалуй, трудно найти в истории подобные примеры! Курьезность и трагизм ситуации были в том, что пойманных расстреливали как дезертиров военного времени[22].

Впрочем, белоэмигрантам еще представилась масса возможностей проявить свои боевые качества. По оценкам самих французов, русские офицеры показали себя блестяще, и де Голль очень ценил их. По словам первых, «солдаты сходятся во мнении, что именно русский офицер наиболее чуток к солдату, лучше всего понимает его надежды и совсем по-товарищески относится к нему и в тоже время не теряет своего достоинства и не умаляет дисциплины»[23].

По свидетельству В. Алексинского, «уважение и любовь, которыми мы пользовались у французских товарищей, а также англичан 8-й армии, было вызвано» не только преклонением перед советскими солдатами «за их жертвы и то, что они первыми разбили немцев. Немалую роль в таком уважении сыграли мы сами своими личными качествами, которые мы постоянно проявляли, находясь в одних рядах вместе с ними».

Сопротивление в оккупированной Франции

Не случаен тот факт, что многие русские группы движения Сопротивления образовались именно 22 июня 1941 года. Например, «Русская патриотическая группа» в Ницце, вошедшая впоследствии в «Союз русских патриотов», который представлял собой многочисленную разветвленную сеть подпольщиков и партизан.

Его члены участвовали во всех сферах подпольной работы: были связными между разными группами в городах и партизанами, содержали конспиративные квартиры, спасали сбитых летчиков стран антигитлеровской коалиции, сражались в партизанских отрядах, участвовали в акциях саботажа, собирали для англичан и американцев разведывательные данные.

Кроме того, они устраивали побеги советских военнопленных, укрывали их, снабжали документами, продуктами и гражданской одеждой, выполняли работу связных и переводчиков в движении Сопротивления[24].

Причем многие приехали сражаться против нацистов из других стран. По словам В.И. Алексинского, «они могли там спокойно жить, не рискуя своей жизнью. Кое-кто для этого пробирался в "Свободную Францию" через Испанию, попадая в тюрьмы, но многие добивались своего. У меня были русские товарищи из Китая, Индии, Сирии, Палестины, Египта, Филиппин и Аргентины»[25].

Особенно полезной была агитационная работа белоэмигрантов среди власовских подразделений ввиду ожидавшейся высадки союзников во Франции. А здесь таких подразделений было немало. Большинство пленных записались к Власову, оказавшись в безвыходном положении: голодная смерть в концлагерях или служба врагу. Надев немецкую форму, многие из них осознавали всю мерзость своего поступка и искали лишь «место и время», чтобы повернуть свои штыки против ненавистного нацизма.

Особенно преуспел в работе с власовцами «Союз русских патриотов». Под влиянием его агитации они массово переходили на сторону союзников и Сопротивления. Так, в результате только одной агитационной поездки «красной княгини» Тамары Волконской[26] на сторону партизан маки перешло за один день 85 власовцев[27].

Пожалуй, самым известным русским участником французского Сопротивления

является Вера Оболенская (Вики), жена князя Николая Оболенского. Она помогала доставлять в Лондон разведывательные данные, набирала и распределяла партизан для восстания в связи с ожидавшейся высадкой союзников во Франции, формировала будущий гражданский аппарат для де Голля, держала связь с ячейками подполья.

Смерть ходила рядом с ней. Первые два ее командира были арестованы и погибли. По свидетельству участников подполья, «работала она толково, быстро, весело и без отдыха, с раннего утра до позднего вечера». Неоднократно находилась на грани провала, но ее выдержка, находчивость и веселый характер позволили избежать этого. Так, однажды она, находясь в метро с чемоданом, набитым секретными документами, попала в облаву и на вопрос полицейского, что находится в чемодане, ответила со смехом: «Конечно бомба, сударь!» В итоге она весело посмеялась вместе с полицейским, и они мирно разошлись.

Однако 17 декабря 1943 года ее все же арестовали. Будучи уже в нацистских застенках, эта мужественная женщина умудрилась передать на волю сведения, позволившие спасти остатки ее подпольной группы.

Нацисты уговаривали ее отказаться от борьбы, обещая выпустить на свободу. Они говорили ей, что якобы несут миру и России избавление от коммунизма. Вики ответила, что истинной целью гитлеровцев является истребление славян, мировое господство и как христианка, воспитанная на челевеколюбии, она не приемлет антисемитизм. Напоследок она заявила: «Не хочу изменять ни своей стране, ни Родине, приютившей меня».

Начались допросы, но военному следователю, допрашивавшему ее, так ничего и не удалось у нее выудить, и он прозвал ее «Принцесса ничего не знаю». Не сломили ее и пытки. Вики была казнена 4 августа 1944 года. За свою жертвенность, мужество и героизм она была посмертно награждена высшими наградами Франции. В выписке из приказа о ее награждении французские министры Бидо и Мищле заметили, что она «явила всем прекрасный пример преданности Франции и героизма в борьбе с гитлеризмом».

Подвиг Вики отметил в своем приказе от 6 мая 1946 года знаменитый британский фельдмаршал Монтгомери: «Я хочу запечатлеть мое восхищение перед услугами, оказанными нам Верой Оболенской»[28].

Гораздо менее известен подвиг монахини Марии (Елизаветы Пиленко). Она основала в Париже приют для стариков, душевнобольных и отчаявшихся беженцев. Когда немцы оккупировали Францию, приют стал подпольной квартирой Сопротивления, его транзитным пунктом, здесь укрывались евреи и антифашисты, в том числе и советские пленные. Число спасенных ею людей неизвестно, но счет идет на многие десятки, если не на сотни. Однако сама мать Мария в конце концов попалась. Даже находясь в лагерных условиях, она поддерживала слабых духом. Очевидцы из числа лагерных сидельцев, находившихся вместе с матерью Марией, с восторгом отзывались о ее мужественном поведении[29].

Она погибла за считанные дни до Дня Победы, 31 марта 1945 года. Существует легенда, согласно которой мать Мария пошла на казнь добровольно, подменив собой молодую советскую узницу. Однако в веках остался ее подвиг, показавший истинный пример человеколюбия.

Парижское восстание 1944 года

Русские эмигранты участвовали во всех крупных операциях движения Сопротивления, в том числе в Парижском восстании в августе 1944 года. Бойцы «Союза русских патриотов» освободили здание советского посольства на улице Гренель. Это было глубоко символично, особенно освобождение здания советского дипломатического учреждения. Таким образом белоэмиграция показывала, что она готова к диалогу с советскими властями и прекращает борьбу против «красной» Москвы.

Кроме того, они же захватили резиденцию пронацистского Управления по делам эмиграции. Операции подобного рода поручали им не случайно, давая возможность разделаться с «паршивыми овцами» в своем «стаде».

Созданное нацистами Управление по делам эмиграции возглавлял крайне правый белоэмигрант Жеребков. Еще в 1940 году он призвал нацистов уничтожить СССР и навсегда устранить «советскую угрозу». Тогда же французские и русские патриоты приговорили Жеребкова к смерти, но он постоянно ускользал из их рук. Во время Августовского восстания 1944 года его должна была захватить специальная группа белоэмигрантов. Но Жеребков опять ускользнул и «всплыл» в безопасном месте, в Испании[30].

Колониальное сопротивление

Тяжелая борьба против нацизма велась не только в материковой Франции, но и в ее колониях. В магрибском Сопротивлении приняли участие, по меньшей мере, несколько десятков русских.

Русские эмигранты участвовали также в борьбе против японских союзников Гитлера. Особенно выделяется среди них Игорь Буланин, бывший гардемарин Белого флота. Во время Второй мировой войны он жил в северном Вьетнаме и работал на французскую оборонку. Когда японцы в 1940 и 1942 годах частично заняли Индокитай, он ушел с верными людьми в джунгли. Там он подружился с представителями первобытного племени моис и возглавил сводный франко-моисский партизанский отряд, который перерезал коммуникации, связывавшие японскую группировку в Бирме с Китаем, не пропуская ни одного каравана врага. Так продолжалось до 7 декабря 1943 года, пока его не убили красные вьетнамцы, решившие покончить с французским влиянием в стране[31].

Подвиги белоэмигрантов

Белоэмигранты на французской службе совершили немало подвигов, приблизивших общую победу. Обо всех в одной статье не расскажешь. Остановимся лишь на некоторых. Особого внимания заслуживают рядовой Александр Ножин, младший лейтенант Петр Борейша де Борими и лейтенант Константин Боровский, отказавшиеся покинуть свои боевые позиции и погибшие в июне 1940 года[32].

Лейтенант Сергей Аитов пал смертью храбрых, возглавив самоубийственную британскую контратаку в Северной Африке в мае 1941 года. Вот подвиг лейтенанта Владимира Булюбаша, погибшего 29 ноября 1944 года: он остановил отступавшую вражескую колонну ценой своей жизни.

Заслуживает уважения и поступок морского офицера, будущего контр-адмирала Франции Сергея Ворожейкина. Этот борец против нацизма получил предложение от властей Финляндии занять пост главного адмирала страны. Однако отказался, заявив, что присягал России.

А вот подвиги молодого князя Георгия Гагарина (1921–1945). В приказах по армии о нем говорится: «Застав батарею противника врасплох, когда она стреляла по нашим позициям, открыл по ней огонь, и, искусно маневрируя, убил четверых солдат, взял 18 пленных и трофеи. В Эйтлингене (Германия) 5 апреля 1945 года вынес с места боя под огнем противника тело убитого офицера отряда, застрелив при этом собственноручно троих солдат противника». Его командир сообщал, что Гагарин с риском для жизни вынес тело своего непосредственного начальника и продолжал сражаться, будучи раненым и «отказывался от получения помощи до окончания боя».

О многочисленных подвигах офицера Джембекова неоднократно писали газеты, журналы, сообщали в сводках по радио.

Офицер-подводник русского ВМФ Сергей Еникеев своими руками в марте 1943 года потопил германскую субмарину. Так он отомстил за гибель своего сына Пересвета, погибшего от ее торпеды на французской подводной лодке. И сделал он это очень оригинально. Будучи старшим механиком базы по ремонту подводных лодок в Бизерте у вишистов, он подстроил взрыв аккумуляторной батареи, из-за чего лодка затонула.

А вот подвиги легионера Георгия Зарубина, отмеченного в приказе по бригаде 30 июня 1943 года: «Во время ожесточенного боя, когда был убит его начальник, вступил в командование отрядом. Будучи тяжело раненым, продолжал защищать позицию до исчерпания запасов боеприпасов». В посмертном приказе по армейскому корпусу от 23 мая 1945 года говорилось: «капрал исключительной храбрости, доказавший во время атаки 20 ноября 1944 г. полное презрение к опасности. Переплыл реку и продвинулся на 200 метров по берегу, несмотря на исключительный по интенсивности огонь. Продолжал продвигаться вглубь территории противника, пока не был сражен пулей».

А вот подвиги Константина Иванова-Тринадцатого и Михаила Расловлева, отказавшихся от «теплого» места в тылу и геройски погибших на передовой. Так, в сентябре 1944 года подразделение первого оказалось в окружении, оставшись без продовольствия и патронов. Решили прорваться к своим. Но нужны были добровольцы, чтобы найти слабое место в обороне врага. Иванов-Тринадцатый выполнил поручение ценой своей жизни, напоровшись на засаду власовцев.

Достоин памяти поступок Николая Стецкевича (Юрия Владимировича), спасшего

в самый последний момент от разрушения корсиканский порт Бастия, заминированный немцами. Стецкевич также проявил геройство при освобождении острова Эльба, заняв одну из ключевых батарей противника[33].

Среди сопротивленцев следует особо отметить Бориса Вильде, попавшего тяжело раненым в плен. Он бежал оттуда, пройдя пешком 300 километров, хотя едва мог ходить с простреленным коленом. В числе первых, в ноябре 1940 года он вступил в движение Сопротивления и стал руководителем одной из парижских ячеек подполья. Схвачен гестапо, подвергался жестоким избиениям и пыткам, но никого из остальных участников Сопротивления не выдал. Как и другие русские эмигранты, попавшие в руки гестапо. В их числе Иван Троян.

Отличилась в Сопротивлении и семья Пухляковых, отдавшая свои жизни во имя разгрома коричневой чумы. Глава семейства, 34-летний Владимир Пухляков, был арестован и гильотинирован нацистами. Погибла мученической смертью и его юная дочь, участвовавшая в выполнении заданий отца.

Также заметен своими делами в Сопротивлении сын министра, премьера правительства Врангеля в 1920 году И.А. Кривошеин. Он имел хороший заработок при вишистах, но тут же включился в борьбу против оккупантов. По признанию самих французов, добывал «ценнейшую информацию для Сопротивления».

Дочь известного русского композитора Ариадна Скрябина стала одним из организаторов движения Сопротивления в Тулузе. В июле 1944 года, за месяц до освобождения Тулузы, попала в засаду, устроенную вишистской милицией и была убита в перестрелке. В Тулузе ей поставлен памятник с надписью: «Погибшая на боевом посту».

Особую отвагу проявила группа Сопротивления, основанная из советских граждан и эмигрантов белорусским партизаном Владимиром Антоненко. В ее составе был и Вадим Андреев. 30 апреля 1945 года она подняла восстание на острове Олерон (Голландия) и очистила его от противника.

Против Муссолини

Немало подвигов белоэмигранты совершили и в рядах итальянского Сопротивления. Многие из них дрались в партизанских отрядах. Среди них и юный партизан Игорь Климов, погибший 7 февраля 1945 года за считанные месяцы до Победы[34].

Еще большую известность белоэмигранты приобрели в качестве подпольщиков. Среди них – художник А. Исупов, предоставивший свою квартиру в Риме для конспиративных собраний[35].

Однако самым ярким представителем русских сопротивленцев в Италии является Алексей Флейшер (1902–1969). Вместе с князем Виктором Сумбатовым они основали ячейку Сопротивления в Риме. Они оборудовали тайный приют для бежавших советских военнопленных на квартире Сумбатова.

Семья последнего перебивалась с хлеба на воду, поскольку «контингент» убежища постоянно увеличивался. Они давали каждому беглецу еду и гражданскую одежду, буквально отрывая от себя. Так, Сумбатов раздал им свой гардероб до последней рубашки[36].

Всего группа Флейшера спасла 182 бывших пленных, включая 11 офицеров[37]. Однако ее сопротивление было не только пассивным. Вскоре «группа Флейшера» стала совершать вооруженные вылазки. Несколько раз она была на грани гибели. Так, ее член Кузьма Зайцев однажды был арестован гестапо и подвергся зверским пыткам. К чести Зайцева, он все выдержал.

Свою лепту в разгром итальянских союзников Гитлера внесла и русская община Эфиопии. Напомню, что здесь осели несколько десятков бывших офицеров, которые помогли эфиопам создать боеспособную армию, которая сопротивлялась вооруженным до зубов итальянцам почти год (1935–1936).

Среди них – создатель эфиопской авиации полковник Ф.Е. Коновалов, а также военный советник Г.Н. Турчанинов, организовавший стрелковую бригаду, которая приняла активное участие в войне[38]. В боях против итальянцев участвовали капитаны М. Бабичев и родственник известного белогвардейского генерала В. Дитерихс.

После поражения Эфиопии белоэмигранты подались в партизаны и подпольщики. Особенно прославился своими дерзкими операциями Георгий Турчанинов[39]. Мария Ганаф-Лапина, мать 16 детей, укрывала на своей квартире партизан-эфиопов[40]. Семья белоэмигранта Ханефи Магомета Оглу также помогала партизанам. В конце концов все они были арестованы итальянцами и провели четыре года в тюрьме[41].

В американских, британских и канадских войсках

Второй по количеству участников после французской была эмигрантская группировка в вооруженных силах США. Это не случайность: к концу 1930-х годов в эту страну в поисках лучшей жизни переехала значительная часть наших соотечественников. К этому времени их численность в США доходила до 200 тыс. человек. И это не считая тех эмигрантов, которые уехали сюда в царское время.

С началом войны многие из них вернулись к привычному ремеслу и пошли в армию и ВМФ. Одних только наших полковников насчитывалось 14 человек, не считая десятков и сотен офицеров младшего и среднего звена, а также тысяч солдат. Многие из них отдали свои жизни в борьбе с державами «Оси»[42].

Подавляющее их большинство было востребовано у американцев, в отличие от тех же французов, не как «пушечное мясо», а как «технические» профессионалы.

Среди них особенно заметны летчики (в том числе военный историк П. Балакшин)[43], моряки (в том числе представители элитного корпуса морской пехоты)[44] и военные инженеры-конструкторы.

Наибольшую известность в Америке получили талантливые авиаконструкторы И. Сикорский и Н. Прокофьев-Северский. Последний заслуживает особого внимания. Этот «американский Маресьев», получивший тяжелое увечье во время Первой мировой войны, стал майором американских ВВС, прославившись разработкой одного из лучших самолетов Второй мировой войны – «Тандерболт» С-47, который воевал против немцев и на советском фронте.

Человеком-легендой британской армии стал Владимир Поплавский (Пеняков) (1887–1951), офицер спецподразделения САС, совершавший успешные рейды по тылам войск «Оси» в Ливии и закончивший войну командиром английского танкового полка[45].

Самым известным белогвардейцем среди «русских англичан» был капитан 1-го ранга Георгий Чаплин (1886–1950), первый руководитель антисоветской борьбы в 1918 году на Севере. В составе британских вооруженных сил полковник Чаплин сыграл важную роль при высадке в Нормандии, командуя инженерным батальоном[46].

На общую победу работали и несколько десятков белоэмигрантов в составе канадских вооруженных сил. Один из самых знаменитых – участник арктических конвоев Вадим Шелега-Корецкий (Кнайт). Он особенно отличился в бою при входе в пролив Скагеррак (между Балтийским и Северным морями) в 1940 году. Благодаря его меткой стрельбе эсминец «Ольгонквин» потопил 10 из 11 транспортов противника. За это Шелега-Корецкий получил личную благодарность от английского короля Георга V[47].

Среди представителей белоэмиграции, воевавших против нацистов, было немало родственников известных людей. Например, лейтенант ВМФ Андрей Лосский (1917–1997), сын знаменитого философа Н.О. Лосского, принимавший, по признанию его командиров, участие «в очень опасных операциях» в Северной Африке и Италии[48]. Заслужил шесть наград и даже знаменитый орден *Legion of Merit*, которым было награждено на многомиллионную американскую армию всего лишь 300 человек[49].

В британской армии сражался сержантом-радистом сын известного русского философа Василий Семенович Франк (1920–1996)[50]. Внук знаменитого русского писателя Сергей Толстой (1910–1996) работал врачом военного госпиталя в Марокко в 1943-1944 годах. А сын известного военного теоретика генерала Н.Н. Головина был офицером-парашютистом британских войск. По свидетельству очевидцев, он очень сильно стыдился своего отца, пошедшего на сотрудничество с нацистами.

Бельгия

Десятки белоэмигрантов сражались против нацизма в вооруженных силах Бельгии, а также участвовали в местном движении Сопротивления. Особую известность приобрел граф Святослав Малевский-Малевич, служивший в ПВО и сражавшийся с гитлеровцами в «Бельгийском отряде», созданном по типу войск «Свободной Франции» для продолжения борьбы против Германии[51].

Один из самых ярких подвигов в этой борьбе совершила дочь белоэмигранта М.А. Шафрова-Марутаева. Мать двоих детей, она устраивала на улицах Брюсселя, по признанию самих бельгийцев, «отчаянно смелые нападения на гитлеровских офицеров». Схвачена гестапо, казнена. По бельгийским данным, «допросы и пытки не сломили ее волю»[52].

В чешском движении Сопротивления особенно выделялся А.А. Воеводин[53w]. В 1944

году схвачен гестапо и погиб в лагере смерти незадолго до освобождения страны. В Словакии целая группа белоэмигрантов участвовала в деятельности подполья и партизанских отрядов. В том числе эмигрант по фамилии Макеев. По признанию самих словаков, они приняли активное участие в боевых действиях против оккупантов[54].

Белоэмигранты на Балканах

Далеко не все белоэмигранты вступали в «Русский корпус». Нередко бывало так, что если отцы шли служить нацистам, то сыновья и дочери отправлялись в подпольщики и партизаны. Нападение Гитлера на СССР, ассоциировавшийся у многих жителей Балкан с защищавшей их прежде Россией, дало мощный импульс к возникновению партизанского движения. Уже 22 июня 1941 года в Болгарии и Югославии были образованы первые вооруженные отряды местного Сопротивления. Через год они разрослись и стали мощной организованной силой. Еще через год партизаны контролировали значительную территорию, отвлекая на себя около 30 вражеских дивизий.

Например, в движении участвовал философ В.А. Юревич, ставший подполковником партизанской армии. Дом другого участника антифашистской борьбы в Болгарии, И.Ф. Рябоконя, в селе Бистрица Горно-Джумайского округа стал местом постоянных встреч партизанских руководителей. После провала Рябоконь был схвачен и посажен в тюрьму. Его освободили во время восстания 9 сентября 1944 года. Такая же судьба была и у подпольщика, полковника Генерального Штаба Е.И. Носкова[55].

Однако дожить до Дня Победы суждено было не всем. Геройски погиб в бою 28 мая 1944 года, незадолго до освобождения Болгарии, бывший белый офицер М.И. Плавацкий, участник секретного сбора 22 июня 1941 года болгар и русских, решивших начать борьбу против местного пронацистского режима[56].

Эмигрантская жертва во имя общей победы

Белоэмигранты-антифашисты положили на алтарь Победы немало жизней. Специального учета никто не вел. Кроме того, по разным причинам (в том числе по соображениям секретности) многие из белоэмигрантов фигурировали в документах под другими именами. Поэтому идентифицировать их национальную принадлежность сложно.

В любом случае, скорбный счет идет на многие тысячи. Особенно много могил оставили легионеры. По свидетельству участников тех событий, «могилы павших русских разбросаны по всему боевому пути войск "Свободной Франции": Абиссинии, Сирии, Египту, Ливии, в Тунисе, Италии и Франции»[57].

Автор данной статьи располагает точными данными о месте, времени и иных обстоятельствах гибели 243 русских эмигрантов, представлявших французскую белоэмиграцию.

Есть во Франции памятник в честь погибших в борьбе против нацизма русских, установленный на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Установили его на свои средства белоэмигранты. Сделано это было по инициативе семейства Воронко-Гольдберг, чей сын пал в рядах французской армии[58].

Однако было бы несправедливо утверждать, что русскую жертву союзники не заметили. Так, с 1945 года ряд белоэмигрантских учреждений, включая инвалидные дома (например, в Ницце), был переведен на дотации французского правительства[59].

Заключение

Кое-кто из современных исследователей считает, что большинство белоэмигрантов во Второй мировой войне выступили на стороне нацистов. В качестве примера они обычно приводят «Русский корпус» на Балканах, сформированный из белоэмигрантов и участвовавший в карательных операциях против сербского сопротивления. Правда, неясно, сколько участников он насчитывал в действительности. На бумаге – 17 тыс. штыков. Однако есть данные, что строевых «корпусников» едва набиралось 9 тыс. человек. Если же учесть казачьи, власовские и эсэсовские части, то общая численность белоэмигрантов в нацистской форме не превышала 30 тыс. бойцов. К тому же надо учитывать то, что их щедро разбавляли перешедшими на сторону гитлеровцев советскими военнопленными.

Следует заметить, что не меньшее, а даже большее число эмигрантов сражалось против нацизма в армиях союзников. Их можно было часто встретить также в подполье и партизанских отрядах Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Югославии, Италии и Франции. В несколько меньшей степени наши соотечественники отметились в движе-

нии Сопротивления в Бельгии, Нидерландах, Норвегии, Болгарии и Греции.

Показательно, что симпатии наших соотечественников разделялись в зависимости от места проживания. Большинство эмигрантов, проживавших на территории стран антигитлеровской коалиции, включились в борьбу против нацизма. Тогда как те, кто жил в Германии и Югославии, выступили на стороне Гитлера. Причем именно на территории последней находилась та самая часть непримиримой монархической белоэмиграции, которая в своей слепой ненависти к большевизму готова была пойти по образному выражению П.Н. Краснова, «хоть с чертом».

Как бы там ни было, но говорить о том, что белоэмиграция поддержала нацистов, было бы неправильно. Подобные утверждения справедливы только в отношении ее меньшей части. По крайней мере, из сотен тысяч белоэмигрантов за нацистами пошла лишь сравнительно небольшая группа. ■

---

1 **Камнев В.** Волонтеры свободы // Голос Родины. 1966. № 66 (8).

2 * Погиб в бою.

3 **Яремчук А.П.** Русские добровольцы в Испании. Сан-Франциско, 1983. С. 368.

4 **Шкаренков Л.К.** Агония белой эмиграции. М. 1986. С. 206.

5 **Keene J.** Fighting for Franco. International volunteers in nationalist Spain during Spanish civil war, 1936–1939. London; N.Y., 2001. P. 104–107.

6 **Варшавский В.С.** Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 12.

7 РГВА. Ф. 198. Оп. 2. Д. 620. Л. 177.

8 Русская эмиграция, Франция 1917–1947 гг. Париж, 2001. С. 372.

9 Там же.

10 Там же.

11 Русское Зарубежье против фашизма. М., 2005. С. 96.

12 Там же.

13 **Андреев В.** История одного путешествия. Повести. М., 1974. С. 361.

14 Русская эмиграция в Италии в XX веке. М., 2003. Вып. 5. С. 10.

15 АВПРИ. Ф. 197. Оп. 25. Д. 43. Лл. 2, 11.

16 **Варшавский В.С.** Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 238, 239.

17 **Рутыч Н.Н.** Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. М., 1997. С. 154–155.

18 **Любимов Л.** На чужбине. М., 1963. С. 312.

19 **Рутыч-Рутченко Н.Н.** Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. М., 1997. С. 184.

20 * С 1910 по 1917 гг. – начальник Новочеркасского казачьего училища в чине генерал-майора. С начала 1918 г. и до конца жизни – походный атаман казачьих войск России. В феврале 1918 г. – организатор Степного похода антибольшевистски настроенных донцов, призванного сохранить ядро антисоветских сил Дона. В апреле 1918 г. выступил одним из организаторов Общедонского восстания. За заслуги в борьбе против красных на первом этапе гражданской войны получил чин генерал-лейтенанта. После очищения Дона от большевиков отодвинут на второстепенные роли – был оставлен при атамане Краснове генералом для поручений. В феврале 1919 г. после прихода нового войскового атамана генерала Богаевского был избран председателем Донского правительства и министром иностранных дел в этом кабинете. За свои заслуги в борьбе с большевизмом в апреле 1919 г. стал генералом от кавалерии. В последующие годы борьбы против красных выполнял важные поручения Донского атамана. Победил прежнего атамана графа Граббе на выборах 1938 г., которому он проиграл четырьмя годами ранее.

21 **Алексинский В.** Несколько слов о русских добровольцах в рядах войск «Свободной Франции» // Африка глазами эмигрантов. М., 2002. С. 93, 94.

22 Африка глазами эмигрантов. М., 2002. С. 95.

23 **Варшавский В.С.** Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 328.

24 **Шкаренков Л.К.** Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 225.

25 **Варшавский В.С.** Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 327.

26 * Погибла в 1944 г.

27 **Johnston R.H.** The great Patriotic War and the Russian exiles in France. // The Russian Review. 1976. Vol. 35. № 3 (July). P. 309, 311.

28 Цит. по: **Варшавский В.С.** Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 344.

29 Русское Зарубежье против фашизма. М., 2005. С. 96.

30 **Laroche G.** (Colonel F.T.P.F. Boris Matlin). Onles nommait desetranges… (Les immigres dans la Resistance). Paris, 1965. P. 243, 244.

31 Морские судьбы за границей: офицеры российского флота в эмиграции. СПб., 2003. С. 30.

32 **Варшавский В.С.** Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 33.

33 * Погиб 21 августа 1944 г. при взятии Тулона во время штурма адмиралтейства и морского арсенала.

34 ГА РФ. Ф. 10017. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

35 **Шкаренков Л.К.** Агония белой эмиграции. М., 1985. С. 232.

36 РГАЛИ. Ф. 2528. Оп. 1. Д. 16.

[37] **Шкаренков Л.К.** Агония белой эмиграции. М., 1985. С. 232.

[38] **Крылова Н.Л.** Социокультурный аспект жизни русских соотечественников в Африке // Восток. 1999. № 6. С. 49.

[39] Новый журнал. Нью-Йорк. № 196. С. 379.

[40] Эхо планеты. 1991. № 17 (160). С. 33.

[41] **Хренков А.В.** Российская диаспора в Эфиопии // Российская диаспора в Африке. 1920–1950-е гг. М., 2001. С. 101.

[42] Некролог А. Долгополова // Первопоходник. 1974. № 16. С. 59.

[43] **Балакшин П.** Финал в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 1–3. С. 93, 94; Морские судьбы за границей: офицеры российского флота в эмиграции. СПб., 2003. С. 68.

[44] **Георгий К.** Исход русских из Китая // Новая Заря. 1964. 28 февраля.

[45] Там же.

[46] Морские судьбы за границей: офицеры российского флота в эмиграции. СПб., 2003. С. 108.

[47] Там же. С. 186.

[48] Там же.

[49] Русское Зарубежье против фашизма. М., 2005. С. 85.

[50] Там же.

[51] Русская эмиграция, Франция 1917–1947 гг. Париж, 2001. С. 379.

[52] Cech V. P. 556–564.

[53] * В середине 1920-х гг., будучи одним из видных деятелей Объединения русских студенческих организаций, через президента Чехословакии Масарика пытался вызволить русских студентов-легионеров из Французского иностранного легиона. Французы заманили их обманом из турецких и греческих лагерей в 1920–1921 гг. Накануне войны являлся секретарем Совета русских писателей и журналистов в Чехословакии.

[54] **Шкаренков Л.К.** Агония белой эмиграции. М., 1985. С. 233.

[55] **Аблова Р.Т.** Сотрудничество советского и болгарского народов в борьбе против фашизма (1941–1945 гг.). М., 1973. С. 336–339, 353–354.

[56] **Шкаренков Л.К.** Агония белой эмиграции. М., 1985. С. 233.

[57] Там же. С. 228.

[58] ГАРФ. Ф. 10017. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

[59] **Рутыч-Рутченко Н.Н.** Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. М., 1997. С. 218.

Борис Ковалев

Легализация советских коллаборационистов на Западе после окончания Второй мировой войны

Быстрое охлаждение отношений между СССР и его бывшими западными союзниками практически сразу после завершения Второй мировой войны предопределило тот факт, что результаты этой войны, а также оценка действий тех или иных стран в период с момента прихода Гитлера к власти и до его поражения стали предметом политических спекуляций и пропагандистских кампаний на международном уровне.

По окончании Второй мировой войны в разрушенной Европе находилось до восьми миллионов перемещенных лиц. Часть их была насильственно вывезена гитлеровским режимом на работу в «Новую Европу». Некоторые мигранты из Восточной Европы не желали возвращаться домой. Причин тому было несколько: кто-то поверил утверждениям нацистской пропаганды, что все люди, проживавшие на занятой гитлеровцами территории, будут обязательно репрессированы советской властью, кто-то просто не захотел возвращаться в разрушенные войной деревни и города.

Но кроме тех, кто оказался в Германии не по своей воле, были люди, которые бежали вместе с гитлеровцами от наступления Красной Армии. Следует отметить, что среди них были как военные преступники, так и сотрудники различных коллаборационистских структур: бургомистры, старосты, работники коллаборационистской оккупационной прессы. При этом американское правительство в лице президента Трумэна четко обозначило свою позицию, высказавшись против насильственной репатриации таких людей в страны с коммунистическим режимом правления.

16 августа 1946 года президент Трумэн рекомендовал Конгрессу внести соответствующие поправки в иммиграционное законодательство с тем, чтобы разрешить внеочередной въезд в страну около 200 тыс. иммигрантов[1]. Результатом рассмотрения предлагаемых изменений в законодательстве стал принятый летом 1948 года Закон о перемещенных лицах. Согласно этому документу, США, в первоочередном порядке и несмотря на установленные иммиграционные квоты, должны были принять из Европы в течение двух лет около 200 тыс. перемещенных лиц. При этом Конгрессом были определены критерии, по которым производился отбор людей, имевших право на такой въезд в США. 40% иммигрантов, которые могли въехать в страну в рамках квоты, установленной Законом о перемещенных лицах, должны были быть из «стран, de facto аннексированных другим государством». Под этим замысловатым определением Конгресс подразумевал прежде всего страны Прибалтики.

Американский Закон о перемещенных лицах, что естественно, исключил из числа лиц, имеющих право на иммиграцию в США, людей, сотрудничавших с нацистским режимом. Но соответствующая статья не в полной мере отображала аналогичный запрет, содержавшийся в Уставе Международной организации по делам беженцев, и была недостаточно четко сформулирована. Раздел 13 Закона выглядел следующим образом:

«По настоящему Закону виза не может быть выдана никакому лицу, которое является или являлось членом движения (принимало в нем участие), враждебного Соединенным Штатам Америки или же враждебного к форме правления, установленной в Соединенных Штатах Америки».

Раздел 10 Закона о перемещенных лицах также запрещал въезд в США любого заявителя, который намеренно исказил в заявлении факты своей биографии[2].

Что касается службы иммиграции и натурализации (СИН) США послевоенного пери-

ода, то она в известной степени была «гадким утенком» в системе американских правоохранительных органов. До 1940 года СИН являлась составной частью департамента труда[3]. Ее переход в разряд силовых ведомств происходил достаточно тяжело.

Зачастую сотрудниками новообразованной службы становились те, кому не удалось устроиться в ФБР, налоговую службу или иные солидные ведомства. К проблеме невысокого уровня подготовки кадров добавлялась проблема децентрализации: десятки территориальных подразделений СИН были разбросаны по всей стране.

Помимо слабой внутренней организации СИН не имела и контроля со стороны. В любом деле о депортации служба являлась одновременно следователем, обвинителем, судьей и инстанцией, подающей апелляцию.

В процессе «отсеивания» нацистских пособников сотрудниками корпуса контрразведки тоже возникали проблемы. Несмотря на внушительный список мероприятий по проверке заявителей большинство из предложенных мер были малоэффективными или вовсе бесполезными. Очевидно, что проверка данных, имеющихся у американских оккупационных властей, или опросы соседей заявителя не могли дать ничего, кроме сведений о поведении заявителя с момента его появления в лагере для перемещенных лиц.

Трудности получения корпусом контрразведки данных на заявителей в разрушенной войной и разделенной на части бывшими союзниками Европе усугублялись и чрезвычайно низкой квалификацией военнослужащих, на которых свалилась административная работа. Леонард Диннерштайн в своей книге отмечает, что в большинстве случаев делами перемещенных лиц занимались молодые призывники американской армии в возрасте от 18 до 23 лет. До того, как они приступали к приему заявлений от лиц, желавших мигрировать в Америку, призывникам читались 12-часовые курсы, по итогам которых они должны были получить представление о европейских народах и их языках, национальных распрях в Европе, политике нацистского оккупационного режима, разнице между подложными и настоящими документами, а также о множестве других самых разных вопросов[4].

В первые послевоенные годы в соответствии с Законом о перемещенных лицах и Законом о защите беженцев в США въехали около 550 тыс. человек. Из них, по разным оценкам, от 1 до 10 тыс. являлись лицами, сотрудничавшими с нацистским режимом во время Второй мировой войны[5].

Репортер газеты «Нью-Йорк Таймс» Эндрю Миддлтон, делая в октябре 1945 года репортаж из лагерей для перемещенных лиц, в которых находились преимущественно латыши, литовцы и эстонцы, пришел к выводу, что «американские военные предоставляют хорошие жилищные условия… для многих тысяч бывших союзников Германии в “лагерях для коллаборационистов”». По его данным, более одной трети жителей прибалтийских стран, пребывающих в таких «центрах сбора», сражались на стороне Германии или же являлись членами гестапо и СС. Латыши, литовцы и эстонцы не просто жили в лагерях для перемещенных лиц, но фактически управляли ими, осуществляя «жесткий контроль» в таких вопросах, как выдача паспортов, распределение одежды, сигарет, распространение информации по лагерю. Согласно Миддлтону, большинство латышей, литовцев и эстонцев могли общаться на английском, вследствие чего производили благоприятное впечатление на офицеров американских оккупационных властей[6].

Проверка остальных заявителей (украинцев, русских, поляков и т.д.) сотрудниками Международной организации по делам беженцев также не была эффективной. Так, один сотрудник американской Комиссии по перемещенным лицам, который работал в тесном контакте с представителями организации, увольняясь со своей должности, заметил с отвращением, что процесс проверки Международной организацией по делам беженцев представляет собой не что иное как «абсолютную аферу». По его утверждению, многие клерки Международной организации сами являлись бывшими коллаборационистами и к тому же учили заявителей технике обмана при контакте с официальными лицами. Иногда такие клерки сами заполняли все бумаги за заявителей и подавали их на утверждение вышестоящим чиновникам организации[7].

Согласно воспоминаниям очевидца, в одной из групп латышей, заявивших о своем желании иммигрировать в США, из двадцати человек двенадцать являлись бывшими офицерами СС. При этом у них всех на руке была идентичная отметка, свидетельствовавшая об их причастности к этой организации.

Заявители, отвечая на вопрос о природе данной отметки (которая, подчеркнем, у всех двенадцати была абсолютно одинаковой), давали разные объяснения ее происхождения: кто-то говорил, что она является результатом ожога, кто-то утверждал, что это следствие ранения и т.д. Американский сотрудник, принимавший заявления латышей, полностью удовлетворился этими нелепыми объяснениями и выдал иммиграционные визы[8].

Согласно Закону о перемещенных лицах, 40% от общего количества въездных виз в США должны были получить выходцы из прибалтийских стран. На деле же оказалось, что Конгресс серьезно переоценил количество латышей, эстонцев и литовцев, желавших уехать в Америку. На практике выходцы из прибалтийских стран составляли не более 19% от общего числа перемещенных лиц[9].

В итоге сложилась парадоксальная ситуация: латышей, литовцев и эстонцев попросту не хватало, даже если бы американские власти выдавали визы им всем, без какой-либо проверки, отбора или «фильтрации». Простая арифметика показывала, что нахождение того же латыша и его жены для отправки в США позволяло отправить в Америку трех евреев, или поляков, или чехов, или венгров, или украинцев. Таким образом, все стороны – и американские власти, и перемещенные лица других национальностей – были заинтересованы в том, чтобы выдать как можно большее количество виз именно выходцам из прибалтийских стран.

В марте 1947 года, менее чем через два года после поражения нацистской Германии и ее союзников во Второй мировой войне, президент США Трумэн заявил о приоритетной задаче во внешней политики США: «поддерживать свободные народы, сопротивляющиеся попыткам их подчинения со стороны вооруженных меньшинств и внешних сил», а также помогать таким народам противодействовать «насильственному установлению у них тоталитарного режима». Доктрина Трумэна стала объявлением холодной войны Советскому Союзу.

Ненависть к гитлеровцам и их союзникам, еще недавно так горячо испытываемую в США, сменила новая ненависть – к Советскому Союзу. Таким образом, нацисты, а также их пособники, проникшие в Соединенные Штаты через «решето» закона о перемещенных лицах и закона о защите беженцев, оказались как у себя дома. Их никто не преследовал, ибо американцы были уверены, что с нацизмом покончено раз и навсегда. Врагами американцев оказались враги нацистов. В свете этого коллаборационисты вызывали еще большее доверие у местных властей и обывателей, ибо без труда могли подтвердить свою ненависть к коммунистическому строю[10].

Руководству США представлялось, что нацизм – проблема прошлого, и проблема, по мнению большинства американцев, решенная. А вот проблема коммунизма оставалась актуальной.

В этих условиях Служба иммиграции и натурализации США, главный в стране орган по надзору за соблюдением иммиграционного законодательства, не рассматривала выявление нацистских коллаборационистов и их депортацию в качестве приоритетной задачи. На первом месте перед Службой стояло обнаружение шпионов, представлявших угрозу внутренней безопасности США.

Ярким примером работы Службы иммиграции той поры может служить история Родиона Михайловича Акульшина (литературный псевдоним – Березов).

Практически все лица, сотрудничавшие с нацистами, оказавшись на Западе, скрыли этот эпизод своей жизни. В фундаментальном «Словаре поэтов Русского Зарубежья», вышедшем в 1999 году в Санкт-Петербурге, в разделе «Вторая волна» почти нет информации о сотрудничестве перечисленных там литераторов с нацистами. Многие биографии вызывают вопросы из-за недосказанности или явной фальсификации фактов. Так, в статье «Березов Родион Михайлович» говорится следующее: «Настоящая фамилия Акульшин (8.4.1894, д. Виловатое, Поволжье – 24.6.1988, Ашфорд, шт. Коннектикут)... До войны в России у писателя вышло 8 книг, особенным успехом пользовалась его "О чем шептала деревня" (1925). В 1941 году попал в немецкий плен и был отправлен в лагерь военнопленных. После войны остался в Германии и в 1949 г. эмигрировал в США»[11].

При чтении журнала «На переломе» можно обнаружить несколько произведений Акульшина, подписанных его литературным псевдонимом «Березов». В его повестях описывалась крестьянская жизнь конца XIX века. В аннотациях сообщалось, что известный русский писатель «с 1941 года является сотрудником редакции газеты "Новый путь"»[12]. С 1944 года Акульшин находился

в Берлине, где работал в отделе пропаганды РОА. Писатель оказался в США с поддельными документами. В 1951 году он сообщил властям свою настоящую фамилию, правда, утаив факт своего сотрудничества с нацистами. Американские иммиграционные власти приняли решение о его депортации. Это дело под названием «Березовская болезнь» (1952–1957) получило большую огласку в русских эмигрантских и американских политических кругах. В условиях холодной войны дело рассматривалось в сенате и было решено в пользу «березовцев», т.е. людей, скрывших или изменивших свою биографию перед американскими властями. Это позволило легализоваться многим военным преступникам, в том числе и бывшим карателям[13].

Эти события описаны самим Акульшиным в его рассказе «Как я стал знаменитым» из сборника «Лебединая песня». Хотя данный рассказ и изобилует неточностями. Так Службу иммиграции Акульшин называет «отделом эмиграции». В тексте он также утверждает, что Закон о перемещенных лицах устанавливал отдельную квоту для поляков. Тем не менее его рассказ достаточно точно передает настроения «ди-пи» (от первых букв слов displaced persons – перемещенные лица) – иммигрантов 1940-х и 1950-х годов и проверявших их американских иммиграционных властей:

«В Америку я прибыл как поляк. А когда меня вызвали для оформления первых бумаг, я решил сказать о себе правду, что я крестьянин Самарской губернии, Бузулукского уезда…

Началось расследование… Однажды утром ко мне приехал служащий отдела эмиграции и натурализации, чтобы взять у меня подписку о невыезде из города. Но этого мало: он потребовал от меня залог в сумме 500 долларов…

– Я не могу внести залога, – сказал я чиновнику.

– Тогда пожалуйте вместе со мною.

Он привез меня в тюрьму при отделе эмиграции и натурализации, которая помещалась на 13-м этаже…

Жизнь не стояла на месте. Скоро был назначен суд, на котором должна была решиться моя судьба… Меня обвинили в том, что, назвав себя поляком, я лишил настоящего поляка американской визы, так как для каждой национальности была установлена определенная квота.

Решение суда мне обещали сообщить письменно…

[Когда] я проснулся, увидел на своей груди три письма. Одно из них в длинном конверте было из отдела эмиграции и натурализации. В нем сообщалось, что я осужден за ложь консулу, будто я поляк, и поэтому подлежу депортации в двухнедельный срок»[14].

При чтении рассказа Акульшина (Березова) о его противостоянии с американской правовой системой, стремившейся депортировать его из страны, следует отметить такой факт. Никто из американских чиновников – ни следователь иммиграционный службы, ни суд, изначально вынесший решение о высылке, – не обращали никакого внимания на деятельность Акульшина в период между его пленением немецкой армией и прибытием в лагерь для перемещенных лиц. Единственное, что заботило чиновников, это то, что Акульшин, будучи русским, скорей всего поддерживает идеи коммунизма. Как вспоминает сам автор: «Мой обвинитель почему-то подозревал, что я коммунист, засланный в Америку как агент советского правительства»[15].

Сам Акульшин утверждал, что он не «агент советского правительства». Более того, при своей защите он напирал именно на факт своей полной неприязни советского строя, опять-таки умалчивая о том, чем он занимался в период своего пребывания у нацистов: «Выдержки из моего дневника подтверждали мою неприязнь к коммунизму». И далее: «Упомянул я о народном, “сталинском” ополчении, о ди-пи лагерях, о превращении из русского в поляка и о судебном решении – депортировать меня».

Настаивая на своей полной неприязни коммунизма как главном аргументе против возможной депортации, Акульшин договорился до следующего: «А советских агентов в Соединенных Штатах – без счета. Они смущают несчастных наговорами: “Вот тебе и хваленая Америка! Ты для нее – нуль. Возвращайся скорее домой”. Что будет, если люди побегут из Америки? Конфуз для свободной страны. Так что всем “березовцам” нужно как можно скорее дать все права американских граждан»[16].

Результатом кампании, затеянной Акульшиным (Березовым) и поддержавшей его русской общиной Америки, стала «амнистия» многих русских иммигрантов, въехавших в страну после Второй мировой войны по

поддельным документам. К сожалению, при такой «амнистии» фактически не осуществлялась проверка деятельности иммигрантов во время Второй мировой войны. Если же данные о сотрудничестве тех или иных людей с нацистами все-таки и поступали к иммиграционным властям, то рассматривались как пропаганда и происки «агентов советского правительства».

В этих условиях удалось полностью легализоваться и Б.А. Филистинскому. О нем, как об активном агенте немецких спецслужб, стало известно в СССР еще в 1944 году. П.И. Таврин, подготовленный Отто Скорцени для покушения на И.В. Сталина, показал на допросе:

«Филистинский активно используется германской разведкой. В Риге он являлся редактором газеты “Новое слово”, а затем был подготовлен Краусом (начальник команды “Цеппелина”. – Б.К.) в качестве редактора подпольной газеты в СССР…

Филистинский на одном из ужинов заметил, что отсутствие необходимых транспортных средств тормозит работу Рижской команды “Цеппелина”. На это Краус ответил, что если сейчас не хватает транспортных самолетов, то, видимо, скоро не хватит людей для выброски… По словам Крауса, немцы намечают теперь выброску крупных групп для диверсионных целей. Краус доказывал, что многочисленная группа в областном или районном центре сумеет перебить местное руководство и совершить крупную диверсию»[17].

Б.А. Филистинский в первый раз предложил свои услуги оккупантам в августе 1941 года в Новгороде. Сразу же после того как гитлеровские войска заняли город, он отправился в немецкую комендатуру и предложил свои услуги по налаживанию «нового порядка». Это предложение было нацистами принято.

Выступая перед полицейскими и сотрудниками городской управы, Филистинский неоднократно заявлял о том, что нужно... активизировать выявление коммунистов и евреев и передавать их на расправу немцам. «Нечего их жалеть» – говорил он[18].

Сам он никого не жалел. В сентябре 1941 года он лично арестовал советского партизана Прокошина, бывшего начальника штаба ПВХО колмовской больницы. Арест был произведен Филистинским вместе с русскими полицаями, служившими под его началом, в кладовой больницы, где скрывался раненный партизан[19].

В конце сентября 1941 года Филистинский выдал немцам столяра колмовской больницы еврея Гринберга[20].

Полиция, получая указания от немецкой комендатуры или Филистинского, не только занималась арестами советско-партийного актива и лиц еврейской национальности, но и собирала в городе оставшиеся бесхозными вещи. Вещи свозились на один склад, после чего распределялись между сотрудниками управы и полицейскими. Частично отправлялись в Германию[21].

Всеми силами помогая немцам, Филистинский предположительно одновременно являлся в Новгороде представителем коллаборационистской группы «РОД (Русское освободительное движение) на севере России». На нее немцы возлагали в том числе и контрразведывательные функции[22].

Трагически сложилась во время оккупации судьба Колмовской больницы. В октябре 1941 года Филистинский получил от немецкого коменданта яд и приказ об уничтожении пациентов психиатрической больницы. Помогал ему в выполнении этого приказа комендант Колмово Иван Петрович Моногаров. Будучи одновременно завхозом Колмовской больницы и комендантом поселка Колмово, он руководил погрузкой на автомашины трупов больных из психиатрической больницы после их отравления смертельной дозой скополамина. Тела свозились на свалку[23].

В апреле 1943 года он по предложению немцев вместе с матерью и теткой перебрался во Псков, а потом в Ригу. Проживая в этих городах, работал в отделе пропаганды, занимал пост заместителя редактора крупной коллаборационистской газеты «За Родину». Как литературный сотрудник, он написал и опубликовал в этой газете несколько десятков статей, таких как «О Родине и большевизме», «Борьба молодежи с марксизмом», «Поэты – жертвы большевизма»[24]. В этих статьях критиковался не только Советский Союз, но и США и Великобритания.

Проживая во Пскове, Филистинский являлся агентом Абвер-команды 304 и поставлял сведения о советском сопротивлении немецкой контрразведке. Там же он вступил в известную антисоветскую организацию «Народно-трудовой союз нового поколения»[25].

В октябре 1944 года Филистинский с родственниками перебрался в Германию. Там

он начал работать в отделе восточной прессы имперского правительства при Министерстве народного просвещения и пропаганды. Согласно ходатайству работодателя, на него не распространялось «положение о восточных рабочих» и ему с родственниками были выданы паспорта иностранных граждан. Подобный отход от законов Третьего Рейха объяснялся тем, что «господин Филистинский является постоянным сотрудником на службе восточной прессы и используется в военно-важных пропагандистских целях»[26].

В конце войны ему удалось выехать из Берлина на запад Германии – в Кассель, а затем в Мюнхен. Таким образом он оказался в американской оккупационной зоне.

В 1950 году Б.А. Филистинский перебрался в США. Судя по всему его таланты оказались востребованы американскими спецслужбами. Он жил сначала в Нью-Йорке, а с 1954 года в Вашингтоне. Преподавал в американском университете и параллельно работал на радиостанции «Голос Америки». В конце 1950-х годов Филистинский начал выступать в качестве специалиста по Советскому Союзу на радиостанции «Свободная Европа» (Мюнхен, ФРГ).

С конца 1940-х годов он активно публиковался в эмигрантских изданиях «Грани», «Новое Русское слово», «Новый журнал», «Русская мысль» под псевдонимом Борис Филиппов. Всего до своей смерти в 1991 году им было опубликовано более 30 книг[27]. Но в работах маститого профессора Вашингтонского университета не было рассказов о трагедии Колмовской больницы, о десятках простых людей, закончивших свою жизнь благодаря его активной работе на посту руководителя новгородского «русского гестапо».

Советский Союз для экстрадиции Филистинского был готов отправить свидетелей его преступлений в США. Об этом шли переговоры в начале 1970-х годов. Однако отставка президента Ричарда Никсона не позволила довести это дело до логического конца.

Американские правоохранительные органы обратили более пристальное внимание на поселившихся у них иммигрантов из Европы лишь тогда, когда в самом американском обществе произошли изменения в отношении к событиям Второй мировой войны, когда для рядового американца антикоммунизм перестал оправдывать нацистское прошлое.

Владимир Дмитриевич Соколов родился в 1913 году в Орле. До начала Великой Отечественной войны, а также на протяжении четырнадцати месяцев после вторжения Германии в Советский Союз он жил и работал в Воронеже. В августе 1942 года Соколов вернулся в Орел, к тому времени уже оккупированный немцами, и устроился на работу в газету «Речь», издававшуюся под контролем роты пропаганды 693 немецкой армии и имевшую наибольший тираж на всей оккупированной территории России[28].

На поприще журналиста «Речи» Соколов добился определенных успехов: немцы наградили его медалями «За храбрость» и «За заслуги» в марте и апреле 1943 года. Соколова также назначили заместителем главного редактора газеты.

После отступления немецкой армии летом 1943 года из Орла редакторский состав «Речи» был закреплен за ротой пропаганды 612 и переброшен в Брянск, а затем в Бобруйск. Постепенно отступая вместе с немецкой армией, Соколов оказался в Берлине, где до окончания войны работал в русскоязычных газетах «Заря» и «Воля народа».

21 мая 1951 года Соколов подал заявление на получение иммиграционной визы в США в городе Венторф, Германия. В тот же день он получил такую визу и уже 27 июня 1951 года въехал в США, подписавшись под собственными показаниями, данными Службе иммиграции и натурализации, в которых утверждал, что «никогда не участвовал в каком-либо движении, являвшемся или являющимся враждебным по отношению к США» и «никогда не поддерживал и не выступал за преследование лиц или групп лиц по мотивам расовой, религиозной или национальной принадлежности»[29].

В 1956 году Соколов подал заявку на получение американского гражданства в порядке натурализации. В иммиграционных формах он указал, что «никогда не давал ложных показаний для достижения своих целей по иммиграционному законодательству». Он также подтвердил, что являлся «человеком с хорошей моральной репутацией, приверженцем принципов американской Конституции».

Инспектор СИН провел дополнительное интервью с Соколовым относительно его деятельности в ходе войны. Соколов указал, что в «Речи» он писал только антикоммунистические статьи и не написал ни одной «фашистской или профашистской строчки», а если в его работах и встречались антиеврейские выпады, то это объяснялось принужде-

нием со стороны немцев. И инспектор СИН, и инспектор по натурализации были удовлетворены данными пояснениями. Соколов получил американское гражданство. В 1959 году он стал преподавателем русского языка в Йельском университете[30].

Активно участвовал Соколов и в политической жизни русской эмиграции. Еще в 1945 году он был принят в Национально-Трудовой Союз (НТС). Уже в 1947 году он становится председателем Гамбургского отделения организации, и это несмотря на слухи о его деятельности во время войны. В 1951 году он уже становится председателем Нью-Йоркского отделения НТС.

В январе 1982 года прокурор округа штата Коннектикут возбудил дело о денатурализации Владимира Соколова. При этом государственный обвинитель указал следующие основания для лишения Соколова гражданства: во-первых, Владимир Соколов въехал в США по визе, которую не мог получить на законных основаниях, как поддерживающий преследование евреев в годы войны; во-вторых, при получении гражданства Соколов сознательно исказил существенные факты, касающиеся его деятельности во время войны[31].

Его статьи в газете «Речь» отличались не только антисоветизмом, но и антисемитизмом и антиамериканизмом. Так, в статье под названием «Бывшие хозяева Орла», опубликованной в газете «Речь» за 30 мая 1943 года, Соколов писал о том, что «жиды», нигде не работающие, пребывающие в тени, но отдающие распоряжения, и являются истинными хозяевами СССР. Он утверждал в той же статье, что, если в городе хотя бы 10% населения составляют евреи, то они обязательно составляют 90% руководства такого города. Соколов перечислил имена сорока семи евреев, занимавших в Орле руководящие посты, и в конце статьи призвал читателей перебить их[32].

Свою статью «Протоколы сионских мудрецов», опубликованную в той же газете, Соколов посвятил русскому варианту одноименной книги, по его утверждению, призванной снять завесу с «темных делишек мирового еврейства». В статье Соколов писал о войне, спровоцированной против Германии из-за огромной ненависти, которую питает мировое еврейство к немецкому государству. Он также утверждал, что «жидо-большевизм» объединился с капиталистическими странами – Англией и США, потому что «в СССР, Англии и США у власти находятся жиды»[33].

Суд также указал на то, что в ходе судебных заседаний Соколов признал, что получал от отдела пропаганды немецкой армии письменные материалы, которые должен был использовать в качестве ориентира для своих будущих статей. Его задача заключалась в том, чтобы «переработать эти материалы и сделать их более понятными для русскоязычных читателей “Речи”».

Доказательства, представленные суду, свидетельствовали в пользу того, что Соколов работал на немцев в газете «Речь» в качестве пропагандиста немецкой армии добровольно. Если бы следователь СИН знал об этом факте, он бы не рекомендовал Соколова для получения гражданства. Таким образом, утверждение Соколова о том, что он «не написал ни одной фашистской или профашистской строки» являлось искажением существенного факта. Стало быть, Соколов нарушил иммиграционное законодательство и получил гражданство незаконно.

Несмотря на однозначную позицию апелляционного суда, определенные недостатки судебного решения первой инстанции позволили адвокатам Соколова затянуть процесс. Когда же в 1988 году апелляционный суд окончательно отказал Соколову в пересмотре решения о денатурализации, он обратился в Верховный Суд. В мае 1988 года Верховный Суд вынес решение об отказе в пересмотре дела, и государство немедленно начало процесс депортации Соколова[34].

На слушания, касающиеся его депортации, Соколов не явился. Какое-то время он скрывался, и о его местонахождении не было ничего известно. Лишь в январе 1989 года канадские средства массовой информации сообщили, что Соколов въехал в Канаду и обратился за получением статуса беженца в Монреале.

В Канаде Соколов вскоре и умер. Случилось это 19 января 1992 года. По иронии судьбы американским властям так и не удалось избавиться от него: похоронен Владимир Соколов (Самарин) на кладбище Ново-Дивеево в Спринг Вэллей, штат Нью-Йорк[35].

Дело Соколова (как и известное дело Федоренко) скорее является исключением, подтверждающим правило. Процесс был начат почти сорок лет спустя после окончания Второй мировой войны. Можно предположить, что закончился он таким образом во многом

из-за радикальных перемен в СССР во второй половине 1980-х годов.

По американским законам невозможно осуществлять уголовное преследование в отношении преступлений, совершенных в чужой стране неамериканским гражданином против местного населения. Таким образом, единственная возможность привлечь нацистских коллаборационистов к правосудию заключалась в их депортации в ту страну, где они совершали свои преступления, либо в любую другую заинтересованную страну. Если между США и государством, желающим привлечь к ответственности нацистского преступника, существует соглашение об экстрадиции, тогда вместо депортации осуществляется экстрадиция преступника. Естественно, такого соглашения между СССР и США не существовало.

Здесь же стоит заметить, что депортация или экстрадиция в другую страну по американским законам невозможна в тех случаях, когда преступники успевают получить американское гражданство. Как следствие, государству приходится лишать гражданства нацистского пособника в судебном порядке и только потом приступать к процедуре его депортации[36].

В условиях, когда СССР и США многие годы находились в состоянии холодной войны, любой шаг навстречу друг другу мог рассматриваться как проявление слабости. Нацистские пособники могли не опасаться, что их отдадут в руки правосудия тех стран, где они совершили тяжкие преступления, пока они находились на территории США или их союзников. По сути, для большинства западных политиков такие люди считались гораздо меньшим злом, чем СССР. ■

---

1 См.: **Задубровский О.В.** Проблемы выявления нацистских коллаборационистов в США. 1940-е – 1960-е годы // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2007. № 41. С. 4.

2 Там же.

3 **Ryan A. Jr.** Quiet Neighbors: Prosecuting Nazi War Criminals in America. San Diego, 1984. P. 31.

4 См.: **Задубровский О.В.** Проблемы выявления нацистских коллаборационистов… С. 5.

5 **Задубровский О.В.** Проблема легализации нацистских пособников в США // Юридическая наука: Проблемы и перспективы развития (региональный аспект): Материалы международной научно-практической. конференции, 30 сентября – 1 октября 2005 года. Великий Новгород, 2006. Т. 1. С. 45.

6 **Middleton D**. Displaced Balts Studied by Allies; Many Under Army's Care Are Pro-German Fascists Who Spread Propaganda // New York Times. 1945. October 19.

7 Цит по: **Задубровский О.В.** Проблемы выявления нацистских коллаборационистов… С. 5.

8 **Dinnerstein L.** America and the Survivors of the Holocaust. N.Y., 1982. P. 193.

9 **Ryan A. Jr.** Quiet Neighbors. P. 23.

10 **Задубровский О.В.** Проблемы выявления нацистских коллаборационистов… С. 5.

11 Словарь поэтов Русского Зарубежья. СПб, 1999. С. 285.

12 Архив Управления ФСБ России по Смоленской области. Д. 3792. Л. 108.

13 **Ковалев Б.Н.** Нацистский оккупация и коллаборационизм в России (1941–1944 гг.). М, 2004. С. 341.

14 **Березов Р.М.** Лебединая песня. М., 2003. С. 74.

15 Там же.

16 Там же. С. 76.

17 Цит по: **Чуев С.Г.** Спецслужбы Третьего Рейха. СПб., 2003. Кн. II. С. 309–311.

18 Архив Управления ФСБ России по Новгородской области. Д. 1/13280. Л. 64.

19 Там же. Д. 43689. Л. 72.

20 Там же.

21 Там же. Д. 1 А/14519. Л. 37 об.

22 Служба регистрации архивных фондов Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее – СРАФ УФСБ СПбЛО). Обзорная справка по архивному делу № 41-485 на Филистинского Бориса Андреевича, 1905 г. рождения, уроженца г. Ставрополя. Л. 220.

23 Архив Управления ФСБ России по Новгородской области. Д. 1/6717. Л. 1.

24 СРАФ УФСБ СПбЛО. Обзорная справка по архивному делу № 41-485 на Филистинского Бориса Андреевича, 1905 г. рождения, уроженца г. Ставрополя. Л. 220.

25 Там же.

26 Там же.

27 Там же.

28 **Ковалев Б.Н.** Нацистский оккупация и коллаборационизм… С. 300.

29 **Задубровский О.В.** Проблема легализации нацистских пособников в США… С. 48.

30 Там же.

31 Там же.

32 Речь (Орел). 1943. 30 мая.

33 Речь (Орел). 1943. 20 июня.

34 **Задубровский О.В.** Проблема легализации нацистских пособников в США… С. 46.

35 Там же.

36 Там же. С. 46.

Проект фонда "Историческая память"

Издания серии
Актуальные страницы истории Восточной Европы. Документы и исследования

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

I. Александр Дюков. Милость к падшим. Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике

II. Александр Дюков. Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса»

III. Повседневность террора. Западная Украина, февраль–июнь 1945 года

IV. «Уничтожить как можно больше...» Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1942–1944 гг.

V. Л. Воробьева. История Латвии от Российской империи к СССР. Книга 1

VI. Л. Воробьева. История Латвии от Российской империи к СССР. Книга 2

VII. В. Макарчук. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны

Моглинский лагерь: история одной маленькой фабрики смерти

Юрий Алексеев

Фонд содействия актуальным историческим исследованиям

Готовятся к выходу

- **Владимир Никольский, “Репрессивная деятельность органов государственной безопасности СССР на Украине”**
- **Сергей Назария, “Бессарабский вопрос”**

Документы

Оттмар Трашка

Оккупация Одессы румынской армией и уничтожение еврейского населения, октябрь 1941 – март 1942 года

1. Введение

Оккупационная политика, проводимая властями Румынии в Транснистии в 1941–1944 годах, всегда вызывала особый интерес у румынских и иностранных историков. Этот интерес проявлялся в течение долгого времени в виде публикаций множества работ, исследований и документов, которые, прежде всего, освещали формирование и деятельность румынской администрации на территории, расположенной между Днестром и Бугом, а также режим гражданских и военных властей Антонеску, направленный на истребление еврейского населения.[1]

Целью нашего исследования является изучение и реконструкция на основе специальной литературы, а также румынских и немецких оригинальных документальных источников политики румынских военных властей по отношению к еврейскому населению Одессы в первые месяцы румынской оккупации, то есть в период с октября 1941 по февраль 1942 года. Мы не случайно выбрали именно этот период, поскольку, как увидим далее, он совпал с геттоизацией и истреблением многих евреев румынской армией, а также с последующей депортацией оставшихся в живых в лагеря Транснистрии.

Как известно, 22 июня 1941 года румынская армия присоединилась к германскому Вермахту в рамках операции «Барбаросса». Если целью нацистской Германии было завоевание СССР и свержение большевистского режима, то Румыния изначально ставила перед собой менее масштабные задачи, а именно: освобождение Бессарабии и Северной Буковины, провинций, которые были украдены СССР после советских ультиматумов от 26–27 июня 1940 года[2]. Румыно-немецкие военные операции, проведенные на южном фланге восточного фронта, где была сосредоточена 11-я немецкая армия, а также 3-я и 4-я румынские армии, принесли положительные результаты на первом этапе войны и освободили к концу июля 1941 года Бессарабию и Северную Буковину, которые вернулись в состав румынского государства[3].

В начале августа 1941 года, после обмена письмами с Адольфом Гитлером[4], глава румынского государства решил, что румынская армия продолжит военные операции вместе с Вермахтом на советской территории. Несмотря на то, что участие румынских войск в германо-советской войне было изначально одобрено и поддержано общественным мнением и румынским политическим классом, продолжение операций за рекой Днестр, в глубь советской территории, было подвергнуто острой критике не только демократической союзной оппозицией, представленной Демократической Национал-Крестьянской Партией и Национал-Либеральной Партией, но и значительной частью населения, офицерским корпусом и Генеральным Штабом. Причиной этой критики был, с одной стороны, страх упомянутых кругов, что Румыния может быть расценена сюзными державами как государство-агрессор, а с другой стороны, стремление сохранить военный потенциал Румынии в целях разрешения с помощью оружия территориального спора с Венгрией относительно Северной Трансильвании[5].

Маршал Ион Антонеску поддержал идею продолжения военных операций совместно с немецким Вермахтом, ссылаясь на военную и политическую целесообразность и, не в последнюю очередь, на укрепление престижа. С военной точки зрения, заявил он, остановить румынские войска на берегу Днестра невозможно, пока Вермахт продолжает военные действия, а Красная Армия ожесточенно сопротивляется немецким войскам. По его мнению, румынские войска, в качестве союз-

ников немецкой армии, не могут просто остановиться на границе и смотреть на дальнейшее развитие военной кампании в России, а напротив, должны продолжить активно участвовать в операциях до окончательного поражения Красной Армии[6]. Вторая причина, упомянутая маршалом Антонеску, – политическая – была тесно связана с первой и предполагала создание предпосылок для восстановления границ Великой Румынии. Глава государства был твердо убежден, что безусловным и массовым участием румынской армии в компании на востоке, а также полным выполнением своих экономических, политических и военных обязательств перед Германией Румыния получит поддержку руководства Рейха, что приведет к пересмотру Адольфом Гитлером своего решения от 30 августа 1940 года и вернет Северную Трансильванию в состав Румынии. Это убеждение разделялось большинством румынских офицеров и солдат, а также значительной частью румынского населения, но, несмотря на то, что румынская армия продолжила свое участие в боевых действиях на восточном фронте в 1941–1942 годах со значительным военным контингентом, главным противником Румынии считался не СССР, как следовало бы ожидать, а... Венгрия[7].

2. Создание Транснистрийской губернии и оккупация Одессы

Румынская администрация в Транснистрии была введена во второй половине августа 1941 года. В своем письме от 14 августа 1941 года Гитлер предложил главе румынского государства, в частности, взять на себя обязанность обеспечения безопасности на территории между Днестром и Днепром8. Помимо административного и военного соображений, предложение фюрера имело и политический интерес.

После начала немецко-советского конфликта, венгерская дипломатия утверждала в канцеляриях Держав Оси, что румыно-венгерский территориальный спор о принадлежности Трансильвании может быть решен за счет компенсации Румынии территорией на востоке, а именно присоединения Транснистрии и Галиции в обмен на территориальные претензии Румынии по отношению к Северной Трансильвании. По мнению Будапешта, такое решение имело множество преимуществ, возможность гомогенизации венгерской территории путем переселения этнического румынского населения на восток, с одной стороны, и создания предпосылок воссоединения Трансильвании в составе короны Святого Стефана, с другой стороны. Германская дипломатия, столкнувшаяся с эскалацией напряженности в румыно-венгерских отношениях летом 1941 года, среагировала на такое решение, показав свою готовность передать право вынесения вердикса по этому вопросу политическим форумам в Бухаресте. Таким образом, объясняется тот факт, что в период непосредственно после начала германо-советского конфликта сотрудники Министерства иностранных дел Германии на переговорах с румынскими дипломатами неоднократно говорили о возможности компенсации Румынии потери Северной Трансильвании аннексией территорий к востоку от Румынии; другими словами, пытались привлечь Румынию возможностью территориальной экспансии на восток и, следовательно, заставить отказаться от территориальных претензий в отношении Венгрии. 19 июля 1941 года румынский полномочный посол в Берлине Рауль Босси сообщил Министерству иностранных дел в Бухаресте, что дискуссии по восточной границе Румынии в Министерстве внутренних дел Германии дали ему понять, что Рейх поддерживал идею аннексии Подолии и Транснистрии, то есть колонизацию этих территорий румынами из Трансильвании и СССР. По мнению Босси, этот план был на самом деле целью венгерской дипломатии, которая «планировала в Берлине и в Риме как можно более широкое расширение границ Румынии на восток и, возможно, даже к старой Покутии с условием колонизации областей румынами из Ардяла (Трансильвании), а вся Трансильвания была бы навсегда передана Венгрии»[9].

Принимая во внимание авторов плана, преследуемые цели, а также неблагоприятные последствия для Румынии в случае его осуществления, Рауль Босси считал необходимым вернуться к этому вопросу в рамках всеобъемлющего доклада от 5 августа 1941 года под многоговорящим названием «Румыния – восточное государство?». Исходя из причин, которые заставили Венгрию присоединиться к «крестовому походу против большевизма», и желания Будапешта избежать любой ценой ситуации, в которой «Румыния являлась бы единственным “ товарищем по войне” немецкой армии в Центральной Европе», Бос-

си, один из лучших дипломатов и опытный аналитик, уловил суть плана, задуманного в Будапеште, а затем принятого в Берлине. Формула, которая позволила бы воссоединить Трансильванию и Банат под венгерским господством, представленная в Берлине и одобренная руководством Рейха, внешне не имела признаков удара по Румынии; однако венгерское правительство придумало странную теорию, согласно которой «истинная суть Румынии быть не в Центральной Европе, а на Востоке». Соответственно, Румыния должна стремиться стать не государством Центральной Европы, а восточным государством, «ein Oststaat». Таким образом, предполагалось расширение границ Румынии на восток и северо-восток путем аннексии Подолии и Транснистрии, а также изгнание коренного населения этих провинций, чтобы заселить их румынами из Трансильвании и Баната. Однако эта теория была категорически отвергнута Раулем Босси, который считал ее невозможной и фантастической. «Румыния – восточное государство? – спрашивал риторически Босси. – Когда румынский народ является по своему происхождению и душой западным, когда его колыбель находится в Трансильвании, когда все его взгляды и склонности направлены к Западу? Даже если согласиться, что фантастическая теория переселения миллионов румын из Карпат в русские степи реализуема с практической точки зрения, можно ли себе представить, чтобы европейский западный народ покинул свое жилье, чтобы освободить место народу азиатского происхождения? Представление такой теории уже достойно осуждения. Если я позволяю себе сейчас говорить о ней, то только потому, что, к моему удивлению, я обнаружил в различных кругах, и даже у некоторых должностных лиц Министерства иностранных дел Германии, тенденцию одобрять формулу "Rumänien-Oststaat" в качестве возможного и привлекательного решения столетнего румыно-венгерского конфликта». Столкнувшись с этой тенденцией, Босси считал необходимым, чтобы правительство в Бухаресте отнеслось осторожно к идее аннексии восточных территорий, не ставило под угрозу территориальные претензии в отношении Северной Трансильвании и, соответственно, действовало решительно в Берлине, «чтобы показать со всей серьезностью, что мы не хотим отказаться от места и роли, возложенной на нас историей и географическим расположением румынского народа»[10].

Предупреждения, полученные от румынского посольства в Берлине о намерениях Министерства иностранных дел Германии урегулировать румыно-венгерский конфликт с помощью территориальных «компенсаций», предлагаемых Румынии на востоке, не остались без последствий в Бухаресте. В ходе дискуссий с немецкими дипломатами, аккредитованными в Румынии, о политическом и военном сотрудничестве между двумя государствами, а именно о способе решения транснитрийской проблемы, румынские чиновники заняли осторожную позицию. Например, в ходе встреч 24–25 июля 1941 года заместитель председателя Совета Министров Михай Антонеску заявил немецкому полномочному послу Манфреду фон Киллингеру, что Румыния в принципе одобряет создание военного оккупационного режима в Транснистрии с последующим объявлением румынским правительством своей официальной позиции касательно своих территориальных претензий на востоке, при условии что Румынии станет известна немецкая точка зрения на будущую территориальную конфигурацию Украины[11]. В ответ на предложение Германии от 14 августа 1941 года румынское правительство отвергло идею присоединения любой территории за Днестром, одобряя лишь «ответственность за экономическое управление территорией между Днестром и Бугом», поскольку «территория страны, и особенно Бессарабия, нуждаются в общем административном и экономическом преобразовании и реорганизации»[12]. Этот отказ имел свои нюансы. Даже если маршал Ион Антонеску твердо решил не аннексировать Транснистрию по политическим соображениям, по крайней мере до конца войны, существуют некоторые моменты, которые показывают, что в случае победы эта провинция была бы включена в состав румынского государства. Таким образом, на заседании Совета Министров 26 февраля 1942 года глава государства заявил следующее о будущем статусе Транснистрия: «Ни для кого не секрет, что я не желаю упускать из рук то, что взял. Транснистрия станет румынской провинцией, мы сделаем ее румынской и выселим оттуда всех иностранцев. Я приму на себя всю тяжесть этого решения, чтобы достичь этой цели. Мы должны открыть пространство для румын, потому что румыны больше не могут содержать себя. Жители наших деревень больны туберкулезом, потому что они не

имеют возможности зарабатывать. Я возьму этот народ, заселю им Транснистрию, предоставлю землю, которая ему нужна, даже 100 акров, если они смогут на них работать. Я найду достаточное количество домовладельцев для этого»[13]. Как подчеркивает сам маршал Ион Антонеску на том же заседании, на время войны какое-либо публичное заявление на этот счет исключено, чтобы не поставить под угрозу права Румынии на Северную Трансильванию. Таким образом, во всех своих официальных заявлениях румынское правительство недвусмысленным образом дало понять Берлину, что нет никакой связи между военными операциями румынской армии за рекой Днестр и «даже между военной оккупацией территории Транснистрии, которая является политическим и экономическим залогом, о котором мы говорили, и между румынскими правами в отношении Венгрии, от которых румынская нация никогда не откажется. Торговля не совершается на священных правах. И ни за какую-нибудь компенсацию за потерю прав, которые принадлежат нам. В любом случае, ничто не может заставить румынский народ уйти из Карпат и никакая компенсация за Днестром не может быть приравнена к нашим правам на Ардял»[14].

В итоге в письме германской Военной миссии в Румынии от 24 августа 1941 года Берлин сообщает о принятии фюрером позиции, высказанной маршалом Антонеску, «о безопасности и управлении территории между Днестром и Бугом и благодарит за помощь»[15]. В письме также было указано, что на территории между Бугом и Днепром, где военная оккупация будет осуществляться румынской стороной, а экономическая администрация и эксплуатация – Германией, граница временно не обозначена. В то же время в Одессе должна была работать так называемая служба связи немецкого Вермахта, главнокомандующий которой становился начальником всех немецких служб в Транснистрии[16]. После обмена письмами между Антонеску и Гитлером и переговоров между правительствами двух стран 30 августа 1941 года в Бендерах было заключено румыно-немецкое соглашение, озаглавленное Конвенция об администрации и экономической эксплуатации территории между Днестром и Бугом, Бугом и Днепром, соответственно. Документ, подписанный немецкой стороной, представленной генерал-майором Артуром Хауффе, главой немецкой Военной миссии в Румынии, и, соответственно, бригадным генералом Николаем Тэтэрану, представляющем Румынию, предусматривал, что безопасность, управление и эксплуатация Транснистрии с экономической точки зрения должны проводиться румынским государством, а администрация и экономическая эксплуатация территории между Бугом и Днепром – немецкой стороной[17]. Очень важен был п. 7 Конвенции, в котором говорилось, что из-за продолжающихся военных операций депортация евреев из этих территорий на восток невозможна. Поэтому они должны быть временно собраны в трудовые лагеря и использованы для различных работ, а затем, когда военная обстановка будет благоприятной, депортированы на восток.

Администрация Транснистрии отличалась от администрации Бессарабии и Северной Буковины, поскольку Румыния не имела права на суверенитет над территорией, не принадлежавшей ей де-юре. Согласно Указу № 1, подписанному в Бендерах главой румынского государства 19 августа 1941 года, территория между Днестром и Бугом, кроме Одесской области, не оккупированной еще на тот момент, подпадала под румынскую администрацию. Главой администрации с полными правами был назначен университетский профессор Георге Алексиану, который был наделен полномочиями издавать приказы, касающиеся деятельности администрации во всех областях[18]. Также 19 августа 1941 года генерал Ион Антонеску издал Указания для администрации Провинции Транснистрия, которые предусматривали, чтобы управление этой провинцией осуществлялось префектами округов, преторами и мэрами, а безопасность обеспечивалась жандармерией, подчиняющейся префекту[19]. 4 октября 1941 года маршал Ион Антонеску подписал Указ № 3, устанавливающий, что уполномоченный управлять администрацией в Транснистрии имел звание гражданского губернатора и «тот же заработок и представительские расходы, что и министры, государственные секретари»[20]. Наконец, последний указ о создании Провинции Транснистрия был подписан маршалом Ионом Антонеску 17 октября 1941 года, на следующий день после падения Одессы. Указ предусматривал управление Одессой румынской администрацией с последующим преобразованием города в столицу Транснистрии[21]. В заключение,

администрация Транснистрии была принята румынским государством по желанию Германии, на этой территории установился гражданский административный режим. Установление румынской администрации было постепенным, указами №№ 1–3 от 19 августа 1941 года и указом № 4 от 17 октября 1941 года. Хотя немецкая сторона предложила аннексию Транснистрии в качестве компенсации за территориальные потери в пользу Венгрии, румынское правительство упорно отказывалось во время конфликта от такого решения, так как присоединение Транснистрии могло поставить под вопрос территориальные претензии Румынии к Северной Трансильвании. Таким образом, в течение трех лет своего существования (1941–1944) Провинция Транснистрия не была включена в состав румынского государства на картах, в статистических данных и заявлениях со стороны румынских властей, а была отдельной территориальной единицей под румынской администрацией[22]. Вместо этого Транснистрия вскоре приобрело жуткую репутацию и стало, как назвал его Александр Даллин, «этнической ямой Румынии»[23], истинной территорией этнических и расовых экспериментов. В лагерях, созданных в Транснистрии, в течение трех лет погибло многожество евреев (цифры варьируют от 150 тыс. до 210 тыс.), депортированных из других румынских провинций, в частности из Бессарабии и Северной Буковины[24].

Параллельно с усилиями румынских властей установить административное руководство в Провинции Транснистрия, румынская армия продолжала проводить военные операции вместе с вермахтом вглубь советской территории. Таким образом, в августе 1941 года части 3-й румынской армии участвовали вместе с 11-й немецкой армией в прорыве фронта «Сталин», а позднее – в великой битве окружения Киева, которая закончилась разгромом 9-й и 18-й советских армий[25], в то время как 4-я румынская армия получила приказ оккупировать Транснистрию и, самое главное, Одесский порт[26]. Что касается военных операций, проводимых с целью завоевания Одессы частями 4-й армии, следует отметить, что длительная осада (с 18 августа по 16 октября 1941 года) выявила недостатки в организации румынской армии, ее подготовке, оснащении и, не в последнюю очередь, методах оперативного управления. Если к этому времени военные операции румынской армии проводились в целом удовлетворительно, особенно на участке фронта, где румынские войска получали поддержку немецких дивизий, то оккупация Одессы, в которую не были вовлечены большие немецкие силы, подтвердила прогнозы немецкой Военной миссии в Румынии. Она неоднократно заявляла в рамках оценки смешанной способности румынских военных частей как до, так и после немецко-советской войны, что, учитывая недостаточное оснащение и подготовку, румынская армия не способна участвовать в крупномасштабных, независимых операциях наступления без поддержки немецкой стороны[27]. Эти прогнозы полностью подтвердились в военной кампании по захвату Одессы. Битва, чрезвычайно дорогостоящая для 4-й румынской армии (которая нанесла урон в размере 106 561 погибших, раненых и пленных[28]) закончилась 16 октября 1941 года, когда румынская армия оккупировала Одессу, ранее эвакуированную советскими войсками[29].

Крайне неприятно удивленный продолжительностью осады, очевидными недостатками, выявленными в ходе боевых действий, но особенно большими потерями, понесенными 4-й румынской армией, маршал Ион Антонеску приказал провести расследование. В докладе, подготовленном 3-м отделом румынского Генерального Штаба и озаглавленном «Результаты расследования причин, по которым румынская армия не смогла быстро и блестяще оккупировать Одессу», в качестве основных причин были названы недостатки в организации, оснащении, инструкции и моральной подготовке единиц 4-й армии[30]. Таким образом, внутреннее расследование по указанию маршала Иона Антонеску ничего нового не выявило, а лишь подтвердило оценку немецкого руководства низкого боевого потенциала румынских военных единиц. Несмотря на эти выводы, глава румынского государства недолго размышлял, на кого возложить вину за огромные потери, понесенные румынской армией, – на еврейский народ. Существует достаточно документальных доказательств того, что еще в начале германо-советского конфликта румынские власти «назвали» еврейское население в Бессарабии и Северной Буковине, наряду с советским режимом, основным элементом поддержки и распространения коммунизма. На евреев же была возложена «ответственность» за страдания румынского населения во вре-

мя советской оккупации. Таким образом, румынское руководство представило участие румынских войск в военных действиях перед общественным мнением и населением Бессарабии и Северной Буковины не только в качестве своей кампании по освобождению двух провинций от большевиков и восстановлению в границах 1940 года, но и в качестве войны против коммунизма и евреев. Агитационные плакаты 3-й и 4-й румынских армий изобиловали лозунгами типа: «Румынская и немецкая армии борются против коммунизма и евреев, а не против русских солдат и русского народа», «Война была спровоцирована евреями всего мира. Боритесь с провокаторами войны!», «Румынские и немецкие войска не мстят населению. Они сражаются, чтобы уничтожить коммунизм и еврейский Кагал», «Правлению евреев и иностранцев пришел конец. Солнце румынского правосудия вновь взошло», «Тот, кто борется за коммунизм, борется за покорение всех народов коммунистами и евреями», «Коммунистам, евреям и предателям народа нет места в Бессарабии и Северной Буковине! Пускай убираются пока не поздно!»[31]. Румынские военные и гражданские власти не ограничились копированием и распространением плакатов антисемитского характера, они разработали план по разжиганию антисемитизма среди румынского населения обеих провинций. Например, Информационный центр «В», прилагаемый к 4-й румынской армии во главе с генерал-полковником Александром Ионеску (Алион), разработал 11 июля 1941 года документ под названием «План искоренения еврейского элемента, находящегося на территории Бессарабии при советской власти». Он предусматривал организацию команд, задачей которых было опережение румынских войск и «создание атмосферы неблагоприятной для еврейского населения, таким образом, чтобы население само намеревалось его искоренить любыми средствами, которые посчитает наиболее подходящими к обстоятельствам»[32]. Таким образом, не надо удивляться тому, что после такого подстрекательства, жестокой антиеврейской пропаганды и антисемитских мероприятий, организованных румынскими и немецкими войсками во время операций, проводимых в Бессарабии, Северной Буковине и Транснистрии, было принято много жестоких мер против евреев[33].

Антисемитская риторика маршала Иона Антонеску после начала германо-советского конфликта постепенно становилась все более радикальной. Количество потерь, понесенных румынской армией на поле боя, ожесточенное, а иногда даже фанатичное сопротивление советских войск, по мере нарастания сопротивления Красной Армии и румынских военных неудач, заставили маршала возложить ответственность за все события на евреев, проживающих на оккупированных территориях, особенно на «иудо-большевистских комиссаров» Красной Армии. Эта метаморфоза красноречиво иллюстрируется в тексте сообщения Иона Антонеску от 5 сентября 1941 с фронта перед Одессой заместителю председателя Совета Министров Михаю Антонеску. Поскольку текст сообщения представляется чрезвычайно важным в том, что касается антисемитских настроений румынского главы государства, мы приведем его:

«Солдаты на фронте рискуют получить ранения или даже погибнуть из-за еврейских комиссаров, которые дьявольской настойчивостью толкают русских сзади револьвером к смерти. [...] Все евреи должны быть привезены в лагеря, желательно в лагеря Бессарабии, потому что оттуда я толкну их в Транснистрию, как только решу текущие вопросы. <u>Все должны понять, что мы боремся не со славянами, а с евреями. Это борьба не на жизнь, а на смерть. Или победим мы, и мир будет очищен, или победят они, и мы станем их рабами. [...] Таким образом, их устранение будет слабостью, которая поможет нам завоевать победу. Чтобы победить, мы должны разделять одну позицию. Это должны знать все. Преобладать будет не экономика, а желание народа. Война, в целом, и бои за Одессу, в частности, доказали, что Сатана – это евреи.</u> Отсюда и наши огромные потери. Если бы не было еврейских комиссаров, мы давно бы оккупировали Одессу»[34]. Простого прочтения этого документа достаточно, чтобы опровергнуть предполагаемый зависящий от обстоятельств антисемитский характер Антонеску. Вирулентность языка, используемого маршалом Ионом Антонеску по отношению к евреям, а также абсурдные обвинения, сделанные в адрес евреев, показывают расовый характер антисемитских концепций Иона Антонеску. Мы считаем, что из-за расового содержания и радикализма их можно сравнить, без преувеличения, с антисемитизмом Адольфа Гитлера[35]. Мы упомянули это сообщение, поскольку, на наш взгляд, оно имело

серьезные последствия для судьбы евреев из Одессы и в значительной степени объясняет меры, принятые румынскими властями против них.

3. Антисемитские меры, принятые военными властями против еврейского народа. Массовое уничтожение в Одессе (октябрь 1941 года) и депортация выживших в лагеря Транснистрии

На момент оккупации Одессы в городе проживало около 80–90 тыс. евреев, которые, несмотря на пропаганду румынских чиновников, не имели никаких привилегий от большевистского режима. Напротив, существует достаточных документальных доказательств того, что во время осады 4-й румынской армией советские власти под различными предлогами арестовали сотни евреев[36]. Появление 4-й румынской армии в Одессе 16 октября 1941 года не было триумфальным шествием победителя. Это был, скорее, захват города, эвакуированного ранее советскими войсками[37], румынской армией, уставшей после длительной осады и презираемой местным населением, которое рассматривало захватчиков как «изголодавшихся и презренных иностранцев»[38]. Страхи населения Одессы, связанные с завоевателями, должны были болезненно подтвердиться. Румынские военные в первые же дни оккупации установили режим террора с многочисленными изъятиями имущества, грабежами, изнасилованиями и разрушениями[39]. Как и ожидалось, еврейское население Одессы вскоре после установления румынской военной администрации стало мишенью новых правителей. 18 октября 1941 года второй командир 10-й пехотной дивизии генерал Константин Трестиоряну издал приказ, предусматривающий создание в Одессе гетто, расположенного на территории тюрьмы по улице Фонтанская дорога. Также приказ предусматривал, что «все евреи, независимо от пола и возраста, будут эвакуированы с семьями, дети, женщины, мужчины, которые перед уходом возьмут с собой из дома самую необходимую пищу и постельные принадлежности»[40]. Командиром гетто был назначен жандармский лейтенант Теодор Алекториде. Соответственно, 18 октября 1941 года начался процесс сбора и интернирования евреев Одессы в гетто. В тот же день, претор 10-й дивизии майор Т. Марконеску докладывал 4-й армии, что в гетто были интернированы 1726 евреев без пищи и одежды, что создало серьезные проблемы для властей[41]. В последующие дни количество интернированных продолжало непрерывно расти, так что 27 октября 1941 года в гетто Одессы, по данным архивных документов, были интернированы 16 258 евреев, среди которых 6625 мужчин, 7658 женщин и 1975 детей[42]. Мужчины использовались румынскими военными властями на различных работах: наведение порядка и благоустройство аэропорта (330), снятие баррикад (160) и участие в батальонах пионеров по разминированию заминированных зданий (240)[43].

Судьба евреев Одессы была определена терактом, совершенным в дневные часы 22 октября 1941 года. С первых дней оккупации Одессы румынские власти, в частности военный штаб города и командование 10-й пехотной дивизией, получили информацию от румынской секретной службы и от местных жителей, согласно которой здание, где находилось военное командование, бывшая штаб-квартира НКВД по улице Энгельса, было заминировано местными жителями[44]. Хотя здание проверялось инженерами и ничего подозрительного не было найдено, 22 октября в 17 часов 45 минут оно взорвалось. От взрыва пострадали 135 румынских и немецких военных (79 погибших, 43 раненых и 13 пропавших), в том числе командир 10-й пехотной дивизии генерал Ион Глогожану, начальник штаба полковник Ионеску Мангу, немецкие офицеры капитан корвета Вальтер Райхерт, командир Герварт Шмидт, капитан Вальтер Керн и 46 румынских военных. Новый командующий 10-й пехотной дивизией, генерал Константин Трестиоряну, тем же вечером сообщил 4-й армии о подготовленном теракте, а также о том, что в качестве ответной меры он повесит «евреев и коммунистов на площадях Одессы»[45]. Таким образом, решение отомстить за жертвы теракта казнью коммунистов и евреев было инициативой местного командира, но эта инициатива позже, после вмешательства маршала Иона Антонеску, превратилась в настоящее массовое истребление.

Как и ожидалось, реакция главы государства после того, что произошло, не заставила себя долго ждать. Приказом № 561 от 22 октября глава военного кабинета маршала, полковник Раду Давидеску, дал указание командиру 4-й армии генералу Иосифу Якобичу «принять решительные репрессивные меры»[46]. Исполняя полученный приказ, генерал Иосиф Якобич сообщил вечером того

же дня, что в качестве «репрессивных мер и, чтобы дать пример населению, было принято решение вешать в общественных местах подозреваемых евреев и коммунистов»[47]. Впоследствии, еще ночью 22/23 октября 1941 года, командующий 10-й пехотной дивизией генерал Трестиоряну приказал организовать репрессии «немедленно с подавлением не менее 18 000 евреев из гетто и в каждом секторе полка повесить не менее 100 евреев на площадях»[48]. После этого приказа в течение дня 23 октября было расстреляно и повешено около 5 тыс. евреев. Одесса стала, по свидетельствам очевидцев, «городом виселиц»[49]. Кроме того, маршал Ион Антонеску выдал в тот же день в 12 часов 30 минут новый приказ (№ 562) о переходе к «жестоким репрессиям» и указал на «виновных» в нападении:

«а) За каждого румынского или немецкого офицера, который погиб в результате взрыва, будут казнены 200 коммунистов;

за каждого убитого солдата – 100 коммунистов.

Казни состоятся в течение сегодняшнего дня.

б) Будут арестованы все коммунисты из Одессы, а также по одному из членов каждой еврейской семьи.

Им сообщат, что в случае второго такого теракта казнены будут все.

в) Принятые меры будут опубликованы и афишированы в Одессе и в окрестностях в течение сегодняшнего дня»[50]. Казни по приказу не ограничились 5 тыс. евреев, упомянутых выше. 24 октября 1941 года румынский военный штаб в Одессе получил телеграфный приказ № 563 от военного кабинета маршала Антонеску, согласно которому увеличивался масштаб репрессий против еврейского народа. В связи с этим приказ предусматривал следующее:

«Генералу Мачич.

В качестве репрессий Г-н Маршал Антонеску приказывает:

1. Казнить всех евреев из Бессарабии бежавших в Одессу.

2. Всех лиц, которые попадают под положения приказа № 3161 (302858) от 23 октября 1941 года, собрать в заминированное здание, которое взорвется. Это должно произойти в день похорон наших жертв.

3. Уничтожить этот приказ после его прочтения.

Подпись: полковник Давидеску, глава Военного Кабинета»[51].

Результатом этого приказа стало массовое убийство, которое состоялось 24 октября 1941 года. Приблизительно 22 тыс. евреев (по другим данным - 40 тыс. евреев[52]) были собраны солдатами, принадлежавшими румынскому 10-му батальону пулеметчиков 10-й пехотной дивизии, во главе с генерал-полковником Николаем Деляну и лейтенант-полковником жандармерии Михаем Никулеску (по прозвищу «Кока-мучитель»[53]), который также являлся претором города, недалеко от Одессы, в Дальнике, где евреи были размещены на четырех складах. Эти склады были вначале обстреляны из пулемета, а затем их всех поочередно подожгли, кроме последнего, который был заминирован и взорван в то же время, когда взорвали здание военного командования, то есть в 17 часов 45 минут. Во время этого массового убийства происходили ужасные сцены. Свидетель позже сообщил следующее: «Четыре склада были заполнены до предела, которые затем были уничтожены поочередно, огнем пулемета, винтовки, опрысканы бензином и сожжены, кроме последнего, который был взорван. Шум и ужасающие сцены, которые имели место, не поддаются никакому воображению: женщины с горящими волосами, сожженные живые люди и раненые, выходили через крыши или трещины горящих складов, спасаясь в ужасе. Но они были окружены вооруженными солдатами, которым было приказано не упустить ни одного гражданского лица. Ужас был настолько сильным, что он глубоко тронул всех присутствующих, солдат и командиров. В состоянии, в котором разум был подавлен инстинктом, люди подтверждали получение приказа, выполняли его лихорадочно или убегали, как, вероятно, хотелось каждому из них. Некоторые солдаты стреляли, нахмурившись спокойно, другие приклоняли голову и стреляли с дрожащим оружием в руках, некоторые стреляли в никуда, другие избегали стрельбы. [...] Люди внутри складов, в ужасе от смертельной агонии, пытались бежать или стояли у окон, чтобы было легко в них попасть. Большинство офицеров, которые были на месте, были впечатлены до слез, тем что они должны были сделать и некоторые из них оставили свои позиции, уклоняясь или скрываясь среди других солдат, которые не получили этот приказ»[54]. Мы считаем, что любые комментарии излишни.

Что касается авторов массового убийства, то в первые послевоенные дни некоторые из

них были приговорены к смертной казни, другие – к тюремному заключению. Хотя в судебном разбирательстве 1946 года маршал Ион Антонеску категорически отрицал свою причастность к массовому убийству евреев в Одессе, основываясь на архивных источниках, его ответственность невозможно отрицать. Кроме вышеуказанных архивных документов, подтверждающих в недвусмысленной форме ответственность маршала Антонеску за события в Одессе в октябре 1941 года, существуют и другие источники, доказывающие, что маршал не ограничился лишь приказами, но настаивал на особо строгом выполнении его указаний. Например, репрессии, предписанные к выполнению в Одессе, были одним из пунктов, обсужденных с губернатором Транснистрии профессором Георге Алексиану в Совете Министров 13 ноября 1941 года. Диалог чрезвычайно важный, и мы считаем, что его стоит привести полностью:

«Г-н Маршал Ион Антонеску: То, что произошло с евреями в Одессе, произошло; это должно стать правилом. Репрессия в Одессе была довольно суровой?

Г-н Проф. Г. Алексиану: Была, г-н маршал.

Г-н Маршал Ион Антонеску: Что вы имеете в виду под “довольно суровой”? Вы сострадательны к другим, но не к румынскому народу.

Г-н Проф. Г. Алексиану: Была очень суровой, г-н маршал.

Г-н Маршал Ион Антонеску: Я приказал расстреливать по 200 евреев за каждого погибшего и по 100 евреев за каждого раненого. Приказ был выполнен?

Г-н Проф. Г. Алексиану: Они были расстреляны и повешены на улицах Одессы.

Г-н Маршал Ион Антонеску: Выполняйте мой приказ, потому что я несу ответственность за страну и историю. Пусть приезжают евреи из Америки и привлекают меня к ответственности!»[55]

Впоследствии большинство евреев, переживших эти события в Одессе, были отправлены в деревню Слободка, назначенную 4-й армией в качестве гетто, и только небольшая часть евреев возвратилась в город. Условия жизни в гетто были крайне суровыми: «Домов не было. Люди заполняли улицы. Больные стонали и падали в снег. Румыны верхом на лошадях топтали их. Замерзшие дети плакали. Были слышны крики ужаса и просьбы о сострадании. К вечеру первого дня замерзшие трупы валялись на улицах. Можно было услышать крики изгнанных из Одессы в лагеря смерти. Слободка превратилась в большие гонки, и не было места, где можно было спрятаться. Везде были румынские жандармы и полицейские»[56]. Губернатор Транснистрии профессор Георге Алексиану посетил гетто 3–5 ноября 1941 года. Глубоко впечатленный результатами и обеспокоенный возможными вспышками эпидемий, Алексиану решил позволить женщинам, детям и старикам вернуться в свои дома, а мужчин 18–50 лет перевести в городскую тюрьму[57]. Судьба евреев Одессы была решена в декабре 1941 года. 11 декабря 1941 года губернатор Георге Алексиану сделал доклад маршалу Антонеску о ситуации в Транснистрии и Одессе и предложил «радикальное» решение проблемы евреев путем полной депортации из Транснистрии и Одессы[58]. 16 декабря Совет Министров включил этот вопрос в повестку дня. Глава государства, впечатленный в значительной степени тревожными докладами СМ и II Отдела безопасности Генерального Штаба о возможной «опасности», связанной с присутствием евреев в случае возможной высадки советских войск в Одессе или в соседних регионах[59], сообщил присутствующим о своем решении депортировать евреев из Одессы. Поскольку диалог между маршалом Антонеску и губернатором Алексиану являлся решающим для определения антисемитской позиции главы государства, а также жестокости, проявленной по отношению к евреям в определенных ситуациях, мы приведем его практически полностью:

«Маршал И. Антонеску: Прошу вывести евреев из Одессы сразу же, поскольку из-за сопротивления Севастополя мы можем ожидать даже высадку в Одессе. Я думал, что Севастополь падет гораздо раньше. Сегодня, однако, из-за того что русский флот может использовать Севастополь, он может нанести нам неприятный визит.

Г. Алексиану: Я дал им время ликвидировать все, и я попросил бы Вас дать мне корабль.

Маршал И. Антонеску: Чтобы отправить их дно.

Г. Алексиану: Чтобы привезти их в Очаков.

Маршал И. Антонеску: Знаешь, я потерял еще один корабль, “Каварна”. Я не о евреях беспокоюсь, а о корабле. [...]

Маршал И. Антонеску: [...] Что касается евреев, как скоро мы можем решить этот вопрос? Сколько евреев у тебя в Одессе?

Г. Алексиану: Почти сто тысяч. Я решил упрятать их в казарме Флота, но там нет еды и можно поместить не более десяти тысяч, а если они уйдут в деревни, они заразят тифом и другие местности. Десять тысяч отведу в Александровку, а остальных на берегу Буга или даже через реку. Немцы отказались принять их.

Маршал И. Антонеску: Этот вопрос рассматривается в Берлине. Немцы хотят изгнать всех евреев из Европы в Россию и поселить их в определенном регионе. Но до выполнения этого плана есть время. Что нам делать с ними до тех пор? Ждать решения Берлина? Ждать решения, которое касается нас? Мы должны обеспечить им безопасность. Размести их в катакомбы, утопи в Черном море, но выведи их из Одессы. Я ничего не хочу знать. Пускай погибнут сто, тысяча или даже все, но я хочу, чтобы ни один румынский чиновник или офицер не погиб. …Тех, которые сейчас находятся в Одессе, недостаточно, чтобы противостоять возможному наступлению. Я не знаю, будет ли оно или нет, но я должен предвидеть все и принять все меры предосторожности.

Итак, выведи евреев из Одессы. Я боюсь какой-нибудь катастрофы, в случае высадки русских в Одессе или в соседнем регионе.

Если русские появятся, они не придут с десятью миллионами человек, и пока мы отправим их на дно, нам придется дать не один бой. Я не могу вести эти бои, привлекая евреев, особенно если я не знаю, где они высадятся. Пока мы туда доберемся, они посеют хаос. Можно только представить то опустошение, которое произойдет, если вовлечь евреев в эти бои.

Я не хочу, чтобы это произошло; я хочу ясности. Держать их там, было бы преступлением. Я не хочу запятнать мою репутацию этой недальновидностью»[60].

На выполнение решения Совета Министров о депортации евреев из Одессы, с января 1942 года повлияли, на наш взгляд, в том числе военные мероприятия, проводимые на Крымском фронте в последние дни 1941 года. Встревоженный высадкой советских войск на Керченском полуострове (26 декабря 1941 года[61]) и возможностью проведения подобной операции в Одессе, маршал Ион Антонеску решил незамедлительно депортировать евреев из Одессы. 28 декабря 1941 года заместитель начальника Генерального Штаба генерал Николай Тэтэнару передал 3-й румынской армии следующий приказ:

«Председательство Совета Министров сообщает под № 326.

Г-н маршал Антонеску распорядился, чтобы все евреи были немедленно выведены из Одессы из-за сопротивления СЕВАСТОПОЛЯ, из-за недостаточных военных сил, находящихся там, мы могли бы ожидать неприятный сюрприз.

Вполне возможно, чтобы из-за этих евреев произошла катастрофа, в случае высадки русских в Одессе или в соседнем регионе.

Г-н маршал Антонеску заявил: "держать их там – это преступление. Я не хочу запятнать мою репутацию этой недальновидностью".

Прошу немедленно связаться с Губернаторством Транснистрии, сообщите о вышеизложенном и сотрудничайте для немедленного исполнения приказа Г-на Маршала.

Докладывайте принятые меры.

Подтвердите получение»[62].

После получения приказа в начале 1942 года гражданское правительство Транснистрии издало постановление № 35, которое послужило основанием для депортации евреев из Одессы и ее окрестностей. Постановление предусматривало: 1) депортацию и размещение евреев в «северном регионе уезда Очаков и Березовка», в населенных пунктах, где должны были быть установлены административные органы; 2) евреи должны были ликвидировать свою собственность посредством бюро, созданных для этой цели в полицейских округах; 3) имущество евреев должно было быть проданным на открытых торгах, а евреям должны были вернуть деньги; 4) депортированным евреям предоставлялось право взять с собой одежду, продукты питания и предметы домашнего обихода, поскольку они должны были «жить за свой счет»; 5) начало депортации было назначено на 10 января 1942 года[63]. Метод применения Постановления № 35 был определен в документе, озаглавленном «Руководство по депортации евреев из муниципия Одесса и его окрестностей». Таким образом, в Одессе появилось так называемое Центральное бюро эвакуации, состоявшее из префекта г. Одесса в качестве председателя, первого прокурора Одесского военного трибунала, префекта Одесской полиции, старшего офицера в качестве представителя Военного командования Одессы и мэра муниципия. Задачей этого центрального бюро было координирование и надзор за органами власти и учреждениями,

участвующими в планировании и осуществлении депортации[64].

На совещании 5 января 1942 года Комитет эвакуации единогласно постановил, что для обеспечения успешного процесса депортации «евреи должны сначала быть приведены в гетто, где их обыщут и оценят их имущество», а затем их доставят в регионы переселения[65]. 10 января командующий одесским гарнизоном генерал Тибериу Петреску издал Приказ № 7, предусматривающий, под угрозой смертной казни, интернирование в течение 48 часов в гетто всего еврейского населения Слободки[66]. Депортация евреев из Одессы началась двумя днями раньше установленного срока, 12 января 1942 года, и продлилась с перерывами из-за неблагоприятных погодных условий (мороз, сильный снег), отсутствия угля и т.д. до марта 1942 года[67]. Согласно докладу, представленному 1 марта 1942 года командиром второго армейского корпуса генералом Николаем Дэскэлеску Председателю Совета Министров, в период с 10 января по 28 февраля 1942 года в лагеря Березовки из Одессы были депортированы 31 873 евреев (мужчины, женщины и дети). В тот же день в Одессе находились: 1) в гетто 113 евреев, уклонившихся от депортации и впоследствии пойманные властями, 2) 1197 евреев в центральной тюрьме, в основном мужчины 18–50 лет, члены Коммунистической партии. Они должны были быть депортированы 3 марта 1942 года в лагерь в Вапнярке; 3) в окружной тюрьме около 10 евреев, совершивших различные мелкие преступления; 4) в городской больнице 1032 евреев (мужчины, женщины и дети), которые, будучи депортированными, были задержаны. Евреи, упомянутые в пунктах 1 и 4, должны были быть также депортированы в лагеря Березовки во время восстановления железнодорожной линии Одесса–Березовка. В общей сложности число депортированных или находящихся в процессе депортации евреев составляло 35 025. Кроме того, в Одессе и окрестностях города остались евреи, которые избежали депортации путем приобретения фальшивых документов или спрятались в разных местах; их количество оценивалось властями до нескольких тысяч[68]. Таким образом, можно утверждать, что период румынского правления, с 17 октября 1941 и до начала марта 1942 года, был моментом окончания депортации для еврейского населения Одессы и синонимом создания режима террора и истребления, из-за которого свои жизни потеряли 25–40 тыс. и были депортированы около 35 тыс. евреев.

В заключение мы отметим роль румынской армии в преследовании евреев во время режима Антонеску. В румынской историографии (и не только) участие румынский армии в массовых убийствах, совершенных против еврейского народа во время Второй мировой войны, долгое время отрицалось. Обычно, в случаях таких эксцессов, ответственность возлагалась на легионеров, или только на некоторые части армии или, в большинстве случаев, на немцев. Типичным примером в связи с этим можно считать то, каким образом был представлен погром в Яссах (29–30 июня 1941 года). В случае массового убийства в октябре 1941 года и депортации евреев из Одессы архивные документы однозначно доказывают, что румынские военные власти, от самого высокого уровня до нижних эшелонов, играли центральную роль, являясь основной ответственной стороной за трагедию в Одессе. ■

---

1 Из богатой специализированной литературы, посвященной румынской администрации в Одессе и Транснистрии, особенно отметим работы: **Carp M.** Cartea Neagră. Suferințele evreilor din România 1940–1944. Vol. III. Transnistria. București, 1947; **Dallin A.** Odessa, 1941–1944. A Case Study of Soviet Territory under Foreign Rule. Santa Monica, 1957; **Völkl E.** Transnistrien und Odessa (1941–1944). Regensburg, 1996; **Ancel J.** Transnistria. Vol. I—III. Bucureşti, 1998; **Ancel J.** Contribuții la Istoria României. Problema evreiască 1933—1944. Vol. II/1. Bucureşti, 2003. P. 7–172; **Solovei R.** Activitatea Guvernământului Transnistriei în domeniul social-economic şi cultural (19 august 1941 – 29 ianuarie 1944). Iaşi, 2004.

2 О национальном и международном контексте, в котором Румыния была вынуждена принять советские ультиматумы, см.: **Constantiniu F.** Între Hitler şi Stalin. România şi pactul Ribbentrop–Molotov. Bucureşti, 1991. P. 92–96; **Dobrinescu V.-F., Constantin I.** Basarabia în anii celui de al doilea război mondial. Iaşi, 1995. P. 149–191; **Constantin I.** România. Marile Puteri şi problema Basarabiei. Bucureşti, 1995. P. 62–100. (*Прим. авт.*)

Следует отметить, что данная точка зрения противоречит взглядам современных молдавских историков, рассматривающих это события 1940 года как воссоединение молдавских земель в составе СССР. См.,

напр.: **Стати В.** История Молдовы. Кишинев, 2003. С. 346 – 356; **Степанюк В.** Государственность молдавского народа. Кишинев, 2006. С. 325 – 369, и др. (*Прим. ред*.)

3 О румыно-немецком военном сотрудничестве на Восточном фронте, в частности, см.: **Doerr H.** Der Feldzug nach Stalingrad. Versuch eines operativen Überblickes. Darmstadt, 1955. P. 55–116; **Duţu A.** Între Wehrmacht şi Armata Roşie. Relaţii de comandament româno-germane şi româno-sovietice (1941-1945). Bucureşti, 2000. P. 57–97; **Forstmeier F.** Odessa 1941. Der Kampf um Stadt und Hafen und die Räumung der Seefestung 15. August bis 16. Oktober 1941. Freiburg im Breisgau, 1967. Passim.; **Hillgruber A.** Hitler, Regele Carol şi Mareşalul Antonescu. Relaţiile germano-române (1938-1944). Bucureşti, 1994. P. 171–192; **Kehrig M.** Stalingrad. Analyse und Dokumentation einer Schlacht. Stuttgart, 1974. P. 45–69, 131–276, 456–473; **Pandea A., Pavelescu I., Ardeleanu E.** Românii la Stalingrad. Viziunea românească asupra tragediei din Cotul Donului şi Stepa Calmucă. Bucureşti, 1992. Passim.; **Peter G.** Hitlers fremde Heere. Das Schicksal der nichtdeutschen Armeen im Ostfeldzug. Düsseldorf-Wien, 1976. P. 140–153, 196–237, 291–328, 350–355.

4 В письме от 31.07.1941 г. к Адольфу Гитлеру глава румынского государства Ион Антонеску сообщает о своем решении «идти до конца в нашем деле на востоке против большого врага цивилизации, Европы и моей страны: русский большевизм. Поэтому не ставлю никаких условий и не обсуждаю с кем-либо это военное сотрудничество». В своем ответном письме от 14.08.1941 г. Гитлер согласился с намерениями Иона Антонеску, предоставив ему администрацию Транснистрии. Об обмене письмами между Гитлером и Антонеску см.: Akten zur deutschen Auswärtigen Politik 1918-1945, Serie D: 1937-1941, Band XIII. 1, Die Kriegsjahre,23 Juni bis 11. Dezember 1941. Göttingen, 1970. Doc. № 167. P. 220–221; Doc. № 204. P. 262–263 (Далее – ADAP).

5 Например, в докладной записке от 18 июля 1941 г. лидер демократической оппозиции, глава Национал-Крестьянской Партии Юлиу Маню обратил внимание Главы государства на тот факт, что борьба румынской армией в целях возвращения Бессарабии и Северной Буковины не была нападением «с целью завоевания, намерением, которое должно быть нам чуждым, а вторжением, которому надо противостоять с первого момента». Однако, рассматривая риски Румынии, связанные с участием в военном вторжении совместно с Державами Оси, лидер крестьянской партии считает себя обязанным, «чтобы меня не считали виноватым в нежелании, сомнении или отсутствии активности, которая так необходима сегодня», протестовать против участия Румынии в военном нападении: «Недопустимо представить нас в качестве агрессора против России, нынешней союзницы Англии, которая, возможно, победит, за исключением наших намерений вернуть Буковину и Бессарабию в союзе с Венгрией и Осью, которые оторвали произвольным актом, никем не ратифицированным, важную часть нашей страны, в ущерб нашей территории, нашей национальной гордости и чести. Даже наше военное товарищество, наложенное обстоятельствами, очень раздражает, если до сих пор мы не получили никакого положительного решения в трансильванском вопросе». Далее Юлиу Маню решительно выступает против дальнейшего участия в советско-германской войне, особенно против участия румынской армии в «священной войне против России», учитывая, что все усилия должны быть направлены на «Великую Румынию, со всеми ее провинциями», чтобы вновь обрести Северную Трансильванию.
См.: Mareşalul Ion Antonescu. Epistolarul Infernului. Bucureşti, 1993. Doc. № 25. P. 190–197.
В докладе, представленном Берлину 7 августа 1941 г., немецкий полномочный посол в Бухаресте Манфред фон Киллингер попытался снизить значение этой оппозиции: «Политическое значение перехода Днестра привело к реакции, пусть даже незначительной, некоторых оппозиционных групп» (См.: Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Berlin, R 29702, Büro des Staatssekretärs-Rumänien, Band 7, E 149866. Telegramm Nr. 2503 der deutschen Gesandtschaft Bukarest vom 07.08.1941, gez. Killinger. (Далее цитируется PAAAB)).

6 На заседании Совета Министров 5 сентября 1941 г. маршал Ион Антонеску подробно изложил военные причины своего решения продолжить военные операции по ту сторону реки Днестр: «В сегодняшних международных условиях на кого мы можем положиться в нашей ситуации? На немцев. Если мы не будем опираться на Германию, нам конец. Если бы мы сделали это вовремя, мы бы спасли Румынское Государство. И в этой войне, которую мы ведем, мог ли я остановиться, когда немцы сражались с русскими, после того как мы взяли Бессарабию? Или поступить, как некоторые говорят: ждать, потому что ее отдали бы нам англичане, когда наступил бы мир? Мог ли я сидеть, сложа руки, когда немцы воевали против русских, и ждать, чтобы англичани отдали нам Бессарабию? И если мы вступили в войну, без Германии мы не могли бы взять Бессарабию. [...] И после того как мы получили ее с помощью немецкой армии, мог ли я остановиться на Днестре? Мог ли я сказать: Я получил свой кусок, я останавливаюсь здесь? [...] Я бы обесчестил и армию, и румынский народ навсегда. Это был бы позор для нас, дойти до Днестра и сказать немцам: до свидания» (См.: Stenogramele şedinţelor Consiliului de Miniştri. Guvernarea Antonescu / Marcel-Dumitru Ciucă, Maria

Ignat. Bucureşti, 2000. Vol. IV (iulie-septembrie 1941). P. 569 [Стенограмма совещания Совета Министров от 5 сентября 1941]).

7 Этих двух примеров более чем достаточно, чтобы аргументировать такое отношение. Проведя проверку румынских частей на фронте осенью 1942 г., командир 17-й немецкой армии генерал-полковник Ричард Руофф спросил нескольких румынских солдат, знают ли они цель их пребывания в России. Все единодушно ответили: «Конечно, Г-н Генерал! Трансильвания!» (См.: **Gheorghe I.** Un dictator nefericit. Mareşalul Antonescu. Calea României spre Statul satelit. Bucureşti, 1996. P. 243). В всеобъемлющем докладе, представленном O.K.W. 5 марта 1943 г. главой немецкой Военной миссии в Румынии, генерал кавалерии Эрик Хансен, говоря о ситуации в Румынии, в первую очередь отметил «сильную усталость от войны» и в армии, и среди населения (Kriegsmüdigkeit). Далее, представляя кампанию в России и причины румынского поражения, он был вынужден заявить, что «масштаб и значение боевых действий на востоке им (румынам) неизвестны. В результате "наследственного вражества", поддерживаемого румынской пропагандой с древнейших времен до последнего времени, Венгрия в настоящее время все еще воспринимается как враг. Даже в румынских частях, ведущих боевые действия на востоке, Венгрия была представлена в качестве главного врага шовинистическими элементами офицерского корпуса, а все думали, что целью румынской борьбы в войне было возвращения Ардяла (Трансильвании), вроде награды за румынскую помощь». По мнению Гансена, этот взгляд был определен политикой, проводимой Юлием Маню; наиболее восприимчивы к этой политической линии были офицерские круга из Трансильвании. B.M.CTP., RH 31-I (Deutsche Heeresmission in Rumänien)/v.134. (Lage in Rumänien vom 05.03.1943. Deutscher General beim Obkdos. d. Rum. Wehrmacht an das O.K.W./W.CTP.St. Ia Nr 14/43 g.Kdos vom 05.03.1943, gez. Hansen); Доклад Генерала Гансена опубликован в: **Förster J.** Stalingrad. Risse im Bündnis 1942/43, Freiburg im Breisgau. P. 137–142; Magyar Országos Levéltár Budapest, K 63 – 1942 – 269 – 27/1 – 8530. Доклад №. 475 от 21.11.1942 г. Венгерской дипломатической миссии в Бухаресте.

8 ADAP. Band XIII. Doc. № 204. P. 262–263.

9 Архив Министерства иностранных дел, Бухарест. Фонд 71/Германия. Том 83. С. 145–147. Телеграмма № 41662 от 19.07.1941 г. Румынского посольства в Берлине, подписанная Босси (Далее – АМИД).

10 АМИД. Фонд 71/ Германия. Том 83. С. 274–279. Доклад № 80532 от 05.08.1941 Румынского посольства в Берлине, подписано Босси.

11 Там же. С. 182–183. Заметка о разговоре 24 июля 1941 г. г-на Михая Антонеску, председателя Совета Министров, с н-ном Фон Киллингером, министром Германии, у Председательства Совета Министров; с. 184–185. Заметка о разговоре 25 июля 1941 г. г-на Михая Антонеску в качестве министра иностранных дел с иинистром Германии в Преседательстве Совета.

12 ADAP. Band XIII. Doc. № 210. P. 268–269.

13 См.: Stenogramele şedinţelor Consiliului de Miniştri. Guvernarea Antonescu / Marcel-Dumitru Ciucă, Maria Ignat. Bucureşti, 2002. Vol. VI (februarie-aprilie 1942). P. 205. (Стенограмма совещания Совета Министров от 26 февраля 1942 г.)

14 АМИД. Фонд 71/ Германия. Том 83. С. 352–356. Заметка о разговоре 25 августа 1941 г. г-на Михая Антонеску, председателя Совета Министров, с г-ном Фон Киллингером, министром Германии, у Председательства Совета Министров.

15 Центральные Национальные Исторические Архивы, Бухарест. Фонд Председательства Совета Министров – Военный Кабинет. Дело № 476/1940. С. 90 (Далее – ЦНИА, фонд ПСВ-ВК).

16 **Hillgruber A.** Hitler, Regele Carol şi Mareşalul Antonescu. P. 177.

17 Тексты на румынском языке можно найти в: Румынские Военные Архивы, Питешть. Фонд 5423 – Marele Stat Major – Secţia a 7-a teritorială. Дело № 113 (Далее – РВАП). Текст конвенции на немецком языке может быть найден в: PAAAB, R 100883, Inland II Geheim, Bd. 202, Judenfrage in Rumänien 1941–1944, E 510829–510834.

18 ЦНИА. Фонд ПСВ-ВК. Дело № 597/1941. С. 2.

19 Там же. С. 3

20 Там же. С. 4.

21 Там же. С. 5.

22 **Solovei R.** Activitatea Guvernümântului Transnistriei în domeniul social-economic şi cultural (19 august 1941 – 29 ianuarie 1944). P. 32.

23 **Dallin A.** Odessa, 1941–1944. A Case Study of Soviet Territory under Foreign Rule. P. 306.

24 О судьбе депортированных евреев в Транснистрии см.: **Ioanid R.** Holocaustul în România. Distrugerea evreilor şi romilor sub regimul Antonescu 1940–1944. Bucureşti, 2006. P. 263–330; **Ancel J.** Transnistria. Vol. I—II. Passim.; **Ancel J.** Contribuţii la Istoria României. Problema evreiască 1933—1944. Vol. II. P. 1. P. 77–172.

25 **Duţu A.** Între Wehrmacht şi Armata Roşie. Relaţii de comandament româno-germane şi româno-sovietice (1941–1945). P. 71–73.

26 **Forstmeier F.** Odessa 1941. Der Kampf um Stadt und Hafen und die Räumung der Seefestung 15 August bis 16. Oktober 1941. P. 32ff.

27 Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg im Breisgau. RH 31-I – Deutsche Heeresmission in Rumänien -/v. 26 (b). Deutsche Heeresmission in Rumänien Abt. I a № 104/41 g.Kdos vom 14.02.1941 betreffend Beurteilung des rumänischen Heeres, gez. Hauffe; RH 31-I/v. 98. Fol. 1–10.

Deutsche Heeresmission in Rumänien I a № 32/42 g. Kdos vom 18.01.1942. Aufbau und Einsatz des rumänischen Heeres seit Bestehen der Deutschen Heeresmission, gez. Hauffe; RH 31-I/v. 93. Auszug aus D.H.M. I a № 908/41 geh. vom 22.05.1941; RH 31-I/v. 83. D.H.M. I a vom 11.12.1941. Beobachtungen aus dem Feldzug gegen Odessa, gez. Borchers (Далее – ФВАФ (Федеральный, Военный Архив во Фрайбурге)).

[28] Из общего количества потерь 119 833 убитых, раненых и пленных, понесенных 4-й Армией во время военной кампании 1941 г., 106 561 человек (почти 90%) пострадали в результате осады Одессы, из которых 20 116 умерших, 74 487 раненых и 11 958 пропавших без вести. См.: ФВАФ. RH 31-I/v. 98. Fol. 6. Deutsche Heeresmission in Rumänien I a № 32/42 g. Kdos vom 18.01.1942. Aufbau und Einsatz des rumänischen Heeres seit Bestehen der Deutschen Heeresmission, gez. Hauffe; RH 31-I/v. 93. Auszug aus D.H.M. I a № 908/41 geh. vom 22.05.1941; RH 31-I/v. 83. D.H.M. Ia vom 11.12.1941. Beobachtungen aus dem Feldzug gegen Odessa, gez. Borchers.

[29] Войска, эвакуированные из Одессы советскими войсками, предполагалось использовать в Крымской кампании в качестве основной обороны Севастополя. **Forstmeier F.** Odessa 1941. Der Kampf um Stadt und Hafen und die Räumung der Seefestung 15 August bis 16 Oktober 1941. P. 85–86.

[30] ЦНИА. Фонд ПСВ-ВК. Дело № 130/1941. С. 6–23. На этот документ маршал Ион Антонеску наложил следующую резолюцию: «Плоды ошибок, допущенных в течении 20 (двадцати) лет могут быть катастрофическими. Из-за неподготовленных командований неподготовленными были и офицеры. Из-за их неподготовленности неподготовленны были солдаты и сержанты. Все взаимосвязано. Все начинается с головы. Руководство государства, особенно политическое, и военное руководство привели только к катастрофе. Теперь ставится вопрос: Что же нам делать? Мы констатируем факты и ковыряемся и дальше в носу? Мы должны начать все с начала и начать серьезно» (Там же. С. 4–5).

[31] РВАП. Фонд 26 – 4-я армия. Дело № 748. С. 269–270, 273–279.

[32] Там же. Дело № 781. С. 92–96.

[33] См.: **Angrick A.** Besatzungspolitik und Massenmord. Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941–1943. Hamburg, 2003. S. 131 öi următoarele; **Ancel J.** Contribuţii la Istoria României. Problema evreiască 1933—1944. Bucureşti, 2001. Vol I. P. 2. P. 111–142; **Ioanid R.** Holocaustul în România. Distrugerea evreilor şi romilor sub regimul Antonescu 1940—1944. P. 138–166.

[34] ЦНИА. Фонд ПСВ-ВК. Дело № 170/1941. С. 61–63.

[35] См. краткое сопоставление антисемитских концепций Иона Антонеску и Адольфа Гитлера в работе: **Traşcă O.** Relaţiile româno-germane şi chestiunea evreiască: august 1940-iunie 1941 // România şi Transnistria. Problema Holocaustului / Viorel Achim, Constantin Iordachi. Bucureşti, 2004. P. 326.

[36] **Ancel J.** Contribuţii la Istoria României. Problema evreiască 1933–1944. Vol. II. P. 1. P. 173.

[37] Части Красной Армии, защищавшие Одессу, были эвакуированы из Севастополя. В военном журнале 11-й немецкой армии имеются следующие записи о событиях 16–17.10.1941:

«<u>16.10.</u>

10.30. Командир берегового артиллерийского полка сообщает, на основании данных 149-й части береговой артиллерии на западе от Очакова, что утром 16 числа были обнаружены 40 крупных военно-морских единиц (транспортеры и военные корабли), шедших от Одессы в юго-восточном направлении. Румынские войска, дислоцированные вблизи прибрежной артиллерии, сообщили, что русские будут отступать по всему фронту перед Одессой (Приложение): [...]

13.00. С 8:20 вечера 4-я румынская армия начала нападение на Одессу, город, который был эвакуирован врагом.

14.50 В разведывательном докладе IV-го корпуса подтверждается перемещение морских конвоев из Одессы в юго-восточном направлении.

Во второй половине дня, 15:00, Одесса захвачена, город и порт в огне. [...]

<u>17.10.</u>

18.15. […] Авиационная разведка констатировала, что большинство морских конвоев, покинувших Одессу, прибыли в Севастополь. […]» (ЦНИА. Коллекция короткометражных фильмов США, рулон 141, Armeeoberkommando 11. Kriegstagebuch nr. 1-AOK 11, Abt. Ia, c. 7929358, 7929362. Eintragungen vom 16–17.10.1941).

[38] **Dallin A.** Odessa, 1941–1944. A Case Study of Soviet Territory under Foreign Rule. P. 44.

[39] **Ancel J.** Contribuţii la Istoria României. Problema evreiască 1933-1944. Vol. II. P. 1. P. 174. Очевидец, Рубин Удлер, описывает следующим образом поведение румынских военных в первые дни оккупации: «Террор начался еще в первые часы. Группой или по одному, румыны рвались в квартиры, утверждая, что ищут советских солдат, коммунистов и евреев. Удары оружием и дикие избиения всех, независимо от возраста и пола, сопровождались угрозами немедленного расстрела. Все, что видели их голодные глаза, было быстро схвачено и брошено в их ранцы и карманы. Особым спросом пользовались часы, браслеты, кольца, серьги и деньги. И все в спешке, как будто кто-то за ними гнался, они рвались в соседние квартиры, где повторялись избиения. Их крики жадности и самовольничества, крики людей, напуганных до смерти, которые не понимали ни одного румынского слова, заполняли все дома и улицы. Зверские солдаты гонялись за молодыми женщинами и насиловали

их в группах, часто на глазах напуганных членов семьи» (См.: **Nazaria S.** Holocaust: File din istorie: (pe teritoriul Moldovei şi în regiunile limitrofe ale Ucrainei în anii ocupaţiei fasciste, 1941—1944). Chişinău, 2005. P. 158–159).

40 РВАП. Фонд 2273 – 10-я пехотная дивизия. Дело № 830. С. 444. Приказ № 14.420 от 18.10.1941, подписан К. Трестиоряну.

41 Там же. С. 406. Реферат от 18.10.1941, разработанный Претором М.У. Горун (закодированный указатель 10-й Пехотной Дивизии), майор Т. Марконеску.

42 Там же. С. 524. Доклад № 99828 от 27.10.1941 10-й пехотной дивизии 2-му армейскому корпусу, подписан майором В. Подгорски.

43 Там же.

44 ФВАФ. RH 31–I – Deutsche Heeresmission in Rumänien- / v. 108. Abwehrstelle Rumänien № 11035/41 g. Leiter. Bericht vom 04.11.1941 über Wahrnehmungen in Odessa, gez. Rodler; ЦНИА. Фонд ПСВ-ВК. Дело № 407/1941. С. 15–16. Информационная заметка № 200 от 22.10.1941 отряда SSI Одесса.

45 **Carp M.** Cartea Neagră. Suferinţele evreilor din România 1940–1944. Vol. III. Transnistria. Doc. № 118. P. 208. Телеграмма генерала Константина Трестиоряну 4-й Армии от 22.10.1941.

46 ЦНИА. Фонд ПСВ-ВК. Дело № 104/1941. С. 4. Телеграмма № 3154 Военного кабинета главы государства 4-й армии, подписана Раду Давидеску.

47 Там же. С. 7. Доклад № 302.827 от 22.10.1941 4-му Военному кабинету главы государства, подписано И. Якобич.

48 **Ancel J.** Contribuţii la Istoria României. Problema evreiască 1933–1944. Vol. II. P. 1. P. 178.

49 Ibid. P. 182–183. Рубин Удлер, которому на тот момент ему было 15 лет, был свидетелем казней, осуществляемых румынскими солдатами и сопровождаемых сценами, жестокость которых трудно себе представить: «По улице Карла Маркса, от вокзала, со стороны где находилась другая виселица, под надзором румынских солдат шла колонна, состоящая примерно из 20–25 человек. Было очевидно, что над ними жестоко издевались. Их одежда была похожа на тряпки, некоторые из них шли босиком или в рваных чулках, с голой головой. Их лица были полны синяков и испачканы кровью... Осужденные и их надзиратели остановились рядом с виселецей. Часовой и сопровождающий начали обсуждать что-то между собой и курить. Потом он сказал что-то первому осужденному. Тот подошел к виселице, положил стул, который нес в руках, встал на него, положил сам петлю на шею и ждал молча. Румыны приказали что-то резким голосом следующему приговоренному. Тот подошел и толкнул стул ногой. Бедняга также остановился в полном молчании. Румыны, договорившиеся между собой, подождали несколько минут и приказали второму сделать то же самое. И он безразлично, как будто речь шла не о его жизни, надел петлю на голову. Он ничего не сказал и ничего не просил. Стоял и ждал. По приказу, третий толкнул его, и через несколько секунд и он висел неподвижно. И вдруг один из заключенных, осознав свою трагическую ситуацию инстинктом самосохранения, быстро вышел из ряда и побежал. Он только успел пересечь улицу. Его догнали пули сопровождения. Никто не подошел к нему. Его труп лежал в луже крови... В то кровавое утро были казнены без суда и следствия около 5600 человек. Полиция была парализована и ошеломлена. Были выпущены все преступники, которые стали на сторону оккупантов. Они по-своему понимали “новое положение”, которое для них означало получение свободы, расчет с личными врагами, сведение счетов, насилие» (См.: **Nazaria S.** Holocaust: File din istorie: (pe teritoriul Moldovei şi în regiunile limitrofe ale Ucrainei în anii ocupaţiei fasciste, 1941–1944). P. 161–162.

50 ЦНИА. Фонд ПСВ-ВК. Дело № 104/1941. Стр. 5–6. Ordinul № 562 al Cabinetului Militar al Conducătorului Statului către Armata a 4-a, semnată Radu Davidescu.

51 **Ancel J.** Contribuţii la Istoria României. Problema evreiască 1933–1944. Vol. II. P. 1. P. 185.

52 BMF, RH 31–I – Deutsche Heeresmission in Rumänien- / v. 108. Abwehrstelle Rumänien № 11035/41 g. Leiter. Bericht vom 04.11.1941 über Wahrnehmungen in Odessa, gez. Rodler.

53 **Nazaria S.** Holocaust: File din istorie: (pe teritoriul Moldovei şi în regiunile limitrofe ale Ucrainei în anii ocupaţiei fasciste, 1941–1944). P. 162.

54 Documents concerning the Fate of Romanian Jewry During the Holocaust / Ed. Jean Ancel. Vol. VI. Doc. №. 26. P. 281–282.

55 См.: Stenogramele şedinţelor Consiliului de Miniştri. Guvernarea Antonescu / Marcel-Dumitru Ciucă, Maria Ignat. Bucureşti, 2001. Vol. V (octombrie 1941 – ianuarie 1942). P. 120. (Стенограммы совещания Совета Министров от 13 ноября 1941 г.)

56 **Ancel J.** Contribuţii la Istoria României. Problema evreiască 1933–1944. Vol. II. P. 1. P. 195..

57 Ibid. P. 195–196.

58 Ibid. P. 211–213.

59 В этой связи см.: Ibid. P. 206–211.

60 См.: Stenogramele şedinţelor Consiliului de Miniştri. Guvernarea Antonescu. Vol. V (octombrie 1941 – ianuarie 1942). P. 462–463. (Стенограмма совещания Совета Министров утра 16 декабря 1941 г.)

61 ЦНИА. Коллекция короткометражных фильмов США, рулон 141, Armeeoberkommando 11. Kriegstagebuch nr. 1-AOK 11, Abt. Ia, c. 7929492-7929498. Eintragung vom 26.12.1941.

62 РВАП. Фонд 25 – 3-я армия. Дело № 452. С. 2. Телеграмма № 29.709 Генерального Штаба от 28.12.1941.

63 РВАП. Фонд 25 – 3-я армия. Дело № 452. С. 8. Поста-

новление № 35 губернатора Транснистрии; **Ancel J.** Contribuţii la Istoria României. Problema evreiască 1933–1944. Vol. II. P. 1. P. 216–217.

[64] РВАП/ Фонд 25 – 3-я армия. Дело № 452. С. 9–11. Указания по эвакуации еврейского населения из г. Одесса и его окрестностей; **Ancel J.** Contribuţii la Istoria României. Problema evreiască 1933–1944. Vol. II. P. 1. P. 217.

[65] РВАП. Фонд 25 – 3-я армия. Дело № 452. С. 29–31. Протокол № 1 от 05.01.1942; **Ancel J.** Contribuţii la Istoria României. Problema evreiască 1933-1944. Vol. II. P. 1. P. 221.

[66] РВАП. Фонд 25 – 3-я армия. Дело № 452. С. 32–33. Постановление № 7 от 10.01.1942 Командования М.У. Раду и Одесского гарнизона; **Ancel J.** Contribuţii la Istoria României. Problema evreiască 1933–1944. Vol. II. P. 1. P. 222.

[67] См.: **Ancel J.** Contribuţii la Istoria României. Problema evreiască 1933–1944. Vol. II. P. 1. P. 223ff.

[68] РВАП. Фонд 1675 – Одесское Военное командование. Дело № 166. С. 258–260. Доклад № 31338 от 01.03.1942 2-й армейский корпус Председательству Совета Министров.

Документ № 1

РАСШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА

ПОСОЛЬСТВО в БЕРЛИНЕ
№. 128/41662 Дата:____________19/VII время 22.1941

МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

БУХАРЕСТ

Лично Господину Министру

Михай Антонеску.[1]

Со ссылкой на Вашу телеграмму № 412[2].

Пользуясь моими связями в Министерстве иностранных дел, могу сказать, что вопрос транснистрийских румын, как и вопрос создания общей границы с Германией через территорию Генерал-губернаторства Польши, рассматриваются здесь в пользу Румынского Правительства. Все мне говорят о наших соотечественниках на Днестре, а что касается прямой румыно-немецкой связи к Северу от Буковины, у нас есть довольно весомые доказательства интереса немецкого правительства заверением, о котором я ранее говорил в моей телеграмме № 41644[3], что ни один сегмент железнодорожной линии Черновцы–Лемберг не будет контролироваться венграми.

Мне дали понять, что расширение территории Румынии на восток и северо-восток в конечном счете может стать интересной темой обсуждения между нами и Германией, с возможностью для нас получить очень привлекательные решения. Но появляется еще один вопрос, – обмен населением, то есть переход в направление Подолии русинских меньшинств из новых земель, которые принадлежали бы нам, перемещая сюда румын из СССР и даже из Трансильвании.

Смею обратить Ваше внимание на это последнее замечание, которое есть не что иное, как цель венгров.

В самом деле, у меня есть сведения о том, что венгерская дипломатия в Берлине и Риме намерена расширить границы Румынии на Восток и, возможно, в конечном итоге к Покутии, с условием колонизации этих областей румынами из Ардяла, а Трансильвания будет целиком и насовсем передана Венгрии.

Всякий раз, когда мне говорят об этом, я, естественно, выражаю свое несогласие с любым решением, связанным с отказом от наших неотъемлемых прав от Трансильвании.

Официально и открыто этот вопрос не обсуждался со мной лицами, принимающими решение; однако то, что эта тема обсуждается в разговорах старших должностных лиц Министерства иностранных дел Германии, кажется симптоматичным.

Считаю своей обязанностью попросить Вас рассмотреть, если в наших интересах защитить наши права, поднять вопрос о расширении наших границ до границ 1940 года, без пред-

1 Михай Антонеску (1904–1946), юрист, профессор университета, румынский политик. По образованию юрист, доктор юридических наук, профессор международного права в Бухарестском Университете; Министр юстиции в Национальном Легионерном Правительстве (сентябрь 1940 – январь 1941); Министр государственный секретарь (с января 1941); временный министр Национальной пропаганды (май–июнь 1941); работал в том же департаменте (27.06.1941–23.08.1944); заместитель председателя Совета Министров и Министр иностранных дел (27.06.1941–23.08.1944). Был, несомненно, основным сотрудником главы Румынского Государства. Будучи арестованным в тот же день, что и маршал Ион Антонеску, 23.08.1944, Михай Антонеску разделил судьбу других близких сотрудников маршала: плен в СССР (сентябрь 1944 – апрель 1946), осуждение и приговор к смертной казни Народным судом (апрель–м ай 1946), приговор был приведен в исполнении 01.06.1946.

2 Не публикуется. Телеграммой № 412 от 15.07.1941 Михай Антонеску просит румынское посольство в Берлине сообщить о позиции немецких политических кругов о: 1) транснистрийских румынах; 2) установлении контроля над немецко-румынской железнодорожной линией Лемберг–Черновцы. АМИД. Фонд 71/Германия. Том 83. С. 122–125.

3 В телеграмме № 41644 от 17.07.1941 румынское посольство в Берлине сообщает Центру в Бухаресте о том, что правительство Германии приказало, чтобы железнодорожная линия Краков–Лембер–Черновцы находилась под полным немецким контролем. АМИД. Фонд 71/Германия. Том 83. С. 127–128.

варительной гарантии того, что от нас не потребуют в обмен на территориальное расширение за счет Украины, отказаться от самого дорогого намерения румынского народа – воссоединение Трансильвании.

Если предложение Германии включало бы территориальные перспективы за рекой Днестр или в Покутии, я считаю, что мы были бы в более выгодной ситуации. Тогда мы, конечно, были бы готовы принять произвольное решение, которое бы, восстанавливая границы Молдовы Александра чел Бун и Дука Водэ, сделало из нашей Страны бастион обороны Западной Европы против азиатских славян, но мы бы подчеркнули, что тем самым мы не отказываемся от нашей цели воссоединения Трансильвании.

БОССИ[4]
128/41662

АМИД. Фонд 71/ Германия. Том 83. С. 145–148, 156–158.

Документ № 2

КОПИЯ доклада нашего Посольства в Берлине № 80532 от 5 августа 1941 года г-ну Михаю Антонеску, заместитель председателя Совета Министров и Министр иностранных дел, зарег. под № 59 241 от 9 августа 1941 года.

Совершенно секретно.
Курьером.

РУМЫНИЯ ВОСТОЧНОЕ ГОСУДАРСТВО?

Г-н Министр,

Становится все яснее, что участие Венгрии в антисоветской войне не было желанной и еще меньше требуемой Рейхом. Не было никакой стратегической необходимости, потому что, несмотря на громкоговорящие сообщения Будапешта, «смелые гонведы» не смогли принять участие в ожесточенных боях, а лишь заняли позиции, оставленные советскими войсками по мере их отступления. Правительство Венгрии могло быть довольным «символическим» отправлением экспедиционного корпуса для участия в антимарксистском крестовом походе, как и другие страны, не имеющие прямых интересов в России.

Но венгры хотели отметить, что они союзническая воюющая страна Германии, что возобновляется старое германо-венгерское «Waffenbruderschaft» (Братство оружия)[5]; это был чисто политический расчет: желание избежать той ситуации, в которой румынская армия была бы единственным «товарищем по войне» немецкой армии в Центральной Европе, и чтобы это военное братство добилось бы для Румынии преобладающего политического положения в Берлине. Ненависть против Румынии является единственным незыблемым принципом политики баланса и неопределенности Венгрии.

[4] Рауль Босси (1894–1975), румынский историк и дипломат. Глава кабинета Министра иностранных дел (июнь 1920), секретарь дипломатической миссии в Риме (с 15.11.1921) политический директор в Совете Министров (с 15.03.1923); секретарь дипломатической миссии в Риме (с 24.03.1926), генеральный секретарь в Верховном регенстве (28.07.1927–07.06.1930), директор кабинета Министра иностранных дел (с 28.04.1931), советник дипломатической миссии в Вене (с 01.11.1931), полномочный посол в Хельсинки (01.02.1934–01.11.1936), полномочный посол в Будапеште (01.11.1936–25.09.1939), полномочный посол в Риме (25.09.1939–15.10.1940), полномочный посол в Берне (16.10.1940–01.03.1941), полномочный посол в Берлине (01.03.1941–15.06.1943), полномочный посол в Копенгагене (11.09.1941–15.06.1943), представитель Красного Креста в Румынии при Международном комитете Красного Креста в Женеве (25.08.1943–15.01.1946). После установления коммунистического режима в Румынии выбирает изгнание, его деятельность в изгнании была поддержана.

[5] Waffenbruderschaft (нем.) – товарищество по оружию.

Было интересно отметить отношение Посольства Венгрии в ходе и в начале кампании против Советского Союза. Министр[6] и Военный Атташе[7] объявляли всем, что гонведы нападут на СССР одновременно с немецкими, румынскими и финскими войсками. Но когда стало ясно, что дни проходят, а гонведы не двигаются из-за колебаний в Будапеште, где рассматривались риски окончательного разрыва с Россией (бывшим союзником в течение одного дня во время арбитражного суда в Вене) и с Англией (о которой говорят, что «проигрывает все бои, за исключением последнего»), должностные лица Венгрии в Берлине казались очень смущенными и даже взволнованными. «Они понимают, – признался высокопоставленный чиновник Вильгельмштрассе, – что отказ с их стороны может принести пользу только румынам». С началом венгерского «наступления» прояснилась и атмосфера соответствующего Посольства.

Теперь венгры считают себя в безопасности от самой большой угрозы: потеря несправедливо приобретенных территорий от своих соседей и особенно Северной Трансильвании. Они заявляют, что союзнице в войне Германия не может навязать территориальных жертв, а наоборот должна с ней поделиться завоеванием. А они хотят завоевать Западный Банат и Южную Трансильванию. Если они распространили слухи, что могут претендовать на Покутию, временно оккупированную своими войсками, это только, чтобы иметь запасную часть, чтобы обеспечить достижение их целей в ущерб нашим интересам.

Но принцип, согласно которому никто не может отнять территорий от братского народа по оружию, играет против венгров, особенно с учетом действий и жертв румынской армии и населения в антибольшевистской войне, которые были неизмеримо больше, чем у венгров. Поэтому Будапешт в поисках формулы, которую можно представить в Берлине и достичь цели – восстановления венгерского ига в полной мере над Ардялом и Банатом без явного удара по румынскому народу. Поскольку немцы рассматриваются в Будапеште как догматики, которые ценят «научные теории», применительно к движущейся сфере политики, была разработана очень странная «теория»: истинная суть Румынии не в Центральной Европе, а на Востоке. Поэтому Румыния не должна стремиться стать государством Центральной Европы, а Восточным государством, «ein Oststaat».

Последствия были бы следующими: границы Румынии простирались бы как можно дальше на восток и северо-восток, через реку Днестр, а может и Буг. Она бы присоединила к себе Покутию. На бесконечной равнине Подолии были бы изгнаны все коренные народы этих краев: русинский, русский, еврейский. Эти края после вынужденной эмиграции были бы заселены румынами из Трансильвании и Баната, а эти две провинции были бы «воссоединены» под Короной Св. Штефана! В любом случае, предполагалось провести перенаселение, хотя и в менее широком масштабе, румын из Ардяла и Баната на новых землях, завоеванных у русских, потому что венгры, будучи уверенными в приобретении западного Баната и линии Муреша (в том числе Арад, место рождения г-жи Хорти[8]!), считали желательным выведение этнических румын вовремя из этих регионах! Будут ли эти планы Венгрии одобрены в кругах немецкого правительства, конечно, еще предстоит увидеть!

Румыния, Восточное государство? Если румынский народ является по происхождению и душой западным и имеет свою колыбель на плато Трансильвании, если все взгляды и стремления направлены к Западу? Даже если согласиться, что фантастическая теория переселения миллионов румын из Карпат в русские степи реализуема с практической точки

[6] Стояи Дёме (Sztójay Döme, 1883–1946), военный, дипломат и политик. Полномочный посол Венгрии в Берлине (1935–1944). Председатель Венгерского Совета Министров (март–август 1944), глава марионеточного пронемецкого правительства. В рамках его мандата произошли геттоизация и последующая депортация большинства еврейского населения в Венгрии. Приговорен к смертной казни и казнен в 1946 г.

[7] Хомлок Шандор (Homlok Sándor, 1892-1963), венгерский военный, генерал-лейтенант. После Второй мировой войны присоединился к национальной армии во главе с адмиралом Миклошем Хорти (Horthy Miklós). До 1921 г. работает в военном кабинете регента Миклоша Хорти; военный атташе в Париже (1927–1934), руководитель 5-й дивизии венгерского генерального штаба (1935–1940), в качестве которого он руководил деятельностью полувоенных формирований, например «Гвардией оборванных»; военный атташе в Берлине (1940–1944). После войны эмигрировал в США.

[8] Магдолна Хорти (Horthy Magdolna, урожденная Purgly) – место рождения: местность Шофроня, уезд Арад – (1881–1959), супруга регента Венгрии, адмирала Миклоша Хорти. Женаты с 1901 г. У них было четверо детей: Магдолна (1902), Паула (1903), Иштван (1904) и Миклош (1907).

зрения, можно ли себе представить, чтобы европейский и западный народ покинул свое жилье, чтобы освободить место для народа азиатского происхождения? Представление такой теории уже вызывает осуждение. Даже если я позволяю себе говорить о ней, это только потому, что, к моему удивлению, я обнаружил в различных кругах, и даже у некоторых должностных лиц Министерства иностранных дел Германии, тенденцию одобрять формулу «Rumänien-Oststaat» в качестве возможного и привлекательного решения столетнего румыно-венгерского конфликта.

Даже среди тех, кто понимает все безумие идеи трансплантации румын, иногда встречаю убеждение, что «центр тяжести румынского государства должен двигаться на Восток» и что Трансильвания и Банат могли бы стать независимым или самостоятельным государством под руководством немецкого правительства. Мне сказали, что сегодняшний нелогический раздел тех провинций не состоится, а румыны и венгры предпочли такое решение отказа от их земель в интересах другого народа. Чтобы это стало более приемлемым, можно предусмотреть, что после какого-нибудь срока, десять лет например, мнение народа могло быть узнано путем плебисцита о желательном окончательном режиме: продолжение автономной администрации, в основном немецкой, или присоединение к одному из двух периферийных государств. То, что этот старый идеал Саксонов и Швабов не проигнорирован немецким правительством, очевидно в Западном Банате, где все руководящие должности по-прежнему отданы исключительно Швабам.

Из вышесказанного не могу сказать, что произошло смещение центра тяжести нашего государства на Восток или что в обмен на увеличение территории на Восток от нас потребовали бы территориальных жертв на Западе.

Но когда встречаем слишком много доброй воли касательно наших стремлений на Восток и воздержания что касается наших прав на Западе, появление некоторой озабоченности в наших сердцах естественно.

Когда идеи, такие как вышеизложенные, обсуждаются в кругах Министерства иностранных дел (см. мое телеграфное сообщение № 41662 от 19 июля[9]), а также в прессе (напоминаю мое телеграфное сообщение № 41698 от 30 июля[10] о том, что доклад Посольства из Будапешта № 5184 от 22 июля[11] приложен к сведению министерства № 56914 от 31 июля[12]), считаю, что мы можем поднять этот вопрос серьезно, чтобы показать, что мы не хотим отказаться от места и роли, возложенной на нас историей и географическим расположением румынских поселений.

Г-н Министр, мое самое высокое почтение.

(сс) Р. БОССИ

АМИД. Фонд 71/Германия. Том 83. С. 274–279.

[9] См. предыдущий документ.

[10] В телеграмме № 41698 от 30.07.1941 румынское посольство в Берлине сообщает, что газета «Westdeutscher Beobachter» в Кельне опубликовала статью под названием «Бессарабия вновь румынская», в которой утверждала, что: 1) освобождение Бессарабии и Северной Буковины утешит Румынию в потере Северной Трансильвании; 2) решение территориального конфликта между Румынией и Венгрией в переселении румынского населения Трансильвании в Бессарабию и Буковину

[11] Не был найден среди исследуемых документов.

[12] Не был найден среди исследуемых документов.

Документ № 3

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Доклад зарег. под № 59241[13]

Об этом докладе говорится в телеграмме Г-н Босси, Берлин. Уже почти три недели, как я сообщил о беседе с Д. Киллингером[14], когда я говорил с ним о переходе румынских войск через Днестр. Я заявил ему буквально следующее: Мы переходим реку, чтобы очистить и укрепить границу, чтобы защитить румынское население в Транснистрии. Мы сохраним оккупационный режим в румынской зоне пока нам не станет известна формула организации России[15]. Тогда мы сообщим нашу окончательную территориальную точку зрения. До тех пор наступление на Восток не имеет никакого отношения к Западу. Мы требовали и требуем рассмотреть ситуацию 1940 года. Румынский народ не без корней. Для него Карпаты – это крепость всего румынского народа, и он будет воевать против любого или с кем-либо, чтобы восстановить права на Трансильванию. Я хочу, чтобы это было известно г-ну фон Риббентропу[16], поскольку венгерская пропаганда стремится создать атмосферу вокруг некоторых передвижений расового порядка как точка зрения Клауса[17]. Румыны не являются народом переселения, Трансильванию невозможно забыть.

Г-н Киллингер сказал мне: selbstverständig[18].

Прошу держать меня в известности обо всем, что говорится в этой связи в Берлине.

Я отправлю статьи из прессы.

М.[ихай] А.[нтонеску]

АМИД. Фонд 71/Германия. Том 83. С. 273.

---

[13] См. предыдущий документ.

[14] Манфред, барон фон Киллингер (1886–1944), военный, немецкий политик и дипломат. Член NSDAP (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия) (с 01.05.1928), член SA (Штурмовые отряды) (с 01.05.1928), Obergruppenführer SA (с февраля 1933), член парламента земли Саксония (1928–1933), комиссар Рейха в Саксонии (10.03–06.05.1933), председатель Совета Министров в Саксонии (06.05.1933–28.02.1935), член Народного Суда (1935). В апреле 1937 г. чиновник дипломатической службы, генеральный консул в Сан-Франциско (июнь 1937 – февраль 1939), отозван в Министерство иностранных дел, назначен на должность полномочного посла (с 04.20.1939), начальник отдела кадров и администрации (май 1939 – июль 1940), полномочный посол в Словакии (21.07.1940–21.01.1941), полномочный посол в Румынии (24.01.1941–23.08.1944). Покончил жизнь самоубийством в здании немецкого посольства в Бухаресте 02.09.1944.

[15] Разговор, на который ссылается Михай Антонеску, состоялся 25.07.1941. См. заметку о разговоре 25 июля 1941 г. г-на Михая Антонеску, министра иностранных дел, с министром Германии в Председательстве Совета. АМИД. Фонд 71/Германия. Том 83. С. 194–195.

[16] Иоахим фон Риббентроп (1893–1946), немецкий политик и дипломат. Участник Первой мировой войны, член NSDAP – № 1199927 (август 1932), член СС (май 1933), чрезвычайный и полномочный посол (с 01.06.1935), посол в Лондоне (июль 1936 – февраль 1938), министр иностранных дел (04.02.1938–08.05.1945). Основной переговорщик Германии, подписал пакт Молотова-Риббентропа 23.08.1939, который спровоцировал начало Второй мировой войны. Военный преступник, был осужден и приговорен к смертной казни Нюрнбергским международным военным трибуналом.

[17] Людвиг Фердинанд Клаус (1892–1974), немецкий психолог и психоантрополог. Автор работ и исследований о расах с культурной, а не биологической точки зрения. Из-за его отказа исследовать расы с политической точки зрения в Третьем Рейхе, в 1942 г. национал-социалистский режим запретил его практику.

[18] Ошибка. Относится к немецкому термину «selbstverständlich», что в переводе означает: естественно, конечно, никаких сомнений.

Документ № 4

ГОСПОДИНУ МИНИСТРУ
МИХАЮ АНТОНЕСКУ
ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ

БУХАРЕСТ

I. Сообщи Министру внутренних дел, что освобождение евреев из лагеря было большой ошибкой.

Там находились самые опасные элементы, богатые или бедные, которые приводят к экономической и особенно моральной дестабилизации и запугиванию за спиной.

Те, которые вернулись обратно из Молдовы, стали очень нахальными.

Солдаты после фронта очень рискуют быть ранеными или убитыми из-за еврейских комиссаров, которые с дьявольским упорством толкают русских сзади револьвером к смерти.

Прошу решить и этот вопрос.

Все евреи должны быть приведены в лагеря, желательно в те из Бессарабии, потому что оттуда я подтолкну их в Транснистрию, как только решу текущие вопросы.

Все должны понять, что мы боремся не со славянами, а с евреями.

Это борьба не на жизнь, а на смерть.

Или победим мы, и мир будет очищен, или победят они, и мы станем их рабами. В Тирасполе евреев носили в римских повозках, которые должны были быть открытыми, чтобы их узнавали, когда проходили мимо них.

Наши молдаване служили им только ради пищи.

Так что устроить их внутри будет слабостью, которая может подорвать нашу победу.

В Кишиневе были обнаружены подвалы их секретной полиции с похороненными трупами.

Большинство были проклятые бессарабяне, которые 20 лет боролись за свои идеи, а не за идеи Румынского Государства.

Бог наказал их строже, чем они того заслуживали.

Вот что нас ждет, если мы не победим.

Чтобы победить, мы должны иметь твердую позицию. Этого зверя невозможно приручить.

Все политики использовали их, чтобы разбогатеть и управлять.

На самом деле евреи использовали бесполезных, чтобы уничтожить народ.

Это должны знать все.

Не экономическая составляющая преобладает в таких моментах, а сама жизнь нации.

Она не зависит от процветающих дел некоторых, а от победы всех против Сатаны.

И война в целом, и бои в Одессе, в частности, доказали, что Сатана – это евреи.

Они и только они ведут славян, как стадо быков, и приводят их к смерти, стреляя последним патроном.

Отсюда и наши огромные потери.

Если не было бы еврейских комиссаров, мы давно были бы в Одессе.

На самом деле полное уничтожение зоны, освобожденной врагом, и жертвы народа без каких-либо угрызений совести доказывают, что нынешние лидеры ничего общего со Страной не имеют, иначе они не поступали, так как поступают.

У настоящего патриота болит сердце за общее благо, даже если его оставляют.

II. Из-за трудного передвижения, не могу эвакуировать раненых, а здесь слишком много людей, что способствовало, вопреки тому, что произошло до сих пор, плохому размещению и уходу.

Реквизируй у евреев из Бухареста, Черновцах, Романа и т.д. шерстяные одеяла, шерстяные матрасы, постельное белье, подушки и отправь их сюда как можно быстрее.

Чтобы евреи тоже спали на соломе.

Также нужны врачи и женщины от Красного Креста или Покровительства.

МАРШАЛ АНТОНЕСКУ[19]

ЦНИА. Фонд ПСВ-ВК. Дело № 170/1941. С. 61–63;
Jean Ancel. Transnistria. Vol. I. P. 317–319.

Документ № 5

№ 75566/2190
14 октября 1941

ЗАШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА.

Посольство в Вашингтоне.

Следите внимательно за всей венгерской пропагандой.

Вам отправят материал для контрпропаганды.

По некоторым данным, будет попытка провести антирумынскую пропаганду со стороны евреев, с фотографиями, зверскими действиями, совершенными в Молдове, Буковине и Бессарабии.

Я отправлю Вам фотографии, показывающие поведение евреев в Бессарабии и Буковине, преступления и нападения на нашу армию, солидарность с Россией и большевизмом в следующем году.

Поставьте меня в известность, если будет поставлен вопрос о том, что румынское правительство провело некоторые реформы имущественного характера, отчуждения имущество евреев, чтобы улучшить ситуацию бедной румынской буржуазии, которая сейчас под угрозой, чтобы восстановить баланс, поскольку евреи в последние два десятилетия прибрали к рукам слишком много недвижимости.

В Румынии не предпринимается никаких мер преследования и погромов, как сообщалось, и Правительство организует ряд мер в целях достижения экономического равновесия.

Что касается отношений с Венгрией, получите документы о венгерских зверствах, жертвами которых было румынское население из Северной Трансильвании (убийства, избиения, гонения и т.д.), венгерское насилие дошло до исключения румын из школ и разрушения румынских церквей на оккупированной территории.

В последние месяцы отчуждается даже собственность крестьян, владельцев земель, румынское население беднеет.

Поскольку Венгерское Королевское Правительство своим односторонним и подтвержденным желанием не соблюдало положений Венского акта, несмотря на то, что этим актом и международным торгом Венгрия получила бы незаслуженные территории, это правительство заставило бы нас объявить недействительным Венский акт, сообщив двумя меморандумами,

[19] Ион Антонеску (1882–1946), румынский военный и политик. Глава Генерального Штаба (1933–1934), министр национальной обороны (1938), Председатель Совета Министров и глава Румынского Государства (06.09.1940–23.08.1944), командующий военной группой «Генерал Антонеску» (22.06–17.07.1941). Арестован 23 августа 1944 г. за отказ заключить перемирие с Объединенными Нациями, сдан советской власти в начале сентября. Был заключенным в СССР (сентябрь 1944 – апрель 1946), возвращается на родину, осужден и приговорен к смертной казни так называемым Народным судом. Расстрелян в Жилаве 01.06.1946. Генерал Армейского Корпуса (1940); генерал армии (с 1941); маршал (с 21.08.1941).

в Риме и Берлине, о намерении Румынского Королевского Правительства повременить с последствиями этого решения.

В то же время, мы перешли к ответным действиям и репрессиям, являющимися единственными средствами, которыми можем защитить жизнь и духовную свободу румын из оккупированной Трансильвании.

Сообщите обо всех темах венгерской пропаганды.

А также о последних тенденциях Америки в отношении войны и России.

МИХАЙ АНТОНЕСКУ

АМИД. Фонд Проблема 33. Том 10. С. 171–172.

Документ № 6

Г О Р У Н[20]
Генеральный Штаб
Бюро 2
СЕКРЕТНО

№ 14.420 от 18 октября 1941
Г О Р У Н
к
....

УКАЗАНИЯ ПО
ОРГАНИЗАЦИИ, РАСПРЕДЕЛЕНИЮ И ЭВАКУАЦИИ ЕВРЕЕВ ИЗ ОДЕССЫ В ГЕТТО

Чтобы выполнить приказ Вранча[21], был создан временный лагерь гетто для евреев из Одессы.

Место гетто, созданного Преторской службой, устанавливается, начиная с сегодняшнего дня 18 октября 16 часов, в Одесской Тюрьме на улице Фонтанская дорога.

Зона распределения евреев находится между этой улицей и до моря – ограниченный район к западу от шоссе Фонтанская дорога клетка 5–8 плана г. Одесса, сектор Полковника Паула Алексиу.

Все евреи независимо от пола и возраста будут эвакуированы из секторов, со всей семьей, дети, женщины, мужчины, которые перед уходом из дома возьмут с собой необходимые продукты питания и постельные принадлежности.

Мебели не будет.

Организацией питания и приготовлением пищи займутся представители гетто, имеющие полномочия Военного Командования гетто лейтенанта Алекториде[22].

Сами представители гетто будут иметь разрешение на въезд в город.

Сектора дадут точное распоряжение батальонам (дивизиям) принять меры, чтобы при эвакуации евреев из домов предотвратить грабежи или пытки, они будут направлены непосредственно в Преторскую Службу по улице Энгельса в парке Шевченко.

Если в Преторской Службе будет слишком много евреев, в тот же день они будут направлены непосредственно за приказом претора в гетто-тюрьмы, где их распределят.

[20] Зашифрованный позывной 10-й пехотной дивизии.
[21] Зашифрованный позывной 4-й румынской армии.
[22] Ошибка. Относится к Теодору Г. Алектородичу (1903–?), румынский офицер запаса. Лейтенант запаса (с 06.01.1938). Командующий гетто Одессы (1941).

Преторская Служба откроет реестр для всех евреев, интернированных в лагере, сообщая командованию дивизии ежедневно в 19 часов о численной ситуации (мужчины, женщины, дети, интернированные в лагере).

ВТОРОЙ КОМАНДИР ГОРУН	Начальник Главного Штаба
ГЕНЕРАЛ	Подполковник
К. Трестиоряну[23]	К. Митулеску[24]

РВАП. Фонд 2273-10-я пехотная дивизия. Дело № 830. С. 444.

Документ № 7

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ
ВОЕННЫЙ КАБИНЕТ

ТЕЛЕГРАММА

ВРАНЧА,

Г-н маршал приказывает немедленно сообщить о подробностях по мере их поступления и о событиях в Одессе в Военном Командовании Одессы и Горуне.

Кроме того, необходимо принять строгие репрессивные меры.

Глава Военного Кабинета
Полковник

Р. Давидеску[25]

*) Аннотация: «Председ[ательство] Сов[ета] Министров №561. 22.X.941 Експ. сс. неразборчиво; 22/10 20.20 сс. неразборчиво; М. 3154/М. 22. окт[ября].1941».

ЦНИА. Фонд ПСВ-ВК. Доклад № 104/1941. С. 4.

[23] Константин Трестиоряну (1891–1983), румынский военный. Второй командующий 10-й пехотной дивизией (10.01–10.12.1941); командующий артиллерией 2-го армейского корпуса Одессы (10.12.1941–01.08.1942); командующий 7-й пехотной дивизии (01.08.1942–20.03.1943); командующий 10-й пехотной дивизии (05.10.1943–20.10.1944). Арестован в октябре 1944 г., был обвинен в принятии мер в отношении еврейского населения Одессы и приговорен к смерти Народным судом в мае 1945 г. Приговор был позже заменен на пожизненное заключение, освобожден в 1956 г. Подполковник (с 10.05.1929); полковник (с 10.05.1934); бригадный генерал (с 10.05.1941).

[24] Критодор Н. Митулеску (1895–?), румынский военный. Командующий Генеральным Штабом 10-й пехотной дивизии в 1941 г. в городе Айуд. Капитан (с 01.04.1920); майор (с 01.04.1932); подполковник (с 01.06.1938).

[25] Раду Давидеску (1896–?), румынский военный. Военный атташе в Будапеште и Братиславе (1939–1941); глава Военного кабинета главы государства (август 1941 – 23.08.1944). После войны был арестован коммунистическими властями и содержался под стражей в тюрьме Жилавы. Майор (с 10.05.1929); подполковник (с 01.01.1937); полковник (с 08.06.1940).

Документ № 8

ОТРЯД СРС (СЕКРЕТНАЯ РАЗВЕДОВАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА) ОДЕССЫ

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ № 200

22 октября1941

22 октября в 18 часов было взорвано здание Военного Командования в Одессе, бывшее здание НКВД на улице Энгельса, напротив парка Шевченко. В настоящее время ведутся работы по очистке земли и идентификации жертв из-под завалов.

Из первых расследований ясно, что здание было заминировано по случаю эвакуации города советскими войсками, с использованием большого количества взрывчатых веществ, которые, возможно, были введены в действие на расстоянии электрическим устройством.

Хотя до оккупации в помещениях ВКО и позже, после того как Командование было предупреждено, были проведены работы по расследованию и разминированию, устройство было так хорошо замаскировано, что оно не могло быть найдено.

В городе все еще продолжаются пожары, сопровождающиеся взрывами на различных предприятиях, учреждениях, магазинах и складах, действия, которые, по всей видимости, были спланированы заранее, с целью поддержать состояние неопределенности и сеять панику среди войска и населения.

Все эти теракты осуществляются партизанскими организациями, состоящими в основном из евреев, оставшимися на задании в местности, скрывающимися в катакомбах города и в разных зданиях.

Мы располагаем информацией, согласно которой в Одессе много зданий заминированы и будут взорваны. Трудно проверить эти сведения, и в то же время они оказываются достоверными, особенно что качается зданий, которые будут заняты командованием и органами власти, также известно, что разные общественные организации планируют нападения на офицеров и должностных лиц Румынии и Германии. Необходимо принять немедленные и крайне жесткие меры:

– Немедленные масштабные репрессии путем уничтожения всех элементов, оставшихся на задании, подавление членов НКВД, членов коммунистической партии и всех евреев в городе.

– Арестованные члены всех семей в городе, мужчины и женщины, должны быть публично казнены без суда, как ответственные за любые теракты, которые будут иметь место. Это должно быть известно населению путем размещения крупных афиш.

– Незамедлительный обыск катакомб, которые предлагают много возможностей для проживания и укрытия банд террористов, партизан, остатков подразделений, которые не могли быть эвакуированы и т.д., имея достаточно средств для питания и обслуживания в течение длительного времени. Поскольку эти операции очень сложны при выполнении, мы полагаем, что единственной возможностью очистить их является использование сильнодействующего слезоточивого газа, заставляющего оккупантов эвакуироваться. Химические вещества, используемые в этих целях, были указаны нами в Сообщении № 199 21.X.1941, они находятся в достаточном количестве в катакомбах в области Заставы № 1, рядом с аэропортом.

– Необходимо проверить водопровод и канализацию, которые могут преподнести неожиданные сюрпризы, поскольку мы располагаем сведениями, что не исключено их минирование.

– Надо тщательно проверить все внутренние электрические схемы, снять все ненужные производные и схемы на местах.

Для выполнения этих операций считаем необходимым эвакуировать за пределы города все штаб-квартиры и общественные учреждения до полной чистки и проверки всех зданий и катакомб.

Хотя предлагаемые меры кажутся слишком жесткими по отношению к населению, все-таки они абсолютно необходимы и являются единственными в состоянии справиться с деструктивными намерениями, с которыми выросли и были воспитаны эти элементы.

Сообщение:
– Губернаторство Транснистрия
– Одесское Военное Командование
– Префектура Одесской Полиции
– СРС Эшелон 1

ЦНИА. Фонд ПСВ-ВК. Дело № 407/1941. С. 15–16.

Документ № 9

22.X.1941 время 23.25

IV-я АРМИЯ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУ СОВЕТА МИНИСТРОВ
Военный Кабинет

Приказ № 3154 от 22.X.1941;

До 20.40 часов Генерал Глогожану[26] Военного Командования Одессы не был найден, вероятно, он находится под обломками.

Число погибших и раненых не может быть установлено. Спасательные работы продолжаются.

В здании, занимаемом Командованием, была взорвана центральная часть и правое крыло.

Войска в Одессе находятся на своих местах в состоянии боевой готовности.

До 22 часов не произошел никакой другой взрыв или событие другого характера.

Для проведения спасательных работ были приняты меры, соответствующие событиям. В Одессу были отправлены: Генерал Мачич[27], Командир С.2.А. Заместитель командующего Генерального Штаба 4-й армии, глава 2-й части 4-й армии, командир связи 4-й армии с командами, необходимыми для немедленного восстановления связи.

В качестве репрессивных мер и примера населению было принято решение повесить на общественных площадях подозреваемых евреев и коммунистов.

КОМАНДУЮЩИЙ 4-й АРМИЕЙ
ГЕНЕРАЛ АДЪЮТАНТ АРМЕЙСКОГО КОРПУСА
/сс/ И. Якобич[28]

№ 302.827
22.X.1941

[26] Ион Глогожану (1888–1941), румынский военный. Командующий 10-й пехотной дивизии (03.06.1941–22.10.1941); военный командующий г. Одесса (17.10–22.10.1941). После оккупации Одессы 16.10.1941, генерал Глогожану перенес свое управление в бывшую штаб-квартиру НКВД, хотя существовали сведения о минировании здания. Его бездыханное тело было найдено под завалами 23.10.1941, был похоронен два дня спустя в парке Шевченко. Лейтенант-полковник (1926); полковник (1933); бригадный генерал (1939); посмертно генерал-майор (1941).

[27] Николае Мачич (1886–1950), румынский военный. Командующий 2-м армейским корпусом (10.09.1940–08.11.1941), командующий 1-й армии (08.11.1941–12.02.1945). Представитель для поддержания порядка в октябре 1941 г. в Одессе, принял участие в репрессиях против еврейского населения. В конце Второй мировой войны был арестован, осужден и приговорен к смертной казни (22.05.1945) Народным судом за «разгром страны военными преступлениями». Приговор был позже заменен на пожизненную каторгу. Умер в городе Айуд после заключения в тюрьме в Жилаве и Думбрэвень.

[28] Иосиф Якобич (1884–1952), румынский военный. После окончания Высшей Военной Школы в Вене (1910) зачислен в австро-венгерскую армию, участвует в Первой мировой войне. Зачислен в румынскую армию в 1918 г., министр национальной обороны (27.01–22.09.1941), командующий 4-й армии (09.09–08.11.1941), глава Генерального Штаба (22.09.1941–17.01.1942). В январе 1942 г. разгорелся конфликт с маршалом Ионом Антонеску касательно числа больших частей, которые должны были быть направлены на восточный фронт, был отстранен от должности главы Генерального Штаба. Осужден коммунистическими властями в 1949 г. к 8 годам лишения свободы, умер в тюрьме города Айуда. Бригадный генерал (с 10.05.1931); генерал дивизии (с 12.24.1937); генерал армейского корпуса (с 06.06.1940).

ЦНИА. Фонд ПСВ-ВК. Дело № 104/1941. С. 7.

Документ № 10

23.X.1941 время 2.30

4-я АРМИЯ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУ СОВЕТА МИНИСТРОВ
Военный Кабинет

Доклад № 302 827 от 22.X.1941;

1) В 23.30 часов были приостановлены спасательные работы из-за стены, которая может обрушиться. Продолжаются лишь безопасные работы.

Завтра на рассвете эта стена будет снесена и спасательные работы будут возобновлены.

2) По состоянию на 23.30 часов имеются следующие потери: 35 раненых и 25 погибших – часть офицеры.

До сих пор не найдены: генерал Глогожану, полковник Ионеску Мангу[29], командир Бардеску[30], командир Шмидт[31], полковник Бэдулеску Григоре[32], подполковник Манеску Штефан[33], подполковник Давила[34] и другие офицеры низшего звания.

3) До 1.30 час нового взрыва не произошло, в городе тишина.

4). Взорванное здание было разминировано немцами и румынскими офицерами и только после это было занято.

5). Я назначил генерала Гинерару Н.[35] временным командующим 10-й дивизии.

КОМАНДУЮЩИЙ 4-й АРМИЕЙ
ГЕНЕРАЛ АДЪЮТАНТ АРМЕЙСКОГО КОРПУСА
/сс/ И. Якобич

№ 302.840
23.X.1941

ЦНИА. Фонд ПСВ-ВК. Дело № 104/1941. С. 8.

29 Иоан Ионеску-Мангу (1891–1941), румынский военный. Начальник штаба 10-й пехотной дивизии. Майор (с 01.04.1920); подполковник (с 10.05.1931); полковник (с 01.04.1937).

30 Не был найден.

31 Эрнест Фриц Герварт Шмидт (1889–1941), немецкий военный. Командующий морской обороной Украины (01.08–22.10.1941); заместитель командующего Одесского порта (16-22.10.1941); капитан корвета (с 15.05.1934); капитан фрегата (с 01.11.1935); командор (с 20.04.1941).

32 Не был найден.

33 Не был найден.

34 Не был найден.

35 Николае Гинерару (1888–1969), румынский военный. Командир 1-й бригады укреплений (март 1940 – 22.10.1941); командующий 10-й пехотной дивизии (23.10–08.11.1941); командующий 2-й пехотной дивизии (08.11.1941–01.07.1942); командир 1-й мобильной группы (01.07.1942–04.04.1943); префект Ботошанского уезда (05.04.1943–01.05.1944). 31.10.1944 был арестован за злоупотребление, совершенных в качестве командующего 10-й пехотной дивизией, был приговорен к 20 годам тюремного заключения и 10 годам поражения в правах. Освобожден в 1956 г. Подполковник (с 01.07.1927); полковник (с 01.01.1934); бригадный генерал (с 25.10.1939).

Документ № 11

HUGUES

ВОЕННЫЙ КАБИНЕТ
ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА
к

ВРАНЧА 1

После событий с Военным Командованием в Одессе 22 октября текущего года Маршал приказывает:

1) Эвакуировать военные командования и общественные учреждения Одессы за пределы города или в городские здания, которые были предварительно проверены и разминированы специальными службами.

Выбрать изолированные одноэтажные дома, которые можно полностью проверить и надежно охранять.

2) Вернуться к методичным проверкам жилых помещений, уделяя особое внимание важным зданиям и тем, в которых размещались командования или власти врага.

До полного разминирования зданий не размещать командования в зданиях, где работали большевистские власти.

3) Г-н маршал Антонеску приказывает докладывать, кто является ответственным за неисполнение приказа Главного Командования № 3016 от 16 октября 1941 года и приказа № 3092 от 16 октября 1941 года Командования Вранча[36].

4) Поскольку я почти уверен, что событие в Одессе было спланировано местными коммунистами, в целях предупреждения в будущем таких действий г-н маршал приказывает принять жесткие репрессивные меры:

а) За каждого румынского или немецкого офицера, погибшего в результате взрыва, казнить 200 коммунистов.

За каждого убитого солдата –100 коммунистов.

Казни состоятся сегодня.

б) Будут взяты в плен все коммунисты Одессы, а также по одному члену из каждой еврейской семьи.

Им и их семьям сообщат о приказанных репрессиях вследствие совершенного теракта и что в случае повторного теракта будут казнены все.

в) Принятые меры будут опубликованы и афишированы в Одессе и в окрестностях города сегодня утром.

ГЛАВА ВОЕННОГО КАБИНЕТА
Полковник
Р. Давидеску

№…..от 23. окт. 1941
Время…

ЦНИА. Фонд ПСВ-ВК. Дело № 104/1941. С. 5–6.

[36] Не были найдены среди исследуемых документов.

Документ № 12

КОНТРИНФОРМАЦИОННЫЙ ДОКЛАД №. 3
По состоянию на 23.X.1941

I. Настроение офицеров, сержантов и войск:
– очень хорошее
II. Настроение гражданского населения:
– некоммунистическое христианское население кажется довольным, но озабоченным отсутствием работы и питания
III. Пленные: – гражданские......354
IV. Депортированные в гетто евреи:
– мужчины ...1070
– женщины ...267
– дети 2
V. Террористические и диверсионные действия:
– в секторе отсутствуют
VI. Разное:
– после теракта в здании Военного Командования, согласно приказам высших должностных лиц, были расстреляны 72 еврея и коммуниста.

КОМАНДИР 33-й ЧАСТИ ДОРОБАНЦЬ
Полковник
К. Йордэкеску[37]

РВАП. Фонд 2273-10-я пехотная дивизия. Дело № 830. С. 461.

Документ № 13

18 ноября1941

ЗАШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Посольство в Вашингтоне

Прошу опровергнуть телеграмму о преследовании евреев.

В Одессе произошел серьезный взрыв в здании Военного Командования, в результате которого погибли главнокомандующий Одессы, некоторые генералы, полковники и старшие административные должностные лица.

В результате и для предотвращения взрывов были казнены заключенные.

Однако это не было массовым убийством, как было сообщено ранее.

Также, по отношению к евреем старого Королевства не будет применен никакой жесткий режим.

Напротив, я работаю над документом, который урегулирует правовое положение евреев и впредь предотвратит любую интерпретацию или другие нападения на нас.

[37] Константин Йордэкеску (1893–?), румынский военный. Командующий 33-го пехотного полка (10.07.1941–10.07.1942); командующий 10-й пехотной дивизией (10.07.1942–04.04.1944); глава 102-го горного командования (04.04–15.09.1944); командующий 2-й горной дивизией (15.09.1944–12.05.1945). Подполковник (с 15.04.1933); полковник (с 24.01.1938); бригадный генерал (с 23.03.1943); генерал дивизии (с 1945).

Я отправлю копию сообщения на имя Министра Соединенных Штатов в Бухаресте[38] в ответ на две дипломатические ноты, преувеличившие небольшие локальные инциденты, и укажу в заключение на трудности выполнения миссии в Румынии, в то время как Г-н Гюнтер пользовался и пользуется широким вниманием со стороны правительства и даже главы государства.

Настаивайте на том факте, что Румыния до сих относилась с большим уважением к США и что она понесла серьезные потери, блокировавшие ее запасные военные силы и суд.

МИХАЙ АНТОНЕСКУ

АМИД. Фонд Проблема 33. Том 10. С. 205.

Документ № 14

Отдел шифрования № 29.709 от 28.XII.1941, время ...

Телеграмма

Карпаты[39] 28.XII.1941 время 14.30

СЕКРЕТНО

Председательство Совета Министров сообщает под № 326/1941.

Г-н маршал Антонеску распорядился, чтобы все евреи из Одессы были немедленно эвакуированы из города, поскольку из-за сопротивления СЕВАСТОПОЛЯ и недостатка военных сил там нам могут сделать неприятный сюрприз.

Возможна даже катастрофа из-за этих евреев в случае высадки русских в Одессе или в соседнем регионе.

Господин маршал Антонеску сказал: «Держать их там было преступлением. Я не хочу запятнать мою репутацию этой недальновидностью».

Прошу немедленно связаться с Губернаторством Транснистрия, сообщите о вышеизложенном и сотрудничайте для немедленного исполнения приказа г-на маршала.

Докладывайте о принятых мерах.

Подтвердите получение.

Командующий Штаб-квартирой Армии № 45800/С от 28.XII.1941
Генерал Тэтэрану[40]

для соответствия
Начальник Отдела шифрования
Капитан Константинеску[41]

[38] Франклин Мотт Гунтер (1885–1941), американский дипломат. Главный секретарь посольства в Токио (1907–1908), секретарь дипломатической миссии в Париже (1909–1910), секретарь дипломатической миссии в Манагуа (1911–1912), секретарь дипломатической миссии в Лиссабоне (1912), секретарь дипломатической миссии в Рио-де-Жанейро (1912–1914), секретарь дипломатической миссии (секретарь посольства 17.04.1915) в посольстве в Лондоне (1914–1919), секретарь дипломатической миссии в Гааге (1919–1920), советник посольства в Риме (1920–1924), отозван Государственным департаментом (1924–1928), полномочный посол в Египте (1928–1930), президент Американского института иранского искусства и археологии (1930–1937), полномочный посол в Румынии (31.07.1937–12.12.1941). Был одним из дипломатов, аккредитованных в столице Румынии и решительно осудившим антисемитскую политику, проводимую режимом Антонеску.

[39] Зашифрованный позывной Генерального Штаба.

[40] Николае Тэтэнару (1890–1953), румынский военный. Заместитель начальника Генерального Штаба (22.06–09.09.1941); глава Генерального Штаба 4-й армии (09.09–30.10.1941); заместитель начальника Генерального Штаба (01.11.1941–20.07.1942); командующий 20-й пехотной дивизии (20.07.1942–14.01.1943); работает в Военном министерстве (14.01–01.10.1943, 28.09.1944–23.03.1945); командующий 6-м армейским корпусом (23.08–28.09.1944). Полковник (с 1933); бригадный генерал (с 1939); генерал дивизии (с 1942).

[41] Не найден.

*) Аннотация: «28.XII.1941 Будет отправлена копия Губернаторству и будет отдан приказ С.2.А. связаться с гражданскими властями с целью выполнения этого приказа. сс. Неразборчиво».

РВАП. Фонд 25 - 3-я Армия. Дело № 452. С. 2.

Документ № 15

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ АРМИЕЙ
ДЕПАРТАМЕНТ ГРАЖДАНСКОГО ГУБЕРНАТОРА
ТРАНСНИСТРИИ

СЕКРЕТНО

КОМАНДОВАНИЕ 3-й АРМИЕЙ

00139 03 ЯНВ. 1942

Имеем честь представить Вам в приложении копию распоряжения № 35 Губернаторством об эвакуации евреев из муниципия Одесса и его окрестностей и указания к его применению, любезно прошу Вас принять это к сведению.

ГУБЕРНАТОР
сс. Георге Алексиану[42]

ДИРЕКТОР
сс. неразборчиво

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ АРМИЕЙ
ДЕПАРТАМЕНТ ГРАЖДАНСКОГО ГУБЕРНАТОРА
ТРАНСНИСТРИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 35.

Мы, ИОН АНТОНЕСКУ, Маршал Румынии, Главнокомандующий Армией;

Через Профессора Г. АЛЕКСИАНУ, Гражданского Губернатора Транснистрии;

По соображениям общественного порядка и безопасности войск, администрации и населения;

На основании полных полномочий, предоставленных в силу Декрета № 1 от 19 августа 1941 г.;

ПРИКАЗЫВАЕМ:

СТ. 1. Разместить и эвакуировать всех евреев муниципия Одесса и его окрестностей в северной части Очаковского уезда и на юге уезда Березовка в населенных пунктах, указанных администрацией.

СТ. 2. Евреи обязаны ликвидировать свое имущество только посредством официальных бюро в полицейских округах и в соответствии с указаниями.

СТ. 3. Продать все имущество евреев на открытых торгах.

Возвратить деньги от продаж евреям.

СТ. 4. Эвакуированные евреи смогут взять с собой одежду, продукты питания и предметы домашнего обихода.

[42] Георге Алексиану (1897–1946), румынский юрист и политик. Окончил Фокшанский лицей и Бухарестский Университет, юридический факультет, получив степень доктора права в 1925 г. Преподает в Черновицком Университете (1920–1930), профессор. Королевский резидент в Сучаве (август 1938 – февраль 1939), губернатор Транснистрии (19.08.1941–31.01.1944). Осужден и приговорен к смерти в 1946 г. в группе маршала Иона Антонеску. Расстрелян 01.06.1946.

СТ. 5. В регионах их размещения, евреи будут жить за свой счет.

Привлечь евреев для любых общественных работ в сельскохозяйственных, промышленных предприятиях или профессиональных ателье в обмен на продукты питания и содержание, согласно Постановлению № 23.

СТ. 6. Административные и полицейские власти региона размещения обеспечат их надлежащее сосуществование с коренным населением.

СТ. 7. Начать эвакуацию евреев 10 января 1942 года в соответствии с планом, который будет установлен.

СТ. 8. Г-н генеральный инспектор жандармерии, г-да префекты г. Одессы, уездов Березовка и Очаков обязаны исполнить настоящее постановление.

Издано в нашем Кабинете в Тирасполе, сегодня 2 января 1942.

ГУБЕРНАТОР
Проф. сс. Г. Алексиану

п. соответствие
сс. неразборчиво

УКАЗАНИЯ ПО ЭВАКУАЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИЗ МУНИЦИПИЯ ОДЕССА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

В целях выполнения Постановления № 35 об эвакуации еврейского населения из муниципия Одесса и его окрестностей приказано:

I. Открыть в муниципии Одесса бюро управления эвакуацией с расположением в Одессе и шесть окружных бюро, которые будут работать последовательно в каждом полицейском округе в порядке, устанавливаемым Центральным Бюро.

I. Состав «Центрального бюро»:

а) префект Одессы, в качестве председателя;

б) первый прокурор Одесского Военного Трибунала;

в) префект Одесской полиции;

г) старший офицер, назначенный Военным Командованием Одессы;

д) Мэр муниципия Одессы.

III. Обязанности «Центрального бюро»:

а) приведение в исполнение постановления и указаний, касающихся эвакуации еврейского населения из Одессы и ее окрестностей;

б) руководство, контроль и управление деятельностью окружных отделений;

в) принятие всех необходимых мер для того, чтобы деятельность окружных отделений протекала нормально;

г) разработка плана деревень области переселения, с определением числа евреев, которые будут распределены по ним, после получения работ префектур уездов Березовка и Очаков.

IV. Состав каждого «Окружного отделения»:

а) офицер-администратор, в качестве председателя;

б) представитель НБР или Министерства финансов;

в) начальник полиции соответствующего округа;

г) офицер, представляющий Военное Командование Одессы;

д) два жителя Одессы, назначенные мэром Одессы.

V. Обязанности «Окружного отделения»:

а) установление личности каждого эвакуированного человека;

б) запись в реестре имени эвакуированного человека;

в) обыск человека и его жилья;

г) эвакуация и незамедлительная оплата в RKKS (валюта Румынии) всех ювелирных изделий и отчужденных ценных вещей;

ж) инвентаризация всего имущества, оставленного после эвакуации;

з) сдача всего оставшегося инвентаря в распоряжение присматривающего за домами (дворник);

и) закрытие и опечатывание любого здания, дома, склада или цеха.

VI. Каждый эвакуированный еврей может перевезти:

1) Продукты питания, которые имеет (каждый эвакуированный обязан взять с собой необходимые продукты питания на время перевозки).

2) Одежду и предметы домашнего обихода, а также другие инструменты для их профессиональной деятельности или работы.

3) Суммы денег в RKKS от продажи их имущества, а также всех ценных предметов, задержанных комиссией.

4) Медицинские препараты и любые предметы гигиены.

5) Каждый имеет право нанять за свой счет транспортное средство там, где можно идти пешком.

VII. Запрещается задерживаться и брать в область переселения:

1) произведения искусства, драгоценности и ценные предметы;

2) любую другую валюту, за исключением RKKS;

3) какие-либо бумаги или государственные и банковские документы;

4) любое огнестрельное или холодное оружие;

5) легковые автомобили;

6) любые легковоспламеняющихся или взрывоопасные вещества, любые военные предметы.

Нарушители будут наказаны в соответствии с существующим законодательством в военное время.

VIII. Ювелирные изделия, ценные вещи и иностранные монеты отчуждаются соответствующими отделениями (бюро).

XI. Префектуры уездов Очаков и Березовка:

а) укажут деревни для переселения;

б) определят возможность распределения в деревнях;

в) укажут маршруты передвижения, а также местности, где будут останавливаться на ночлег. Они сообщат обо всем Центральному Бюро эвакуации Одесской префектуры.

X. Одесская префектура, мэрия Одессы и префектура Одесской полиции обеспечат реквизицию и предоставят в распоряжение эвакуированных необходимые транспортные средства для перевозки багажа, пожилых людей, женщин и детей.

Конвои будут сопровождаться органами полиции, численность которых будет соразмерна конвоям; сопровождающие будут меняться на каждой остановке на ночлег.

По приезду к пунктам назначения конвоем займутся власти соответствующих округов и деревень, они также займутся размещением.

Евреи будут эвакуированы пешком до станции Одесса–Триаж или транспортными средствами для пожилых людей, женщин, детей и багажа, которые предоставит в распоряжение мэрия и полиция в соответствии с вышеуказанными распоряжениями.

На станции Одесса–Триаж эвакуированные под охраной будут посажены в поезда, откуда будут доставлены до Березовки.

От Березовки они продолжат путь пешком и транспортом для пожилых людей, женщин, детей и багажа, реквизированного в регионе и предоставленного районным префектом.

XII. Ни один еврей не имеет права брать на себя и с собой более чем 25 кг багажа с указанными в вышеперечисленных пунктах вещами. Если у них больше багажа, чем указанный вес, евреи имеют право перевести его в местах переселения собственными средствами.

XIII. Запрещено любому еврею покидать местность, в которую он должен переселиться, без специального разрешения от соответствующего префекта.

Любой еврей, найденный в другом месте, нежели в установленном, будет рассматриваться как шпион и будет наказан в соответствии с законами военного времени.

XIV. Внутренняя организация руководства и управления евреев будет соответствовать постановлению № 23.

XV. Для проведения эвакуации евреев в установленных условиях, на месте переселения в течение всего времени для контроля и надзора будут работать г-н полковник Петала[43],

[43] Марчел Петала (1892–?), военный жандармерии. Претор 3-й румынской армии (1941); генеральный инспектор

генеральный инспектор жандармерии, и г-н К. Чуря, генеральный административный инспектор[44].

XVI. Эти указания будут переведены на русский язык и будут афишированы на видном месте наряду с постановлением об эвакуации.

Постановление и указания будут опубликованы в Бюллетене Одессы.

ГУБЕРНАТОР
сс. Г. Алексиану

п. соответствие
сс. неразборчиво

*) Аннотация: «Б[юро] 2 будет представлено г-ну г[енералу] сс. неразборчиво; 5.I.942 просмотрено. сс. Г[енерал] Думитреску»[45].

РВАП. Фонд 25 – 3-я Армия. Дело № 452. Стр. 7–11.

Документ № 16

Бухарест 6 февраля 1942 года

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ
СПЕЦИАЛЬНАЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА
Секретно
№ 13254
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУ СОВЕТА МИНИСТРОВ
ВОЕННЫЙ КАБИНЕТ
Бюро 2

После наших докладов № 13.111/26.1.1942 и 13.128/31.1.1942:

Имею честь представить следующие данные о состоянии эвакуации евреев из Одессы:

В период с 25 по 30 января 1942 года не было никакой перевозки из-за того, что поезда не ходили.

Эвакуация была возобновлена 31 января и продолжилась 1 и 2 февраля, в эти дни в Березовку были доставлены 5020 евреев.

Всего с 15 января по 2 февраля 1942 года были депортированы 19 089 евреев.

ГЛАВА СПЕЦИАЛЬНОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ
ГЕН. ДИРЕКТОР
сс. Еужен Кристеску[46]

жандармерии в Транснистрии. Капитан (с 01.09.1927); майор (с 10.05.1935); полковник (с 31.10.1941), приговорен коммунистическими властями в 1945 г. к пожизненному тюремному заключению.

44 Не найден.

45 Петре Думитреску (1882–1950), румынский военный. Командующий 3-й румынской армией (22.06.1941–23.08.1944). Генерал дивизии (с 1937); генерал армейского корпуса (с 1941); генерал армии (с 1942); в запасе по старости лет с 01.11.1944.

46 Еужен Критеску (1895–1950), румынский чиновник. Степень в области права, в межвоенный период непрерывно работает в Службе Государственной Безопасности, в 1939 г. директор полиции безопасности. После прихода к власти генерала Иона Антонеску был назначен директором Специальной Разведывательной Службы (15.11.1940–23.08.1944). Арестован в сентябре 1944 г., осужден и приговорен к смертной казни (17.05.1946) с группой маршала Иона Антонеску так называемым Народным Судом, приговор были заменен на пожизненное заключение.

*) Аннотация: «У нас более свежие данные от М.[аршала] Г.[енерального] Штаба. 6.II.1942 были эвакуированы 26 716 евреев. Дело 55. сс. Неразборчиво».

ЦНИА. Фонд ПСВ-ВК. Дело № 108/1941. С. 87.

Документ № 17

2-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС
Генеральный Штаб

№ 31338 от 1 марта 1942 года
2-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВО СОВЕТА МИНИСТРОВ
Гражданско-военный кабинет

К № 269 от 19 февраля 1942 года, к ОВК

Имею честь сообщить следующее:

I. Эвакуация евреев из Одессы:

1) Между 10 января и 28 февраля текущего года из Одессы были эвакуированы 31 873 евреев (мужчины, женщины и дети).

Все мужчины старше 45 лет.

2) Эвакуированные евреи были направлены по железной дороге в деревни Северной Березовки.

3) Эвакуация евреев велась под руководством Центрального бюро эвакуации в составе:

– префекта уезда (пол. Верческу[47]) в качестве пред.;
– мэра города (Г. Пынтя[48]);
– префекта полиции (пол. Попович[49]);
– ген. прокурор. суда (подполковник Солтан[50]);
– представителя 2 К. А. (майор Никулеску Н.[51]);
– главного врача города (Др. Солкэнеску[52]) > в качестве членов;
– 2 представителей НБР и
– 2 представителей Министерства финансов.

и шести окружных отделений, которые работали в гетто над идентификацией, регистрацией (переписью) и сбором ценностей евреев, которые должны были переводиться ежедневно.

Состав этих отделений:

– офицер-администратор, в качестве председателя;
– офицер, представляющий армию;
– представитель НБР;
– представитель Министерства финансов > в качестве членов;

[47] Матей Велческу (1890–?), румынский военный. Префект одесского уезда. Майор (с 01.04.1920); подполковник (с 01.10.1929); полковник (с 01.04.1936). В запасе с 1941 г.

[48] Герман Пынтя (1894–1967), адвокат, государственный служащий, румынский майор в отставке. Мэр города в межвоенный период, мэр Одессы (1941–1944). Арестован и приговорен коммунистическими властями, заключен в коммунистических тюрьмах Жилавы и Айуда.

[49] Юлиан Попович (1892–?), румынский военный жандармерии. Префект одесской полиции. Майор (с 01.10.1930); подполковник (с 31.03.1938); полковник (с 24.01.1942).

[50] Солтан Кирикэ (1895–?), румынский военный судья magistrat. Военный судья военно-полевого суда Одессы (1941–22.06.1944); военный судья военно-полевого суда 21-й пехотной дивизии (22.06.1944–20.01.1945); переведен в запас 29.03.1945. Судья-майор (с 16.10.1935); судья-подполковник (с 10.05.1941); полковник (с 22.06.1944).

[51] Николае Николическу (1900–?), румынский военный. Представитель 2-го армейского корпуса в Центральном Бюро Эвакуации, организовавшем депортацию евреев из Одессы. Капитан (с 01.10.1930); майор (с 31.10.1938); подполковник (с 31.10.1942).

[52] Не найден.

– 2 жителя, представляющих соот. округа;

– представитель полиции соот. округа.

Операции по эвакуации проводились в соответствии с постановлением № 35 гражданского транснистрийского губернаторства и указаниями, данными Губернии.

Второй армейский корпус, расположенный в Одессе, вмешался, когда определенные трудности препятствовали выполнению положений постановления (немецкая железная дорога не предоставляла вагоны или даже прекратила перевозки в период с 25 по 31 января этого года из-за отсутствия топлива и т.д.).

Также давал советы, касающиеся эвакуации и особенно евреев, которые могли поставить под угрозу порядок и безопасность (молодые бывшие коммунисты и т.д.).

Постоянно следил за тем, чтобы поезда не отменялись, и организовал рейды, чтобы найти уклонившихся (прикрепляется данный приказ первой серии рейдов в течение 10 дней).

4). По состоянию на 28 февраля 1942 года ситуация по евреям, оставшимся в Одессе, следующая:

а) В гетто 113 евреев (мужчины, женщины и дети), они переписаны и готовы к эвакуации.

Они из числа тех, кто сбежал и позже был пойман полицией в рейдах и даже армией.

б) В Центральной тюрьме 1197 евреев, в основном мужчины 18–50 лет. Это евреи, которые состояли в Коммунистической партии. Они не были эвакуированы, поскольку Губернаторство не имело меблированных помещений, те из Александродара (неподалеку от Очакова) уже не соответствовали ситуации.

Приказ об эвакуации получил префект уезда по телефону сегодня от г-на губернатора 28.II текущего года, а 3 марта в 9 часов отправляется поезд на Вапнярку.

В тюрьме уездной префектуры около 10 евреев (мужчины и женщины). Это преступники, осужденные за различные несущественные преступления разными преторскими службами из Одессы. Они эвакуируются в Вапнярку.

В настоящее время в больнице лежат 1032 евреев (мужчины, женщины и дети), которые больны и нетранспортабельны, а некоторые, страдающие заразными болезнями, были задержаны до выздоровления или, по крайней мере, пока они не станут транспортабельными.

в) Кроме евреев, указанных выше, в Одессе и ее окрестностях также проживает большое количество евреев (примерно несколько тысяч), а именно:

– те, кто по фальшивым документам не был евреем, были найдены в рейдах и доносами;

– те, кто спрятался в окрестностях города, либо в различных укрытиях, и чья личность также будет установлена, будут эвакуированы по мере их нахождения.

Евреи, упомянутые в пункте «а» будут эвакуированы вместе с упомянутыми в пункте «б» (1032 + 113 = 1145), как только линия Одесса–Березовка, в настоящее время восстанавливающаяся, будет введена в эксплуатацию, тогда они будут депортированы на север уезда Березовка.

Таким образом, до 3 марта текущего года будут эвакуированы в общей сложности 33 880 евреев и должны быть эвакуированы из больницы и гетто 1145 евреев, кроме тех, кто скрылся и будет найден.

5) В ходе операций по эвакуации возникли некие трудности:

– плохие погодные условия (мороз, снег) и недостаток транспортных средств (из-за отсутствия угля, перевозки по железной дороге были прерваны на шесть дней с 25 по 31 января);

– недостатки полиции и безопасности качественного и количественного характера, а также отсутствие полицейских.

Абсолютно необходимо укрепить полицию и службу безопасности румынскими силами, доказавшими, что они квалифицированны и преданны службе.

Настоящее вознаграждение этих органов позволяет направить в Одессу лучшие силы.

В Одессе необходим еще один батальон жандармов, чтобы полностью и тщательно очистить Одессу от самых молодых (13–45 лет) и самых опасных евреев.

В настоящее время отделения эвакуации реорганизуются с целью применения II-й части положений Постановления № 35 Губернаторства, а именно продажи оставшихся в домах евреев вещей.

Эта операция начнется 3 марта 1942 года.

6) Каждые три дня будет предоставляться отчет об эвакуации евреев.

7) Что касается достижений в Одессе, отчет еще на стадии разработки и будет представлен до 7 марта текущего года.

КОМАНДУЮЩИЙ 2-го АРМЕЙСКОГО КОРПУСА

ГЕНЕРАЛ
Н. Дэскэлеску[53]

Представитель 2-го армейского корпуса
Майор Николеску Н.

РВАП. Фонд 1675 – Военное Командование Одессы.
Доклад № 166. С. 258–260.

Перевод с румынского Н. Сырбу.

[53] Николае Дэскэлеску (1884–1969), военный. Командующий 20-й пехотной дивизии (14.06.1940–30.06.1941); командующий 21-й пехотной дивизии (30.06–08.11.1941); командующий 2-м армейским корпусом (08.11.1941–11.01.1945, 18.02–02.03.1945); командующий 3-й армией (29.08–10.09.1944); командующий 4-й армией (12.01–18.02.1945, 02.03–01.06.1945). Арестован и заключен в тюрьму в 1951 г. коммунистическими властями, освобожден в 1955 г. после Указа № 421/1955. Бригадный генерал (1937); генерал-майор (1940); генерал армейского корпуса (1942).

Дискуссии

Степан Бандера: герой или преступник?

От редакции

В начале 2010 года проигравший выборы президент Украины Виктор Ющенко сделал то, на что он не смог решиться в начале своего правления: присвоил звание Героя Украины лидеру Организации украинских националистов (ОУН) Степану Бандере. Это сомнительное решение было радостно встречено радикальными националистами на Украине и представителями украинской эмиграции в США и Канаде; одновременно оно вызвало протесты как со стороны международных общественных организаций, так и Европейского парламента, призвавшего украинские власти отменить награждение лидера ОУН. Указ о награждении Бандеры вызвал серьезные дискуссии и в среде профессиональных историков-украинистов: в публичной дискуссии, инициированной критической по отношению к решению Ющенко статьей профессора Альбертского университета Дэвида Марплза, приняли участие директор Канадского института украинских исследований Зенон Когут и профессор Иван-Павел Химка.

Материалы этой дискуссии были опубликованы в редактируемой Домиником Арэлем электронной рассылке кафедры украинских исследований Университета Оттавы «The Ukraine List»; впоследствии к дискуссии о роли Бандеры в украинской истории подключились и другие исследователи.

Редакция «Журнала» сочла полезным предоставить российскому читателю возможность ознакомиться с наиболее интересными фрагментами дискуссии, которую уже сравнивают со знаменитым немецким «спором историков». Ведь, как справедливо заметил в ходе дискуссии профессор Химка, этот спор «об украинцах, о созданном образе украинцев, о том, как они оценивают свое прошлое и кем они хотят быть в будущем».

Герой Украины связан с убийствами евреев

22 января, в день объединения Украины, президент Виктор Ющенко официально присвоил Степану Бандере звание Героя Украины. Присужденное звание вызвало двоякую реакцию. Конгресс украинцев Канады в Виннипеге одобрил его. Центр Симона Визенталя в Соединенных Штатах, наоборот, выразил «глубокий протест» против присвоения звания человеку, причастному к смертям «тысяч евреев».

Кем был Степан Бандера и почему он смог вызвать столько эмоций спустя 50 лет после смерти?

Степан Бандера родился 1 января 1909 года в деревне Старый Угрынив, которая в то время являлась частью австрийской империи, в семье украинского греко-католического священника. Его мать умерла, когда ему было тринадцать. Три сестры были депортированы после вторжения советских войск в Восточную Польшу. Отец был казнен НКВД при Сталине.

Первая известность пришла к Степану, когда Западная Украина находилась под властью Польши. После заключения мирных договоров в Париже в 1918 году территория Западной Украины была разделена между несколькими государствами, но большая ее часть находилась под властью Польши. Восточная Украина стала частью СССР с конца 1922 года. Поляки пообещали определенную автономность многочисленному украинскому меньшинству на востоке их государства.

Это обещание не было выполнено. Наоборот, в этом регионе были установлены польские порядки, и он был заселен поляками. Украинской демократической партии не удалось добиться изменений в польском парламенте; крайние экстремисты оказались более влиятельными. К 1930 году преобладающей идеологией в Европе был фашизм. В Италии с 1922 году у власти находился Муссолини, к январю 1933 года. Гитлер стал канцлером Германии. В 1929 году из бывшей Украинской военной организации была создана Организация украинских националистов (ОУН), ко-

торую возглавил полковник Евген Коновалец. Его целью было пересмотреть результаты Парижского и Рижского мирных договоров. Десять «заповедей» украинских националистов включали такие положения, как «Добьешься создания Украинского Государства или погибнешь в борьбе за него» и «Будешь бороться за увеличение силы, славы, богатства и пространства Украинского Государства даже путем порабощения иностранцев». Это было типично фашистское движение межвоенного периода, схожее с итальянским.

В 1931 году Бандера стал главой исполнительной власти ОУН на региональном уровне в Западной Украине. ОУН осуществляла террористические акты, совершив убийства представителей советского консульства во Львове в 1933 году в ответ на спланированный Сталиным голод в Советской Украине и министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого в 1934 году. Бандера был арестован за участие в втором террористическом акте и приговорен к смерти после двух длительных судебных процессов. Вердикт был заменен семью сроками пожизненного заключения. Бандера провел более пяти лет в польских тюрьмах, пока не был освобожден немцами, вторгнувшимися в Польшу 1 сентября 1939 года.

После убийства Коновальца советским агентом в 1938 году ОУН разделилась на два крыла. В апреле 1941 года Бандера был признан лидером революционной фракции (ОУН-Б). Другую фракцию возглавил Андрей Мельник (ОУН-М).

Обе группы сотрудничали с Германией. Бандера рассматривал немецкое завоевание как шанс Украины на освобождение. ОУН-Б также помогала двум украинским батальонам вермахта продвинуться на восток вместе германской армией. В конце июля 1941 года батальон «Нахтигаль» в авангарде немцев вошел во Львов, и ОУН-Б объявила о независимости Украины по местному радио.

Члены ОУН-Б стали инициаторами погромов в Львове летом 1941 года, когда были убиты около 4 тыс. евреев.

Гитлер не признал независимости Украины и после отказа Бандеры отменить Акт о провозглашении Украинского государства отправил его в лагерь Захзенхаузен под Берлином, где Бандера находился следующие три года. Немцы начали арестовывать членов ОУН-Б в сентябре 1941 года.

ОУН-Б также сыграла ключевую роль в формировании Украинской повстанческой армии (УПА) под командованием Романа Шухевича, бывшего командира батальона «Нахтигаль». УПА была создана на Волыни, где весной и летом 1943 года ее формированиями с фанатичной целью вернуть украинские земли были убиты от 30 до 60 тыс. поляков, в основном стариков и детей.

С 1944 по 1953 год на Западной Украине (теперь находившейся под советским правлением) шла жестокая борьба между УПА и советскими службами безопасности. В 1948–1949 годах Сталин приказал депортировать западных украинцев в лагеря ГУЛАГ[1]. Шухевич был убит недалеко от Львова в 1950 году. УПА частично поддерживалась ЦРУ, но ей удалось выстоять, главным образом, благодаря поддержке местного населения.

Бандера не участвовал в этом длительном конфликте. После войны он переехал в Мюнхен и организовал «Заграничные части ОУН» – организацию, которая в настоящее время представляет собой отдельную группу. Его единственной целью оставалось добиться независимости Украины. 15 октября 1959 года агент КГБ Богдан Сташинский убил Бандеру у входа в дом, где находилась его квартира.

В XXI веке взгляды Бандеры кажутся устаревшими и опасными. Он применял насилие, террор и проявлял нетерпимость к другим этническим группам, жившим на территории Украины. Но Бандера жил, вероятно, в самые сложные времена для украинской истории, когда независимость казалась далекой мечтой.

Ющенко, конечно, совершил ошибку, когда присвоил Бандере парадоксальным образом звучащее совершенно по-советски звание Героя Украины. Бандера был украинским патриотом, но его героизация спровоцировала раскол в обществе, имеющем различные взгляды на недавнее прошлое.

Дэвид Марплз

«Edmonton Journal», 7 февраля 2010 года

[1] На самом деле речь шла не о депортации украинцев как таковых, а о депортации «антисоветского элемента», поддерживавших их лиц и членов семей. Следует заметить также, что советские власти применяли не только кнут, но и пряник, объявляя амнистии для сдававшихся с повинной боевиков ОУН и УПА. – *Прим. ред.*

Украинский национализм

Погромы евреев лета 1941 года пришлись на время нацисткой оккупации. Они были спровоцированы и инициированы правительством Германии. Украинцы участвовали в этих погромах, но основная ответственность лежала на правительстве Германии. Однако комментарий Марплза дает основания для других выводов.

Кроме того, из статьи следует, что Степан Бандера, получивший звание Героя Украины, был в какой-то степени связан с этим событием. Однако Бандера не был на Украине ни в то время, когда происходил погром, ни вообще во время войны между Германией и Советским Союзом, – и я не знаю ни одного документа, который подтвердил бы его причастность к этому трагическому событию.

Более того, данная Марплзом характеристика Организации украинских националистов (ОУН) как типично фашистского движения также является не совсем верной. ОУН представляла собой национально-освободительное движение, идеология которого могла подвергаться влиянию фашизма, однако Джон Армстронг, чьи исследования украинского национализма остаются лучшими в данной области, характеризует его как «интегральный национализм».

История украинского националистического движения во время Второй мировой войны имеет немало темных страниц, однако мы должны быть осторожными в утверждениях или выводах, особенно потому, что они могут способствовать возникновению стереотипов по отношению к целым этническим группам.

Зенон Е. Когут
письмо редактору «Edmonton Journal»,
10 февраля 2010 года

Должна ли украинистика бороться за наследие ОУН–УПА?

Написать эту статью меня сподвигли дискуссии относительно наследия Организации украинских националистов и ее вооруженных сил (УПА), начавшиеся в Эдмонте, месте, где я живу. Коллега Дэвид Марплз написал статью в «Edmonton Journal», поводом для которой стало присвоение потерпевшим сокрушительное поражение в выборах Виктором Ющенко звания Героя Украины Степану Бандере и ОУН–УПА. Доктор Марплз объяснил, почему это решение вызвало противоречивую реакцию и почему канадскому правительству не следует (как того хочет Конгресс украинцев в Канаде) одобрять награждение Бандеры.

Статья Марплза вызвала наплыв писем в редакцию журнала от проОУНовских активистов как из нашего сообщества, так и со стороны. Одно письмо пришло от Зенона Когута, подписавшимся директором Канадского института украинских исследований в Университете Альберты.

Его письмо касается многих проблем, но здесь я остановлюсь на двух из них, относящихся к ответственности интеллектуалов и ученых перед своими сообществами и общественностью в целом.

Первой является проблема фашизма ОУН. Д-р Когут пишет, что характеристика д-ра Марплза ОУН как «типично фашистского движения» является «не совсем верной». «Это было, – пишет он, – национально-освободительное движение, идеология которого могла подвергаться влиянию фашизма, однако Джон Армстронг, чьи исследования украинского национализма остаются лучшими в данной области, характеризует его как “интегральный национализм”».

Эта намеренная минимизация фашизма в наследии ОУН сбивает с толку, особенно когда речь идет о том, следует ли нам принимать это наследие.

На самом деле ОУН была типичной фашистской организацией. Об этом свидетельствуют многие ее черты: принцип «вождизма» (Führerprinzip), стремление запрещать другие политические партии и движения, слоган в фашистском стиле (Слава Украине! Героям слава!), черно-красный флаг, салют поднятой рукой, ксенофобия и антисемитизм, культ насилия, восхищение Гитлером, Муссолини и другими лидерами фашистской Европы. Что из этого не относится к фашизму?

Студент-выпускник моего отделения, Гжегож Россолински-Либе, нашел в киевских архивах письма, которые Ярослав Стецько 3 июля 1941 года разослал Муссолини, Павеличу, Франко и Гитлеру, представляя организацию как часть Новой Европы. Множество документов из этой достоверной коллекции подтверждают связь ОУН с гитлеровцами в июне и июле 1941 года.

Разве тот факт, что ОУН была также национально-освободительным движением, делает ее не фашистской? Усташи также были национально-освободительным движением – разве они не были фашистами? Вьетконг также был национально-освободительным движением – было ли из-за этого оно не коммунистическим? Какая логика здесь используется? Весьма специфичная: д-р Когут пытается снять с Бандеры ответственность за погромы в 1941 году, замечая, что когда они проходили, того даже не было на Западной Украине. Удивительно! Подобная логика, получается, освобождает и Сталина от ответственности за голод на Украине.

Д-р Когут полагается на авторитет Джона Армстронга, который назвал ОУН движением интегральных националистов. Однако Армстронг написал свою книгу задолго до того, как были открыты архивы и задолго до информационной революции. Его исследование основывалось, в первую очередь, на интервью с лидерами ОУН. Неужели трудно предположить, что в своих интервью они защищали собственные интересы? Армстронг восхищался лидерами ОУН, об этом он писал в воспоминаниях, изданных позже. Армстронг был человеком своего времени, человеком периода «холодной войны», когда было принято преуменьшать преступления любых антисоветских сил. Он никогда не брал интервью у жертв ОУН–УПА, также как и не исследовал источники на польском языке.

В середине 1980-х годов польская подпольная организация «Солидарность» решила опубликовать тексты об украинском национализме и через журналиста Януса Радзиевски попросила, чтобы я передал ей копии книги Армстронга, а также Александра Мотыля «Turn to the Right». Прочитав их в польском переводе, Янус написал мне в 1988 году что, несмотря на всю научную ценность этих книг, его очень разочаровало отсутствие каких-либо упоминаний страшной трагедии евреев. Я был возмущен и ответил Янусу, что УПА не имеет отношения Холокосту. Его ответы, однако, заставили меня задуматься, и постепенно я встал на путь исследований, которые привели меня к попытке решить вопрос о причастности ОУН–УПА к Холокосту. Я пришел в ужас от того, что узнал.

Итак, первое, что я бы хотел отметить: ОУН была фашистской организацией. Правда, после Сталинграда и Курска ОУН стала дистанцироваться от фашизма, в частности, на Третьем Великом Сборе в августе 1943 года. (Сам Бандера, тем не менее, оставался верен старой идеологии до конца.) Изменилось то, что декларировала ОУН–УПА, однако ее практика оставалась фашистской. Июль и август 1943 года были месяцами, когда происходило наибольшее количество убийств поляков на Волыни, а следующей зимой УПА и отряды службы безопасности ОУН систематично убивали выживших евреев.

Вторая проблема в письме Когута, которую следует обсудить, – его вывод: «История украинского националистического движения во время Второй мировой войны имеет немало темных страниц, однако мы должны быть осторожными в утверждениях или выводах, особенно потому, что они могут способствовать возникновению стереотипов по отношению к целым этническим группам».

Мой главный вопрос состоит в следующем: что создает больший стереотип – изоляция и определение украинского политического движения, ответственного за формирование образа украинцев как убийц-фашистов, или попытка оправдать это движение избитыми аргументами от имени украинистики? Или, иначе говоря: кто дискредитирует Украину – массовые убийцы поляков, евреев и других, или же те, кто осуждает их и их поступки? Кажется, что ответ очевиден, но ясно, что это не так, поэтому придется углубится в подробности.

В конце июня и июле 1941 года милиция ОУН и организации «Сичи» зверствовали в Галиции, Северной Буковине и на Волыни, убивая преимущественно евреев, а также поляков и коммунистов. Иногда сама милиция не совершала убийства, а окружала жертвы для того, чтобы с ними расправилась немецкая или румынская расстрельные команды. Эти убийства совершались на территориях, имеющих две сходные характеристики: они были захвачены в июне-июле 1941 года, и там действовала ОУН. То, что милиция ОУН была в этом виновна, может быть доказано немецкими докладами, показаниями выживших евреев, фотографиями и фильмами, послевоенными судебными процессами над бывшими полицейскими на немецкой службе. Чтобы опровергнуть значимость этих доказательств, необходимо объяснить, откуда они появились и кто, если не ОУН, на самом деле организовал погромы и расправы.

В любом случае, многие из показаний выживших евреев, особенно в больших го-

родах, где убийцы могли оставаться анонимными, обвиняют «украинцев», не разбирая, какие конкретно украинцы их преследовали. Разумеется, жертвы были не в курсе того, что происходило в политике украинских националистов. Они знают, что на них нападали украиноговорящие люди во имя чего-то украинского. Для них нападающие были «украинцами». Я полагаю, что эти действия были инициированы определенной группой украинцев – ОУН. Почему бы не сделать разграничение? Почему можно позволять обвинять целую нацию?

Почему все должны отвечать за поступки этой группы? Почему я, человек украинского происхождения, человек, который посвятил сорок лет изучению Украины, не должен хотеть дистанцировать себя и дистанцировать свое представление об Украине от ОУН? Почему я должен стыдиться недальновидных заявлений официальных представителей украинистики? Д-р Когут, несомненно, не является моим представителем.

Я понимаю, что ОУН являлась доминирующей организацией в заграничной украинской диаспоре. Я знаю, что у многих из нас, в том числе у меня, был кто-либо из старших поколений, кто являлся членом или сторонником ОУН. Но разве мы должны нести ответственность за их выбор? Разве мы не должны осознать, что то поколение приняло неверное решение? Разве мы не должны перестать защищать то, что нельзя оправдать? Разве нам не следует, по крайней мере, оставить это в стороне и не относиться как к чему-то священному?

Ясно, что преступления и сущность политики ОУН–УПА не останутся тайной. Архивы еще не полностью открыты, но сейчас исследователям доступно много, очень много новых документов. Среди них можно найти внутренние отчеты УПА об убийствах поляков и евреев, листовки ОУН 1941 года, призывающие население к убийствам евреев и другого неукраинского населения, фильмы, в которых боевики избивают евреев на улицах Львова в конце июня 1941 года, и многое другое.

К тому же документальные доказательства стали сейчас доступными, как никогда раньше. Семьдесят две сотни показаний выживших евреев записаны на четырех дисках. Исследователи Холокоста начинают изучать языки и историю, необходимую для выяснения того, что происходило в Западной Украине. Некоторые историки Украины также объективно рассматривают Холокост. Вскоре не останется секретов, и легкомысленных, поверхностных ответов «так говорит Армстронг», будет недостаточно. Более того, утверждения в духе д-ра Когута в лучшем случае выставят в глупом свете украинистику, а в худшем – сделают ее соучастницей отрицания Холокоста и военных преступлений.

Ученые-украинисты не должны содействовать сторонникам ОУН ни на Украине, ни в украинском сообществе в Северной Америке. Они не должны сбивать с толку общественность. Напротив, они должны иметь гражданское мужество и инициативу для просвещения этих сообществ.

Иван-Павел Химка
10 февраля 2010 года

Ответ Зенона Когута

Профессор Химка спрашивает, нужно ли украинистике защищать наследие ОУН–УПА. Конечно, не существует такого целостного явления, как «украинистика». Есть отдельные ученые в этой области, которые неизбежно имеют различные мнения и занимаются различными вопросами. По моему мнению, единственная роль, которую «украинистика» может играть в этом вопросе, – это исследовать его. Я не принимаю ни роль защиты или огульного восхваления, ни, как в случае профессора Химки, осуждения наследия ОУН–УПА.

Мое письмо в «Edmonton Journal» был ответом на отдельные утверждения в статье профессора Марплза. Оно не было общим утверждением насчет того, что профессор Химка называет «ОУН–УПА». Такой организации не существует. Во время Второй мировой войны существовало две ОУН (третья была сформирована после войны), а в УПА входило много людей, которые не состояли в какой-либо из ОУН. Это говорит о том, что, как я писал в своем письме, нужно быть осторожным в утверждениях и выводах.

Утверждения профессора Химки – это полное осуждение «ОУН–УПА», которое сводит украинское сопротивление в годы войны к бессмысленным убийствам евреев, поляков и других. Но любая беспристрастная оценка дает некоторые очевидные результаты. УПА вела сражения за независимость Украины, что требовало чрезвычайного му-

жества и преданности, так как помощи ни от одного государства ждать не приходилось, а оружие нужно было отвоевывать у врага. Эта борьба не могла бы продолжаться годами после окончания Второй мировой войны без стабильной поддержки народа.

Мои сомнения относительно определения «фашизма» и предположение, что «интегральный национализм» является более подходящим определением, повергли профессора Химку в особую ярость. Я не являюсь специалистом по Второй мировой войне, но я полагаюсь на экспертов в этой области. Термин «интегральный национализм» применялся не только «бойцом "холодной войны"» Джоном Армстронгом, но также современными учеными, такими как Тимоти Снайдер и Питер Альтер. Этот термин широко применялся до «холодной войны» Карлтоном Хейзом в его классическом произведении о современном национализме.

Кроме того, определение фашизма, данное профессором Химкой, похоже, распространяется на всех, кто вел себя зверски или «пофашистски». Под это определение попадает практически каждое политическое движение в Восточной Европе между 1925 и 1945 годов, включая сталинизм, поскольку в этом регионе не существовало демократической альтернативы (за исключением короткого периода правления Масарика в Чехословакии).

Кроме того, во время войны националистическое движение пересмотрело свою идеологию, его лидеры создали тексты, собранные в сборнике «Политическая мысль украинского подполья, 1943–1951 гг.», изданном Петром Потичным и Евгеном Штендерой. Эти тексты подтверждают процесс эволюции в сторону социал-демократии и плюрализма, наиболее ярко описывают послевоенную деятельность ОУН (заграничной), представители которой своими публикациями внесли большой вклад в политическое понимание и литературу украинской диаспоры.

Со времен распада Советского Союза, политическая скованность в исследованиях и дискуссиях об этом периоде по большей части исчезли; доступными стали многие новые доказательства. Некоторые из них – свидетельства преступлений, совершенных участниками националистического движения, и это не может не вызвать сильных эмоций и не провоцировать появление противоречивых взглядов. Как и любые другие доказательства, эти также необходимо рассмотреть настолько объективно, насколько это возможно. Наиболее подходящее обсуждение этого вопроса может быть проведено в рамках академических публикаций, конференций и дискуссий, дискурс которых свободен от предубежденного морализаторства.

Зенон Е. Когут
12 февраля 2010 года

Продолжение спора

Принципиально важные вопросы заслуживают всестороннего обсуждения, поэтому я возвращаюсь к полемике между Дэвидом Марплзом, Зеноном Когутом и мною, отвечая на письмо Зенона от 12 февраля 2010 года.

Для начала следует отметить: Зенон отрицает, что пытается говорить от имени украинистики в целом и утверждает, что высказывает свое частное мнение ученого. Если это действительно так, то поясню, что сбило меня с толку в данном споре об истории Украины XX века. Письмо Зенона в «Edmonton Journal» очень схоже с его письмом «Literary Review of Canada», в котором он пытался «поправить» Мирну Косташ в ее мнении по поводу Голодомора. У меня сложилось отчетливое впечатление, что Зенон взял на себя роль своеобразного идеологического надзирателя, стреляющего по тем, кто отбился от стада. Это впечатление усиливается тем обстоятельством, что единственное основание для претензий Зенона на авторитет в данных вопросах – это его должность директора Канадского института украинских исследований, поскольку, насколько мне известно, сам он не проводил исследований ни по вопросам голода, ни по Холокосту.

Он также осуждает меня за использование термина «ОУН–УПА». На самом деле этот термин был введен Конгрессом украинцев Канады (КУК) в самом начале публичной дискуссии. В своем пресс-релизе от 1 февраля 2010 года КУК призывает «правительство Канады изменить Канадский акт о выплатах ветеранам войны, распространив его действие на такую группу сопротивления, как ОУН–УПА». Это словосочетание используется и в пронационалистических кругах в самой Украине. На самом деле, я знаю, что существовало две группы ОУН. Обе были антидемократическими, ксенофобскими, восхищались итальянскими фашистами и немецкими национал-социалистами. Обе проводили жес-

токие расправы, хотя бандеровское крыло в большей мере. Профессор Петр Потичный годами убеждал нас не пользоваться термином «ОУН–УПА», поскольку ему хотелось разграничивать УПА и ОУН. На деле же УПА находилась под командованием ОУН вплоть до своего роспуска.

Зенон хочет, чтобы я увидел положительные стороны ОУН и УПА, а не только массовые убийства поляков и евреев.

Он говорит, что они сражались за независимость Украины. Они это и делали. Но в их представлении Украина, за которую они сражались, должна быть не просто «независимой», она должна быть «Украиной для украинцев», этнически однородным государством. Независимость подобного рода, я уверен, является сомнительной. Красная Армия также позиционировала себя как освободительницу Украины от немецкой оккупации и восстановительницу государственности Украинской Советской Социалистической Республики. В сущности, сталинский режим имел схожие идеалы с ОУН–УПА: это касалось и украинской соборности, и этнического очищения украинской территории. Советы действительно имели власть над большой частью Украины и переместили почти все польское, немецкое и татарское население. Я, конечно, не считаю (и сомневаюсь, что Зенон считает), будто советский вклад в становление украинского государства дает нам основания закрыть глаза на преступления Сталина на Украине. Или, может, если кто-то вспоминает о расстреле культурного возрождения Украины в 1920-х годах, нам следует отвечать: «Хорошо, зато мы получили Крым»? Или, когда речь идет про Голодомор, следует замечать: «Зато спустя каких-то двенадцать лет Сталин присоединил к Украине Закарпатье?»

Второе, что я бы хотел отметить, – это то, что ОУН–УПА обладали исключительным мужеством и преданностью. Я этого не отрицаю. Но я также помню, что писал мне историк Янус Радзиевски в 1988 году, когда я поставил перед ним этот же вопрос: «для того, чтобы оценить идеологическое или национальное движение, необходимо учитывать не только военные силы, но также прагматические и политические аспекты. Они говорят, что лучшими солдатами были немцы. Они сражались против всего мира, который имел преимущества по численности солдат и количеству вооружения». «Бравые Гансы», отвоевывавшие улицу за улицей в холодном Сталинграде, не могут улучшить идеологического внешнего облика немецкого национал-социализма.

Третье замечание касается того, что ОУН–УПА имела настоящую народную поддержку. Однако точно так же имел ее Гитлер в Германии в 1941 году, Сталин на Восточной Украине в 1944 году, Конфедерация на юге Америки в 1861 году и так далее – этот специфический аргумент вовсе не имеет отношения к оценке движения. У ОУН–УПА была твердая поддержка среди этнических украинцев в Западной Украине, но не было популярности среди неукраинского населения в Западной Украине и остального украинского населения. Такой разный уровень популярности ОУН–УПА является прямым результатом идеологии, которую она поддерживала и практиковала.

Относительно «интегрального национализма» versus фашизма. Я сам не пишу про ОУН–УПА ни как про фашистов, ни как про интегральных националистов, поскольку в своих исторических работах стремлюсь сделать лингвистически консервативный выбор. Почти во всех моих произведениях я использую один термин для ОУН–УПА, который они сами использовали, то есть «националисты». Но Дэвид Марплз классифицирует их в своей статье как фашистов. Призывая в ответ называть их «интегральными националистами», Зенон пытается таким образом преуменьшить их фашистский характер. Поэтому я и возразил. Классификация Армстронга ОУН–УПА как «интегральных националистов» не является проблемой для меня, так как он также классифицирует нацистов как «интегральных националистов». Я возражаю, повторяюсь, против семантических уловок с целью приуменьшить негативное наследие ОУН–УПА.

Зенон полагает, что я не учитываю эволюцию ОУН в сторону более плюралистической организации. Я объяснил ему в моем первом письме, что это изменение имело место только на бумаге в 1943–1944 годах. В значительной степени эта «эволюция» была обусловлена надеждой на помощь союзников, прежде всего американцев. Даже самое либеральное крыло ОУН, которое сформировалось в эмиграции вокруг Николая Лебедя, регулярно фальсифицировало документы для того, чтобы отмыть прошлое ОУН и УПА. Время от времени наш с Зеноном общий друг, Иван Лисяк-Рудницкий, предостерегал членов этого крыла, чтоб они не вернулись на старые тоталитарные позиции. Я думаю,

что публикации «Сучасности» и многочисленные издания «Пролога» внесли немалый вклад в интеллектуальную и политическую жизнь Украины. Если Зенон в следующем году захочет отметить пятидесятый юбилей «Сучасности», то я совсем не буду возражать. Но если он поддержит готовность Конгресса украинцев Канады принять оуновское наследие, если он попытается преуменьшить ответственность ОУН–УПА за военные преступления, тогда я буду возражать.

У меня вызывает недоумение утверждение, которым Зенон завершает свой ответ, – что наиболее подходящей для данной дискуссии является академическая площадка, а именно публикации и конференции. Я, должно быть, что-то упускаю. Я думал, что президент Ющенко на Украине и КУК в Канаде хотят вынести наследие ОУН–УПА на публичное обсуждение. Я также думал, что нынешняя дискуссия началась с опубликованного в газете мнения Дэвида Марплза и с письма к редактору Зенона Когута. Так почему бы не продолжить обсуждения публично?

Что касается научных конференций, то не только я поднимал эти вопросы в Северной Америке и Европе, а также Омер Бартов, Марко Царынник, Софья Грачева, Пер Андерс Рудлинг, Каи Струве и другие. У меня вышло несколько научных работ, касающихся вопросов наследия ОУН–УПА по отношению к Холокосту, в том числе книга «Ukrainians, Jews and the Holocaust: Divergent Memories», опубликованная издательством «Heritage Press» в Саскатуне в конце прошлого года. Многие другие ученые отмечали роль ОУН–УПА в преступлениях против поляков и евреев, среди этих ученых Карел К. Беркгофф, Франциска Брудер, Джеффри Бурдс, Александр Дюков, Габриэль Финдер, Франк Гольчевски, Игорь Ильюшин, Дитер Поль, Александр Прусин, Ева Семашко и Владислав Семашко. Этот вопрос не является terra incognita.

Наконец, я должен ответить на завершающий пассаж Зенона о том, что я занимаюсь «предубежденным морализаторством». В моем первоначальном ответе на письмо Зенона нет никаких моральных аргументов. Наоборот, я делал акцент на прагматический или стратегический аспект: украинскому сообществу или сообществу украинистов не нужно взваливать на себя ответственность за наследие украинских националистов 1940-х, так как это наследие имеет отрицательные аспекты.

Назвался груздем – полезай в кузов. Существуют очевидные моральные аргументы в пользу критического дистанцирования от наследия ОУН–УПА. Неправильно принимать участие в сокрытии или преуменьшении преступлений такого характера. Сами убийства были ужасными. После моих исследований мне снятся кошмары. Но эти преступления нельзя отменить. Самое большее, что можно сделать – это осознать их и сожалеть о них. Вместо этого, мы часто встречаем оправдания в том же стиле, в котором прежде инициировали убийства. Так, в своем письме в «Edmonton Journal» от 9 февраля 2010 года (также в ответ на статью Дэвида Марплза), редактор «The Ukrainian News» Марко Левицкий писал, что «перед вторжением немецких войск советское НКВД, в котором евреи имели непропорциональное членство, было вовлечено в убийство от 4000 до 8000 гражданских заключенных». Петр Потичный рассказал корреспонденту «Washington Post», что евреи, которым удалось дожить до 1943 года на Украине, имели выбор между работой в пользу УПА или на советских партизан. Владимир Вятрович сообщил интервьюеру, что УПА не следует обвинять в убийстве гражданских лиц, так как трудно отличить гражданских от партизан. Такая аргументация только способствует продолжению преступлений. Кроме того, есть случаи, когда из людей, совершавших подобные преступления, делают героев – конечно, кто-то должен положить этому конец. А как насчет лицемерного требования к мировой общественности признать голод 1932–1933 годов геноцидом украинского народа, в то время как кое-кто отказывается признать то, что ОУН и УПА сделали с поляками и евреями?

Иван-Павел Химка
15 февраля 2010 года

Переписывая историю: доказательная перспектива

Одной из величайших трагедий украинского народа является то, что из-за длительно периода безгосударственности и угнетения его история писалась в большинстве случаях угнетателями и/или их представителями. Украина является независимой очень недолгое время. До сих пор некоторые государства, например Российская Федерация, являющая-

ся законным приемником и царской России, и СССР, не могут ослабить свою хватку. До сих пор другие государства, дружески относящиеся к Украине, например Польша, отказываются редактировать предвзято написанную историю. И даже евреи, те, кто на протяжении многих лет были угнетенными и лишенными собственного государства, продолжают разыскивать новых демонов, чтобы избавиться от упреков за не столь безупречное прошлое и поддержать огонь воспоминаний о собственных трагедиях.

28 октября 2008 года Виталий Чуркин, постоянный представитель Российской Федерации в Организации Объединенных Наций, провел пресс-конференцию в ООН в Нью-Йорке, чтобы похвастаться успехами России в срыве попыток Украины поставить Великий Голод (Голодомор) 1932–1933 годов на повестку дня 63-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Он принялся осуждать попытки Украины политизировать Великий Голод (Голодомор) 1932–1933 годов. В ходе обличений он в качестве свидетельства современного политического умонастроения на Украине указывал на то, что Украина реабилитирует сегодня таких отъявленных нацистских коллаборационистов, как Роман Шухевич – генерал Украинской повстанческой армии.

5 мая 2009 года постоянное представительство Российской Федерации в Организации Объединенных Наций провело брифинг под названием «Итоги и уроки Второй мировой войны и настоящее время» в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. Открыл мероприятие Илья Рогачев, заместитель постоянного представителя Российской Федерации в Организации Объединенных Наций. В своем вступительном слове Рогачев отметил: «Несмотря на трагические уроки Второй мировой войны, мы постоянно являемся свидетелями возрождения практики, способствующей эскалации свободных форм расизма, расовой дискриминации и ксенофобии. К сожалению, ряд стран проводит открытую политику героизации тех, кто участвовал в преступлениях нацистов; совсем недавно мы стали свидетелями кощунственных действий или бездействия украинских властей… Открытое прославление… бойцов Украинской повстанческой армии, которые запятнали себя преступлениями против тех, кто воевал в рядах антигитлеровской коалиции, провозглашение известного нациста Романа Шухевича героем Украины, снос и надругательство над памятниками советским солдатам – это все звенья одной цепи приемов, нацеленных на переписывание истории Второй мировой войны и внедрение вопиюще профашистской идеологии в умы настоящего и будущего поколений».

25 января 2010 года Международный совет российских соотечественников собрался в ООН на конференции, чтобы рассказать о достижениях и поделиться своими проблемами. Заседание было отмечено клеветой против соседей России, в частности Латвии, которая имела «наглость» настаивать на практическом владении латышским языком в качестве необходимого условия для гражданства, и Украины, где русские испытали на себе сокращение финансирования украинским правительством их культурных и языковых возможностей. Соотечественники из Украины заклеймили Бандеру, Шухевича и ОУН–УПА, назвав их фашистскими нацистскими коллаборационистами, которых украинское правительство пытается реабилитировать и героизировать.

В ноябре 2009 года Иван Химка, историк из Университета Альберты, представил на рассмотрение 41-й национальной конференции Американской Ассоциации содействия славянским исследованиям в Бостоне научный доклад об Украинской повстанческой армии и Холокосте[2]. После доклада последовало обсуждение его источников и материалов об участии Украинской повстанческой армии (УПА) в убийстве евреев. К его чести, профессор Химка признал, что его доклад частично финансировался Мемориальным музеем Холокоста. Это многое объясняет. Просто Химка за вознаграждение должен был создать одного или нескольких демонов.

7 февраля 2010 года коллега Химки из Университета Альберты Дэвид Марплз опубликовал статью в «The Edmonton Journal» об Украине, чествующей Степана Бандеру, в которой совершенно неожиданно без доказательств или каких-либо ссылок заявил: «Члены ОУН-Б были инициаторами погромов во Львове летом 1941 года, когда было убито около 4000 евреев».

И совсем недавно известный журналист Марк Эймс, прославившийся своей работой и в США, и в Москве, написал статью «Нация». Его целью было раскритиковать уходящего

[2] Речь идет о докладе: **Himka J.-P.** The Ukrainian Insurgent Army and the Holocaust: Paper prepared for the forty-first national convention of the American Association for the Advancement of Slavic Studies, Boston, 12–15 November 2009. – *Прим. ред.*

«оранжевого» президента Украины Виктора Ющенко, среди президентских грехов которого прославление украинского националиста Бандеры. Эймс написал, что бандеровские подразделения участвовали в массовых убийствах евреев во Львове и других частях Западной Украины, где евреи когда-то преуспевали.

Для тех, кто не знаком с Эймсом, его адвокаты вытащили на свет божий его прежние статьи и среди них – анализ конфликта 2008 года между Россией и Грузией. Эймс находится на стороне России.

Вы не замечаете чего-то общего? Поскольку из всех вышеупомянутых ученых только Химка попытался привести доказательства своим утверждениям, давайте обсудим некоторые из его работ относительно Бандеры, Шухевича и ОУН–УПА. Попутно я должен упомянуть, что в частных сообщениях Марплз опирается на эрудицию Химки в его высказываниях.

Химка был известным апологетом Советской власти и остается противником Украины. Одной из его любимых мишеней является Великий Голод 1932–1933 годов, масштаб которого он пытается минимизировать, преуменьшая число жертв. В теперешних нападках на ОУН–УПА и ее лидеров Химка выбрал следующий способ: опереться на свидетельства очевидцев. Это значимый фактор сам по себе, поскольку при рассмотрении дела в суде свидетельства очевидца, несмотря на то, что они имеют некоторый доказательный вес, рассматриваются как не заслуживающие доверия, часто с налетом ошибок, приукрашиваний и т.д. Однако это служит Химке самым лучшим образом, и свидетельские показания, которые он приводит, невозможно опровергнуть.

В одной из своих публикаций, написанных с целью показать, что 1 июля 1941 года ОУН была инициатором погромов во Львове, Химка предлагает рассказы некой Розы Вагнер, которая давала показания в 1945 году в Кракове по просьбе Еврейского Исторического Института.[3] Вагнер повествует о том, что случилось с ней и другими евреями в июле 1941 года во Львове, когда вторглись немцы и Советы были вынуждены бежать. Сам Химка датирует эти события 1 июля 1941 года.

Вагнер описывает свои страхи и страхи своей семьи, гонения, которым они подвергались во Львове от нацистов и местных жителей. Она описывает своих притеснителей, как молодых украинских уличных отморозков, бандитов и разбойников. Нет ни одного упоминания об ОУН. Это очевидно не удовлетворяет Химку, поэтому он извращает факты, предполагая, что Роза не могла знать, что ее гонителями руководила недавно образованная украинская милиция ОУН, состоящая из мужчин. Химка предлагает в качестве дополнительного доказательства карточку-удостоверение Украинской милиции, принадлежащую некому Ивану Ковалишину. Эта карточка не заверена печатью, не подписана и не датирована должностным лицом, выдавшим ее. Другие показания очевидца определяют преследователей евреев во Львове как поляков. Химка просто опускает это определение как ошибочное.

В то время как существуют различные мнения об инциденте во Львове и о том, кем были исполнители преступления, неоспоримые факты говорят, что Советы оставили покрытую кровью землю, тюрьмы, наполненные трупами украинских узников, накопившихся почти за два года после заключения пакта Молотова-Риббентроп и до вторжения нацистов в Западную Украину. Что также является неоспоримым – это то, что евреи служили в советской секретной полиции во время правления Советов в Западной Украине. Разумеется, Химка не упоминает о еврейском соучастии, которое могло бы указать на мотивы ряда их гонителей.

Подобная исследовательская «академичность» характерна для всех трудов Химки об ОУН–УПА и Холокосте, по крайней мере, тех, которые я изучил. Его вышеупомянутый доклад от ноября 2009 года об УПА и Холокосте опирается исключительно на свидетельства очевидцев. Не предлагается никаких документальных подтверждений. В докладе об УПА фактор достоверности является даже еще более сомнительным, чем свидетельские показания Розы Вагнер; по крайней мере, Роза описала события, свидетелем которых она сама была. Все без исключения «свидетельства очевидцев», обвиняющие УПА, не являются свидетельствами вообще, а скорее показаниями с чужих слов, например: «мой друг мне рассказывал, что в деревне УПА убили евреев» и т.д. В случаях прямых показаний речь идет о сражениях между УПА и подразделениями советских партизан или польской Армией Крайова, в которые вхо-

[3] Речь идет о статье: **Химка І.** Достовірність свідчення: Реляція Рузі Ваґнер про львівський погром влітку 1941 р. // Голокост і сучасність. 2008. № 2. – *Прим. ред.*

дили евреи. Хотя еврейское происхождение само по себе, разумеется, не может быть причиной для убийства, оно не дает защиты от нападения, когда ты занимаешь одну из сторон и сражаешься с врагом.

Данная статья не является научной попыткой отмести все голословные утверждения об участии ОУН, УПА, Шухевича или Бандеры в Холокосте. Однако она ставит под сомнение научную компетентность автора, на деле не являющуюся таковой. Утверждения об участии ОУН, УПА, Шухевича или Бандеры в Холокосте, являются надуманными, поскольку ни один из них не был представлен и не упоминался на Нюрнбергском процессе. Советский обвинитель Руденко, конечно, имел доступ в советские архивы, к свидетельствам очевидцев и другим доказательствам. Дело закрыто!

Аскольд С. Лозинский
«Kyiv Post», 16 февраля 2010 года

Украинское прошлое и украинское будущее

Аскольд Лозинский в статье «Переписывая историю: доказательная перспектива» («Kyiv Post», 16 февраля 2010 года) критикует мое историческое исследование, а также поднимает важный вопрос о том, как мы должны поступать с отрицательными аспектами наследия ОУН–УПА.

Несколько лет назад имел место живой обмен мнениями между польскими и украинскими историками относительно резни, происшедшей в Волыни и в Галиции в 1943–1944 годах. Ярослав Грицак называет этот обмен мнениями украинским «спором историков» (historikerstreit), напоминая тем самым о важной дискуссии между немецкими историками о месте Холокоста в истории Германии. Грицак имел в виду, что это было приближение к пониманию темных аспектов прошлого.

Один из фактов, выяснившийся из этой дискуссии, – ответственность УПА и ОУН за убийство сотен тысяч поляков в Западной Украине. (Другим фактом было то, что при любой возможности вооруженные поляки жестоко мстили.) Для меня эти установленные факты означали, что никто не может делать героев из ОУН, УПА или их руководителей. Однако для президента Ющенко и многих других деятелей на Западной Украине и в зарубежных диаспорах это оказалось не так.

Я никогда не участвовал в польско-украинских дискуссиях, но несколько лет назад я начал изучать вопрос о роли украинских националистов в уничтожении еврейского населения Украины, т.е. в Холокосте. Это то, на что Лозинский так неистово отреагировал в своей статье.

По основным направлениям он представляет мое исследование об УПА и Холокосте в ложном свете. Он утверждает, что все без исключения «свидетельства очевидцев», цитируемые мной, являются показаниями с чужих слов, вроде «мой друг мне рассказывал, что в деревне УПА убили евреев и т.д.». Надо признать, я действительно включаю подобные свидетельства, потому что любое значимое историческое событие оставляет следы в памяти, как камень, брошенный в воду, оставляет волны на глади. Ближе к событию, дальше от него, но все равно событие оставляет следы в памяти у всех. Впрочем, я также процитировал ряд свидетельств непосредственных очевидцев, например, свидетельство десятилетнего мальчика, чей отец был убит бандеровцами за два месяца до дачи показаний Еврейской исторической комиссии.

Лозинский также утверждает, что мой научный труд об УПА «опирается исключительно на свидетельства очевидцев и не предлагается никаких документальных подтверждений». Это так же не соответствует действительности. Я ссылаюсь на сборник отчетов Колодзинского батальона УПА, например, о том, как они наткнулись на группу из двенадцати венгерских евреев, скрывающихся в лесу на Волыни, и «отправили их души к праотцу Аврааму». Я цитирую немецкий отчет о том, как их войска не могли настигнуть группу из сотни евреев около Стрыя, но, к счастью, УПА была на месте и убила их.

Моими основными свидетельствами, впрочем, были многочисленные показания евреев, взятые в разных местах, на различных языках, на протяжении шестидесяти лет. Они рассказывают одну и ту же историю: что УПА убивала евреев в то же время, что и поляков, что зимой 1943–1944 годов, когда Красная Армия подошла к Волыни, УПА выманивала оставшихся в живых из леса, записывала их в рабочие лагеря, а потом убивала. Если все эти свидетельства – ложь, то тогда те, кто это утверждают, должны объяснить, как эти ложные показания появились на свет.

Лозинский представляет в ложном свете также другое мое исследование, статью о Львовском погроме, в которой я сопоставил часть устных свидетельств 1945 года с фотографиями 1941 года. Это было исследование достоверности и границ свидетельских показаний, но Лозинский характеризует его, как «написанное, чтобы показать, что… ОУН возглавляла» погром во Львове.

То, что ОУН организовывала погромы и массовое насилие против евреев и других на всей территории Западной Украине в июле 1941 года, – неоспоримый факт. Немецкие документы и свидетельские показания евреев, без сомнения, доказывают, что погромщиками были украинцы. В методах уничтожения, применявшихся повсеместно, можно увидеть характерные признаки координации. Например, во многих районах Галиции в первые нескольких дней погромщики кидали своих жертв в реку. Это было ошибкой, так как вонь от разлагающихся тел вскоре стала невыносимой. Каким образом многочисленные разрозненные группы одновременно совершали одинаковые преступные действия? Кто координировал их?

Многие немецкие документы и свидетельские показания евреев доказывают, что оуновские подразделения милиции поощряли насилие. Руководители ОУН в июле обсуждали между собой и с украинской общественностью необходимость истребления евреев. Послевоенные советские судебные процессы над полицейскими в немецкой службе содержали ряд свидетельских показаний, датированных 1944 годом, в которых милиция ОУН и подразделения «Сичи» назывались в качестве виновников массового насилия. Какие исторические обстоятельства могли привести к этому исключительному историческому рекорду, если ОУН не поддерживала погромы?

По политическим причинам Советы решили в 1959–1960 годах обвинить во Львовском погроме националистический батальон «Нахтигаль». Этот обман оставил после себя громадный бумажный след, который был раскрыт Службой безопасности Украины в начале 2008 года. Почему отсутствует бумажный след, показывающий подобную фальсификацию свидетельств о милиции ОУН?

Фальсификация действительно имела место, но совершило ее не КГБ. Сразу после того, как СБУ раскрыла документацию о батальоне «Нахтигаль», она опубликовала часть того, что было представлено общественности в качестве хроники событий ОУН с июля 1941 года. Документ сообщал, что когда во время Львовского погрома немцы встречались с лидерами ОУН, те отказались от участия в погроме. Однако в документе были названы неверные даты погрома. Кроме того, изучая фрагменты документа, присланные мне украинским посольством в Канаде, я обнаружил, что они были написаны после войны. Позднее Марко Царынник нашел еще более значимые доказательства того, что документ был сфабрикован самой ОУН после войны. Почему же ющенковское СБУ использовало для распространения именно этот документ, если у них в архиве было что-то, действительно снимающее с ОУН вину за погромы?

Лозинский пытается дискредитировать мое исследование, утверждая, что полученное мной поощрение от американского Мемориального музея Холокоста доказывает, что я содействую евреям. Но исследование не о евреях. Существует множество украинских евреев, которые совершенно счастливы легендой о героических и демократических ОУН–УПА, друзьях евреев, – к примеру, Моисей Фишбейн, Виталий Нахманович и Иосиф Зисельс.

Настоящий спор не о евреях вовсе, а об украинцах, о созданном образе украинцев, о том, как они оценивают свое прошлое и кем они хотят быть в будущем.

Во время войны имелись украинские представители, которых серьезно волновали последствия военных преступлений ОУН.

Как только ОУН начала убивать поляков в Волыни, первый атаман ОУН Тарас Бульба-Боровец писал: «Топор и цеп пришли в движение. Целые семьи вырезаются и вешаются, а польские селения охвачены огнем. "Бандиты", к их позору, убивают и вешают беззащитных женщин и детей… Но эти поступки украинцы осуществляют не только в угоду СД (немецкой службе безопасности). Они также представляют себя в глазах мира варварами. Мы должны учитывать, что Англия скоро выиграет войну и она будет обращаться с этими "бандитами", линчевателями и поджигателями, как с агентами, находящимися на службе гитлеровского каннибализма, а не как с честными борцами за свободу, не как со строителями государства».

Пять месяцев спустя после того, как убийство поляков охватили Галицию, глава Греко-католической церкви Андрей Шептицкий обратился к старостам общин, чтобы спасти тех, кому угрожала смерть, а также к националистической молодежи: «Не позволяйте

провоцировать вас на совершение любых чудовищных действий. В конечном итоге это только в интересах наших врагов убедить наших людей предпринимать неразумные шаги, которые могли бы в будущем нанести, и даже должны нанести, большой ущерб нашему народу. Не позволяйте быть обманутыми теми, кто представляют как необходимые действия, находящиеся вразрез с законами Божьими. Помните, что вы не добьетесь ничего хорошего, совершая действия, которые противоречат закону Божьему».

Украинцы не должны принимать наследие ОУН как основу своей идентичности. Существует и другое наследие, которые завещали нам наши предки.

Возникает также вопрос, какие интеллектуальные и моральные характеристики нации мы хотим иметь. Вы хотите изучить сложное украинское прошлое или вы хотите жить с неизученным национальным наследием? Вы хотите начать деконструировать мифы, которые делят нас на восток и запад, или вы предпочитаете продолжать сражаться с событиями, которые произошли почти семьдесят лет назад? Вы хотите определить исторический дискурс, который удовлетворит всех украинских граждан вне зависимости от этнической принадлежности, или вы хотите затаиться в нашем национализме? Мы ценим опыт и толерантность или мы счастливы, имея антисемитизм и ксенофобию?

Трудно переосмыслить нашу историю, когда она стала полем боя между «оранжевыми» и «регионалами», когда критическое осмысление событий прочитывается в контексте шумной антиукраинской полемики. Однако региональные различия и неудобное соседство будут с Украиной еще очень долгое время. Мы не должны дать этим обстоятельствам помешать нам стать такими, какими мы хотим и достойны быть.

Иван-Павел Химка
неопубликованное письмо в «Kyiv Post»

Перевод с английского
Д. Давыдова, А. Дюкова.

История Латвии: сквозь баррикады национально-цехового монополизма

От редакции

Развитие российской исторической науки в постсоветский период привело к формированию пестрой палитры историографических школ, в которой нашли отражение различные методологические ориентиры и идеологические влияния, более или менее удачный опыт преемственности (дореволюционной, эмигрантской, советской) и заимствований (в основном – с Запада), а также оригинальных концептуальных подходов. Вместе с тем распад единого научного пространства, среди прочего, повлек за собой дефицит научных кадров в России, заинтересованных и способных сосредоточиться на исследованиях актуальных вопросов истории новых сопредельных государств. В связи с этим настоящим событием стала работа кандидата экономических наук, доктора политических наук Людмилы Воробьевой «История Латвии: от Российской империи к СССР» (М.: Фонд «Историческая память»; Российский институт стратегических исследований, 2009 - 2010. Кн. 1 - 2), появление которой вызвало неоднозначную реакцию в латвийских научных, общественных и политических кругах.

Известный латвийский историк Хейнрихс Стродс взял на себя труд выступить с объемной рецензией, представив нашему журналу ряд принципиальных соображений и важных замечаний по поводу книги Людмилы Воробьевой. Система аргументации рецензента и его подход к «рентгеноскопии» текста вызывают встречный интерес и являются хорошим поводом для продолжения дискуссии, что и было сделано в ответной рецензии российского специалиста по истории Латвии Владимира Симиндея.

Столетие в истории Латвии и России

Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память» в 2009 и 2010 годах издал в двух томах книгу «История Латвии: от Российской империи к СССР» ведущего научного сотрудника Российского института стратегических исследований, доктора политических наук Людмилы Воробьевой. Эта книга – не систематический курс истории Латвии; она состоит из семи очерков, начиная с «“Балтийского вопроса” в Российской империи» (глава 1, середина XIX века) до «Испытания Великой Отечественной войной» (1945).

На первой странице за титульным листом, в аннотации, автор обещает представить «книгу о латышах и их родине в контексте “балтийского вопроса” в Российской империи, о драматических событиях XX века, вызвавших отход от России прибалтийской окраины, а затем ее новое обретение в виде союзных республик в составе СССР».

В книге на основе малоизвестных, «подзабытых и игнорируемых» официальной Ригой фактов доказывается, что все судьбоносные решения, связанные с советской эпохой, принимались при деятельном участии самих латышей и решающее значение имела не абстрактная «рука Москвы», а «социально-экономические процессы, военно-стратегическая обстановка, а также соотношение сил внутри латышского народа и между этносами, населявшими Латвию в конкретный исторический период».

В введении автор уверяет, что она продолжает линию известных в России патриотических писателей А. Дюкова и М. Крысина, посвятив эти две книги «исследованию наиболее мифологизированных тем в отношениях России/СССР и Латвии в широком международно-политическом контексте со времени вторжения ордена меченосцев в Прибалтику до окончания Второй мировой войны» (Кн. 1. С. 18).

Поставленные автором проблемы и цели довольно серьезны. Поэтому, следуя международно принятой практике научных исследований, хотелось бы в предисловии ознакомиться с анализом существующей историографии и использованных архивов,

на данные которых опирался автор в своих изысканиях. Однако ни историографии, ни анализа источников читатель в данной работе не найдет. Книга доказывает, что автор не работал ни в одном из латвийских, российских или зарубежных архивов, где можно было бы найти те самые обещанные малоизвестные и «игнорируемые» официальной Ригой материалы, так как в обеих книгах на 512 страницах нет ни одного указания на то, что автор получил в каком-то архиве какие-либо игнорируемые «официальной Ригой» материалы. В приложении ко второй книге на 21 странице имеется список документов и мемуаров, а также библиография. Здесь упомянуты 24 тома статей латвийской Комиссии историков, работа Висвалдиса Лациса «Латышский легион в свете правды», «История Латвии. 20 век» Д. Блейере, И. Бутулиса, А. Зунды, И. Фелдманиса (Кн. 2. С. 257-278). Однако читатель не найдет в книге ни одной цитаты или вступления в дискуссию с авторами упомянутых 24 томов. Очевидно, автор строго следует русской советской традиции «не поднимать врага на щит». В книге использована, главным образом, русская и латышская советская литература, а также брошюры, изданные на латышском языке под псевдонимами по заказу Управления пропаганды КГБ СССР для борьбы с латышской эмиграцией (Кн. 2. С. 109, 118). Широко использованы статьи современных так называемых патриотических историков, однако не употреблены исследования Ю. Афанасьева, Е. Зубковой, Б. Соколова и других авторов этого направления.

В первых строках введения звучат давно не слыханные в Латвии лозунги русских шовинистов. «Небольшие по численности народы Прибалтики дважды получали независимость из рук России на стратегически важных территориях, за обладание которыми наша страна боролась веками с Ливонским орденом, Польшей, Швецией, Германией, – пишет автор. – И оба раза эти молодые государства, ведомые горсткой властолюбивых националистов, переходили во враждебный России лагерь, создавая серьезные угрозы ее безопасности» (Кн. 1. С. 9).

Вместо введения в научный оборот новых архивных материалов автор широко использует известный в русской советской литературе метод умолчания. Такие темы, как насильственное подавление революции 1905 года в Латвии, война за независимость Латвии в 1918-1919 годах, аграрная политика Латвии и другие, читатель в книге не найдет. Автор ни словом не упоминает о «латышской акции», которую осуществил СССР, арестовав 74 тыс. и расстреляв 16 тыс. латышей только за то, что они были латышами (расстрелян как латыш). Автор упоминает, что внутренний долг Латвии в 1939 году составлял 55 млн латов, однако не упоминает многие тонны золота латвийского золотого резерва за рубежом. Автор умалчивает, что по числу студентов на 10 тыс. жителей Латвия занимала первое место в Европе. Почему автор критикует стремления латышей быть хозяевами в Латвии и прославляет желание русских властвовать даже в ближнем зарубежье?

По некоторым вопросам автор выдвигает новые, в последнее время не бытующие в официальной российской историографии мысли. Так, «отрыв балтийских окраин от Русского Православного государства» (Кн. 1. С. 225) и его раздробление и смерть еще до Второй мировой войны предотвратил И.В. Сталин.

Нужно согласиться с автором, что у латышских коллаборационистов (как прогерманских, так и просоветских) были свои покровители за границей – в Германии и России (Кн. 2. С. 138). Однако у идеи независимости латышского народа был только один покровитель – латышская нация. У латышской нации есть право sine irae et studio решать, что же происходило и не происходило в Латвии, у латышской нации есть право писать собственную биографию.

Автор признает, что немцы мобилизовали латышей в легион СС (Кн. 2. С. 116, 128-129), признает существование латышского «буржуазно-националистического» независимого движения сопротивления «оппозиционеров» под руководством Латвийского Центрального Совета (Кн. 2. С. 121), деятельность «Союза латышских националистов», обращает серьезное внимание на дезертиров из легиона (Кн. 2. С. 125-126) во время немецкой оккупации, о чем мало пишут латышские историки. Автор также упоминает, что латышские историки признали непричастность балтийских народов ни к Германии, ни к СССР. Однако автор считает, что одним из «подвигов» балтийских историков является утверждение о занятой во время войны «антигерманско-антисоветской» позиции (Кн. 1. С. 14). Но разве Русская освободительная армия и Русский Освободительный комитет таковую не занимали?

Хотя и небольшие, но автор все же делает первые шаги в направлении исторической правды, по крайней мере, прикасается к ней. Вслед за балтийскими историками среди историко-политических мифов автор особо выделяет:

1) конструирование мифа о «русском и советском геноциде» (Кн. 1. С. 14-15) прибалтийских народов;

2) наименование пакта Гитлера-Сталина от 23 августа 1939 года преступным сговором агрессоров, в результате которого произошла оккупация Балтии;

3) очернение освободительной миссии Красной Армии в качестве оккупации Балтии;

4) злонамеренное толкование «жесткой и твердой реакции [СССР] на деятельность вооруженного националистического подполья и вооруженного бандитизма в 1941 и 1949 годах» в качестве массовых депортаций;

5) попытки СССР «восполнить дефицит рабочей силы в Прибалтике организацией притока рабочих рук и специалистов из внутренних регионов Советского Союза» называются колонизацией. Достаточно важно, что автор признает, что после этой «жесткой и твердой» реакции СССР пытался восполнить недостаток рабочей силы в Прибалтике из «внутренних регионов СССР».

Со многими выводами автора можно поспорить или даже отвергнуть их. Следуя средневековым взглядам, согласно которым существуют сила божественная (в данном случае Россия) и дьявольская (Запад), автор необоснованно преувеличивает извечное латышское стремление войти в это царство божие, придуманное самим автором. Во всех известных на сегодняшний день исследованиях латвийских или зарубежных историков и открытых источниках даже не упоминается об участии латышей, как пишет автор, в завоевании Латвии и присоединении ее к Российской империи в XVIII столетии, причастности к заключению пакта Гитлера-Сталина, о присутствии латышских формирований в «освободительных военных походах СССР в 1939-1940 гг.», когда произошло присоединение Латвии к IV Российской империи (СССР). Вопреки авторским открытиям, что «все судьбоносные решения, связанные с советским периодом, приняты с участием латышей», даже латвийским школьникам известно, что ни один латвиец не принимал участия ни в заключении пакта Гитлера-Сталина 23 августа 1939 года на вилле Министерства иностранных дел СССР в Москве на ул. Спиридоновка, 17, ни в Ялтинской конференции в феврале 1945 года, ни в заседаниях Политбюро ЦК ВКП (б) (КПСС) и СНК (СМ) СССР, где принимались решения о судьбе латышского народа, в числе которых были и постановления о вывозе десятков тысяч «классовых врагов» (включая детей и женщин) в Сибирь, ни в других подобных решениях. Даже поздравительные открытки, на которых изображены розы, цензура позволяла печатать, лишь проставив штамп на русском языке «Печатать разрешено» и соответствующий номер[1].

Чтобы доказать немецкое *культуртрегерство*, автор пишет: «Стараясь подчинить своему влиянию культурную и социальную самоидентификацию местного крестьянства и тем самым создать благоприятные условия для *узкой касты колонизаторов*, немцы со второй половины XVI века заложили основы народного образования»[2]. Однако на этой же странице автор утверждает, что немцы систематически старались добиться «конфессионального, культурного и языкового обособления края от России… при недопущении русского культурного, религиозного и языкового влияния в крае» (Кн. 1. С. 31-32).

Объем рецензии не позволяет остановиться на всех спорных вопросах, однако в первую очередь хотелось бы обратить внимание на авторскую трактовку политики Российской империи по русификации Балтии и Польши в середине XIX века.

Политический идеал автора – главный русский национальный имперский идеолог середины XIX века, славянофил Юрий Самарин (1819–1876), которого император Николай I за критику недостаточно строгой политики русификации Прибалтики 5 марта 1849

1 Список сведений, запрещенных к публикации в открытых печатных работах, прессе, радио и телевизионных программах СССР. Секретно. М., 1970. Переиздание на латышском языке: PSRS atklātajos iespieddarbos, presē, radio un televīzijas raidījumos publicēšanai aizliegto datu saraksts. Slepeni. Maskava, 1970. Rīga, 2008. 46 lpp. 34§.

2 Цитата представлена в грубо искаженном виде. В действительности Л.М. Воробьева пишет: «Стараясь подчинить своему влиянию культурную самоидентификацию и социальное поведение местного крестьянства и тем самым создать благоприятные условия для господства в Прибалтике узкой касты колонизаторов, немцы с XVI в. стали издавать на латышском языке книги духовного содержания, в во второй половине XVII – заложили основы народного образования». – *Прим. ред.*

года заключил на 12 дней в тюрьму и работы которого в СССР не позволяли публиковать. Популяризации этих шовинистических «гениальных идей» Ю. Самарина Л. Воробьева в первой книге посвятила восхваляющий параграф с ценными, по ее мнению, для исследования цитатами из работ данного ненавистника неславянских народов (Кн. 1. С. 37).

Автор уверяет, что во второй половине XIX века Российская империя, хоть и с опозданием, вела не этнографическую русификацию балтийских народов и немцев, а политическую. В результате этой русификации (не вследствие функционирования на протяжении веков народных школ) уровень грамотности местного населения составил 79,7% (Кн. 1. С. 51). Однако правительство империи в Петербурге было не только русским, но общерусским. В то время русские уже были имперским суперэтносом, так же, как и немцы в Германии при Гитлере. Это же рассказывала и моя мать, которая еще в начале XX века в качестве наказания за разговор на латышском языке в школьном коридоре пошла домой с повешенной на шее дощечкой «говорил по-латышски». Это действительно была «государственная» русификация. Автор открывает доселе неслыханные вещи, что политика русификации в Российской империи во времена Александра III привела латышей к культурному, экономическому и общественно-политическому прогрессу (Кн. 2. С. 112). Автор жалуется, что чужеземцы в Прибалтике ограничивали и стесняли русских, но сама цитирует Н. Карамзина, который в 1789 году в Прибалтике чувствовал себя как за границей и не слышал русского языка (Кн. 1. С. 30). Однако на следующих страницах автор утверждает, что немецкие «культуртрегеры» не обеспечили подготовку специалистов со знанием русского языка для нужд Прибалтийского края (Кн. 1. С. 51). Уверенно отстаивая политику этнической русификации под руководством российского императора Александра III, Л. Воробьева даже нападает на В. Ленина, который называл Россию «тюрьмой народов», характеризуя данное высказывание как неадекватное и пропагандистское (Кн. 1. С. 52). Неоднократно повторенное признание В. Ленина, что «Россия – тюрьма народов» (которое в СССР воспроизводилось во всех учебниках), автор считает неадекватным и пропагандистским, выдуманным в австрийском и германском генштабах (Кн. 1. С. 11).

Второй вопрос, на который хотелось бы обратить внимание, касается всех наций, населяющих определенную территорию, имеющих свою культуру и язык (со времен Великой французской революции конца XVIII века) и стремящихся основать свое независимое государство. Право латышей на это уже в конце XVIII века признал Гарлиб Меркель, вопреки чему Л. Воробьева понятие «освободительной борьбы» латышского народа берет в кавычки (Кн. 2. С. 24). Основанное 18 ноября 1918 года Латвийское государство автор, следуя советской традиции, называет «буржуазным временным правительством», хотя при этом признает, что его также поддержала социал-демократическая партия меньшевиков (Кн. 1. С. 136).

Как по уделяемому вниманию, так и по частотности появления в размышлениях автор особо останавливается на истории образования Латвийского государства (Кн. 1. С. 95-177) с целью доказать, что большинство латышского народа поддерживало только советскую власть и выступало за тесные связи с Советской Россией, а слово «независимая» берет в кавычки (Кн. 1. С. 137, 140, 177). Образование Латвийского буржуазного государства в 1918 году, вслед за историками советского периода, автор описывает как мероприятие латышской буржуазии, исходившей из своих классовых интересов и приступившей к отделению от России только после Октябрьской революции (Кн. 1. С. 107-108). Идея независимости Латвии, Литвы и Эстонии была разработана в германском генеральном штабе во время Первой мировой войны (Кн. 1. С. 109), и воплотили эту идею в жизнь Германия, Великобритания и Франция, которые воспрепятствовали развитию советской власти в Прибалтике и оторвали Балтию от России (Кн. 1. С. 94, 137).

В соответствии с признаниями ЦК КПСС и СНК СССР, автор считает, что в Латвии 1920-1940-х годов существовал *буржуазный строй*, который образовался после «уничтожения, с опорой на немецких оккупантов и иностранных интервентов, первой латвийской социалистической государственности» (Кн. 1. С. 183-184). Следуя лучшим традициям российской патриотической историографии, согласно которым во всех несчастьях виноват Запад, автор приписывает даже установление в Латвии «авторитарного профашистского режима» К. Улманиса немецкому меньшинству, которое занимало в органах управления

Латвии более 1 000 мест и было пятой колонной нацизма в стране (Кн. 1. С. 218-219).

Попытки автора приписать Улманису гитлеризм и антисемитизм (Кн. 2. С. 112) разбивает тот факт, что в 1939-1940 годах К. Улманис позволил принять 2 049 еврейских беженцев из Германии, Австрии и Польши, в то время как СССР, многие страны Европы и США преследуемых Гитлером евреев не принимали. Говоря о латышской литературе, автор порочит А. Вирзе, славит А. Упитиса и В. Лациса, даже не упоминает Яниса Райниса, Р. Блауманиса, Я. Яунсудраба и других, но лжет, что латышская литература наиболее широко издавалась в СССР до 1940 года. Автор утверждает, что в 1934 году ЛКП(б) насчитывала 1 150 членов, но забывает упомянуть, что в результате описываемого расширения антифашистского движения (Кн. 2. С. 27) численность коммунистов (Кн. 2. С. 32) к концу 1938 года достигла 202 человек, половина из которых сидела в тюрьме.

Третий вопрос, на размышления автора о котором хотелось бы обратить внимание, составляют пакт Гитлера-Сталина от 23 августа 1939 года и, прежде всего, его секретные приложения, а также оккупация государств Балтии Советским Союзом во исполнение условий этого пакта. Авторская трактовка этого вопроса не соответствует ни балтийским, ни международным научным историческим выводам. Оккупация Латвии, начавшаяся после заключения пакта Гитлера-Сталина 23 августа 1939 года с введения в октябре 1939 года военного контингента численностью 25 тыс. солдат и неизвестного количества военных кораблей, а также в 1940 году — еще сотен тысяч красноармейцев и сотен танков, в книге, конечно, представлена как спасение Латвии по желанию трудящихся (Кн. 2. С. 67). Оккупацию требовал «народный антифашистский фронт», которого в Латвии не было. Жаль, что автор не открыл этот никому до сих пор не известный фронт. Зато известно, что СССР заставил Латвию заключить более чем десять дополнительных соглашений к основному договору от 5 октября 1939 года, после чего иностранным кораблям даже воспрещалось заплывать в латвийские порты. При этом автор прославляет дальновидность И. Сталина, который избежал жертв при определении линии, за которую Германия не может продвигаться дальше на восток, в секретном протоколе к договору с Германией от 23 августа 1939 года, однако в 1990 году М. Горбачев не смог добиться запрета для НАТО расширяться в восточном направлении, включая Балтию. К сожалению, автор не указывает никаких первоисточников, которые доказывают, почему в Латвии в 1940 году, в те же самые дни, что и в Литве, и в Эстонии, произошла «социалистическая революция».

Среди излюбленных автором источников часто фигурируют нелегальные пропагандистские издания ЛКП(б), обработанные государственной цензурой СССР сведения из пропагандистских брошюр, на которых основывается рассказ о восстании под руководством «антифашистского народного фронта» против правительства Латвии, за социалистическую революцию. Ни новых материалов, ни выводов на их основании автор не приводит, оставаясь на уровне брошюр агитпропа СССР. Автор не упоминает также ни оперативные группы НКВД СССР, ни деятельность А. Вышинского по ликвидации Латвийской Республики. Но что характерно, «события 1940 года», которые произошли «в результате выступления латышского народа», и «вступление Латвии в СССР» автор больше не называет социалистической революцией. При этом утверждает, что сегодняшние прибалтийские мифы вокруг «пакта Молотова-Риббентропа» о «советской оккупации», «геноциде» и т.д. восходят к нацистской пропаганде и пропагандистским акциям «мюнхенского лагеря», а также используются западными СМИ, чтобы соответствующим образом освещать историю СССР и Прибалтики (Кн. 1. С. 17).

Отблески современных отношений Польши и России наблюдаются в утверждениях автора о Польше и Германии, ставших с весны 1938 года на путь открытой агрессии (Кн. 2. С. 41), а также в выпячивании Мюнхенских соглашений 1938 года для преуменьшения решающего значения пакта Гитлера-Сталина от 23 августа 1939 года в развязывании Второй мировой войны. Авторский взгляд в целом следует признать политически неперспективным: все мировое историческое сообщество идет не в ногу, один автор шагает в ногу.

Есть возражения и против структуры книги. Во-первых, автор не исполняет обещания написать «книгу о латышах и их родине», а пишет о православии в Латвии и о Российской империи. Во-вторых, в латвийскую историю автором включены десятки страниц обзора международных отношений,

которые не касаются Латвии, но на которых предпринимается попытка принизить агрессивную направленность пакта Гитлера-Сталина от 23 августа 1939 года и преуменьшить ответственность России. Автор утверждает, что пакт Гитлера-Сталина был заключен, чтобы уберечь Прибалтику от прямой или косвенной угрозы со стороны Германии (Кн. 2. С. 39-63). В-третьих, надо остановиться на авторской трактовке войны Германии и СССР и двойных стандартах. Если Германия завоевывает Прибалтику, то это немецкая колония (Кн. 2. С. 95), а если СССР, то Прибалтика – законная часть России.

Вопреки утверждениям автора, что с немецкими оккупантами в 1941-1945 годах сотрудничали только «этнополитические круги Улманиса» (Кн. 2. С. 106), сотни латвийских русских подавали заявления в четырех центрах формирования Русской Освободительной Армии Власова – Лудзе, Резекне, Даугавпилсе и Риге, где были сформированы семь вспомогательных батальонов общим числом до 3 тыс. человек. Всего же в германских вооруженных силах в 1943 году служили 550-600 тыс. русских[3].

Автор утверждает, что весной-летом 1943 года в Латвии были организованы подпольные комитеты Компартии и комсомола (Кн. 2. С. 102); на самом деле этого не было. В Латвии боролись 20 тыс. красных партизан, однако 7 января 1944 года Центральный партизанский штаб в Москве сообщил Сталину, что на территории СССР для Латвии подготовлены 812 бойцов, из которых были засланы и десантированы в Латвию около 100 человек[4]. Автор цитирует «Латышскую энциклопедию» (Стокгольм, 1952-1953), где упомянуты 500 дезертиров и 2 тыс. скрывающихся от немецкой армии (Кн. 2. С. 128). В действительности, всего в германскую армию были призваны 110 тыс. человек и до конца 1944 года скрывались или дезертировали более 10 тыс. (9,1%), а в Красную Армию были мобилизованы 57 тыс. человек и с июля 1944 года по 1 мая 1945 года из нее дезертировали или скрывались 11 315 (19,7%) человек[5].

В-четвертых, нужно констатировать незнание автором минимального набора фактов из истории Латвии. В рецензии их все невозможно перечислить, но некоторые упомяну. Систему хуторов в Балтии ввели немецкие помещики (Кн. 1. С. 24), однако здесь они существовали еще до рождения Христа; непривилегированное немецкое дворянство Landsassen автор называет «ландзассы» (Кн. 1. С. 27), хотя эту прослойку на русском языке уже столетиями называют земство; в начале XIX века крестьяне устраивали бунты, поскольку немцы не выплачивали вовремя заработок (!) (Кн. 1. С. 33); в середине XIX века не было латышского алфавита (!) и поэтому была введена кириллица (Кн. 1. С. 55-56); термин «русификация» выдуман и тенденциозен (Кн. 1. С. 57); первоначально на праздниках песен латыши пели немецкий фольклор на немецком языке (Кн. 1. С. 59); в 1917 году 80% земли в Латвии принадлежало «серым баронам» (кулакам) (Кн. 1. С. 97); в начале 1920 года (!) 5 тыс. латышских коммунистов были заключены в латвийские тюрьмы, но в ЛКП в 1922 году было 550 членов (Кн. 1. С. 184, 203); прислуга на сельских хозяев работала в день по 14-18 часов (Кн. 1. С. 190); президент Германии П. Гинденбург (1847-1934) 30 января 1933 года передал власть А. Гитлеру, а не наследовал ее после смерти П. Гинденбурга, как пишет автор (Кн. 2. С. 7); в 1939 году в Латвии было 11% неграмотного населения (Кн. 2. С. 21); в 1940 году было не 1 000 коммунистов (Кн. 2. С. 83), как уверяет автор, а всего 400, из которых 200 находились в заключении; в начале войны из Латвии в Россию убежали не 45 тыс. жителей (Кн. 2. С. 100), а 51 тыс.; 14 июня 1941 года без приговора суда арестованы и высланы 15 424, а не 15 171 человек (Кн. 2. С. 104); ушедший в лес капитан (а не полковник-лейтенант, как пишет автор) К. Аператс 30 июня 1941 года не был в армии Улманиса, а числился командиром батальона связи 181-й дивизии 24-го стрелкового корпуса Красной армии (Кн. 2. С. 108); начальником шуцманов был не руководитель «Перконкруста» Густав Целминьш, как пишет автор, а немец, оберфюрер Вальтер Шредер; Г. Целминьш в марте 1944 года был арестован и работал в разных нацистских концлагерях (Кн. 2. С. 113); не Шредер, как заявляет автор, а доктор Р. Ланге был начальником СД и службы безопасности, а не СС (Кн. 2. С. 113); Латвийское самоуправление было сформировано не в 1943 году, как пи-

3 **Andreyeva S.** Vlasov and the Russian Liberation Movement. Cambridge, London, 1986; **Александров К.М.** Трагедия русского казачества // Новый часовой. 1996. № 4. С. 98; Добровольцы против Сталина // За Родину. Псков, 1942. 16 декабря.

4 **Strods H.** PSRS kaujinieki Latvijā, 1941–1944. Rīga, 2007

5 **Strods H.** Latvijas "zaļie sarkanarmieši", 1944–1945 // Latvijas Vēsture. 2010. № 1.

шет автор, после поражения немецкой армии под Сталинградом (Кн. 2. С. 114), а в июле 1941 года; в Латвии был только один концлагерь в Межапарке, а не большое число, как уверяет автор (Кн. 2. С. 118); в Саласпилсском лагере не было уничтожено 53 700 мирных жителей (Кн. 2. С. 118), там погибло около 2 000 человек; в Германию на принудительные работы гитлеровцы выслали не 280 тыс. (Кн. 2. С. 126), а около 20 тыс. человек. Кроме того, даже самое старшее поколение русских читателей не поймет, о каких местах идет речь, поскольку автор использует топонимы Романовской империи – Митава, Либава, Двинск, Виндава, Голдинген (Кн. 1. С. 74), которые не использовали даже в СССР.

История отношений Латвии и России, в первую очередь, является составной частью истории Латвии и многих несчастных соседних земель Российской империи, начиная от Финляндии на севере через Балтийское море и других стран через Центральную Европу, Черное море, Среднюю Азию, включая Казахстан на востоке, которые пережили судьбу колониальных земель этой империи.

Во-вторых, культурный код латвийской нации и Латвийского государства, так же как и остальных европейских соседей России, еще до тесного соприкосновения с Российской империей в XVIII веке столетиями формировали и определяли ведущие факторы европейской культуры, которых Россия не знала – Ренессанс, Реформация, Просвещение.

В-третьих, у латвийской нации, так же как и остальных европейских наций, во второй половине XIX и в XX веке была возможность познакомиться с Российской III (Романовской) и Российской IV (СССР) империями и с крушением последней принимать собственные решения, которые отличались у всех европейских наций единообразием – порвать политические связи с бывшей империей. Еще Леопольд Ранке[6] в свое время утверждал, что в истории есть только одна правда – независимость, и большинство представителей латышской нации придерживаются этой единственной правды. Поэтому утверждение автора, что только во времена перестройки М. Горбачева «сепаратистски настроенные прибалтийские элиты использовали мифотворчество прежних поколений», чтобы мобилизовать «“коренное население” для выхода из СССР» (Кн. 1. С. 15), не имеет оснований. Эти «мифы о национальной независимости» балтийских народов – историческое самосознание прошлых поколений, о чем в течение пятидесяти лет коммунистической тоталитарной диктатуры СССР запрещалось даже говорить, но империя СССР так и не смогла уничтожить их и достичь того, чтобы Балтия была ей лояльна[7].

В-четвертых, во всем цивилизованном мире, несмотря на закрытость многих архивов бывшей тоталитарной империи СССР, у двух третей жителей не только в памяти, но и в подсознании все еще хранятся зверства этой империи. Поэтому втолковывать латвийской нации, что она и Латвийское государство извечно тянулись к Российской империи, – в любые времена весьма неудачная попытка, которую, тем не менее, предпринимает автор данной книги.

В-пятых, уже двадцать лет как прекратилось господство империи СССР в Балтии. Остался в пошлом и заведенный порядок, когда АН СССР в Москве утверждала не только все планы научной работы латышских историков по истории Латвии – все важнейшие подготовленные тексты сперва необходимо было перевести на русский язык, отпечатать несколько десятков экземпляров так называемых макетов и отвезти их в Москву для согласования в Отделении общественных наук АН СССР. Затем академические курсы по истории Латвийской ССР, следуя указаниям, нужно было перерабатывать и исправлять, и только после разрешения государственной цензуры СССР их можно было печатать. Уже 20 лет латвийские ученые не стремятся писать ни российскую, ни германскую историю и не стараются поучать историков этих государств, как им следует писать историю своих стран. В 1920-1930-е годы латвийский филиал ВКП(б) в Москве не только прямо призывал уничтожить в Латвии «буржуазный строй», но и присылал для этого в страну сотни агентов. Однако в последнее десятилетие ту же самую работу ведут историки-пропагандисты неоимпериалистской России.

В-шестых, нашим народам и историкам обоих государств нужно понять, что мы не враги, что время, когда были конфликты и противоречия, осталось в прошлом. Только после научного исследования прошлого и

---

6 Леопольд фон Ранке (1795–1886) – официальный историограф Пруссии, разработчик методологии историографии, основанной на абсолютизации архивных источников и их критическом анализе, поборник принципа историзма. – *Прим. ред.*

7 **Зубкова Е.** Прибалтика и Кремль. М., 2008. С. 256.

дискуссий мы можем прийти к общим взглядам и договоренностям по истории Латвии и России.

Хейнрихс Стродс
Перевод с латышского В. Богова.

«Покушение» на историю Латвии

Рецензия на двухтомное издание «История Латвии: от Российской империи к СССР» Л.М. Воробьевой, подготовленная доктором исторических наук, почетным членом-корреспондентом Латвийской академии наук, членом Комиссии историков при президенте ЛР Х. Стродсом, обращает на себя внимание некоторыми характерными особенностями, требующими ответных комментариев.

В качестве вступительных тезисов хотелось бы отметить следующие моменты. Стремительное развитие общественно-политических процессов в СССР на рубеже 1980-1990-х годов разорвало оковы советской цензуры, в идеологическом ключе «просеивавшей» все сколько-нибудь чувствительные сюжеты истории. В этих условиях перед российской исторической наукой, столкнувшейся с «хаосом плюрализма», встала проблема сведения воедино эклектичного на первый взгляд исторического нарратива досоветского, советского, антисоветского и несоветского происхождения. Как представляется, в полной мере эта задача к сегодняшнему дню не решена ни в одной из отечественных историографических школ.

В постсоветской Латвии видимость успеха на этом направлении обусловлена подменой многогранной истории народа и территории описанием событий и лиц сквозь призму государственных форм 1918-1940 годов, причем в узкой интерпретации. В таком ракурсе весь ход истории середины XIX – начала XX века «закономерно» ведет к появлению правительства Карлиса Улманиса в ноябре 1918 года, а советский период развития Латвии представляется безвременьем, которое надо было както пережить до «восстановления» в 1990-1991 годах довоенной республики. То есть, на месте советского нормативного мифа в Риге был воздвигнут новый национально-государственный миф. Как тут не вспомнить о высказывании яркого представителя так называемой краковской историографической школы Ю. Шуйского, отзывавшегося о ложной истории как о мастерице ложной политики?

Не удивительно, что предпринятая Л.М. Воробьевой попытка препарировать историю Латвии с опорой на подзабытые фактологические и концептуальные ресурсы советской историографии (с некоторым их переосмыслением и привлечением нового материала, недоступного в советский период) вызвала острое раздражение в стройных рядах латышских историков. В самом деле, разве укладывается в новый нормативный миф аргументированное доказательство того, что левая социал-демократия и большевизм были частью латышской политической культуры XX века, по крайней мере, с 1905 года?

К сожалению, не во всех сюжетах у Л.М. Воробьевой прослеживается применение такого полезного метода, как многофакторный анализ, позволяющего избежать односторонних трактовок и раскрыть противоречивые тенденции развития. Необходима известная поправка на «встречные перегибы», допущенные в ответ на заангажированные интерпретации современных латвийских историков. С этим условием вполне позволительно рассматривать книгу российского автора как весьма полезный труд, расширяющий представление читателей о важнейших вопросах латвийской истории, тесно связанных с отечественной проблематикой.

Структура работы Л.М. Воробьевой не оставляет сомнений в том, что новый двухтомник представляет собой систематизированные в проблемно-хронологическом порядке очерки по актуальным вопросам истории Латвии. Автор сфокусировала свое внимание на наиболее острых сюжетах, ставших не только предметом научной дискуссии, но и «бездонным резервуаром», из которого одалживаются современные латвийские политики и публицисты, развивающие доктрину «советской оккупации» на фоне «извечной российской угрозы». Очевидно также, что научно-просветительский подход, избранный исследователем, предполагал акцент на разбор и кодификацию опубликованных ранее материалов (в том числе малоизвестных, труднодоступных и специально игнорируемых оппонентами). Круг использованных автором источников охватывает официальные документы нормативного, служебного и политико-декларативного характера, российскую, латвийскую и советскую периоди-

ку (включая редкие издания), мемуарную и справочную литературу на русском, латышском, немецком и английском языках, а также научные издания различных историографических школ.

В связи с этим упреки латвийского рецензента в отсутствии новых архивных документов как единственного источника, «где можно было бы найти те самые обещанные малоизвестные и "игнорируемые" официальной Ригой материалы», едва ли могут быть приняты: анализ и синтез обширного массива документов, введенных в научный оборот или опубликованных в иных целях на протяжении жизни нескольких поколений в разных странах, являются вполне годным инструментарием в процессе познания истории. Избирательная «строгость» Х. Стродса к Л.М. Воробьевой в этом вопросе выглядит предвзятой, особенно на фоне источниковедческой дискуссии, ведущейся сегодня в латвийской исторической науке. Так, коллега Х. Стродса, автор книги «Историография истории Латвии» Й. Штейманс, размышляя о задачах профессионального историка, отмечает: «Нужно оценивать не только источники, но и исторические события, происходившие перемены, роль народных масс и выдающихся личностей и др. Что касается архивных документов, то они зачастую необходимы, но не меньшее значение имеют опубликованные стенограммы заседаний, сборники статистических данных и комплекты газет рассматриваемого периода»[8].

Более обоснованной представляется критика Х. Стродса и российского рецензента И.П. Ярова, касающаяся отсутствия в книге раздела, специально посвященного историографическому обзору, состоянию общего баланса историографических идей и их концептуальным истокам[9]. Однако сетования Х. Стродса на то, что «автор строго следует русской советской традиции "не поднимать врага на щит"» и поэтому «читатель не найдет в книге ни одной цитаты или вступления в дискуссию» с латышскими официальными историками, представляется явной натяжкой, вызванной полемическим задором рецензента или его невнимательностью. В первом томе можно, например, ознакомиться с цитатами из коллективной монографии Д. Блейере, И. Бутулиса, А. Зунды, И. Фелдманиса «История Латвии. XX век» (С. 85, 91, 122) или из книги советника президента ЛР по вопросам истории А. Зунды «Отношения Латвии и Великобритании в 1930-1940 гг. Реальность и иллюзии» (С. 132), во втором – обнаружить критический разбор постулатов о «пакте Молотова-Риббентропа» из книги Д. Блейере, И. Бутулиса, И. Фелдманиса, А. Странги, А. Зунды «Латвия во Второй мировой войне (1939-1945)» (С. 56) или о характере режима Карлиса Улманиса из академического издания «Независимое государство. 1918-1940» (С. 22-23). Имеется также ссылка на позицию российского историка «либерального» направления Е.Ю. Зубковой в вопросе о «советской аннексии» Латвии (Кн. 2. С. 137). Не уклоняется Л.М. Воробьева и от дискуссии с самим Х. Стродсом: «Следует отметить, что если в советской историографии преувеличивалось влияние коммунистов на социально-политические процессы в Латвии периода вождистской диктатуры, то в современных латышских научных изданиях этот фактор либо полностью игнорируется, либо подается в духе "теории заговоров" (коммунистическое подполье якобы не имело никакой местной почвы и подпитки, было целиком и полностью инспирировано Москвой и Коминтерном)[10]» (Кн. 2. С. 29). Действительно, сегодня лишь в редких изданиях на латышском языке вскользь упоминается о подпольной борьбе сотен латышей против фашистских тенденций в довоенный период, о заключении в конце 1934 года соглашения между латвийскими коммунистами и активистами Латвийской социалистической рабоче-крестьянской партии, касающегося создания «единого фронта»[11].

Обвинения в использовании автором «метода умолчания» Х. Стродс подкрепляет весьма неудачными примерами. О «насильственном подавлении революции 1905 года в Латвии» рассказано в книге 1 (С. 73-79); поэт и революционер Янис Райнис «даже не упоминается» на с. 73 первого тома, где рассказывается о его идейно-литературных метаниях; «война за независимость» довольно подробно рассмотрена в контексте противостояния

[8] **Šteimans J.** Latvijas vēstures historiogrāfija. Rēzekne: "Latgales kultūras centra izdevniecība", 2010. 5 lpp.

[9] **Яров И.П.** Шаг к познанию правды: Новая книга по истории Латвии // Свободная мысль. 2010. № 3. С. 217.

[10] **Strods H.** PSRS ideoloģiskā protektorāta veidošana Latvijā 1936 –1940 gadā // Latvijas okupācijas muzeja gadagrāmata 2006. Rīga, 2007. 25 lpp.

[11] **Šteimans J.** Latvijas vēstures historiogrāfija. Rēzekne: "Latgales kultūras centra izdevniecība", 2010. 246 lpp.

на территории Латвии в 1917-1920 годах различных сил внутреннего и внешнего происхождения, с учетом изначально высокого уровня большевизации населения и войск в 1917 году в тех районах, которые не были оккупированы немцами.

Действительно, Л.М. Воробьева далека от безоговорочного повторения трактовок событий тех лет в проулманисовской аранжировке, столь распространенных в современной латвийской историографии. Вместе с тем она вовсе не одинока в определении «Народного совета», породившего в 1918 году временное правительство во главе с К. Улманисом, как «самопровозглашенного при поддержке немецких оккупантов» (Кн. 1. С. 183). Например, латвийский историк А. Пуриньш, посвятивший много лет исследованию деятельности главного оппонента К. Улманиса из правого латышского лагеря — пастора А. Ниедры, отмечал: «Парадокс нашей независимости в том, что с точки зрения государственного права у большевиков было вроде бы больше прав решать [вопрос] о государственности Латвии, чем у Народного совета. На всеобщих демократических выборах в 1917 году они получили большинство и создали свою модель латвийской государственности, существование которой *de facto* на территории Латвии прервала немецкая оккупация, от которой красные латышские стрелки в конце 1918 – январе 1919 года освободили большую часть Латвии... Международно-правовой статус провозглашенного 18 ноября 1918 года Латвийского государства был неопределенным и сложным. После аннулирования Брестского мира оккупированная Латвия вроде бы опять находилась под суверенитетом России. Однако в России *de facto* заправляли два претендента на власть – большевики и правительство Колчака... которые в гражданской войне боролись за права единственного правительства»[12]. Так что ссылки рецензента на Великую французскую революцию и немецкого просветителя Г. Меркеля, вполне уместно приводимые для иллюстрации справедливости устремлений латышей, не отменяют противоречий между правом народов на самоопределение и принципом территориальной целостности государств, что до сих пор находит отражение в международно-правовых диспутах.

Вопреки утверждению рецензента, читатель может составить представление об аграрных преобразованиях в Латвии с 1920 года как факторе закрепления власти буржуазного правительства, перераспределившего земли в пользу латышей – в основном, за счет балтийских немцев (Кн. 1. С. 189-190). Расходится с элементарным анализом текста и обличительный пафос Х. Стродса по поводу того, что «автор ни словом не упоминает о “латышской акции”, которую осуществил СССР». Здесь достаточно процитировать Л.М. Воробьеву: «В 1937 и 1938 гг. многие деятели КПЛ, работавшие в Заграничном бюро в Москве и на руководящих постах в ВКП(б), подверглись необоснованным и незаконным политическим репрессиям в СССР. Их обвинили в национализме и измене... В июле 1937 г. в Москве было ликвидировано латышское культурно-просветительское общество “Прометей”, образованное в 1923 г. и издававшее общественно-политическую и художественную литературу на латышском языке, включая произведения советских писателей. Связанные с “Прометеем” партийные деятели и работники культуры почти все подверглись жестоким политическим репрессиям. В Москве был также ликвидирован Государственный латышский советский театр *Skatuve* (“Сцена”) и другие латышские культурные учреждения» (Кн. 2. С. 31, 32).

Поражает обилие неточностей у латвийского историка, взявшегося за труд убедить читателя в «незнании автором минимального набора фактов из истории Латвии». К примеру, в том, что «ландзассы» – это и есть земство, хотя система «классических» земских учреждений в Курляндии и Лифляндии распространена не была, или в наличии латышского алфавита со всеми диакритическими знаками в середине позапрошлого века, или в отсутствии инцидентов на почве товарно-денежных отношений в начале XIX века между помещиками и лично свободными работниками... Х. Стродс с тем же упорством пытается доказать, что на территории Латвии нацисты устроили «только один концлагерь», как и опровергнуть известный эпизод перенятия Гитлером полномочий главы государства именно после смерти президента Германии П. фон Гинденбурга в 1934 году. Несколько утрированными представляются придирки по поводу использования дореволюционных топонимов — в соответствующих местах книги дается их «расшифровка».

[12] **Puriņš Ā.** Andrievs Niedra. Četri gadi un viss mūžs. Rīga: “Valters un Rapa”, 2005. 234, 235 lpp.

Вместе с тем, ряд указаний на ошибки можно считать полезными (например, коллаборационистское «самоуправление» действительно было создано в 1941 году, а бывший улманисовский офицер К. Аператс получил звание, аналогичное полковнику-лейтенанту, уже при нацистах).

«Попытки автора приписать Улманису гитлеризм и антисемитизм» опираются на богатый фактический материал, позволяющий судить о том, что именно и в каких пропорциях латвийский диктатор позаимствовал у германского нацизма или итальянского фашизма. Карлис Улманис действительно не инициировал физическое уничтожение евреев, но после переворота 15 мая 1934 года у многих из них отнимались разрешения на работу адвокатами и врачами, им больше не могли принадлежать предприятия в ряде отраслей экономики. Под нажимом нацистов из Латвии постепенно выдавливались иностранные компании с еврейским капиталом. В 1938 году Германия под предлогом «воспитания прессы в духе нейтралитета» потребовала от Латвии навести «арийский порядок» в печатных изданиях, убрав евреев из состава корреспондентов за рубежом и корпуса редакторов, а также из числа владельцев газет. Официальная Рига согласилась с антисемитскими претензиями нацистов в отношении журналистики, как и в торговой сфере, и в течение следующего года «зачистка» была произведена в ведущих латышских газетах «Брива земе» и «Яунакас зиняс», а также в русскоязычном издании «Сегодня». Как отмечал глава МИД Латвии В. Мунтерс в беседе с германским послом в Риге У. фон Котце в мае 1939 года, «именно этот тихий антисемитизм дает хорошие результаты, которые народ, в общем, понимает и с которыми соглашается»[13].

Латвийский историк обрушивается на российскую коллегу за то, что авторская трактовка «пакта Молотова-Риббентропа» «не соответствует ни балтийским, ни международным научным историческим выводам», якобы базирующимся на консенсусе по поводу «решающего значения пакта Гитлера-Сталина от 23 августа 1939 года в развязывании Второй мировой войны». Но эта трактовка, как должно быть известно даже не очень опытным историкам, в оценке прагматичности решения прямо и непосредственно восходит к трактовке пакта такого не только великого политика, исторического свидетеля, но и международно признанного исследователя Второй мировой войны, как Уинстон Черчилль. В частности, британский лидер, характеризуя этот договор как «одиозный противоестественный акт» с точки зрения неизбежного идеологического и военного антагонизма СССР и Третьего рейха, признавал: «В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи»[14].

К «общепринятым» выводам рецензент относит и свои (весьма радикально-ревизионистские даже по латвийским меркам) умозаключения о том, что «советская оккупация» Латвии началась еще в октябре 1939 года, а «три балтийских демократии [при авторитаризме К. Улманиса, К. Пятса и А. Сметоны? – *В.С.*] были единственными парламентскими государствами [разве Сейм Латвии не был разогнан в мае 1934 года? – *В.С.*], которые 50 лет провели в коммунистической тоталитарной диктатуре» [в постсталинские периоды, включая «перестройку»? – *В.С.*][15]. И приходит к подкупающему своей «окопно-строевой правдой» выводу: «Авторский взгляд в целом следует признать политически неперспективным: все мировое сообщество идет не в ногу, один автор шагает в ногу».

Тут все же следует сделать несколько замечаний, характеризующих историографическую ситуацию в современной науке и указывающих на один важный первоисточник «оккупационной» риторики в адрес СССР, применительно к событиям 1939-1940 годов.

Во-первых, поиск истины может вестись наперекор «модным» тенденциям в историографии и политической риторике. В исторической науке известно немало примеров, когда суждения, выпадавшие из общепринятых канонов, в дальнейшем оказывали существенное влияние на корректировку доминирующих представлений.

13 **Kangeris K.** Latviešu ub ebreju attiecības Trešā reiha skatijumā. 1933–1939 gads // Holokausta izpētes jautājumi Latvijā (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 8 sej.). Rīga, 2003. 56 lpp.

14 **Черчилль У.** Вторая мировая война. М.: Воениздат, 1991. Кн. 1. Т. I–II. С. 179.

15 **Strods H.** PSRS politiskā cenzūra Latvijā 1940-1990. Rīga, 2010. 14 lpp.

Во-вторых, не все европейские ученые «шагают в ногу» с латвийским рецензентом, не говоря уже о российских коллегах. Отсутствие консенсуса в трактовках последствий секретного протокола к договору от 23 августа 1939 года признает даже такой сторонник интерпретации советско-германского пакта в качестве если не причины, то «фундамента для начала Второй мировой войны»[16], как германский историк, доктор Я. Липински: «Но не закончилась дискуссия по поводу того, повлиял ли прямо или косвенно и в какой мере протокол на развязывание Второй мировой войны, дискуссия об экспансионистской политике Сталина, относительно существующих сегодня государственных границ и их зависимости от протоколов. Историки также продолжают спорить о мотивах и ответственности подписавших его сторон»[17]. Заочно оппонирует Х. Стродсу доцент Западного института в Познани, доктор исторических наук С. Жерко: «Трудно, однако, согласиться с тезисом, будто только этот пакт позволил Гитлеру развязать войну. Разжечь вооруженный конфликт всеобщего масштаба германский диктатор был готов значительно раньше, когда мысль о соглашении с СССР еще казалось мало реальной»[18]. Более определенно в этом отношении высказывается украинский историк права, доктор юридических наук В. Макарчук: «Эмоциональный (но не международно-правовой) характер имеют обвинения Советского Союза в том, что своими действиями он, начиная с августа 1939 г. (от пакта Риббентропа-Молотова), якобы прямо поощрял агрессора и поэтому несет *ответственность* за развязывание Второй мировой войны на равных основаниях с гитлеровской Германией»[19]. Он также отмечает, что «с правовой точки зрения, норм *de lege lata* – действовавшего в 1939 г. международного права, ввод советских войск на территорию Второй Речи Посполитой не может трактоваться как начало войны – и не был таковым»[20]. О том, что советско-германские договоренности 1939 года, как это ни парадоксально, стали одной из предпосылок успешной борьбы с германским нацизмом, пишет литовский исследователь, кандидат философских наук М. Бугаковас: «Именно "пакт Молотова-Риббентропа" помог Советскому Союзу избежать гибельной войны на два фронта (на Востоке и Западе), выиграть время и пространство для подготовки к будущим сражениям»[21].

В-третьих, один из истоков «оккупационной риторики» в адрес СССР действительно можно найти в документах нацистской пропаганды. Именно гитлеровское руководство обвиняло Москву в нарушении «пакта Молотова-Риббентропа» путем устранения в Латвии, Литве и Эстонии антикоммунистических диктаторских режимов и установления советской власти. Так, в меморандуме МИД Германии, врученном советским представителям в Москве и Берлине 22 июня 1941 года после развязывания войны, утверждалось: «Оккупация и большевизация Советским Союзом предоставленных ему сфер интересов являются прямым нарушением московских соглашений, хотя имперское правительство в течение какого-то времени и смотрело на это сквозь пальцы»[22].

Путем выдергивания фраз из рецензируемой книги, искаженного цитирования и приписывания автору нелепых утверждений собственного сочинения Х. Стродс пытается высмеять российского ученого и, по сути, уклониться от спокойной и содержательной дискуссии. Отчасти справедливо упрекая в использовании некоторых стереотипов советской историографии, он сам скатывается до крикливых штампов русофобского толка («в то время [середина XIX века] русские уже

[16] **Липинский Я.** Секретные протоколы Сталина и Гитлера – нескончаемая история с 1939 г. // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. Материалы международной конференции, организованной Институтом всеобщей истории РАН, Латвийским университетом, Институтом современной истории (Мюнхен), Московским отделением Фонда им. Конрада Аденауэра. Москва, 3–4 февраля 2005 г. М., 2006. С. 28–29.

[17] Там же. С. 43.

[18] **Жерко С.** Внешняя политика Германии накануне Второй мировой войны // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков: Научное издание / Под ред. М.М. Наринского и С. Дембского. М., 2009. С. 142–143.

[19] **Макарчук В.С.** Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны: Историко-правовое исследование / Фонд «Историческая память». М., 2010. С. 185.

[20] Там же. С. 174.

[21] «Molotovo-Ribentropo paktas» XX amžiaus geopolitinių procesų kontekste. Tarptautinės konferencijos medžiaga. Vilnius, 2009 m. rugsėjis. = «Пакт Молотова-Риббентропа» в контексте геополитических процессов XX века. Материалы международной конференции. Вильнюс, сентябрь 2009 г. Vilnius, 2010. P. 94.

[22] Оглашению подлежит: СССР-Германия. 1939–1941: Документы и материалы / Сост. Ю. Фельштинский. М., 2004. С. 361.

были имперским суперэтносом, так же, как и немцы в Германии при Гитлере») или навешивания ярлыков (Ю.Ф. Самарин, объективно способствовавший эмансипации латышей от средневековых оков немецкого гнета, выставлен как «ненавистник неславянских народов»).

Больше всего обращает на себя внимание обида рецензента на то, что Л.М. Воробьева покусилась на монопольное пространство официозных историков: «У латышской нации есть право *sine irae et studio* решать, что же происходило и не происходило в Латвии»; «Уже 20 лет латвийские ученые не стремятся писать ни российскую, ни германскую историю и не стараются поучать историков этих стран, как им следует писать историю своих стран». При этом Х. Стродс пытается прикрыть столь уютный монополизм латышской историографии цитатой из выдающегося прусского историографа Л. Ранке, который на самом деле достиг вершин в своих изысканиях, не ограничиваясь прусской проблематикой.

Ну и совсем неприличной, выпадающей за рамки даже самой «горячей» научной дискуссии, выглядит «разоблачительная» тирада рецензента: «В 1920-1930-е годы латвийский филиал ВКП(б) в Москве не только прямо призывал уничтожить в Латвии "буржуазный строй", но и присылал для этого в страну сотни агентов. Однако в последнее десятилетие ту же самую работу ведут историки-пропагандисты неоимпериалистской России». На фоне этих огульных выпадов Х. Стродса в адрес российских историков как-то блекнут позитивные финальные фразы рецензии, призывающие к отказу от образов врага и плодотворным совместным поискам истины.

Владимир Симиндей

Проект фонда "Историческая память"

Жертвы националистического террора в западных регионах СССР

На протяжении долгих лет история деятельности вооруженных националистических формирований на территории западных регионов Советского Союза оставалась запретной для исследователей темой. Наличие масштабного антисоветского вооруженного подполья в республиках Прибалтики, на Западной Украине и в Западной Белоруссии не укладывалось в прокрустово ложе официальной идеологии, оперировавшей понятиями единства советских народов и прогрессивности советского строя.

После распада Советского Союза история ожесточенной «войны после войны» в западных регионах СССР оказалась в центре внимания политической элиты независимых государств. Необходимость создания национальной мифологии с четко заданными антироссийскими параметрами повлекла за собой постройку нового пантеона национальных героев.

Фонд «Историческая память» считает подобное положение недопустимым. Мы уверены, что память невинных жертв националистического террора должна бережно сохраняться и увековечиваться – точно так же, как и память о невинных жертвах советских политических репрессий. Мы так же уверены, что делать это надо даже тогда, когда ответом на мемориализацию памяти жертв могут стать репрессии со стороны тех, кому милее убийцы. Мы убеждены, что только доскональное, основанное на серьезной источниковой базе, исследование всех аспектов деятельности антисоветских националистических формирований в западных регионах СССР позволит понять и преодолеть эту трагическую страницу нашей общей истории.

Сознавая, что проблема сохранения памяти о жертвах националистического террора актуальна для Белоруссии, Латвии, Литвы, Польши, России и Эстонии, фонд «Историческая память» начал реализацию проекта по созданию общедоступной электронной базы данных жертв националистического террора в западных регионах СССР.

Фонд "Историческая память" призывает всех, кому небезразлична память о невинных жертвах всевозможных "лесных братьев", поддержать реализацию проета

http://lists.historyfoundation.ru/

Рецензии

Ehrenfreund N. The Nurnberg Legacy. How the Nazi War Crimes Trials Changed the Course of History. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 257 p.

Нюрнбергский процесс и последовавшие за ним суды над нацистскими военными преступниками – тема, имеющая непреходящее историческое, политическое и моральное значение. Не случайно изучению этих судебных процессов посвящены многие тысячи исследований, написанных историками самых разных национальных школ. Вполне естественно, что столь актуальная тема рассматривается очень по-разному. Эта разница была особенно заметной в работах периода холодной войны, но и в начале XXI века нередко появляются исследования, представляющие «национальную версию» Нюрнбергского процесса. Одним из наиболее ярких примеров такого рода работ является научно-популярная книга Норберта Эренфренда «Нюрнбергское наследие. Как суды над нацистскими военными преступниками изменили ход истории».

Н. Эренфренд (1922 г.р.) не является профессиональным историком, более того, «Нюрнбергское наследие» – это его единственная историческая работа. Тем не менее, книга Эренфренда представляет некоторый интерес. Дело в том, что Норберт Эренфренд был одним из журналистов, освещавших Нюрнбергский процесс[1]; впоследствии он сделал блестящую судебную карьеру, вершиной которой явился пост судьи в Верховном суде Калифорнии. Таким образом, при анализе Нюрнбергского процесса Эренфренд мог опираться как на свои личные воспоминания, так и на прекрасное знание судебной процедуры.

Стоит подчеркнуть, что именно фрагменты личных воспоминаний, присутствующие в книге Эренфренда, являются наиболее ценной и оригинальной ее составляющей. В остальном «Нюрнбергское наследие» производит достаточно поверхностное впечатление, прежде всего в силу выбора материалов, которыми автор пользовался при написании своей работы. В первой части книги, посвященной рассмотрению Нюрнбергского процесса и двенадцати так называемых Американских Нюрнбергских процессов 1946-1948 годов, Эренфренд опирается на американское издание материалов Нюрнбергского процесса, исследования американских и британских авторов, а также на немногочисленные публикации в прессе – в большинстве случаев это материалы газеты «Нью-Йорк Таймс». Работы историков других национальных школ Эренфрендом не только не цитируются, но и вообще не упоминаются. Во второй части «Нюрнбергского наследия», посвященной Токийскому процессу, развитию международного права во второй половине XX века и деятельности Гаагского трибунала, источники Эйренфреда становятся еще более скудными – он обращается к хрестоматийным международным документам (например, Женевской конвенции), немногочисленным американским исследованиям и материалам центральной американской прессы («Нью-Йорк Таймс», «Ньюйоркер», «Азиа Таймс»). В третьей части своей книги Эренфренд ограничивается критикой деятельности администрации Буша[2]; фактически это уже не исследование, а набор политических высказываний бывшего судьи.

Невзирая на весьма слабый научный уровень, книгу «Нюрнбергское наследие» отличает наличие четкой авторской концепции. Эренфренд подчеркивает, что его главной целью было не описание Нюрнбергского процесса, а анализ того громадного влияния, которое суды над нацистскими военными преступниками оказали на дальнейшее историческое развитие (P. XVI). Это влияние Н. Эренфренд оценивает как глобальное. Он полагает, что Нюрнбергский процесс предопределил все дальнейшее развитие истории не только в сфере защиты прав человека, но и в области международного права, медицинской этики и даже этики большого бизнеса (P. 216 – 217). Непосредственными результатами Нюрнбергского процесса Эренфренд считает и принятие Всеобщей декларации прав человека, и Женевскую конвенцию о защите жертв войны, и борьбу против сегрегации негров в США, и даже деятельность Гаагского трибунала.

Воздействие Нюрнбергского наследия на исторический процесс Н. Эренфренд делит на три этапа – это суды над нацистами, последовавшие за международным Нюрнбергским процессом, период своеобразного затишья во второй половине XX века и, наконец,

торжество Нюрнбергского наследия в конце XX – начале XXI века (работа Гаагского трибунала и создание Международного уголовного суда).

Такая точка зрения может показаться спорной, однако, по-видимому, Н. Эренфренд полагает, что процессы над нацистскими военными преступниками стали тем выводом, который человечество сделало из Второй мировой войны. Иными словами, в его понимании слова «Нюрнбергское наследие» и «наследие Второй мировой войны» очень близки.

Пожалуй, наиболее яркой чертой взглядов Эренфренда является крайний американизм. При чтении первой части книги, посвященной непосредственно Нюрнбергскому процессу, создается отчетливое впечатление, что участие в нем других стран носило чисто декоративный характер: первым толчком к началу Нюрнбергского процесса послужило то, что американцы, чьи родственники остались на оккупированных нацистами территориях, перестали получать известия от близких и занялись розысками (P. XII); американские юристы полностью контролировали весь ход процесса; американский обвинитель Роберт Джексон фактически волевым решением установил, что обвиняемые будут выслушаны с точки зрения презумпции невиновности (P. 35) и т.д. и т.п.

Стоит отметить, что фигура главного обвинителя от США Роберта Джексона в книге Эренфренда приобрела поистине эпический масштаб. Это уже не историческое лицо, а литературный персонаж, «герой Нюрнбергского процесса» (P. 217), который «подобно крестоносцу боролся за справедливость». Н. Эренфренд подчеркивает, что суд над нацистами был личной инициативой Джексона, которому удалось убедить в его необходимости американского президента (P. 16); именно Джексон определял перечень обвинений и их значимость, разрабатывал совершенно новую судебную процедуру, решал, принимать ли те или иные документы в качестве доказательств, выиграл словесную дуэль с Герингом и, наконец, делал строгие выговоры судьям (P. 76). В «описании» деятельности Джексона Эренфренд прибегает не к искажению фактов, а скорее к интерпретации и преувеличению – Роберт Джексон становится своего рода воплощением Америки, всех остальных американских юристов на Нюрнбергском процессе как бы не существует, все их заслуги и достижения оказываются заслугами и достижениями одного Джексона.

Возвращаясь к проамериканскому характеру книги Эренфренда, необходимо отметить, что к анализу событий конца XX – начала XXI века он подходит с ярко выраженных националистических позиций. Рассматривая судебные процессы над Слободаном Милошевичем и Саддамом Хусейном, Н. Эренфред не высказывает и тени сомнений в их виновности. Напротив, он отмечает, что доказательства их вины были исчерпывающими, в частности, на территории бывшей Югославии якобы действовали концентрационные лагеря, мало чем отличавшиеся от нацистских (P. 127).

Суд над Милошевичем рассматривается Эренфрендом как в высшей степени объективный и полностью соответствующий стандартам международного права. По мнению автора «Нюрнбергского наследия», Милошевич «обязан Нюрнбергскому процессу тем, что… ему была предоставлена возможность защитить себя перед справедливым судом» (P. 157).

Такое же чувство благодарности должен был, по версии Эренфренда, испытывать Саддам Хуссейн. Несмотря на то, что суд над Саддамом Хусейном вызвал массу негативных откликов, Эренфренд полагает, что это было честное судебное разбирательство, незначительные нарушения которого вполне можно простить «молодой иракской демократии», ведь судьи рисковали жизнями для того, чтобы совершить это «благородное дело» (P. 195). В целом, суд над Хусейном автор «Нюрнбергского наследия» оценивает как огромный шаг вперед на пути отстаивания прав человека, т.к. «впервые в истории бывшего главу государства за преступления против человечности судил и осудил его собственный народ» (P. 194).

Любопытно, что Н. Эренфренд в принципе не затрагивает вопросы справедливости или несправедливости вторжения Соединенных Штатов в Ирак и бывшую Югославию. Однако это молчание достаточно красноречиво. На протяжении всей книги Эренфренд повторяет, что со времен Второй мировой войны США «показали себя как мировой лидер в области морали» (P. 119), иными словами, вмешательство в дела Ирака и Югославии оценивается как обоснованное и направленное на защиту прав человека.

Еще одной яркой чертой книги Эренфренда является жесткая критика Советского Союза. При анализе Нюрнбергского процесса Н. Эренфренд упоминает советских судей только для того, чтобы подчеркнуть, что они совершенно не разбирались в международном праве и слепо следовали указаниям из Москвы. Но автор «Нюрнбергского наследия» не ограничивается критикой советских судей, он фактически ставит знак равенства между нацистской Германией и Советским союзом. Эренфренд пишет: «К концу Нюрнбергского процесса стало очевидно, что оба режима – и нацистский, и советский – возглавляют жестокие диктаторы» (P. 62). Так же, как и Германия, СССР совершал преступления против мирного населения и вел агрессивную войну. Н. Эренфренд с сожалением отмечает, что только потому, что СССР входил в число стран-победительниц, эти преступления остались без внимания.

Несомненным недостатком книги бывшего судьи Эренфренда является также некоторая наивность авторской концепции. Например, он утверждает, что на Нюрнбергском процессе обвиняемые были выслушаны с позиции презумпции невиновности. Еще более сильное впечатление производит утверждение, что в результате Нюрнбергского процесса граждане тоталитарных государств якобы получили защиту от беззаконий, которые творят их правительства, и теперь могут призвать своих лидеров к ответу (P. 122).

Думается, что книга Норберта Эренфренда может представлять интерес не как исследование по истории Нюрнбергского процесса или международного права (в этой сфере автору не удалось сказать ничего нового), а как образец принятого среди американских консерваторов взгляда на историю. Позиция Н. Эренфренда отнюдь не уникальна, именно поэтому бывший судья, как правило, не приводит никаких доказательств в пользу своей концепции. Полный контроль США над Нюрнбергским процессом, оправданность решений Гаагского трибунала, уподобление Хусейна Гитлеру (P. 191) – все это для Эренфренда настолько очевидно, что доказательств попросту не требуется. «Нюрнбергское наследие» в интерпретации Эренфренда имеет отношение не столько к истории, сколько к политике.

Елена Браун

---

[1] В 1946–1949 гг. Норберт Эренфренд был корреспондентом американской военной газеты «Старз энд Страйпс» (Stars and Stripes), предназначенной для американских военнослужащих в Европе.

[2] Эренфренд не одобряет противоречащее правам человека обращение с подозреваемыми в терроризме и неучастие США в работе Международного уголовного суда.

Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial 1940–1944. Chişinău: "Lyceum", 1997. 346 p.

Одним из проявлений антисемитизма в наши дни является непризнание Катастрофы. Одни отрицают существование нацистского геноцида, объявляя Холокост «величайшим обманом XX века», другие, не отрицая отдельные факты истребления евреев фашистами, нарочно преуменьшают масштабы, заявляя, что Холокост следует рассматривать как ординарное, не заслуживающее серьезного внимания явление.

В последние годы в общий хор низвергателей Холокоста влились голоса оживших в посткоммунистической Румынии националистических и профашистских элементов. Поводом для обсуждения «еврейского вопроса» послужила развернувшаяся после свержения диктатуры Чаушеску кампания по реабилитации казненного в июне 1946 года военно-фашистского диктатора Румынии маршала Иона Антонеску.

Под влиянием своих румынских коллег в кампанию по реабилитации маршала Антонеску и его политики в «еврейском вопросе» втянулись прорумынски настроенные националистические круги в Республике Молдова. Предлагалось воздвигнуть кондукэтору памятник в Кишиневе, а националистическая печать посвятила Антонеску ряд хвалебных публикаций. Одна из работ, изданных в молдавской столице, – книга историка Анатола

Петренку «Бессарабия во Второй мировой войне: 1940–1944 годы». Значительное место в ней уделяется «еврейскому вопросу», о его освещении в книге и пойдет речь в нашей рецензии.

У читателя резонно возникает вопрос: что нового по сравнению со своими предшественниками-единомышленниками вносит А. Петренку в трактовку этого вопроса? Ведь на эту тему в последние годы в той же Румынии написано немало. Прямо скажем: ничего нового А. Петренку не вносит, он лишь пытается реанимировать на примере Бессарабии «аргументы» самого Антонеску в защиту проводившейся им политики геноцида по отношению к бессарабским и буковинским евреям, продемонстрировать свою приверженность концепции современной румынской крайне правой и националистической историографии. При этом книга Петренку представляется читателю как научное исследование, на ее титульном листе стоит гриф Государственного университета Молдовы, работа обсуждалась и получила одобрение на историческом факультете этого высшего учебного заведения, а наставниками и консультантами А. Петренку во время его стажировки в Румынии являлись академики, директора научных учреждений, профессора, доктора исторических наук из Бухареста, Ясс, Клужа. Всем им, а также своим коллегам из Кишиневского университета на первой же странице автор выражает глубокую признательность и благодарность за ценные советы и рекомендации.

Сам А. Петренку объявляет в предисловии, что при написании работы он придерживался принципов «научности», «объективности», он «избавлен от субъективизма при отборе и трактовке фактов», предпочтение отдает документам, а не всяким мемуарам, воспоминаниям и т.д. Автор счел нужным подчеркнуть, что он дистанцируется «от существующего в некоторой среде рассматриваемого периода ксенофобного антисемитизма», но предупреждает, что проявляет свое «критическое отношение к эксклюзивным позициям некоторых авторов» (с. 11).

Однако достаточно ознакомиться с подходом А. Петренку к отбору фактов для аргументации своих положений, чтобы убедиться в лживости разглагольствований о «научности», «объективности», отказе от «ксенофобного антисемитизма», якобы присущих его работе. Он решительно отвергает документы и материалы, содержащиеся в известных ему сборниках, как-то: «Черная книга. Страдание евреев Румынии 1940–1944 гг.»; «Документы о судьбе румынских евреев во время Катастрофы» (пятый том этого 12-томного издания целиком посвящен Бессарабии, Буковине и Транснистрии); «Евреи Румынии в 1940–1944. Том II. Еврейская проблема в стенограммах Совета Министров», хотя это документы из румынских архивов, на румынском языке, исходящих от администрации военно-фашистской диктатуры и неопровержимо доказывающие, что истребление евреев Бессарабии, Буковины и Транснистрии с самого начала войны стало важнейшей задачей тогдашних правителей Румынии. Именно эти документы не устраивают г-на Петренку, они не укладываются в концепцию автора. По этой же причине он полностью игнорируем работы современных румынских исследователей (Р. Флориан, Д. Хурезяну, Л. Бенжамин и др.), отрицательно оценивающих политику диктатуры Антонеску и осуждающих юдофобство румынского фюрера, а также труды о Холокосте в Бессарабии, Буковине и Транснистрии зарубежных авторов (Р. Хильберг, Ю. Фишер, И. Бутнару, Ж. Энчель, Д. Литани, С. Палти и др.).

Душа г-на Петренку лежит к другим авторам (Г. Мунтяну, Д. Пэдуре, И. Емилян), чьи брошюры, изданные в годы фашистского режима, пропитаны от начала до конца духом антисемитизма и призваны были разжигать среди невежественной толпы ненависть к евреям и создать соответствующую атмосферу для решения в нацистском духе «еврейского вопроса». Эту бульварную литературу, считает Петренку, можно приравнивать к документам времени. О брошюре «Жиды. Заметки из трагедии эвакуации Бессарабии» и об ее авторе – румынском офицере Г. Мунтяну, участвовавшем в отходе румынской армии из Бессарабии в конце июня 1940 года, А Петренку пишет: «Автор (т.е. Мутпяну. – И.Л.) считает, что “группы из евреев, организованные в банды драчунов, воров и уголовников, предавали свое жидовское племя, склонное к подлости”. Хотя в работе, – продолжает Петренку, – нет фактов и конкретных фамилий лиц и описание базируется на персональных впечатлениях автора... все же брошюра является историческим документом, тем более что о нападениях еврейских банд (и не только) говорят и другие очевидцы». В опусе некого И.В. Емиляна «Большевизм и церковь» Петренку отыскал такой подходящий для себя факт: «В Бельцах все христианские церк-

ви подвергались глумлению бандами жидов, которые уничтожали кресты на куполах и водружали на их место красные флаги», а в Белгород-Днестровске священнослужитель местного кафедрального собора Еусебиу Ионович «был застрелен иудео-коммунистом Цукерманом» и т.д.

С большой охотой пользуется А. Петренку «компрометирующими» евреев фактами, почерпнутыми в работах современных румынских авторов, в частности, в книге И. Скурту и К. Хлихара «Год 1940. Драма румын между Прутом и Днестром» (последний – одни из консультантов Петренку во время его пребывания в Румынии – удостоившийся благодарности стажера) и в коллективной работе «История Бессарабии с древнейших времен и до 1994 г.», изданных в Бухаресте, соответственно, в 1992 и 1994 годах. Оказывается в одном городе Сороки орудовали четыре банды евреев, две из которых насчитывали «примерно 200–300 вооруженных револьверами», остальные также имели оружие. Именно эти банды евреев препятствовали румынским властям вывозить свое имущество, это они с красными знаменами переправились через Днестр навстречу Красной Армии, это «коммунистическая еврейская банда во главе с адвокатом Мишелом Флексером» заняла помещение примэрии и полиции и убила полицейского комиссара Мурафу и его заместителя Еустратиу Габриела.

Одним словом, А. Петренку мобилизовал все, что мог найти в антисемитской литературе, чтобы доказать: евреи – это «пятая колонна», орудовавшая за спиной румынской армии, объединенные в банды громилы, воры, уголовники, советские агенты, предававшие румынских патриотов, осквернители христианских церквей, подлое, продажное племя и т.д. Всю эту антисемитскую риторику из фашистской и националистической литературы г-н Петренку воспроизводит у себя в книге без оговорок, с явным наслаждением, преподносит эти факты как истину в последней инстанции. Справедливости ради нужно скачать, что кое-где в отрицательном плане фигурируют в его работе и другие «этнические меньшинства» Бессарабии, но на фоне евреев они гораздо менее враждебны ко всему румынскому.

Чтобы закрепить за евреями такой имидж, Петренку в приложениях к своему тексту поместил под № 1 «Доклад губернаторства провинции Бассарабия о поведении советской агентуры при эвакуации Бессарабии в июне 1940 г.», подписанный губернатором генералом Войкулеску (внесшим, кстати, впоследствии весомый вклад в «окончательное решение еврейского вопроса» в возглавляемой им области). Нетрудно догадаться, что эта советская агентура и есть евреи. Как было не поместить такой документ, коль в нем такие приятные слуху г-на Петренку фразы: «Эти комитеты (речь идет о комитетах, возникших в городах Бессарабии после предъявления Румынии советского ультиматума от 26 июня 1940 г. – И.Л.) носили на себе отпечаток красной революционной доктрины, главным образом в оскорбительном и коварном еврейском духе»; «следует также отметить присутствие в этих бандах преобладающего числа еврейских элементов, в полной мере и на сей раз проявивших свой продажный, трусливый и дикий характер и свою неудержимую, но необоснованную ненависть к румынскому режиму»; «кроме акций против отдельных служащих и военных, эти иудео-коммунистические банды организовали триумфальную встречу советским войскам»; «развязанная ярость против христиан и румын была спровоцирована, подогрета и поддержана только евреями, которые и на сей раз доказали подлинные их чувства и полную неприспосабливаемость их специфического характера». Мы, конечно, привели не все подобные высказывания о евреях, имеющиеся в книге Петренку. Их гораздо больше. Но то ли по недосмотру, то ли из-за спешки Петренку не доглядел упущения самого Войкулеску. Последний приложил к своему «Докладу...» таблицы.

Помещение в книге таблицы № 1 «о составе комитетов, начавших действовать сразу по получению ультиматума СССР» и таблиц № 2 и № 3 о составе комитетов, действующих в городах и селах Бессарабии во время эвакуации в июне 1940 года, – явное упущение г-на Петренку. Ведь они противоречат утверждениям губернатора Войкулеску, «о подавляющем числе еврейского населения» в «бандах», да и утверждениям самого автора книги. В трех названных таблицах чиновники губернаторства насчитали всего 218 фамилий участников антирумынских «банд» и комитетов. Несомненно, особая охота шла за еврейскими именами. По итогам получилось: из 218 фамилий еврейских только 45, молдавских – 66, других национальностей – 107 (русских, украинских, болгарских и др.). Согласно сведениям

губернаторства, в городе Сороки вообще не было «банд», а в тексте Петренку утверждается, что их было четыре, к тому же весьма крупные и хорошо вооруженные. В Кагуле, Бельцах, Новой Килие «банды» были, но в их составе и руководстве, согласно таблицам, почему-то нет еврейских имен, а, по словам Петренку, например, в Бельцах «банды евреев» бесчинствовали вовсю. И уж совсем бледно выглядят евреи в сельских «бандах». В таблице № 3 перечисляются 89 сельских населенных пунктов, где действовали антирумынские «банды». Относительно их национального состава картина такова: чисто еврейские – 18, смешанные (например, еврейско-русские и др.) – 7. Любопытно, что в селах Стрэшень, Бричева, Каприяна, Кэпрешть, Котюжень, Думбрэвень, Линник, Отачь, Вертюжень, Вадул Рашку, Згурица и др. «банды» названы еврейскими, а их руководители все неевреи (Иоан Рэздэван, учитель Сергеевич, Аполинар Думитру, Карамид Василе, Ионаз Иван, Симион Токару и др.). Петренку явно не учел невыгодность для его концепции таблиц № 1–3. Однако это не мешает ему, ссылаясь на них, заявить, что «подавляющее большинство этих комитетов составляли евреи», что это они, «евреи, поголовно примкнули к советскому режиму, независимо от социального положения, собственности или достигнутого в Румынии процветании».

Подумать только, какая еврейская неблагодарность – и это при том, что, как пишет Петренку, «еврейская община в Румынии была единственной, которая пользовалась преувеличенными правами по сравнению с другими этническими группами в румынском королевстве и по сравнению с еврейскими общинами в других европейских государствах», тем более что, будучи «свободными гражданами демократического государства», многие евреи занимали «важные и ответственные должности». Такую чушь не встретишь ни у одного сколько-нибудь серьезного исследователя, знающего о положении евреев в Румынии и особенно в Бессарабии! Стараясь как-то обосновать свои высказывания, А. Петренку пишет: «Так, в 30-е годы евреи Бессарабии составляли 53,2% всех врачей и 78,6% всех юристов области, случай неслыханный...». Он, конечно, не уточняет, сколько бессарабских еврейских врачей и юристов получили образование до установления румынской администрации, то есть до 1918 года, а также в каких странах и высших учебных заведениях они обучались, да и с какой стати рядовые врачи и юристы, люди свободных профессий, причисляются к категории людей, занимающих «важные и ответственные должности». Чего стоят и другие безапелляционные утверждения автора: «В результате аграрной реформы, проведенной румынским государством, евреи Бессарабии получили возможность заниматься земледелием. По числу евреев-землепашцев Бессарабия занимала в межвоенный период второе место в мире после Палестины». Или: «В Бессарабии были открыты еврейские начальные школы и общие, случай немыслимый в условиях царской империи». В действительности все это не так. При всей антисемитской политике царских властей, еще в 30–50-е годы XIX века в Сорокском, Бельцском и Бендерском уездах были созданы десять еврейских земледельческих колоний, а к концу века евреям Бессарабии принадлежало 60–65 тыс. десятин земли. В XIX – начале XX века на еврейские средства содержались религиозные и светские еврейские школы, профессиональные училища, а дети малоимущих слоев населения посещали хедеры (главным образом при синагогах), их и Бессарабии и конце XIX века было около 600. Многие школы продолжали работать и при румынской администрации, но в 30-х годах число еврейских учебных заведений заметно уменьшилось.

В изображении Петренку довоенная Румыния явилась для евреев подлинным раем, – никакого целенаправленного антисемитизма в этой стране он не обнаружил. Свой рассказ он ведет таким образом, что читателю остается думать: если что-то и способствовало развитию антисемитизма, то в этом виноваты были сами евреи. Так, «число еврейских студентов, которое было намного больше румынских», привело к «определенному недовольству среди молодежи, которая в будущем объединится в Легионерском движении» (т.е. в террористическую фашистскую партию, более известную под названием «'Железная гвардия»). О том, как эти железногвародейцы и банды кузистов – члены «Лиги национал-христианской защиты», возглавляемой профессором Ясского университета А. Куза – избивали евреев-студентов, в книге Петренку, конечно, ничего не сказано. Не случайно город Яссы, где полно было кузистов и где был воспитан главарь «Железной гвардии» К. Зеля-Кодряну, был избран в конце июня 1941 года местом для страшного погрома, в ходе которого было

убито несколько тысяч евреев. Зато автор не преминул сказать, что «в Румынии, стране-хозяйке, многие румынские граждане еврейского происхождения были вовлечены в проведение в жизнь чужих интересов (большевистских)» и «это заставило румынские власти и румынское общественное мнение принять меры». Читатель может спросить: а сколько же было среди почти 800 тыс. жителей еврейской национальности Румынии евреев-коммунистов, коль скоро вся компартия, объявленная еще в 1921 году вне закона и находившаяся в подполье, насчитывала 1 000–1 200 членов? Большинство членов компартии действительно являлись евреями, но куда больше евреев были в рядах сионистских организаций, ведущих румынских буржуазных партий – национал-царанистской и национал-либеральной, в легальной социалистической партии и т.д. Имена коммунистов были хорошо известны сигуранце, они были у нее на учете и почти все они за «антирумынскую деятельность» понесли наказания, их подвергали средневековым пыткам в застенках охранки, они познали все «прелести» Дофтаны и других политических тюрем Румынии.

Петренку не мог лишить себя удовольствия и не процитировать следующую выдержку из книги М. Морару «Дело Аны Паукер»: «Две жидовки сделали страну несчастной: Елена Лупеску и Ана Паукер». Это она, любовница короля, Елена Лупеску, как утверждали тогда, «была дурным предзнаменованием короля Кароля II, толкая его к политике утраты Бессарабии, части Буковины, Добруджи и Трансильвании, она убедила его стать монархом-диктатором». Примитивизм этих антисемитских рассуждений, рассчитанных на безграмотную публику, не смущает г-на Петренку. Они его вполне устраивают со всех точек зрения, хотя бы потому, что избавляют от анализа внутри- и внешнеполитического положения Румынии, приведшего к установлению и краху королевской диктатуры.

Картина райской жизни евреев в довоенной Румынии, нарисованная А. Петренку, не имеет ничего общего с реальностью. В этой стране присутствовали все виды антисемитизма: государственный, религиозный, бытовой и т.д. Юдофобская политика Антонеску родилась не на ровном месте, а с его приходом к власти стала принимать расистский характер.

Не будем отрицать, еврейский капитал в финансово-экономической жизни довоенной Румынии имел большое значение. Были богатые и даже очень богатые евреи, были богатые и в Бессарабии. Среди евреев мы находим и алчных ростовщиков, и корчмарей, вызывавших возмущение у населения, хотя больше всего они презирались своими соплеменниками – честными тружениками. Верно и то, что прослойка интеллигенции среди евреев была больше, чем среди других этнических групп. До поры до времени, благодаря своим капиталам, используя коррумпированность государственного аппарата, богатым евреям жилось в Румынии совсем неплохо. Абсолютное же большинство еврейского населения – ремесленники, мелкие торговцы, рабочие, особенно в Бессарабии, пребывавшей в состоянии экономического упадка и застоя, – жило в нищете и испытывало на себе все «прелести» антисемитизма в «демократической» Румынии. Многие десятки лет местные евреи, коренные жители, не считались гражданами страны и, следовательно, не пользовались политическими правами и защитой со стороны государства. Несмотря на требования европейских стран на Берлинском конгрессе 1878 года, румынское правительство отказалось предоставить право на натурализацию «нехристианского», а в сущности еврейского населения. На Парижской мирной конференции 1919 года румынский премьер Брэтиану упорно отказывался подписывать Сент-Жерменский договор из-за наличия в нем пункта об уравнении в правах национальных меньшинств, имея в виду в первую очередь евреев. Только под нажимом западных держав и в связи с необходимостью получить их признание на включение Трансильвании в состав Румынии, правительство было вынуждено предоставить евреям гражданские права, на практике же все это было обставлено такими формальностями, что многие так и не получили документ о румынском подданстве. Особенно это касалось евреев Бессарабии. Десятки газет и журналов, такие как «Порунка времий» (Porunca vremii), «Сфармэ пятрэ» (Sfarmr piatrr), «Буна вестире» (Buna vestire), «Избында» (Izbinda) и даже такие «солидные», как «Универсул» (Universul), «Курентул» (Curentul) и др., при попустительстве и поощрении властей настойчиво и каждодневно насаждали юдофобство. Во время пребывания у власти в конце 1937 – начале 1938 года. профашистского правительства Гоги-Кузы, в составе которого министром обороны являлся Ион

Антонеску, по улицам городов и местечек шастали банды молодчиков со свастиками, дубинками и антиеврейскими призывами, были предприняты первые шаги по разработке антисемитских законов. Уже тогда под видом «румынизации» началось вытеснение евреев из промышленности, адвокатуры и других сфер общественной жизни. Было объявлено о проверке румынского подданства, в ходе которой евреи должны были доказать «законность» своего румынскою гражданства. Десятки тысяч евреев под разными предлогами были лишены подданства. В ряде городов Румынии в марте-мае 1940 года антисемитская агитация сопровождалась насильственными акциями. И. Бутнару, автор книги «Забытый Холокост. Исторические, политические и социальные размышления относительно румынского антисемитизма», отмечает, что в 1920–1940-х годах ни в одной стране Восточной Европы «не имело место столько беззаконий, злоупотреблений и открытых антисемитских акций, как в Румынии». Особенно «славилась» этим Бессарабия.

Военные успехи вермахта весной и в начале лета 1940 года на западном фронте, за которыми последовали настойчивые попытки правителей Румынии завязать дружбу и союзнические отношения с гитлеровской Германией, создание в стране под руководством короля тоталитарной «Партии нации», объявившей фашизм своей официальной идеологией – все указывало на надвигавшуюся на евреев смертельную угрозу. Стоит ли удивляться, что в конце июня 1940 года десятки тысяч евреев, уроженцев Бессарабии и Северной Буковины, по тем или иным причинам, находившихся в Румынии, устремились домой. О том, как на переправах через Прут румынские пограничники, жандармы и полицейские глумились над евреями-возвращенцами, избивали, грабили, а кое-кого и убивали, Петренку умалчивает.

Не станем отрицать, что евреи (в основном трудовые массы, а не состоятельные предприниматели, банкиры и ростовщики), поверив большевистской пропаганде о счастливой жизни в СССР и надеясь, что с приходом советской власти они избавятся от растущего в Румынии антисемитизма, действительно радушно встречали Красную Армию в конце июня 1940 года. Но теплый прием устроили ей не только евреи и коммунисты-неевреи, как утверждает Петренку, но и десятки тысяч жителей Бессарабии – русские, украинцы, болгары, гагаузы, армяне, греки, а также молдавская беднота, полагавшая, что новая власть решит все наболевшие социальные проблемы.

Не обошлось без инцидентов между местными жителями и покидающими Бессарабию и Северную Буковину подразделениями румынской армии и чиновниками гражданской администрации. Некоторые люди, в том числе и евреи, подвергавшиеся в свое время унижениям и издевательствам со стороны чиновников, жандармов и полицейских (о чем, естественно, А. Петренку не пишет), провожали отходящие румынские войска и чиновников оскорбительными словами, плевками, а наиболее ретивые, срывали с офицеров погоны. Но до кровавых стычек и человеческих жертв дело не дошло. Зато документально зафиксировано, что свою злобу отступавшие из Бессарабии и Северной Буковины румынские войска обрушили на евреев Румынии. 1 июля 1940 года отходящие части 3-го пограничного и 8-го артиллерийского полков расстреляли в румынском городе Дорохой 50 евреев, в том числе 11 женщин, 5 детей и 34 мужчин, включая 6 евреев – солдат румынской армии. В селе Зэхэрешть Сучавского уезда майор Кари, командир 3-го батальона 16-го пехотного полка, расстрелял 34 еврея. Такие же расправы имели место в селах Шербэць, Костанац, Гэурень, Комэнешть того же уезда, в городе Сирець уезда Рэдэуць. Везде убийства сопровождались грабежами. В пассажирских поездах фашиствующие элементы избивали евреев, выбрасывали их из вагонов на ходу.

Всех этих фактов в книге Петренку, конечно, не найдешь. Его система отбора доказательств и рассуждений о райской жизни евреев в Румынии, об их подрывной деятельности в качестве «пятой колонны» Коминтерна, о бесчинствах еврейских комитетов и «банд» при отходе румынских войск с территории Бессарабии, подогнаны под сделанный им вывод: «у военного руководства армии Антонеску были основания для негативного отношения к евреям Бессарабии». Иными словами, для поголовного истребления евреев, предпринятого режимом Антонеску с первого дня войны против Советского Союза.

Избранная Петренку схема оправдания геноцида является, в сущности, повторением доводов И. Антонеску для обоснования отказа в ответ на просьбу председателя федерации еврейских обществ и общин Румынии

доктора Фильдермана не допустить гибели тысяч невинных людей, с которой тот обратился к кондукэтору 11 октября 1941 года. Здесь уместно сказать, что далеко не все в Румынии одобряли меры военно-фашистской диктатуры по отношению к евреям. В докладе «Преследование евреев в Румынии», отправленном 10 ноября 1941 года своему правительству посланником Франции в Бухаресте Жаком Трие, последний, описывая издевательства над евреями и касаясь содержания письма-ответа Антонеску Фильдерману, отмечает, что «у румын, сохранивших способность свободно мыслить и дальновидность», обвинения, сформулированные Антонеску в адрес евреев, считаются «совершенно необоснованными», тем более что в инцидентах с румынскими войсками участвовали не только евреи, но и люди других национальностей. Американский посланник в Румынии Ф. Гюнтер также отмечал, что «часть румын совсем не одобряет методы, применяемые время от времени к евреям, жестокость и несправедливость».

Но так считали иностранные дипломаты. А. Петренку другого мнения. В его работе читатель не найдет слов осуждения политики геноцида диктатуры Антонеску в отношении евреев Бессарабии и Буковины. Нет у него также ни одной фамилии румынского офицера или солдата, жандарма или полицейского, на совести которого десятки, а может и сотни уничтоженных евреев, в том числе женщин, детей и стариков. Зато с каким-то чувством удовлетворения он отмечает, что в гетто города Рыбница, входившего в те годы в состав Транснистрии, где было много бессарабских евреев, Шая Давидович Вайншток, 1904 года рождения, уроженец села Сиркова Оргеевского уезда (на сей раз даже исходные биографические данные приведены) и его заместитель Шрихман направили 500 своих соплеменников, в том числе стариков и инвалидов, в лагерь смерти Варваровка Очаковского уезда.

Может автору не удалось отыскать имена палачей? Во «Введении» он написал, что «оригинальность» его работы «определяется тем, что в ее основу положены архивные документы, впервые введенные в научный оборот». В действительности, в примечаниях много ссылок на фонды Национального архива Республики Молдова. Но подход к отбору документов такой же, как при использовании литературы и опубликованных сборников документов. Если документ содержит малейший намек на зверства румынских фашистов, он попадает в немилость у автора, который его просто игнорирует. Такая участь постигла документы городских и районных комиссий по расследованию злодеяний фашистских властей в Молдавской ССР (фонд № 1026). При советской власти в течение долгих лет доступ к этому фонду был ограничен. Причины известны. Крестьяне – свидетели злодеяний, в основном молдаване, в 1944–1945 годах, когда работали упомянутые комиссии, еще не знали, что следует говорить о зверствах против «советских граждан» и не акцентировать, что жертвами были евреи. Они же называли имена палачей и евреев – их вчерашних соседей по улице, рассказывали, как румынские военные, жандармы, эсэсовские головорезы с участием местных кузистов, железногвардейцев и других антисемитов подвергали евреев пыткам и издевательствам, морили голодом и жаждой, закапывали в полуживом состоянии и т.д. Петренку этот фонд несомненно известен, но эти документы совсем не годятся для поставленной автором цели – реабилитировать диктатуру Антонеску, представить ее в самом розовом свете.

В этом плане и румынские фонды – Военно-гражданского комитета по администрации Бессарабии, Буковины и Трансильвании (КББТ), полицейских органов, секретных служб – не всегда и полностью удовлетворяют господина Петренку. В их документах есть немало имен высокопоставленных и рядовых военных и чиновников, «отличившихся» в убийствах и ограблении евреев. Мелькают среди нажившихся за счет еврейского добра и губернатор Войкулеску, и префект Бельцского уезда Ханчиу (ставший затем генеральным секретарем губернаторства Бессарабии), и полковник Думитреску, один из первых военных комендантов Кишинева и др. Чтобы скрыть от читателя причастность своих кумиров к преступным делам, автору книги приходится вилять, юлить, ловчить, представлять факты в извращенном виде.

Попробуйте понять, например, что в трактовке Петренку означает «этническая чистка», термин, часто повторяемый руководителями Румынии накануне и после начала войны против СССР. Петренку пишет: «Проф. М. Антонеску подчеркнул, что для осуществления структурной реорганизации, которую вице-премьер Совета министров

назвал "этнической чисткой", румынское правительство решило воздвигнуть на определенное время "абсолютно непроницаемую стену между территорией Бессарабии и Буковины, с одной стороны, и Королевством – с другой""; «Программа правительства предусматривала... максимальное ограничение законодательства на территории Бессарабии и Буковины с целью так называемой этнической пурификации (на первой стадии правления)...». И только на с. 200 в примечаниях, как нечто маловажное, автор поясняет: «как показывают архивные документы, под этим понятием ("этническая чистка". – И.Л.) подразумевалась румынизация, то есть отчуждение инородцев от принадлежащей им собственности и установление чисто румынской собственности и экономического порядка».

Чтобы стало ясно, что вкладывали сами правители Румынии в понятие «этническая чистка» и как ее следует проводить, предоставим слово вице-премьеру Михаю Антонеску. За несколько дней до начала боевых действий против СССР, 17 июня, М. Антонеску заявил на заседании правительства, что следует использовать этот «исторический момент» (т.е. войну. – И.Л.) для осуществления тотального и насильственного очищения от евреев и другого этнически чуждого населения Бессарабии, Буковины и заднестровских территорий, которые будут отданы под румынский суверенитет. При этом он предупредил, что «пурификация населения» будет напоминать «политику Титуса» – римского военачальника, жестоко подавлявшего сопротивление евреев при взятии Иерусалима.

8 июля на заседании правительства М. Антонеску развил свои мысли об «этнической чистке», указав на методы ее проведения. Он заявил: «С риском не быть понятым некоторыми традиционалистами, которые, возможно, еще находятся среди вас, я стою за насильственную миграцию всего еврейского элемента из Бессарабии и Буковины... Я за насильственную миграцию украинского элемента, которому в данный момент нечего здесь делать... Мне безразлично, войдем ли мы в историю как варвары... Если есть надобность, стреляйте из пулемета». Услышав эти слова, присутствующий генерал К. Войкулеску, уже знавший, какой руководящий пост он займет в «освобожденной» Бессарабии, не удержался и восторженно произнес: «Заверяем вас, что сделаем все возможное, чтобы довести эту миссию до благополучного конца». Эти высказывания Петренку «не заметил».

Петренку стремится создать впечатление, что кондукэтор не был причастен к убийствам евреев и что если такие факты и имели место, то помимо его воли. Он негодует по поводу того, что автор этих строк в «обрубленном» виде процитировал указания Иона Антонеску местной администрации при посещении им 17 июля 1941 года города Бельцы, а именно упустил распоряжение румынского диктатора: «Евреев по вечерам собирать и охранять. Не убивать и не истязать».

А. Петренку, публикуя инструкции кондукэтора от 17 июля 1941 года полностью старается обелить не только румынского фюрера, но и подчиненный ему репрессивный аппарат. Он утверждает, что, отдавая такое распоряжение, Антонеску хотел «избежать всяких эксцессов со стороны немецких вооруженных сил, мстителей и деклассированных элементов», а также «сдерживать убийство заложников». Но читателю Пенренку не сообщил главное: что писал в донесении своему руководству начальник полиции города Бельцы Агапнс. А писал Аганис следующее: «В результате принятых нами мер в помещении полиции были собраны 454 еврея, мужчины, женщины и дети, из них после сортировки были отобраны по требованию немецкого командования в качестве заложников 75 мужчин». Выходит, евреев собирали и охраняли не для их защиты, а для того, чтобы они не убежали ночью, чтобы легче было расправиться с ними в нужный момент. В этой преступной акции участвовали и румынские власти.

А. Петренку пытается создать видимость прекращения преступных действий против евреев после вмешательства кондукэтора. Однако при ознакомлении с архивными документами даже неискушенному читателю станет ясно, что брошенные кондукэтором «гуманные» слова вовсе не означали отказа от политики глумления, истязания и истребления евреев. Ни одни его подчиненный не воспринял их как приказ, понимая, что они предназначены для истории и таких историков, как Петренку. Свидетельство этого – приказ Министерства внутренних дел № 5811 от 18 июля 1941 года, подписанный заместителем министра дивизионным генералом И. Антонеску, в котором сказано, что «по распоряжению генерала Иона Антонеску» евреи в лагерях должны быть использованы

«на тяжелых работах», в случае бегства «расстрелять каждого десятого», а в случае неудовлетворительной работы «лишать пищи».

30 августа 1941 года И. Антонеску собрал губернаторов Бессарабии, Буковины и Транснистрии (генералов Войкулеску, Калотеску и профессора Алексяну) и проинструктировал их относительно того, как следует проводить депортацию евреев из Бессарабии и Буковины в Транснистрию. Спустя несколько дней исполнителям этой акции была разослана четная специальная инструкция с условным знаком – «Алексяну». Расшифровывался он следующим образом: «Евреи, немощные и больные, которые не могут следовать за колонной, должны быть казнены. Для этой цели... за два дня до отправки каждого конвоя... через каждые 10 км пути следования евреев выкопать ямы примерно на 100 человек, к ним подводить отстающих от колонн, расстреливать и закапывать». Так на дорогах Бессарабии погибли тысячи ослабевших, больных женщин, стариков и детей. Один из многих исполнителей этой кровавой акции лейтенант жандармерии Аугустин Рошка в своем рапорте писал, что им были расстреляны 500–600 евреев, в первой яме он закопал 50 человек, в остальных – по 120, притом многие были еще живы. Даже этот натренированный жандарм признал: «во время выполнения полученных приказов имели место такие драматические моменты, которые надолго запомнятся их участникам».

Никого из участников массовых убийств евреев «гуманный» кондукэтор не наказал и даже не привлек к ответственности, поскольку сам избрал гитлеровский метод «этнической чистки». Дела были заведены лишь на некоторых зарвавшихся военных и гражданских чиновников, прикарманивших отобранные у евреев ценности вместо того, чтобы сдавать их государству. А ведь за счет этих ценностей маршал надеялся залатать дыры в заметно оскудевшей казне, возникшие в результате войны и содержания гитлеровских войск в стране. Разгневанный Антонеску направил для расследования поступившей информации о хищениях группу высокопоставленных лиц во главе с генералом, военным комендантом Бухареста. Так появился документ в двух частях: «Отчет комиссии, созданной по приказу господина маршала Иона Антонеску, главы Государства, по расследованию непорядков в Кишиневском гетто». В нем содержится немало фактов зверств и грабежей фашистских «освободителей» по отношению к евреям, и это мягко именуется «непорядками».

Судя но ссылкам в книге, А. Петренку знаком с этим «Отчетом». Но в главе, названной автором «Судьба евреев-поселенцев Бессарабии», Петренку скрыл от читателя факты этих злодеяний. Петренку подбирает доказательства таким образом, чтобы возложить ответственность за преступления на кого угодно, только не на румынскую армию, жандармерию и полицию. Он пишет о том, что немцы в Измаиле увели в неизвестном направлении 105 евреев, в селе Бульбока – 156, в Бендерах – 35. Это, по-видимому, соответствует действительности. Однако не сказано, кто собрал этих евреев и передал их гитлеровцам. Если в чем-то Петренку упрекает своею маршала-кумира, то лишь в том, что он «не делал нужную дифференциацию» и одинаково обходился со всеми евреями, не учитывал, что в гетто и лагерях не все были виноваты и должны были нести ответственность за «антирумынскую деятельность» своих соплеменников. В скобках А. Петренку словами самого Антонеску разъясняет его позицию в «еврейском вопросе»: «Когда я принял меры против евреев, я принял их не против индивидуума, а против общности, которая грабила румынский народ. Я защищаю нацию. Еврейская общность должна расплатиться...».

А. Петренку не комментирует это высказывание маршала, он продолжает изображать Антонеску человеком «гуманным», который распорядился «подготовить все в Транснистрии», чтобы с евреями из Бессарабии, Буковины «обходились как с людьми». Как в действительности обошлись с ними в Транснистрии, сколько из них погибло от холода, голода, болезней, сколько было расстреляно, автор не стал выяснять. Между тем, следует сказать, что и в Транснистрии кондукэтор продолжал проявлять «заботу» о бессарабских евреях. Так, в связи с известными событиями 23–24 октября 1941 года в Одессе (когда в результате диверсионного акта взлетело на воздух здание военной комендатуры оккупационных войск и погибли находившиеся в нем румынские и немецкие офицеры) Антонеску приказал использовать этот предлог для массового уничтожения евреев. При этом в одном из продиктованных им приказов первым пунктом стояло: «Расстрелять всех евреев из Бессарабии, сбежав-

ших в Одессу», хотя никакого отношения к взрыву комендатуры последние не имели.

«Добрые» намерения Петренку усматривает и в стремлении «цивилизованно» отнять у евреев предметы из золота, серебра, иностранную валюту и т.д., выдав им взамен расписку Национального Банка Румынии. «Но, – пишет Петренку, – вопреки усилиям губернатора Бессарабии генерала К. Войкулеску, это дело не было реализовано в цивилизованных условиях. Вопрос, – продолжает он, – обсуждался на специальном совещании, созванным главой государства в декабре 1941 г. в Кишиневе». Ссылаясь на то, что протокол этого заседания был им опубликован в 1996 году, он не стал пересказывать его содержание. Между тем, среди прочего И. Антонеску заявил, касаясь темы разграбления еврейского имущества: «Могу вам сказать, это самое большое разочарование за всю мою карьеру, что при моей власти произошло то, что имело место. Тем более обидно, что замешано много военных. Больно, господин генерал Войкулеску, что на ваших глазах, несмотря на предупреждение, произошли более страшные факты, чем в 1918 году, когда определенные господа творили такой же грабеж, брали жидов из Кишинева, отвозили в Криуляны (местечко на берегу Днестра. – И.Л.), расстреливали их, грабили и бросали в воду...». Больше всего, признал маршал, его волнует, что эти действия используются вражеской пропагандой за границей для дискредитации его правления. И тут же, дабы не сочли, что он отказывается от своей политики в «еврейском вопросе», Антонеску произнес ту самую фразу, что его политика направлена против «еврейской общности» в целом.

В своем стремлении обелить фашистский режим Петренку готов представить в хорошем свете даже обруганных кондукэтором коррумпированных румынских военных, полицейских, жандармов. Он пишет: «Некоторые авторы насмехаются над тем, что Ион Антонеску назвал “непорядками” в кишиневском гетто. Мол, власти Антонеску даже неспособны были отнять золото у евреев. Эти авторы “забывают”, что обратной стороной этих “непорядков” было спасение десятков, сотен евреев, которые с момента пересечения Прута сохраняли себе жизнь». В действительности кое-кто из богатых евреев (их в кишиневском гетто, по оценкам выше названной комиссии, было не более 200), которым при советской власти удалось избежать депортации и укрыть часть своих драгоценностей, в стремлении спасти свою жизнь и жизнь родных, используя свои старые связи с румынскими чиновниками, вступали с ними в контакт на предмет вызволения их из гетто. За эти «услуги» нужно было отдать немало денег и драгоценностей. Лишь считанным евреям, а не десяткам и сотням, как пишет Петренку, удалось таким путем пересечь Прут, но и там в результате доносов они оказывались в тюрьме. Большинство же попадало в ловушки, подстроенные с ведома высокого начальства агентами тайной полиции, которые в момент передачи взятки арестовывали евреев, устраивали им обыски и отнимали все деньги и драгоценности, а затем отправляли в ту же Транснистрию. Даже считавшийся лояльным к румынским властям Соломон Шур, один из самых богатых и почтенных евреев Бессарабии, уже получивший за взятки документ о праве следовать через Румынию в Палестину, в конечном итоге очутился в Транснистрии. При этом у него удалось обнаружить и изъять в пользу казны драгоценностей на сумму в 20 млн леев. Поскольку бывало, что задействованные в проведении этих акций агенты охранки не оприходовали для казны все отнятые ценности, а большую часть присваивали себе, Антонеску распорядился запретить впредь устраивать ловушки евреям, а виновных в утаивании от государства конфискованных золотых вещей, иностранной валюты и т.д. привлечь к судебной ответственности. Такова правда о «десятках и сотнях евреев», спасенных благодаря «непорядкам».

Поскольку евреи все-таки оказались в гетто и лагерях, сначала в Бессарабии, а затем в Транснистрии, то автор книги старается убедить читателей, что не так уж много было этих узников. Он приводит данные по таким городам, как Новая Килия, Кагул, Измаил, Вилков – городам, в которых проживало сравнительно мало евреев. В то же время он «не замечает» содержащиеся в «Отчете» упомянутой комиссии данные о числе узников в лагерях Единица и Секурень – 25 тыс., Маркулешты – 11 тыс., а также в целом но лагерям Бессарабии – 75–80 тыс. Чтобы окончательно запутать читателя, А. Петренку выборочно публикует сведения из «Переписи населения и материальных ценностей», проведенной в августе 1941 года в Бессарабии Центральным статистическим институтом Румынии. Этот

документ хранится в кишиневском архиве и его составителями не издавался. Если руководствоваться этими данными, в Бессарабии в августе 1941 года было всего 6 323 еврея. А куда девались остальные? Ответа А. Петренку не дает, пусть читатель думает, что хочет. Между тем, на заседании румынского правительства 23 июня 1941 года, т.е. на второй день после начала войны, руководитель статистического института профессор Сабин Мануилэ получил от Михая Антонеску следующее указание относительно Бессарабии и Буковины: «В этой переписи евреи не должны фигурировать». Вице-премьер, по-видимому, счел, что не следует оставлять для истории официальных данных о численности жертв «этнической чистки».

А. Петренку отбирал для публикации в своей книге материалы из переписи с «партийных позиций». В переписи есть данные о числе домов, квартир, предприятий, мастерских и землях, принадлежавших до прихода советской власти бессарабским евреям и объявленных с установлением румынской администрации в 1941 году собственностью ведомства румынизации и колонизации губернаторства. Эти «невыгодные» данные Петренку, естественно, не стал обнародовать.

Перечисление случаев манипуляции автором книги фактами и данными, связанными с историей Холокоста в Бессарабии, можно было бы продолжить, но уже приведенные примеры, на наш взгляд, убедительно показывают, как Петренку, поборник «правдивости», «объективности», «беспристрастности», лишенный чувства антисемитизма, распоряжается историей Холокоста.

В посткоммунистической Республике Молдова с государственным антисемитизмом вроде бы покончено. Было немало сделано для возрождения еврейской культуры, языка, изучения истории. Тем более вызывает удивление факт издания под грифом Государственного университета Молдовы книги, возрождающей антисемитизм румынского образца кануна и времен Второй мировой войны, когда фашистская идеология была в расцвете.

Изяслав Левит

Qu'est-ce qu'un déporté ? : Histoire et mémoires des déportations de la Seconde Guerre mondiale, Ed. - L. Joly, T. Brutmann, A. Wieviorka. Paris, CNRS, 2009.

Данное издание является сборником статей, посвященных различным аспектам депортационной политики на оккупированных нацистами территориях Западной и Восточной Европы, а также ее социально-политическим и культурным последствиям. Книга вышла в издательстве французского Национального центра научных исследований (CNRS),основанного в 1939 году и к настоящему времени объединяющего целый ряд научно-исследовательских институтов, работающих в различных гуманитарных, естественнонаучных и технических областях. Деятельность этой организации тесно связана с образовательной жизнью и научным сообществом Франции. Составителями сборника стали известные французские историки, исследующие период Второй мировой войны. Старший научный сотрудник CNRS Аннет Вьевьорка – автор многих монографий и статей, составитель изданий, посвященных истории Холокоста (в основном применительно к французской истории), нацистских преступлений и репрессивной политики во Франции[1]. Научный сотрудник Центра Лорен Жоли занимается вопросами преследования евреев правительством Виши[2]. Сотрудник парижского Музея и центра документации «Мемориал Шоа» Таль Брютманн работает над проблемами коллаборационизма во Франции.[3]

Помимо предисловия и заключения, сборник включает в себя 18 статей, упорядоченных по четырем тематическим разделам: «Депортированные и депортация», «Практика проведения и осуществление депортаций во Франции в период Второй мировой войны: политика и исполнители», «Депортационная политика в странах Европы и Азии», «Память о депортациях с 1945 года до наших дней». Сразу следует отметить высокий научный уровень, заданный составителями для издания, что отразилось на остроте тем вошедших в него статей, глубине и новиз-

не исследований практически всех авторов, богатстве научно-справочного аппарата и источниковой базы представленных текстов. При анализе содержания мы придерживались логики редакторов и рассматривали каждый из разделов в той последовательности, в какой они размещены в книге.

Сборник открывает предисловие Л. Жоли, в котором объясняется цель издания: попытка понять, каким образом создалась ситуация, в которой термин «депортация» стал ассоциироваться во французской историографии и в обществе с весьма конкретным аспектом оккупационной политики нацистов. Автор рассуждает о смысле термина, о явлениях в истории Франции и многих других стран в период Второй мировой войны, соответствующих этому понятию, и об использовании слова «депортация» применительно к этим явлениям.

Раздел «Депортированные и депортация» состоит из двух статей. Автором первой – «Кто такой “депортированный”?» – является Т. Брютманн. По его словам, особенность бытования термина «депортация» во Франции состоит в том, что это слово употребляется для обозначения перемещения жертв нацистского оккупационного режима в концентрационный лагерь. В других странах существует специальный термин для обозначения данной категории жертв, так же как и понятие депортации осознается иначе в других франкоговорящих государствах (например, в Бельгии депортацией называют репрессии по отношению к жертвам еврейской политики Рейха, в Канаде – юридический факт изгнания из страны). Автор пишет о содержании понятия «депортация» до и во время Первой мировой войны, о проводимом немцами принудительном перемещении французов, главным образом жителей северных областей, с 1914 по 1918 год для использования их в качестве рабочей силы. Гитлеровская Германия также практиковала во Франции введение обязательной рабочей повинности и использовала, казалось бы, аналогичные методы (техническая организация трансфера граждан в Германию, отсутствие информации о конечном месте назначения и т.п.). Это привело к тому, что люди стали применять уже привычный для них термин, не имея на тот момент возможности выяснить судьбу тех, кто работал в кайзеровской и нацистской Германии. Рефлексия над понятием произошла во французском обществе вскоре после освобождения, что привело к практически полному стиранию памяти о депортациях Первой мировой войны и тесному сближению термина «депортированный» с историей движения Сопротивления и с концлагерем как местом заключения жертв депортации. Т. Брютманн обозначает отличие нацистского концентрационного лагеря от территорий особого режима конца XIX – начала XX веков, носивших такое же название. По его мнению, цель создания подобных комплексов в Рейхе была производной от идеологии гитлеровской Германии и предусматривала изолирование потерянных для «народного сообщества» (Volksgemeinschaft) элементов с целью их перевоспитания трудом и жестоким обращением. После 1938 года лагеря стали частично использоваться для помещения евреев отдельно от остального социума, а после «окончательного решения еврейского вопроса» – как места их уничтожения. Автор настаивает на четком понимании разницы между категориями заключенных концлагерей, а, следовательно, и содержанием термина «депортация» применительно к ним. Например, в отношении евреев депортация почти всегда означала верную гибель, поскольку задачей их перемещения было их немедленное или скорое уничтожение. И если еврей сумел выжить в концлагере, то это является чаще всего исключением из правила. Также, по мнению автора, нужно рассматривать в качестве депортированных других жертв репрессивной политики нацистов во Франции, что ставит перед исследователями новые трудноразрешимые вопросы.

Вторая статья раздела под названием «Кто такие “заключенные” (Häftlinge)? Враги, сопротивляющиеся режиму, “антиобщественные элементы” (1933–1945)» написана В. Шпрингманн. Исходя из названия и структуры исследования, можно сделать вывод, что автор хотела проанализировать идеологическую составляющую нацистского государства, обозначившую категории неугодных стране индивидов и групп, а также показать разницу в статусе тех, кто по различным причинам попал под репрессивную политику Рейха. Тема и задачи такого исследования весьма интересны и подразумевают большие временные затраты и объем работы. Ограниченные рамки статьи требуют крайне четкой системы изложения, как можно полнее раскрывающего тему, что, на наш взгляд, не вполне удалось автору. Начинает-

ся повествование с настоятельного призыва В. Шпрингманн помнить о гомосексуалистах, которые стали объектом преследования со стороны нацистов, однако в дальнейшем эта категория лишь пару раз упоминается в общем перечне жертв репрессий, что делает не совсем понятным с точки зрения логики столь эмоциональное начало. Говоря о внутренней политике Рейха, автор предпринимает попытку проанализировать юридические источники, в которых определяется категория лиц, подлежавших аресту и заключению. Здесь подчеркивается тот интересный факт, что в юридической и международной риторике Германия представляла себя правовым государством, лидеры которого действуют строго в рамках существующих законов. Однако далее автор приводит хрестоматийные сведения о ликвидации нацистами демократических свобод, упоминает декрет «о защите немецкого народа». Действия государства оправдывались необходимостью заботиться об обществе, чем объяснялись в том числе аресты потенциальных врагов народа. Говоря о категориях арестованных, автор приводит некоторые примеры репрессивных мер по отношению к бастующим рабочим, евреям, нищенствующим, тяжело больным и представителям редигиозных конфессий (Свидетели Иеговы). В. Шпрингманн хотела обрисовать социальный состав узников концлагерей и привела для этого воспоминания двух заключенных. Но, на наш взгляд, эти воспоминания являются лишь примерами разного отношения жертв нацистского преследования к своей судьбе, а также представляют собой частью корпуса источников, иллюстрирующих обстоятельства, при которых представители всевозможных общественных групп и профессий могли потерять свободу и жизнь. К тому же, пример не может заменить исторического анализа. Автор пишет о функционировании концлагерей и об их роли в экономике Рейха. Однако параграф, посвященный категориям заключенных внутри лагеря, написан крайне нечетко, с применением все того же перечня некоторых существующих дефиниций. Из него становится понятна мысль о многообразии групп узников, среди которых, например, были и так называемые служащие лагеря, но не ясен принцип их различия, собственно количество категорий и влияние этой разницы на статус и судьбу заключенных. То же относится к пассажу, повествующему об определениях, дававшихся друг другу самими заключенными, в котором делается попытка исследовать лагерный язык. Несколько страниц В. Шпрингманн отводит описаниям специфических унижений и пыток, применяемых руководством лагерей по отношению к женщинам. В целом перечисленные автором факты и примеры являются в большинстве своем довольно известными, хотя, несомненно, весьма ценными в гуманитарном смысле и трогающими читателей. Очевидны становятся уровень знаний В. Шпрингманн и степень ее личных переживаний в связи с изучаемыми ею событиями. Однако текст статьи заставляет задуматься над рядом вопросов. Во-первых, это форма, которую должно принимать исследование, относящееся к тематике концлагерей[4]. Во-вторых, это опасность того, что ученый может быть уведен материалом, с которым он работает, от выбранной им темы.

Второй раздел сборника «Практика проведения и осуществление депортаций во Франции в период Второй мировой войны: политика и исполнители» отличается большей проработанностью. В статье известного специалиста по истории Холокоста во Франции С. Кларсфельда[5] «Оккупационные власти, Виши и депортации евреев: Терминология и представления» рассказывается о решениях, принимаемых немецкими властями в области репрессий евреев, и их одобрении французским правительством. Автор пишет о развитии антисемитской теорий и практики в Рейхе в целом, а также по отношению к Франции. Пресса, контролируемая правительством Виши и немецкой цензурой, одобряла репрессивные акции, направленные против евреев, эмигрировавших из европейских стран. Под эти акции попадали и граждане Франции. Нацисты старались не использовать термин «депортация» в отношении отправки евреев в концлагеря, даже намеренно запрещали это. Делалось это отчасти для того, чтобы избежать появления в общественном сознании аналогий с царской Россией, где подобным словом обозначали ссылку на каторжные работы, что вызывало негативные ассоциации. Но главная причина была в том, что, по замыслу немцев, евреи, представляющие серьезную опасность для общества и цивилизованных стран, не должны знать о месте, куда их увозят, и об уготованной им судьбе. С. Кларсфельд приводит доказательства того, что членам коллаборационистского правительства Франции было

известно об «окончательном решении еврейского вопроса» и об участи, уготованной депортированным. Автор обвиняет правительство в том, что оно ни разу не предприняло попытку выяснить их судьбу. По крайней мере, участь тех, кто, согласно документам, был направлен в Германию и Польшу.

Автор предисловия и редактор сборника Л. Жоли написал статью «Депортации и бюрократический язык Парижской префектуры полиции и Генерального комиссариата по еврейским делам (1941–1944)». В ней он проводит лингвистический анализ терминов и выражений, используемых в документах этих учреждений в случаях, когда речь шла об отправке еврейского населения в концлагеря. Автор выделяет три основных ситуации, в которых употреблялась эта лексика: комментарии главных деятелей антисемитской политики во Франции к действиям нацистов, отражающие политический ксенофобский дискурс; термины «депортация» и «депортированный» как технический язык описания конкретных репрессивных мер (непосредственно процесса пересылки и состояния человека, попавшего в этот процесс); межведомственная переписка с использованием выражений-синонимов при описании пункта назначения перемещений, организованных немецкими властями («в неизвестном направлении», «на Восток»). Л. Жоли говорит о публичных заявлениях руководителей Генерального комиссариата, объясняющих необходимость депортаций евреев, К. Валлата и особенно его преемника Л.Д. Депеллепуа. Антисемитские высказывания в общественной и политической среде, первоначально касающиеся эмигрантов, распространились в выступлениях этих руководителей на все еврейское население Франции и свелись к призыву изгнать из государства иностранцев. Вместе с тем, и Генеральный комиссариат, и Префектура перенимают нацистскую риторику в отношении евреев. Часто в их документах можно встретить термины «арианизация», «европейское» или «окончательное решение еврейского вопроса». В технической документации обеих организаций термин «депортация» используется чаще всего, несмотря на настоятельные запреты немецкой администрации, предлагавшей замены этому выражению (например, обозначать, что определенный субъект уехал и его настоящее место жительства неизвестно). Употребляется он в трех значениях: определение нацистской репрессивной политики в целом, непосредственно техническая операция (трансфер людей из одной страны в другую), санкция, применяемая к евреям. Автор также пишет о процедуре доказательства подозреваемыми в еврейском происхождении своей принадлежности к «арийской расе». Язык межведомственной переписки менее конкретен. Однако термин «депортация» встречается более чем в половине этих документов, причем часто с пометками «в неизвестном направлении», «в Германию», «на работы» и даже «в концентрационный лагерь». Но хотя французская администрация, осуществлявшая антисемитскую репрессивную политику, была в курсе того, что к евреям применялись особо строгие меры, она, по мнению Л. Жоли, вряд ли могла себе представить в то время такое массовое уничтожение депортированных, какое было организовано нацистами.

Сотрудница Университета Кана Г. Айсманн в статье «Военная комендатура во Франции и депортации (1940–1942)» исследовала роль данного учреждения в организации депортаций в рамках репрессивной политики нацистов до момента передачи исполняемых ею полицейских функций СС. Этот вопрос является малоизученным в мировой историографии, До 1990-х годов немецкие и французские историки поддерживали легенды о якобы непричастности Комендатуры к арестам и перемещениям граждан или же о ее спасительной роли в назначении наказания арестованным. По словам автора, работники Комендатуры принимали решение депортировать опасные элементы как в связи с общими тенденциями развития внутренней политики Рейха, так и из желания оптимизировать результаты своей деятельности во вверенной сфере (убрать с территории страны сопротивляющихся лиц, избежать переполнения тюрем во Франции и пр.). Одним из важнейших поводов для депортации было также «окончательное решение еврейского вопроса». Г. Айсманн доказывает, что руководство Комендатуры было достаточно осведомлено о развитии антисемитских теорий в государственной политике Германии, логическим завершением которых была Ванзейская конференция. В статье приводится количество депортированных в результате репрессивных мер немецкого руководства во Франции с весны 1941 по середину 1942 года. Приводя проценты выживших среди отправленных Комендатурой людей, автор также

анализирует роль ее сотрудников в массовых убийствах нацистского режима (например, 10% уцелевших евреев, депортированных в результате облавы 6 июля 1942 года, 3% еврейских узников концлагерей, задержанных в других репрессивных акциях, 60% выживших среди французов, отправленных в концентрационные лагеря, и т.д.). Одним из тезисов статьи Г. Айсманн является утверждение о том, что в рассматриваемый период действия Комендатуры в соответствии с «окончательным решением» не были самоцелью нацистской оккупационной политики, хотя являлись одним из основных ее направлений. Важная роль отводилась процессу поддержания порядка и борьбе с Сопротивлением. Стоит отметить прекрасное знание автором историографии как исследуемого сюжета, так и периода нацистского оккупационного режима, отраженное в справочно-библиографическом аппарате статьи.

Статья аспиранта университета Сорбонна Париж-I Т. Фонтэна посвящена сходному сюжету: «Депортации как репрессии с момента учреждения Военной комендатуры во Франции (1940–1944)». Автор выходит за рамки устоявшегося во французской историографии видения депортированного в качестве участника движения Сопротивления, заключенного в концлагерь. Он анализирует состав жертв нацистских репрессий и причины, по которым они подверглись преследованиям. Автор рассматривает термины, использовавшиеся по отношению к жертвам нацистских репрессий, подвергшихся депортации в период войны: от слова «депортированный», обозначавшего в устах представителей центральных органов Сопротивления всех арестованных, перемещенных в места заключения в Рейх (реальность концлагерей находилась в том время в области догадок), до специальной лексики комендатуры, отражавшей факт перемещения пленников в конечный пункт, его статус заключенного тюрьмы или лагеря или же ожидавшее его наказание («предназначенный к казни в Германии»). По мнению Т. Фонтэна, нацисты принимали заключенных на своей территории для использования их на принудительных работах в связи с потребностями военной экономики, а также в целях борьбы с выступлениями против оккупационного режима во Франции. С 1942 года существенной категорией депортированных стали евреи, осужденные в рамках «окончательного решения». Как и автор предыдущей статьи, Т. Фонтэн отмечает, что в связи с ростом опасности открытия второго фронта карательные репрессивные мероприятия нацистов становились более жестокими. В качестве примера приводится судьба деревни Орадур-сюр-Глан. В статье опубликованы подробные данные о периодах арестов, осуществленных немецкими властями во Франции, информация о количестве депортированных, имеется составленная автором диаграмма, наглядно показывающая количественное соотношение жертв различных нацистских репрессивных акций. Одновременно рассматривается законодательная база, на основе которой проводились преследования, или же причины, лежавшие в основе арестов без юридической процедуры. В заключении автор настаивает на изучении проблемы депортации во всем многообразии ее причин, поскольку она является составной частью репрессивной оккупационной политики и политики геноцида, осуществляемых нацистскими властями на территории Франции.

Последняя статья из этого раздела – «Депортированные? Термин “депортация” в реалиях политических арестованных и аннексированном Мозеле» – написана С. Невё. По словам автора, особый статус этих земель (Мозель входил в гауляйтерство Восточная марка, Westmark, а Эльзас – в гауляйтерство Верхнего Рейна, Oberrhein) обусловливал и особую политику в отношении арестованных. Данные регионы рассматривались Германией как исконно немецкие земли, долго находившиеся под французским влиянием, население которых было необходимо германизировать. Аресты населения осуществлялись полицией, гестапо и военными трибуналами. В статье приведены таблица, показывающая путь задержанного с момента ареста до определения его на место отбывания наказания, и диаграмма, где показано процентное соотношение различных категорий арестованных. С. Невё выделяет четыре типа репрессивной политики немецких властей в Мозеле и Эльзасе: судебная процедура, лишение свободы как превентивная мера или в целях перевоспитания, заключение в концентрационный лагерь и содержание в тюрьмах, находящихся в подчинении полиции. В связи с помещением людей в концлагеря, автор исследует применение подобной меры наказания гестапо и уголовной полицией, показывая разницу в документах, фиксирующих статус арестованного. Также ему интересна динамика отправ-

ки осужденных в зависимости от периода (например, до 1943 года уголовная полиция чаще назначала мерой наказания исправительные работы в лагере, чем гестапо, а после ситуация изменилась в противоположную сторону). Особенность положения жителей Мозеля и Эльзасца, по мнению С. Невё, состоит в том, что человек, попавший под репрессии оккупационных властей, не перемещался в другую страну, но испытывал, вместе с тем, все трудности депортированных в границах своего региона. Именно это, видимо, заставило руководство Франции внести в закон 1948 года о депортированных специальный пункт, касающийся жителей этих областей.

Цель шести статей третьего раздела «Депортационная политика в странах Европы и Азии» – продемонстрировать разнообразие смыслов, вкладываемых различными народами разных частей света в понятие «депортация». Национальные особенности интерпретации во многом зависят как от исторического опыта этих стран до Второй мировой войны, так и различием оккупационной политики, применяемой на их территории.

Первая статья посвящена «Депортациям в Дании под оккупационным режимом». Ее автор, С. Фракапан, утверждает, что, несмотря на мифы, окружившие историю Дании во Второй мировой войне (спасшиеся в Швеции евреи; Кристиан X, носивший на рукаве желтую звезду), на ее территории в качестве репрессивной меры применялась депортационная политика. В национальной памяти современных датчан сосуществуют чувство вины за политику сотрудничества с нацистами, внимание к памяти жертв депортации и… отсутствие интереса к подсчету точного количества погибших депортированных. Это тем более любопытно в связи с тем, что их число является весьма небольшим по сравнению с потерями других европейских стран: исследователи называют примерную цифру в 6 тыс. человек. В специальной таблице автор сопоставляет данные по депортированным, встречающиеся в исследовательских работах. Начало репрессивных мер со стороны нацистов в Дании связано с изменением характера так называемого мирного оккупационного режима. До 1943 года только несколько десятков датчан находились в немецких тюрьмах. Еврейские депортации в странах Северной Европы проводились нацистами очень осторожно в стремлении избежать конфронтаций на социальном и политическом уровнях. С. Фракапан пишет, что в 1943–1944 годах, после формирования правительства нового состава, из Дании было отправлено три конвоя с арестованными евреями с местами назначения Терезинштадт и Равенсбрюк. По ее мнению, условия их содержания нельзя оценивать однозначно, особенно когда речь идет о Терезинштадте. С одной стороны, правительство Дании было озабочено судьбой заключенных соотечественников (автор оперирует цифрой 472 узника Терезинштадта из Дании), в лагерь пропускали делегации Красного Креста, людям разрешали получать посылки от родных и т.п. С другой стороны, из Терезинштадта в Освенцим дважды отправлялся транспорт с депортированными датскими евреями. Их разместили в созданном на территории лагеря образцовом семейном поселении, жители которого были отправлены в газовые камеры после того, как этот проект выполнил свои функции в глазах общественности. Однако автор не упоминает о данных, приведенных историком Холокоста Н. Бо Поульсеном о том, что часть этих депортированных евреев была беженцами из России, которым не удалось спастись от преследований по причине их слабых связей с датской еврейской общиной и местным населением[6]. Другой важной репрессивной акцией нацистов стал арест 1967 полицейских Дании, проведенный 19 сентября 1944 года ввиду открытия Второго фронта. В процессе перемещения их по разным лагерям (Нойенгамме, Бухенвальд, а после перевода в статус военнопленных – Мюльберг на Эльбе и др.) погиб 81 человек. Общий момент, характерный для судьбы всех датских депортированных, состоял, помимо прочего, в том, что многим из них было позволено вернуться домой еще до капитуляции Германии 8 мая 1945 года. Этот факт, вместе с помощью Красного Креста и поздним началом репрессий, стал причиной того, что в Данию не вернулось лишь 10% увезенных арестованных.

Весьма любопытна статья «Режим Антонеску и еврейские депортации: Румынские лексика и представления в рамках “окончательного решения еврейского вопроса”», авторами которой являются О. Трашка и Ф. Туркану. Основная идея авторов заключается в том, румынская антиеврейская политика осуществлялась диктатором не столько по настоянию Германии, сколько по собственной воле. Разные направления этой

политики включали в себя и депортации. Во-первых, это этнические чистки. Присущий румынам антисемитизм сильно возрос в условиях резких изменений границ и миграции населения в межвоенный период и в 1940–1941 годах, став одной из составляющих идеи воссоздания Великой Румынии. Еще в XIX веке в сознании румын закрепился образ еврея как иноземца, вторгшегося в среду мирных жителей и разрушавшего их культурный и социальный строй. Непосредственно до прихода к власти И. Антонеску король Кароль II принял закон о лишении почти трети еврейского населения страны румынского гражданства. Депортации евреев из Бессарабии и Северной Буковины осуществлялись двумя путями: вывоз их на территории к востоку от Днестра и создание многочисленных гетто, призванных служить отправными точками при организации массовых депортаций в Транснистрию. Авторы пишут о неудачах, постигших планируемые румынским руководством депортации в результате их плохой организации, что стало причиной высокой смертности среди перемещенных, случаев разбойных нападений на колонны и пр. Кроме того, в статье упоминаются различия в немецких и румынских планах относительно еврейского населения этих областей, а также в лексике румынских документов, касающихся депортаций. Второй вариант, при котором практиковалось перемещение людей, диктовался военными условиями. Так, несколько месяцев спустя после вхождения румынских войск в Одессу, в январе 1942 года, из города в гетто Транснистрии было перемещено более 32 тыс. евреев, выживших после массовых убийств 23–24 октября 1941 года. В конце статьи говорится о проектах руководства Рейха депортаций евреев Румынии в концентрационные лагеря и гетто Польши. В отношениях между Антонеску и Гитлером еврейский вопрос не являлся ключевым моментом. В какой-то мере это позволило Антонеску отказаться в конце 1942 года от планируемых перемещений ввиду возможного поражения Германии и необходимости быть готовым к другому исходу войны. Хочется особо отметить высокий научный уровень данной статьи, активное использование ее авторами архивных материалов и научных публикаций. Интересна терминологическая составляющая статьи: Великая Отечественная война называется ими антисоветской войной, а присоединение к Молдавии Транснистрии и Буковины – аннексией.

В статье А. Корба «Создание нации и Холокост: Депортации в Независимом государстве Хорватия (1941–1945)» рассматриваются сложные национальные вопросы в политической риторике хорватских коллаборационистов в период нацистской оккупации. В основе хорватского строительства государства официально стояла идея о его моноэтничности, важная для поддержания порядка и обеспечения защиты его жителям. В качестве исторического примера разумности такой политики правительством приводило договор 1922 года об обмене греческим и турецким населением. В рамках этой программы депортационные меры, применяемые хорватским правительством, носили различный характер: депортации сербов в Сербию, в концентрационные лагеря Германии и в рабочие концлагеря в Хорватии, отправка в лагеря евреев и цыган, прием и депортация в Сербию словенов, мигрировавших из Рейха, где тех посчитали нацией, неспособной к германизации. Отличительной чертой депортаций в Хорватии является тот факт, что вопросами депортации занимался большой процент государственных чиновников, поскольку для проведения таких масштабных мероприятий необходимо было произвести крупные строительные работы (железная дорога, комплекс лагерей и пр.). А. Корбу удалось описать своеобразную позицию немцев в организации перемещений в июне–сентябре 1941 года. Нацисты придавали большое значение этим мероприятиям, которые рассматривали как возможность расширить свой опыт для применения подобной практики в остальных европейских странах. Поэтому сильный разгул насилия и слабый контроль со стороны руководства стал причиной временных конфронтаций с хорватским правительством. В дальнейшем хорваты также проявили себя в глазах немцев неспособными проводить подобные акции, поскольку использовали их как предлог для грабежа и самоуправства. Автор пишет о системе концлагерей в Хорватии. Так называемое первое поколение было предназначено для сербов, депортированных до нападения Германии на СССР. В лагеря второго поколения помещали арестованных евреев, цыган и противников усташевского режима. К лагерям третьего поколения, которые начали появляться с 1942 года, принадлежал знаменитый Ясеновац, собравший на

своей территории сотни тысяч людей, часть которых была отправлена в Освенцим. Что касается вопроса депортаций евреев, то тут хорватско-германские отношения имели ряд сложностей: судьба еврейского населения на территориях, граничащих с Италией, финансовые вопросы отправки евреев в Рейх, недовольство немцев недостаточным, по их словам, энтузиазмом хорватских властей в предоставлении информации о количестве евреев в концлагерях страны. Несмотря на это, глава немецкой полиции в Загребе Х. Хельм объявил в 1944 году, что «еврейский вопрос» в Хорватии практически решен.

П. Градволь посвятил свою статью проблеме «Депортаций в Венгрии в период до начала, во время и после Второй мировой войны». Текст богат весьма информативными ссылками на историографию, однако утверждения автора являются зачастую весьма спорными. Градволь объясняет причины отличного от Франции и Западной Европы понимания термина «депортация» в Венгрии и странах Восточной Европы. По его словам, Венгрия на протяжении XX века знала столь многочисленные варианты явных или завуалированных масштабных депортационных акций, что память о некоторых из них в современном обществе оказалась не столь яркой, как на Западе. Например, воспоминания о Холокосте, который не воспринимается в этой стране как явление, более трагическое, нежели, по словам автора, память о практике советских солдат в 1944–1945 годах набирать рабочих, чтобы с помощью венгров заполнить выделенные им квоты, или об обмене населения между Словакией и Венгрией. Сравнивать эти явления, неравнозначные не только по их характеру, но и по количеству повлекших за собой жертв, на наш взгляд, некорректно. И это несмотря на то, что община Венгрии, состоявшая из выживших в Катастрофе евреев, была одной из самых многочисленных в Центральной Европе. А при необходимости, с точки зрения исследователя, таких сравнений, это нужно делать, на наш взгляд, доказывая каждое утверждение данными из источников. Автор пишет об эволюции употребления термина «депортация», начиная со страниц Ветхого Завета до XX века, проводя параллели с венгерским языком. Он упоминает, что в Венгрии использовался один термин для обозначения перемещения евреев в Биробиджан при Сталине, планов трансфера их на Мадагаскар в Рейхе, а также для разговора об «окончательном решении еврейского вопроса» после Ванзейской конференции. П. Градволь пишет о паническом страхе перед Советским Союзом среди самого еврейского населения страны после войны, которое воспринимало политику Сталина и Гитлера как идентичные. В доказательство автор приводит статью из газеты, издаваемой венгерской еврейской общиной, от 21 июня 1951 года, а также несколько ссылок на цитаты от 1946 года неизвестного происхождения. Далее он пишет о долгой эволюции понятия «депортированный», закрепленного после Второй Мировой войны за группой лиц, насильно перемещенных с места обитания чаще всего в концлагерь, символом которых стали евреи.

Другим тезисом автора, касающимся участия венгерского правительства в Холокосте, является признание двух депортационных акций, повлекших за собой глобальное уничтожение людей. Это отправка и последующий расстрел немцами евреев в Каменец-Подольский в 1941 году, а также депортации из гетто Будапешта в Освенцим в 1944 году. В первом случае разрешение на акцию дал министр внутренних дел под личным давлением Хорти, и прекращена она была, когда Парламент узнал о массовых убийствах депортированных. П. Градволь не упоминает о том, что своз евреев на оккупированные Венгрией и Германией территории был остановлен после международного скандала, устроенного мировой прессой в результате показаний нескольких выживших в том уничтожении евреев и представителей венгерской армии[7]. Автор обвиняет в жестокости по отношению к евреям лидеров партии «Скрещенные стрелы». По его мнению, заслуга Хорти состоит в том, что депортации 1944 года в Освенцим были остановлены. Также он сумел не дать развернуть депортации в период с 1941 по 1944 год, преследуя главную цель: защитить своих граждан. При смене власти депортации возобновились, хотя конечными пунктами были уже другие места. Также он упоминает о больших потерях в результате практики обязательной рабочей повинности, которая, по его мнению, отличается от депортации тем, что хотя людей увозили насильно, их официально не лишали имущества и жилья. В таблице приведены данные, иллюстрирующие количественные показатели этих перемещений. Автор пишет и о послевоенных депортациях. К ним он относит вывоз 600 тыс. венгерских военнопленных, 28 тыс. гражданских лиц, не считая рабочих евреев, депортации

венгров из Словакии, немцев, проживающих в Венгрии, в американскую зону оккупации, а также славян из Югославии в 1951 г.

Статья «Особенная депортация: перемещение прибалтов и поляков еврейского происхождения в Советском союзе в 1940–1941 годах» написана М. Кравери в рамках работы над проектом по созданию звукового архива ГУЛАГа в Европе. Этим обусловлены некоторые особенности исследования: автора интересовали воспоминания об этих событиях и их ретроспективная оценка очевидцами. Она пишет о категориях репрессированных в сталинскую эпоху (заключенные и спецпоселенцы), о Главном управлении лагерей и комендатурах как о вышестоящих инстанциях в системе учреждений особого режима в СССР. Кравери также упоминает о трех волнах депортаций из Польши: перемещений военнопленных, а затем беженцев-евреев. Также она говорит о депортациях 1941 года из стран Прибалтики и из Молдавии, имевших целью очистить эти территории от «антисоветского элемента», называя это четвертой волной. Надо сказать, что повествование строится, в основном, на констатации фактов, полученных автором из прочитанной ею литературы (далеко не исчерпывающей), без анализа причин, особенностей и развития этих событий. Далее она приводит сведения о категориях, попавших под репрессии, и о том, куда люди были направлены, ссылаясь при этом на работы П.М. Поляна, Н. Поболя, американских историков прибалтийского происхождения Р. Мисюнаса, Р. *Таагепера* и на работу В.Н. Земскова. Согласно этим данным, 77 % депортированным на север СССР было предписано работать на деревообрабатывающих заводах. Условия их жизни, по словам М. Кравери, были крайне суровыми. Эпидемии, недостаток самых насущных вещей и зарплата, не позволявшая обеспечить прожиточный минимум, стали причиной массовых отказов от выхода на работу и бегств с мест поселения. В статье говориться об изменениях в политике СССР по отношению к депортированным полякам в связи с началом войны. Причины этого явления также не объясняются, но автор упоминает о приказе об амнистии польских граждан в августе 1941 года. Значительная часть статьи посвящена воспоминаниям людей, переживших советские довоенные депортации. Евреи из стран Прибалтики, оказавшиеся в восточной части России и в Средней Азии, сходятся в одном принципиально важном вопросе: именно это вынужденное переселение, в каких бы суровых условиях оно не проходило, позволило им выжить. Политика, проводимая нацистами в тех местах, где они родились, свела бы их шансы на жизнь к минимуму. На наш взгляд, М. Кравери продемонстрировала важность использования в исследованиях по советским депортациям воспоминаний очевидцев. Однако для серьезного изучения и понимания данной темы ей необходимо ознакомиться с точками зрения польских, украинских, прибалтийских и российских исследователей, авторов основных работ по этому вопросу[8].

Последняя статья этого раздела, принадлежащая историку Ж.-Л. Марголена, под названием «1937–1945: рабы Японской империи» посвящена азиатским странам. С первых строк автор отмечает сложность компаративного анализа Европы и стран этого региона. Особенность Японской оккупации заключалась в том, что там не существовало Холокоста в том виде, в каком мир знал его на территориях под владычеством Рейха: намеренное истребление какой-либо этнической или социальной группы, фабрики смерти, направленные на массовое уничтожение и т.п. Именно этот факт служит японским историкам-ревизионистам поводом называть претензии к преступлениям их страны во Второй мировой войне преувеличениями. Сходными чертами с Холокостом являются количество лиц, попавших в японские лагеря (около 7 млн азиатов и 300 тыс. военнопленных из стран-противников), условия содержания и работы заключенных, приводившие к высоким показателям смертности, бесправное положение узников, сводившее их статус к уровню животных. Если, по мнению автора, некоторые категории военнопленных (за исключением советских) в гитлеровских лагерях могли рассчитывать на более мягкое обращение, то, находясь под японским арестом, все были в одинаковой ситуации. Ж.-Л. Марголен пишет о гетто в черте некоторых городов, а также о лагерях для рабочих. Особенность последних состояла в том, что в них могли содержаться, наряду с военными, жители окрестных населенных пунктов. Тем самым критерий перемещения на большие расстояния тут не соблюдался. Узники имели статус, сходный с тем, который имели рабы в колониальных империях. Смертность была колоссальной и во время перемещений

из одного места в другое, что в большинстве случаев было спровоцировано жестокостью японского начальства и охранников. Потери были как при транспортировке морем в результате кораблекрушений и отсутствия гигиены, так и во время пеших походов, когда погибало до 80–90% узников. В системе концлагерей, наряду с обычными, существовало несколько особенных заведений. Речь идет о тюрьмах смерти для красных кхмеров и о местах, где проводились медицинские опыты (лагеря отряда Того 1644 в Нанкине, отряда 731 в Харбине и отряда 100 в Чанчуне). Основной причиной смертности в лагерях были опасные условия работы и голод. Есть сведения, что руководство намеренно отказывалось кормить заключенных, вопреки утверждениям японских ревизионистов о том, что доставка продуктов была затруднена военными действиями на море. Что касается условий работы, то автор приводит пример строительства железной дороги Бангкок–Янгон, во время сооружения которой из 200 тыс. рабочих выжило только 70 тыс. При насильственном вывозе местного населения на работы японцы охотно соглашались забрать и семьи депортированных. В лагерях смертность детей доходила до 100%, а женщинам в подавляющем большинстве случаев приходилось заниматься проституцией. Положение европейских, австралийских и американских пленных было таким же, как у всех остальных, кроме того, что шанс на побег был исключен, поскольку им невозможно было спрятаться среди местного населения. В статье затрагивается и положение японских и корейских рабочих, трудившихся на военную промышленность Империи. Их неравенство выражалось в размере заработной платы (около 87% корейцев на шахтах Хоккайдо получали сумму ниже минимального оклада, в то время как среди японцев количество таких сотрудников достигало 37%). Ж.-Л. Марголен полагает, что причины такого характера японской оккупации Азии состояли в желании подавить моральный дух и уничтожить жизненные силы завоеванных стран во имя процветания нации и государства. В целом статья представляет собой весьма краткий, но аргументированный обзор репрессивной политики Японской империи.

Заключительный, четвертый раздел сборника «Память о депортациях с 1945 года до наших дней» состоит из пяти статей, раскрывающих некоторые историографические и историко-правовые аспекты, связанные с последствиями Второй мировой войны и оккупационной политики. Первая из них написана С. Линдеперг и называется «Школа Ольги Вормсер. От дружбы с депортированными до написания истории (1945–1979)». Она посвящена работам одной из первых исследовательниц системы нацистских концлагерей. Истоки интереса к данной теме лежат, по мнению автора, в самом жизненном пути О. Вормсер. Она родилась в семье «русских» евреев-эмигрантов, однако не это обстоятельство повлияло на ее научный выбор. Определяющим фактором стала ее работа в Министерстве пленников, депортированных и беженцев с 1944 года, когда она могла лично познакомиться с первыми освобожденными из концлагерей, прибывшими во Францию, и начать собирать сведения об их судьбе. В 1946 году состоялась ее первая поездка в Освенцим и вышли первые книги о лагерях, в написании которых она принимала участие. Далее Линдеперг рассказывает о работе О. Вормсер в Комитете по изучению истории Второй мировой войны, созданном в 1951 году. В результате наладившихся контактов членов Комитета с Еврейским центром современной документации, на свет появилось множество публикаций воспоминаний выживших в Холокосте узников концлагерей. В 1968 году Вормсер защитила диссертацию по проблемам концентрационной системы нацистов, и этот этап в ее карьере стал самым скандальным, на что есть свои причины. Основными пунктами ее работы, подвергшимися суровой критике, были ошибка по поводу отсутствия казовых камер в лагерях Равенсбрюк и Маутхаузен и анализ некоторых свидетельств очевидцев с точки зрения расхождения воспоминаний об одних и тех же событиях у разных лиц. Цель О. Вормсер была не в том, чтобы пересматривать историю, а чтобы препятствовать созданию исторических мифов. По словам автора, исследовательница пыталась исходить из принципов историзма. Вместе с тем, она открыто выступала против историков-ревизионистов, которые пытались использовать ее работы в подтверждение своих теорий. До конца своих дней О. Вормсер была отвергнута большинством членов сообщества бывших депортированных, которых она считала своими друзьями. С. Линдеперг видит в этом пример той опасности, которую таит в себе работа историка.

Следующая статья посвящена весьма неоднозначному и спорному эпизоду французской общественной и отчасти научной жизни. Журналист газеты «Le Monde» Т. Вайдер назвал свою статью «Дело Давида Руссе и образ депортированного. Выжившие после нацистских лагерей против лагерей советских (1949–1959)». Эта история началась 12 ноября 1949 года, когда Д. Руссе, бывший узник Бухенвальд и Нойенгамме, в прошлом троцкист, написал в газету «Le Monde» статью, занявшую целую страницу и содержащую призыв к бывшим заключенным нацистских лагерей сражаться против аналогичной, по его мнению, системы в СССР. В тексте Д. Руссе ссылается на многочисленные показания людей, спасшихся из «советских лагерей смерти», публикации которых стали появляться в Европе уже с 1944 года (например, свидетельства поляков из Армии Андерса, участвовавших в военных действиях в Италии в 1943–1944 гг.), и на статьи из советского Исправительно-трудового кодекса (№ 129 и № 8). Появление этого текста вызвало бурную реакцию общественности. Причиной явилось не только содержание, но и сам факт решения автора публично выразить свои мысли. Это был разгар «холодной войны»; в странах Запада, в том числе во Франции, начали возникать различные учреждения, занимающиеся изучением советского государства и общества. Многие задали себе вопрос: а не является ли призыв Д. Руссе текстом, написанным по чьему-либо заказу? Т. Вайдер выделяет три типа реакции на текст Руссе. Первый – это полное его одобрение (например, писателем Ф. Мориаком). Второй – одобрение порыва автора, но настойчивое требование, чтобы расследования по этому вопросу велись в отношении не только СССР, но и других странах, в которых могут существовать концлагеря (этой точки зрения придерживалась основная часть сообщества бывших узников). Третий тип – резкая критика инициативы Д. Руссе (писатель Ж.-М. Доменаш, Ж.-П. Сартр и М. Мерло-Понти). Т. Вайдер считает, что позицию представителей третьего направления можно объяснить тем, что все они не были ранее заключенными концлагерей и их желание «забыть смерть, когда живешь» было неприемлемо для тех, кто получил другой жизненный опыт. Д. Руссе обвиняли в интеллектуальном сотрудничестве с нацистами, что, с точки зрения автора, также было обычной риторикой советской пропаганды в адрес тех, кто выступал против их режима. Сам судебный процесс был начат в ноябре 1949 года и продолжался до января 1950 года. Его часто сравнивают с аналогичным делом В.А. Кравченко, обвиненного в начале 1949 года известным изданием «Les Lettres Françaises» в клевете за написанную им книгу о советских лагерях[9]. Т. Вайдер сравнивает оба этих дела, показывая различную тактику обвинителей и конечные итоги этих разбирательств.

В октябре 1950 года по инициативе Д. Руссе была создана *Международная комиссия против режима концентрационных* лагерей. Основой при выборе ее членов стала концепция Д. Руссе о бывшем депортированном как о самом лучшем эксперте в этих вопросах. Комиссия просуществовала девять лет и занималась, в основном, сбором информации о странах коммунистического режима (СССР, Китай), о так называемых «правых диктатурах» (Испания, Греция) и о преступлениях колониального режима Франции. Оценивая работу Комиссии, Т. Вайдер указывает на ее антисоветскую направленность. Полностью приравнивая систему лагерей в Китае и СССР к тем, которые были созданы нацистами, члены Комиссии исходили из того, что геноцид евреев и цыган, а также массовые убийства с помощью газовых камер не являлись уникальными чертами политики Рейха. Масштабы и способ уничтожения не должны быть причинами для смягчения обвинений. Автор статьи также отмечает важную общественную и историографическую роль Комиссии в сборе информации о системе лагерей.

Статья О. Лальё «Юридический статус "депортированного" и потребности национальной памяти с 1948 года до наших дней» посвящена законодательному оформлению во Франции статуса «депортированных». Автор пишет об общественной и политической борьбе за расширения понятия «депортированный» после закона 1948 года, который закрепил этот статус за участниками движения Сопротивления и политическими арестованными, ставшими жертвами нацистской оккупационной политики. Почти сразу после войны во Франции образовались две крупные и влиятельные антагонистические общественные организации, объединяющие бывших узников нацистских тюрем и лагерей, рабочих, участников Сопротивления и других: Национальная федерация депортированных и интернированных членов Сопротивления и патриотов (FNDIRP, в ее составе было много

членов Коммунистической партии Франции) и Национальная федерация депортированных и интернированных участников Сопротивления (FNDIR, в основном состояла из голлистов, социалистов и представителей христианско-демократического движения). Последние оказали влияние на законодательную фиксацию в 1948 году статуса «депортированный» за членами Сопротивления, а первые – в том числе за жертвами политических репрессий. О. Лальё говорит об эволюции работы комиссии, рассматривавшей просьбы граждан о присвоении им этого статуса. Законодательство было расширено в результате начавшегося с 1970-х годов переосмысления истории Холокоста: в 1987 году на этот статус стали иметь право французы, получившие гражданство после 1939 года, тем самым в действие закона были включены тысячи евреев, бежавших во Францию от нацистского режима. А введение в 1994 году в статус политического депортированного П. Сееля, который подвергся преследованиям немцев за то, что был гомосексуалистом, показывает дальнейшее развитие практики применения этого закона.

Статья П. Арно называется «Долгая история поражения “мобилизованных” на обязательную трудовую службу. Неудачная борьба за присоединение термина “депортированный” к этому названию». Борьбой за официальное использование терминов «депортированный по рабочей повинности» или «жертва депортации по рабочей повинности» занималась Национальная федерация депортированных по работе (FNDT). Эта организация имело культурную и общественную миссию. Например, в 1950–1960-е годы в результате работы этой организации было проведено множество мероприятий во Франции и в Германии, призванных почтить память о людях, попавших под обязательную трудовую повинность. Однако главная работа состояла в попытках добиться на государственном уровне для членов Федерации положения, равного тому, которое имели политзаключенные и участники Сопротивления. Автор проводит интересный терминологический анализ, показывая, что слово «депортированный» используется по отношению к уезжавшим на работы в Германию французам в основном в дискурсе пропаганды движения Сопротивления. В среде самих рабочих он встречался лишь эпизодически. В послевоенное время история перемещенных на территорию Рейха рабочих стала рассматриваться иначе. Несмотря на присвоение им в ноябре 1945 года статуса «погибших за Францию», в обществе стали раздаваться призывы различать жертв нацистских репрессий, пострадавших за сопротивление врагу, и тех, кто переживал лишения главным образом в результате своего добровольного решения уехать на заработки. П. Арно пишет об острой политической борьбе в процессе обсуждения закона о принятии статуса «депортированный по рабочей повинности». В 1951 году единственным успехом Федерации было официальное признание термина «принужденный к работе в государстве противника». Но все дальнейшие попытки лоббировать закон не принесли успеха. А в 1978 году после долгого судебного разбирательства, инициаторами которого стали ассоциации, созданные бывшими заключенными немецких тюрем и лагерей, Федерацию обязали изъять из своего названия термин «депортированные». Однако это название употреблялось с тех пор в несколько иной форме («так называемые», «называющие себя» и др.), часто характеризуя общественно-политическую позицию организаций и региональных властей (автор статьи приводит таблицу, показывающую частоту употребления термина «депортированные» в адрес перемещенных рабочих из Франции местными властями различных департаментов). В мае 2005 года премьер-министр в официальной речи признал патриотизм граждан, прошедших через систему обязательной трудовой повинности во время нацистской оккупации и оказывавших сопротивление нацизму путем многочисленных актов саботажа и пассивного сопротивления. Тем не менее, по словам П. Арно, эта категория граждан все еще ощущает неприязнь определенной части общества. Также эти люди испытывают глубокую неудовлетворенность от того, что безуспешно потратили столько финансовых и моральных сил, пытаясь отстоять свое место в национальной памяти и желая показать примером своей судьбы, насколько разнообразны были страдания мирного населения во время Второй мировой войны.

Завершающая статья этого раздела, автором которой является П. Бертильотти, называется «Термин “депортированный” в Италии с 1945 года до наших дней. Отражение исторической памяти в праве и политике, противоречивые образы прошлого». Задачей автора было проследить эволюцию понятия

«депортированный» в Италии от значения высылки осужденного в дальний регион до привязки его к заключенному концлагеря. В период с 1943 по 1945 год термин употреблялся, в основном, для обозначения гражданского населения страны, перемещенного на территорию Рейха. В отличие от Франции, в Италии не произошло законодательного закрепления этого статуса. В первые годы после войны в памяти итальянцев гражданским жертвам нацистского режима отводилась весьма неприглядная роль, а героизации подвергались лишь сражавшиеся с оружием в руках партизаны. Основной целью правительства страны были получение выгодных условий мира и формирование международного и внутриполитического образа страны как жертвы фашизма. Например, по этой же причине с 1945 года вину за антисемитскую политику в Италии стали возлагать на немцев. Тем не менее, общество отреагировало на эту ситуацию созданием многочисленных ассоциаций, объединявших бывших депортированных. Из них наиболее активно заявляли о себе жертвы политических преследований и евреи. Последние начали проводить первые исследования по судьбе жертв нацизма. Но публикации источников по этому вопросу стали интересовать широкую публику и издателей лишь в конце 1950-х – начале 1960-х годов. В то же время начался процесс структурирования ассоциаций депортированных под влиянием нескольких причин: рефлексия над терминами и расширение лексики дискуссий о жертвах фашизма («гражданский интернированный», «политическая депортация» и т.п.), включение в процесс формирования национальной памяти политических партий (попытка создать конкуренцию левому течению, позиционировавшему себя в качестве наследников антифашистского движения). По словам автора, особенность изучения членами этих ассоциаций Холокоста в тот период заключалась в том, что они пытались завуалировать специфику этого явления (например, не говорить, что партизаны не подвергались селекции и отправке в газовые камеры по прибытию в концентрационный лагерь). Собственно осознание трагедии Катастрофы началось в Италии только с приходом 1990-х годов.

П. Бертильотти пишет об изменениях в итальянском обществе и политических кругах по отношению к гражданам, депортированным во время войны. Декретом 1963 года людям, пережившим преследования со стороны национал-социалистов, была назначена сумма компенсации. В нем впервые прозвучал термин «депортированные» в адрес заключенных концлагерей, арестованных по политическим причинам или в результате расовых преследований. Автор пишет о кризисе итальянского общества 1970-х годов, повлекшем за собой культурный разрыв между молодым и старшим поколениями. Возрождение памяти о Второй мировой войне, репрессиях и политике геноцида началось с 1989 года в условиях исчезновения коммунистической партии Италии и роста экстремистских и расистских настроений. Так, сравнивая эту ситуацию с реалиями Франции, П. Бертильотти говорит о более позднем оформлении в Италии понятий, характерных для послевоенной европейской историографии и общественной памяти. В заключении нужно отметить высокий научный уровень проделанной автором аналитической работы, глубокое знание ею архивного материала и историографии.

Завершает сборник статей заключение А. Вьевьорки. Автор призывает историков и исследователей отойти в процессе изучения прошлого от памяти, которая изменяет значение тех или иных слов, заставляя людей злоупотреблять терминами и несправедливыми сравнениями, и вернуться в рамки науки. Человек, занимающийся историей, по словам Вьеорки, должен осознать отведенную ему роль эксперта и стремиться к максимальной честности в употреблении слов, описывающих исторический процесс.

Как мы видим, проект, осуществленный французскими учеными, удивляет масштабами поставленных задач, а также их реализацией. Темы представленных в нем статей охватывают весьма широкие географические рамки и делают информативность одним из главных достоинств сборника. Другой его особенностью и, во многом, плюсом является, на наш взгляд, ориентированность на французскую аудиторию, несмотря на разнообразие региональной специфики, представленной авторами вошедших в книгу текстов. Нельзя не заметить, что наиболее детализированными и лучше всего проработанными статьями являются те, которые посвящены истории и современности Франции. Остальные или носят характер компаративного исследования, даже если этого не было заявлено в названии (объектом сравнения высту-

пает Франция), или являются французским взглядом на историю какой-либо страны, или же представляют собой краткий и иногда поверхностный обзор весьма сложных и противоречивых процессов, происходящих в других странах, составленный, опять же, для сравнительной иллюстрации к французской истории. Хотя очевиден тот факт, что сделано это было по причине невозможности проведения более глубокого исследования по всем поднятым вопросам на страницах одной книги. Поэтому данный сборник очень полезен российским и восточноевропейским исследователям для ознакомления со степенью изученности определенных тем во французской исторической науке. Он позволяет найти новые стороны в изучении различных аспектов истории Второй мировой войны и демонстрирует научные потребности французского исторического сообщества.

Олеся Орленко

---

[1] **Wieviorka A.** Déportation et génocide: Entre la mémoire et l'oubli. Paris; Plon, 1992; **Wieviorka A.** Auschwitz, *60 ans après.* Paris, 2005; **Wieviorka A.** Le procès de Nuremberg. Paris, 2006; и др.

[2] **Joly L.** Vichy dans la «Solution finale». Histoire du Commissariat général aux questions juives (1941–1944). Paris, 2006.

[3] **Bruttmann T.** *Au bureau des Affaires juives, l'administration française et l'application de la législation antisémite (1940–1944).* Paris, 2006.

[4] **White H.** Historical emplotment and the problem of truth // Probing the limits of representation: Nazism and the "Final solution". London, 1992. P. 37–53.

[5] **Klarsfeld S.** La Shoah en France. V.1–4. Paris, 2001.

[6] Н. Бо Поульсен называет цифру в 500 человек депортированных (см.: Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М, 2009. С. 252).

[7] Там же. С. 141.

[8] Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997; Estonia, 1940–1945. Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity. Tallinn, 2006; **Дюков А.** Миф о геноциде: Репрессии советских властей в Эстонии (1940–1953). М., 2007, и др.

[9] Материалы процесса Кравченко опубликованы: Le procès Kravchenko – Compte-rendu sténographique. Paris: Albin Michel, 1949.

Мультатули П.В. Николай II. Отречение, которого не было. М.: АСТ: Астрель, 2010. 639 с.

На сегодняшний день одним из главных специалистов по биографии Николая II и периоду его царствования считается П.В. Мультатули. Автор ряда апологетических статей и книг, этот писатель прочно занял место в одном ряду с О.А. Платоновым, Э.С. Радзинским и А.Н. Бохановым. Причем вслед за ними, особенно последним — доктором исторических наук и ведущим специалистом по истории российской буржуазии, г-н Мультатули стремится к признанию своего творчества официальной наукой. Ведь даже научно-популярное исследование является заведомо более ценным и востребованным, нежели добросовестная публицистика, а тем более художественное произведение.

Недавно опубликована очередная книга Мультатули о последних годах царствования Николая II, вводящая в научный оборот некоторые новые материалы. Будучи итогом многолетней работы автора, она заслуживает специального рассмотрения.

Уже в предисловии к работе Мультатули формулирует свой методологический принцип, фокусируя внимание на исторических мифах и признавая их разделение на созидательные и разрушительные. В числе последних указывается факт отречения Николая II. Автор не скрывает, что целью проведенной работы являлось не исследование причин и последствий падения самодержавия, а конструирование отвечающей его политическим убеждениям картины событий. Основные составляющие этого конструкта обозначаются там же, во введении: это политическая оппозиция, заговорщики из военной верхушки страны, масоны, американские банкиры, иллюминаты, сионисты и германские правящие круги (С. 6). Высокая степень политизированности сочинения, таким образом, становится очевидной уже из предисловия к нему.

Мультатули не характеризует в начале своей работы использованные им исторические источники и литературу. Единственное исключение — это упоминание нтернет-дневника некоего А.Б. Разумова, по признанию самого автора, далекого от исторической науки.

Уже с первых страниц книга Мультатули изобилует грубыми ошибками, очевидными даже для неспециалистов. Например, автор сообщает: «Австрийский фельдмаршал Конрад писал немецкому генералу Фалькенгайну 27 декабря 1914 г...» (С. 10). Что именно писал первый — в данном случае не столь важно, читатель может без труда разыскать этот фрагмент в интернете. Показательна характерная для Мультатули вольность в обращении с именами и фактами — у Конрада кроме имени была еще и фамилия фон Гетцендорф, чин фельдмаршала он получил лишь в ноябре 1916 г., а Фалькенгайн стал генералом лишь в январе 1915 г.[1]

Далее Мультатули касается вопроса «снарядного голода» и, казалось бы, справедливо указывает: «Положение с вооружением и с продовольствием в русской армии было не из лучших» (С. 11). В действительности, потребности армии удовлетворялись в среднем на 15-30%[2]. Если подобное положение вещей признается «не лучшим», то любопытно — как же, по мнению автора, должно было выглядеть худшее?

Когда заходит речь о трагическом «Великом отступлении» русской армии летом 1915 г., Мультатули сообщает о небывалом росте шпиономании и насильственной эвакуации немецких колонистов из западных губерний России. Инициаторами этих масштабных мероприятий автор изображает Николая Николаевича-мл. и начальника Генерального штаба генерала Янушкевича (С. 14-15). Однако он предпочитает умалчивать о том, как императрица Александра Федоровна в письмах Николаю II взращивала в супруге шпиономанию — стремилась очернить Ставку, именовала её «предательской», рекомендовала царю не разглашать даты и маршруты поездок в Действующую Армию, иначе «шпионы, находящиеся в Ставке сразу же сообщат немцам, и тогда их аэропланы начнут действовать»[3].

Сам же император 18 августа 1914 г. подписал высочайший манифест о переименовании Санкт-Петербурга в Петроград — то есть выступил инициатором вздорного и дорогостоящего мероприятия, ставшего стимулом к дальнейшему росту германофобии. Однако об этом в книге Мультатули так же не упоминается.

По сравнению с замешанной на «квасном» патриотизме германофобией, еще более массовый характер в годы Первой мировой войны принял антисемитизм. Роль Ставки в его разжигании и организации интернирования евреев в прифронтовых районах представляется несомненной. Мультатули, таким образом, получает возможность справедливо попенять великому князю Николаю Николаевичу-мл. на дестабилизацию им обстановки на фронте и в тылу. Однако и здесь автор не обошелся без ошибочных аргументов. Цитируемый им приказ: «В целях обеспечения войск от вредных действий еврейского населения, Главнокомандующий приказал при занятии населенных пунктов брать от еврейского населения заложников...» (С. 17) — был адресован не командованию и начальникам гарнизонов, а войскам укрепленного района, крепость Новогеоргиевск, подписан 27 ноября 1914 г. начальником данного района и комендантом крепости генералом от кавалерии Н.П. Бобырем[4], а не великим князем Николаем Николаевичем-младшим в августе 1915 г. Остается добавить что данный документ неоднократно цитировался в научной литературе и подобная вольность Мультатули в обращении с ним объяснима либо подлогом, либо отсутствием соответствующих знаний.

Излагая обстоятельства отставки дяди императора с его поста и занятия его самим Николаем II, автор углубляется в изобличение заговоров в Ставке (С. 32-57), но не приводит на сей счет ни одного внятного и документированного аргумента. Затем он цитирует нескольких мемуаристов, положительно отреагировавших на изменения в Верховном главнокомандовании. В частности, это начальник штаба Ставки генерал М.В. Алексеев, писавший в 1915 г.: «С Государем спокойнее. Его Величество дает указания, столь соответствующие боевым стратегическим задачам... Он прекрасно знает фронт и обладает редкой памятью. С ним мы спелись» (С. 58). Правда, в конце октября 1916 г. Алексеев заговорит о своем желании покинуть должность начальника штаба, говоря об императоре: «Ничего нельзя сделать, ничем нельзя помочь делу. Ну что можно сделать с этим ребенком! Пляшет над пропастью и... спокоен»[5]. Но это Мультатули предпочел проигнорировать.

Далее автор излагает события на театре военных действий и в тылу, говоря об успехах русской военной промышленности в 1916 г. Тезис о качественном скачке в развитии ВПК Российской империи на третий год войны действительно является расхожим, однако Мультатули в своих чаяниях обосновать его оказывается весьма неловок. Он говорит о росте производительности отечественных оружейных, снарядных и патронных заводов, но недоговаривает, что при этом потребность Действующей Армии в винтовках к концу 1916 г. не была удовлетворена на 35%, а в пулеметах — и вовсе на 88%[6]. Наблюдавшийся количественный рывок стал возможен только крайним напряжением производственных мощностей. Попутно автором открываются неизвестные доселе науке уполномоченный ГАУ генерал-майор С.Н. Ваньков (а не Ванков, как следовало бы) и фирма «Векерс» (С. 62).

Обстоятельства «Брусиловского прорыва» Мультатули излагает на основе «Истории русской армии» А.А. Керсновского и этот фрагмент его книги, в общем-то, не вызывает нареканий. Правда, автор не мог обойтись без реверанса царю — он пишет: «Николай II лично вмешался в ход битвы и приказал прекратить ненужное кровопролитие» (С. 67). Между тем атаки не были остановлены; император в телеграмме от 4 октября 1916 г. призывал президента Франции Пуанкаре «считаться с непрекращающейся чрезвычайной активностью, развиваемой русской армией на фронте генерала Брусилова, активностью, поддерживаемой в общих интересах союзников»[7].

Автор уделяет внимание и росту численности Действующей Армии: «Численность русской армии была не только восстановлена после тяжелых потерь 1915 года, но и многократно увеличена» (С. 73). Это действительно так, но у г-на Мультатули нет ни слова об отрицательных последствиях этого количественного роста, внешне впечатляющего. 15 октября 1916 г. дежурный генерал Ставки П.К. Кондзеровский составил справку на имя начальника штаба Ставки генерала М.В. Алексеева, из которой следовало, что армия может рассчитывать на пополнение в количестве не более чем 1400 тысяч человек, из которых половина — новобранцы призыва 1919 г., около 500 тысяч — ратники 2-го разряда и примерно 200 тысяч белобилетников[8]. «Это совсем ничтожная цифра, с которой воевать трудно» — отреагировал на эти сведения Алексеев. К 1 ноября 1916 г. численность личного состава запасных частей составила 1830 тысяч человек, на обучение которых не хватало ни людей, ни офицеров[9]. Людские резервы русской армии оказались, таким образом, истощены еще на рубеже 1916–1917 гг. Ситуацию накануне Февраля 1917 г. иллюстрируют воспоминания известного советского физика С.Э. Фриша: «Ходили слухи, что нас — восьмиклассников — выпустят досрочно, к Рождеству, и всех зачислят в юнкерские училища. В качестве обязательного предмета ввели военный строй... После уроков мы оставались еще на час или два изготовлять под руководством учителя ручного труда ящики для снарядов»[10]. Откровенно говоря, предчувствий победоносного окончания войны подобные свидетельства не навевают. Впрочем, даже это не мешает промонархически настроенным авторам изображать начало Великой русской революции «ударом в спину» армии и самодержавию.

Февральский переворот Мультатули преподносит как результат тщательно спланированных действий заговорщиков — на страницах книги г-на Мультатули профессиональные террористы организуют толпы горожан, вооружают и сталкивают их с регулярными воинскими частями. Говоря о невидимой «умелой руке», управляющей мятежом, он цитирует последнего начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева: «Видны были только кучки вооруженных рабочих, солдат и матросов, перемешанных всяким сбродом; всё это стреляло, куда-то мчалось» (С. 95). Мало того, что эта цитата не вяжется с рассуждениями об «умелой руке» — она вдобавок является неполной, ведь её завершение самим Глобачевым: «...куда-то мчалось, но куда и зачем, я думаю, они сами не отдавали себе отчета»[11] не укладывается в обозначенную авторскую концепцию.

«Февральские события были событиями локальными. Они коснулись только Петрограда. Вся остальная Россия была совершенно спокойна» (С. 93) — пишет Мультатули, далее проводя мысль об искусственности революционных событий в столице и отсутствии для них объективных предпосылок. Но о событиях в столице и не могло моментально стать известно в губернских центрах поверженной империи, в силу огромных расстояний между ними. Обильно цитируемый автором С.П. Мельгунов справедливо замечал:

«Во многих губерниях центра России (Ярославь, Тула и др.) движение началось 3-го. Жители Херсона даже 5 марта могли читать воззвание губернатора Червинского о народных беспорядках в Петербурге... На фронт весть о революции, естественно, пришла еще позже»[12]. Мультатули же игнорирует факторы расстояний, тогдашнего уровня логистики, развития средств связи и т. д.

Впрочем, наряду со столь далеко идущими утверждениями, автор допускает ошибку на ошибке даже в незначительных деталях. Например, он цитирует французского историка Тьерри Нолина: «Как только произошла февральская революция, в Россию приехал Иосиф Трумпельдор...», а затем в примечании дает краткую справку о последнем: «Иосиф Зеевич Трумпельдор (1880-1920). Деятель сионистского движения. Герой русско-японской войны, в которой потерял руку. Георгиевский кавалер, первый русский офицер иудейского вероисповедания. В 1911 году репатриировался в Палестину, вступил в ряды британской армии. Погиб в бою с арабами». (С. 109) Между тем подлинный Трумпельдор, Вольфович, а не Зеевич, по отчеству, в 1912 г. закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и только затем отправился в Эрец-Исраэль. Чин капитана британской армии Трумпельдор получил лишь в 1915 г., а в Россию он вновь прибыл не сразу после падения самодержавия, а уже в июне 1917 г.[13]

Между тем, кто же, по мнению автора, был организатором якобы «локальной» революции? Отвечая на этот вопрос, Мультатули на протяжении ряда страниц целенаправленно, опираясь на любые косвенные свидетельства, «разоблачает» шпионские скандалы и выявляет нити заговора, связанные с именем А.И. Гучкова. Речь заходит о т.н. «заговоре генералов», которому автор посвятил одну из первых своих книг. В этой связи от него можно было бы ожидать объективного и, во всяком случае, фактически верного анализа данной проблематики. Однако и здесь Мультатули остается верен себе. Говоря об участии генерала В.И. Ромейко-Гурко и Гучкова в англо-бурской войне, он датирует её 1899–1900 гг.(С. 208), что едва ли поддается объяснению. Л.Г. Корнилов, по его словам, после Русско-японской войны служил в войсках пограничной стражи Заамурского военного округа, хотя на деле он служил там в 03.06.1911–04.07.1913 гг. Мультатули представляются «туманными» обстоятельства пленения как его, так и генерала Е.И. Мартынова в годы Первой мировой войны (С. 210); однако они вполне ясны: Корнилов 29 апреля 1915 г. был вынужден сдаться в плен австро-венгерским частям, будучи раненым в голову и руку, а Мартынов — сбит и пленен 10 августа 1914 г. во время разведывательного полета над расположением вражеских частей[14].

Начальника Главного артиллерийского управления генерала А.А. Маниковского Мультатули не только записывает в масоны вслед за публицистом В.В. Кожиновым, но и прочит задним числом в диктаторы, как и многих других вышеупомянутых генералов.

На роль лидера генералов-заговорщиков автор назначает, разумеется, М.В. Алексеева. Кому, как не начальнику штаба Ставки, руководить подготовкой свержения царя в условиях тяжелейшей войны с мощными армиями Германии, Турции и Австро-Венгрии? Так, несмотря на признание самого Гучкова: «никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось»[15], автор не сомневается в измене генералитета трону. Он умозрительно моделирует страницах своей книги объединяющий заговорщиков фактор. Перед читателем причудливо переплетаются бесопоповское старообрядчество одних, приверженность масонству других, холодный расчет третьих (зарубежных партнеров заговорщиков) и т. д.

Масонство и его роль в Февральской революции — это один из востребованных консервативной публицистикой сюжетов. Превозносит его значимость и Мультатули. Однако выводы крупнейших отечественных и зарубежных исследователей российского масонства идут вразрез с его умозаключениями. Польский историк Л. Хасс констатировал: Февральская революция застала русское масонство врасплох[16]. Аналогичного мнения придерживались и такие маститые ученые как В.И. Старцев («...Бурный характер Февральской революции, и особенно восстания 27 февраля 1917 г., явился абсолютной неожиданностью для масонов»[17]) и О.Ф. Соловьев («Свидетельств непосредственного участия... масонской организации в осуществлении революции не имеется»[18]). Более того, последний указывает на принадлежность к «вольным каменщикам»... Николая II, входившего в состав ложи братства Креста и Звезды, созданного французским мартинистом Филиппом в 1895 г.[19]

Автор не проходит и мимо такой одиозной фигуры кануна краха самодержавия, как Григорий Распутин. «Лживые мифы» о нем так требуют опровержения, полагает Мультатули и, в частности, объявляет отложившиеся в архиве телеграммы Распутина подделками (С. 253). Ведь в таком случае выбраковке следует подвергнуть целый массив исторических источников, содержащих безнадежно компрометирующую Распутина информацию. Вывод в таком случае будет очевиден: Распутин не обладал и не пользовался серьезным ресурсом власти. Известно, что еще в 1911 г. император отправил Распутина в качестве личного посланника в Нижний Новгород, дабы тот на месте решил — сможет ли тамошний губернатор А.Н. Хвостов сменить П.А. Столыпина на посту министра внутренних дел[20]. В итоге Распутин обиделся на нелюбезный прием, не дал нужного отзыва и Хвостов не получил назначения. На протяжении последующих лет, особенно с началом Первой мировой войны, ситуация лишь усугублялась. При этом наиболее объективной точкой зрения о степени влияния Распутина на управление государством представляется следующая: «Диапазон мнений — от признания за ним полного господства в политике до отрицания его влияния на курс власти вообще. Правильная оценка роли Распутина находится между этими полюсами»[21].

Аналогичным образом автор подходит и к освещению событий Февраля 1917 г. Собственно, подлинности манифеста об отречении Николая II от престола в книге уделяется лишь несколько страниц (С. 587-609). Как уже было сказано, Мультатули проникается безусловным доверием к интернет-публикациям блоггера А.Б. Разумова и лишь на их основе объявляет данный документ фальшивкой. Однако Разумов не работал с архивными первоисточниками — он анализировал электронные фотокопии документов. Это исключает даже минимальную источниковедческую экспертизу. Разумов так же не является экспертом в области графологии и не владеет методикой данной дисциплины. Его аргументация по-своему интересна, но весьма скудна — например, из факта подписи текста отречения карандашом вывод о подложности текста никак не проистекает. В целом же, ситуация напоминает резонанс вокруг небезызвестной «Велесовой книги», сторонники подлинности которой располагают одной-единственной фотографией её фрагмента. Обе эти претензии на открытие заведомо находятся вне научного поля.

Нельзя обойти вниманием и факт весьма низкого уровня оформления научного аппарата книги. В ней отсутствуют именной и предметный указатели, а подстрочные сноски на использованные автором архивные материалы, опубликованные исторические источники и литературу оформлены попросту неряшливо. Например: ««Шавельский Г. Указ. соч. С. » (С. 31)» — отсутствует номер страницы; «ГА РФ. Ф. оп. 1. д. 610. л. 1.» (С. 45) — не указан номер фонда, «Ф. 1467, оп. 1, д. 231(2), л. 222-223» (С. 219) — есть архивная легенда, но неизвестен архив; «ГА РФ. Ф. 601, оп. 1, д.»(С.2 49) — эту куцую ссылку автор повторил трижды, в одному ему ведомой связи. И подобных курьезных ссылок в тексте книги — десятки.

Подводя итог проведенному обзору, можно выделить весьма наглядно проявившиеся черты авторской публицистической манеры.

Это, во-первых, обусловленность выводов изначально заданными положениями концепции. Мультатули не проводит исследование с целью выявления истины, а конструирует из отрывочных сведений текст, содержание которого отвечает названию главы — например, «Заговор генералов». Подчас его не смущает не только отсутствие подтверждений приводимых им сведений, но даже формальной логики. Вот характерный пример: «Как известно, дивизия Крымова в 1916 году была переброшена на Румынский фронт. На том же фронте командовал 8-м корпусом генерал Деникин. В непосредственной близости находился Черноморский флот, которым с лета того же 1916 года командовал вице-адмирал Колчак» (с.230). И вправду, как из этого совпадения не сделать вывода об участии всех троих в антимонархическом заговоре?..

Во-вторых, Мультатули, либо не владея методологией исторического исследования, либо сознательно отказавшись от неё, весьма неразборчив в подборе литературы и источников. Рядом со ссылками на работы вполне признанных и здравомыслящих специалистов можно обнаружить обращения к совершенно ненаучным изданиям.

В-третьих, недобросовестный подход автора даже к признанным и проверенным материалам выражается в выделении удобных для его умозаключений фактов и элементарном замалчивании неудобных.

Ну, и в-четвертых, сказывается банальный дефицит фактических знаний автора, что и порождает такое множество ошибок в изложении событий.

Рассмотренная работа принесла бы определенную пользу, но лишь в том случае, если бы в ней отсутствовала ангажированность и явная политическая предвзятость, а автор обладал более широким культурно-нравственным кругозором.

Юрий Бахурин

---

[1] **Залесский К.А.** Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003. С.317, 604.

[2] **Шацилло В.К.** Последняя война царской России. М., 2010. С.146–147.

[3] Цит. по: **Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А.** Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994. С.42.

[4] **Бахурин Ю.А.** Причины падения крепости Новогеоргиевск в 1915 году // Военно-исторический журнал. 2009. № 8. С.74.

[5] Цит. по: **Булдаков В.П.** Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С.109.

[6] **Головин Н.Н.** Наука о войне: Избранные сочинения. М., 2009. С.592.

[7] Цит. по: **Оськин М.В.** Брусиловский прорыв. М., 2010. С.367.

[8] **Гаврилов Л.М., Кутузов В.В.** Истощение людских резервов русской армии в 1917 г. // Первая мировая война. М., 1968. С.152.

[9] **Безугольный А.Ю.** Военно-окружная система в России в период Первой мировой войны и революционных событий 1917 года // Военно-исторический журнал. 2008. №10. С.25–26.

[10] Цит. по: **Фриш С.Э.** Сквозь призму времени. М., 1992. С.30–31.

[11] Цит. по: **Глобачев К.И.** Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С.126.

[12] **Мельгунов С.П.** Мартовские дни 1917 года. М., 2006. С.21.

[13] **Гак А.М.** Иосиф Трумпельдор: необычная судьба героя Порт-Артура // Новая и новейшая история. 2004. №3. С.226–228.

[14] **Гущин Ф.А., Жебровский С.С.** Пленные генералы Российской императорской армии, 1914–1917. М., 2010. С.223, 258.

[15] Цит. по: Война общество в XX веке. Кн.1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008. С.145; **Мельгунов С.П.** На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С.149.

[16] **Хасс Л.** Русские масоны первых десятилетий XX века // Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М., 1990. С.153.

[17] Цит. по: **Старцев В.И.** Российские масоны XX века // Вопросы истории. 1989. №6. С.50.

[18] Цит. по: **Соловьев О.Ф.** Масонство в России // Вопросы истории. 1988. №10. С.24.

[19] См.: Вопросы истории. 1998. №9. С.157.

[20] **Уортман Р.С.** Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т.2: От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. С.554.

[21] **Лукоянов И.В.** Камарилья // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного коллоквиума. СПб., 1999. С.236.

ARTICLES PUBLICATIONS REVIEWS

ARTICLES

Hannes Heer

Overture to the Holocaust: Lvov in June – July of 1941

Events linked to the occupation of Lvov by Germans, detection of gunned down prisoners in NKVD jail, and usage of the fact in purposes of Goebbels's propaganda mostly for rousing hatred of the Jewry up to now triggered disputable interpretations amongst historians of various countries. There in the article a shot to reconstruct course of history, puzzle liabilities of the parties (Ukrainian nationalists inclu-sive) out, and therewith, pinpoint attention upon role of the organization that remained a wallflower in all previous researches – the Wehrmacht – was taken. The author emphasizes that the Ukraine took a special part as a "counterbalance to Russia power, Poland and the Balkans" and, in the mean time, a strong source of subsistence and natural resources for Germany in the Nazi plans concerned with the future war in the East. The suitable "ally" was chosen in the name of the Ukrainian nationalists' organization (OUN) founded in 1929. Employment of the "German patent" on the Ukrainian nationalism was facilitated with the fact that in the 1930-th the OUN has been changed by sight into a "semi-Nazi" movement pierced with anti-Semitic vibrations. Shortly before attack against the Soviet Union the OUN-B yet hardened its anti-Semitic program more – from that time on the Jewry considered "antagonistic" minority. Leaflet of the first days of the war said: "Do not drop your weapon. Take it in your hands. Destroy the enemy. […] Nation! Know it! Moscow, Poles, Hungarians, Jewry are your enemies! Destroy them!" Committed by the NKVD in Lvov and other Galicia cities shootings were a very comfy hatch for the OUN to turn its plans into reality. From this point on had been directed by the Nazi (give or take interest of the Wehr-macht) and enlarged by the Ukrainian nationalists the outdoorsy terror towards the Jewry in few days turned into consistent elimination of them.

Adam Cira

Banderovites in the concentration camp Auschwitz

The article discloses out-of-the-way items of information connected to reasons and circumstances of the OUN activists including brothers of its leader Stepan Bandera – Alexander and Vasiliy – imprisonment in the Nazi concentration camp Auschwitz. From anti-Poland and anti-Soviet considerations the Ukrainian nationalists extensively collaborated with the German Nazi hoping for their assistance in a development of "the independent Ukraine". In the morning of June 30, 1941 German troops footed in Lvov that was left by Soviet troops. In the same day Banderovites declared "the independence" broadcasting a message about it by means of a local radiostation. The proclamation known as "Act of June, 30" contained controversial thesises: appeal to obey the new "parliament" of the OUN was grouped with the motto "Honor to the brave German Army and its Fuhrer Adolf Hitler!" Despite the pro-Nazi accents in the Banderovites' propaganda their political activity didn't correspond to the Hitler's Germany occupational interests. As a result by end of 1941 80% of the OUN-B management in charge has been arrested. Majority of the Banderovites imprisoned in the Auschwitz survived due to protection of the camp chiefs after which they worked in privileged prisoner teams. Concurrently the Banderovites sustained losses, especially within the first months of their imprisonment in the camp, when they met extreme hostility from the imprisoned Poles who revenged for the lapsed terror of the Ukrainian nationalists against Poland officials and civilians.

Dmitriy Zhukov

German occupational bodies on the territory of the USSR: structure and jurisdiction

The author offers detailed structural-functional analysis of the Nazi occupational policies in the territory of the USSR. In the occupied areas the Hitlerites arranged extremely many-tentacled administrative apparatus with the aim to achieve goals set by the Nazi administration. Those goals are classified in the article as administrative, economical, provost, and punitive. Anyone reading the article can get a clear understanding about how the occupied territories have been broken down according to an occupational regime (3 zones) and jurisdiction (2 zones). The Nazi penal practice scale demanded attachment of police forces in solving punitive tasks. The police forces were both completed with Germans and local collaborationists. The author has come to a decision that in general the Nazi succeeded in forming the effective occupational apparatus which, to a particular moment, allowed accomplishment with rather advantage of repressive-punitive tasks in the occupied territories and economical exploitation of them. However the German Eastern occupational policies has come a buster as a result of the Soviet Army victories as well as successful activities of guerilla movement and underground resistance in territories occupied by the enemy.

Ulrich Herbert

Revenge, lack of time, factual constraint: German Wehrmacht in France and the Ukraine

The German occupational authorities' controlling methods in France always considered being converse to the German terror regime set in the occupied territories of the Soviet Union, Poland, and Yugoslavia. Does the described picture have any bearing on reality? At accomplishment of what issues did the Military commandant's office in France and Berlin administration experience contradictions? What issues were solved by them under mutual agreement? And what ideology and value systems were elaborated by German officers and soldiers in Paris? Answering the questions the author tracks the link between protestation of the German military administration in Paris against shooting of French hostages and execution of "Jew problem final decision" in France. Comparing situations of the West and the East the German historian has a bash at researching specific political, military, and ideological prerequisites of the Wehrmacht activities during war with the Soviet Union, and, in particular, in the territory of the Ukraine. Before the war with the Soviet Union started orders with completely different – more violent – treatment of civilians were spread in German troops. Such factors as the "blitzkrieg" failure, difficulties in provisioning, and threat of effectual counterstand of the Soviet Union were supported with belief of Germans that the German troops could solve the problems only if applying extreme violence and denying all constraining convictions and stereotypes. Meanwhile it's been quickly found that majority of German officers lacked bulks of cultural boarders or other constraining factors relating to the Soviet Union population (as opposed to French one) and there were even few of them relating to the Jewry.

Anatoliy Sharkov

Guerilla justice in the occupied territory of Belarus

The author investigates a poorly studied in the Soviet, Russian, or Belarus historiography issue of development and function of legal prosecution bodies in the rear of German troops in the territories controlled by guerillas. As it is shown in official records as soon as the guerilla movement was being grown law-enforcement agencies were formed as special departments, partisan burlaw suits, as well as officer honor courts. Partisan courts executed justice as people's courts only if the guerilla unit or regiment were taking rest, replenishing ammo or supplies in partisan zones. If they were delivering combats or hit-and-run raids the partisan courts disposed all criminal cases. The second judicial in-

stance (and in some cases even the first one) was field court-martials which were created in partisan zones and areas with large guerilla units. In court practice of justice delivery in partisan units there were events when criminal cases were settled during common meetings of partisans. In some cases taking gravity of offence and the population's petition into consideration partisan units' command transferred the apprehended criminals for judgment during village general meetings of Belarus. The author makes a conclusion that functioning during years of the war in the rear of the enemy military courts of the partisan zones in Belarus effected providing of national security, proper law and order, and military discipline in guerilla units as well as public order – amongst civilians bearing themselves in their activities upon the war-time criminal law.

Sergey Balmasov

Russian emigration blanche in the fight against Nazism

The article performs little-known chapters of the Russian emigration blanche participation in the struggle against the Nazism and its allied regimes in Europe, Africa, and even Asia. The author points out various grounds and factors rebounding to antagonism against the Nazi and fascists in community of emigrants who were forced to leave Russia after the Civil war was lost. Specific attention is given to positions of the emigration blanche leaders – precisely general Anton Denikin who living in France deliberately denied supporting of German and Russian collaborationists and criticized rigorously those of his former subordinates who fought with the Hitlerites against the Soviet troops and their allies. In the magazine a reader can find descriptions of many regimes in different continents (affiliated with regular forces of the anti-Hitler coalition member-countries as well as in the underground and guerilla units in Poland, Czechoslovakia, Hungary, Romania, Yugoslavia, Italy, France, Belgium, the Netherlands, Norway, Bulgaria, and Greece). It is revealing that the emigration blanche preferences were divided depending on their location: majority of those who had found lodgment in the anti-Hitler coalition member-countries supported the struggle against the Nazism, while those who lived in Germany and Yugoslavia fought for Hitler. At that in the latter country the irreconcilable monarchial emigration blanche part lived. In its blind hatred to the Bolshevism the part was ready to fight even “with devil” according to the general Petr Krasnov vivid expression. The author criticizes the widely-spread thesis that “the emigration blanche supported the Nazi”, emphasizing fairness of such statements only in respect to its lesser part.

Boris Kovalev

Legalization of Soviet collaborationists in the West upon completion of the World War II

Upon completion of the World War II there were up to 8 million displaced people in ruinous Europe. Among those people there were ones who had escaped with the Nazi from the Red Army advent (war criminals and members of various collaborationist structures inclusive). At that, the American government argued against forced repatriation of such people into the countries with communistic regime. The American Displaced People Act excluded from those having the right for immigration to the USA those with Nazi past. But the corresponding chapter not reflected in full the similar prohibition contained in the International Refugee Organization Chart and wasn't clearly expressed. Analysis of arrangements for verification of applicants wishing to immigrate to the USA also shows their poor efficiency or complete idleness. The author brings evidences of the fact that the Latvians, Lithuanians, and Estonians bringing their own orders in camps for displaced persons had by the short hairs. According to the Displaced People Act 40% of the total number of the USA entry visas had to be given to immigrants from the Eastland. But in practice they constituted only 19%. As a result there was a conundrum: there were simply no enough Latvians, Lithuanians, and Estonians even if the American government would have given visas to all of them without any verification, selection, or “filtration”. The simple calculation showed that bringing of a Latvian and his wife to America allowed sending of three Jews, Poles, or Ukrainians to the USA. Thus, all parties – American authorities, displaced people

of other nations – were interested in giving as many visas as possible precisely to the immigrants from the Eastland. Hatred to the Hitlerites and their allies that was so fiercely underwent in the USA a short time ago was replaced with a new one towards the Soviet Union. Therefore, the Nazi as well as their allies sneaking to the USA through the "sieve" of the Displaced People Act and the Refugee Protection Act found themselves at home.

FILES

Ottmar Trashka

Odessa occupation by the Romanian army and measures taken to anihilate the Jewish population, October 1941 – March 1942

The archive documents' publication is preceded with the article dedicated to research of the Romanian military authorities' policies towards Jewish population of Odessa within first months of the Romanian occupation. The period chosen (October 1941 – March 1942) allows us to reconstruct the events linked to ghettoisation and annihilation of many Jews by the Romanian army as well as to subsequent deportation of the remained ones to concentration camps in Transnistria. The author demonstrates system approach to the analysis of official Bucharest activities that combined occupation and annexation policies in the East with attempts to settle Romanian – Hungarian territorial conflict by means of drawing together with the Nazi Berlin. Romanian historiography (and not only the one) for a long time disclaimed participation of the Romanian army in overkills of the Jewry during the World War II. In multiple publications the responsibility was rested upon legionnaires or parts of the army, or, in most cases, upon Germans. Referring to the overkill of October 1941 and the Jewry deportation from Odessa the author quotes the archive files that unequivocally prove that the Romanian military authorities from top to the lowest branches plaid central role in the tragedy. The being published files from Romanian archives give explicit evidence that Marshall Ion Antonesku didn't limit himself only with giving orders but also insisted on precisely strict obedience of his instructions related to the Jewry annihilation.

DISCUSSIONS

Stepan Bandera: a hero or a criminal?

Beginning of 2010 the former Ukraine president Viktor Yushchenko having lost the vote did exactly what he had not been able to bent on in the beginning of him being in power: he awarded the title of Hero of the Ukraine to the Ukrainian nationalists organization (OUN) leader Stepan Bandera. The ambiguous decision was supported delightedly both by radical nationalists in the Ukraine and representatives of the Ukrainian immigration in the USA and Canada; concurrently it triggered protests both from the sides of international non-governmental organizations and European Parliament which called the Ukrainian authorities to revoke the OUN leader award. The enactment of Bandera's award evoked heavy discussions in the community of professional historians-Ukrainianists: a director of the Canadian Institute of Ukrainian Studies (CIUS) Zenon Kohut and Professor Ivan-Paul Khimka took part in a public discussion initiated with a critical article in respect of Mr. Yushchenko decision after Professor of the University of Alberta David Marples. The "Zhurnal" editors considered it to be useful to provide the Russian reader an opportunity to get familiar with the most interesting parts of the discussion that is being compared to the famous German Historikenstreit that is "the historians'

dispute". Because under upright remark of Professor Khimka within the discussion the dispute concerns "the Ukrainians, the elaborated image of the Ukrainians, how they evaluate their part and what they want to be in future."

History of Latvia: through barricades of national-craft monopolism

Development of the Russian historical studies with the post-Soviet period led to the development of colorful variety of historiographic schools. Manifold of methodological reference marks and ideological influences, more or less satisfactory experience of continuation (pre-revolutionary, immigrant, Soviet) and borrowings (in general from the West) as well as unborrowed conceptual approaches were reflected in the variety. With that a collapse of a uniformed scientific area, among others, led to a deficit of scientific manpower in Russia – those who were interested in and able to concentrate on investigations of vivid issues of new neighboring states' histories. In connection with this a work "History of Latvia: from the Russian Empire to the USSR" of the Candidate of economic sciences, Doctor of Political Science Lyudmila Vorobyeva (Moscow: the «Historical memory» Foundation; Russia's Institute for Strategic Studies, 2009 - 2010. Book 1 - 2) was a quite an event. Appearance of the work triggered controversial reaction in Latvian scientific, public and political quarters. The famous Latvian historian Heinrihs Strods took the trouble to speak with an extensional recension having provided a row of conceptual considerations and crucial comments regarding the Lyudmila Vorobyeva's book to our magazine. Argumentation system and approach to the text's "fluorography" of the reviewer arise the reciprocal interest and are considered to be a good reason to continue the discussion what actually have been done in the respondent review of the Russian specialist of the Latvia history Vladimir Simindey.

RECENSIONS

Ehrenfreund N. The Nurnberg Legacy. How the Nazi War Crimes Trials Changed the Course of History. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 257 p.

In her recension Helena Brown reviews the factual book of an American lawyer Norbert Ehrenfreund (of 1922 y.b.) "Nuremberg heritage. How courts over Nazi military criminals have changed the course of history". Her attention was captured with the fact that while analyzing the Nuremberg judgment Mr. Ehrenfreund might base himself both upon his personal recollections (he had described the trial as a journalist) and excellent knowing of a judicial process. Making characterization of the publication the reviewer notices: "Exactly fragments of the personal recollections given in the Ehrenfreund's book are the most valuable and distinctive component of the book. For the rest "Nuremberg heritage" produces rather fleeting impression primarily due to choice of the materials that the author used while writing his work". Despite of defects evident for professional historians the book gives a lively idea of the American national stereotypes of "Nuremberg heritage" that throwing back to the Cold warmongering time. As the brightest feature of Mr. Ehrenfreund's views Helena Brown emphasizes "extreme Americanism": "While reading of the first chapter of the book dedicated directly to the Nuremberg judgment it is as if participation of other countries in it was plainly abstract: the first trigger to start the Nuremberg judgment was that Americans whose relatives had remained in the territories occupied by the Nazi didn't have any news about them and initiated search works; American lawyers totally controlled the overall course of the judgment; American prosecutor Robert Jackson virtually by discretionary decision established that the accused would be heard in terms of assumption of innocence, and so on and so force." Nationalist overtones and black-and-white judgments of Mr. Ehrenfreund are detected in the parallels which the reviewed publication author had found in the Nuremberg trial and judicial procedures over Slobodan Miloshevich and Saddam Hussein.

Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial 1940–1944.
Chișinău: "Lyceum", 1997. 346 p.

It is been done a lot in the post-communistic Republic of Moldova to restore Jewish culture, language, and studying of history. The more wonderous the fact that in Kishinev a book restoring anti-Semitism according to the Romanian model in the eve and of the time of the World War II when the fascist ideology was flourishing was published. Izyaslav Levit submitted to approval of readers a detailed review of the rareripe book of one of the modern ideologists of "Romanian revanche" in Moldova Anatol Petrenku – "Bessarabia in the World War II: 1940 – 1944" that can serve like a cast of negation and simultaneous approval of the Holocaust in Bessarabia and Transnistria. The reviewer tracks how Mr. Petrenku manipulating facts, bending the truth, and concealing multiply attempted to bring the Romanian dictator Ion Antonesku "arguments" back to life on the sample of Bessarabia in defence of commiting by Ion Antonesku genocide of Bessarabia and Bukovina Jews, and also to demonstrate his adherence to the modern Romanian extremely right and nationalistic historiography conception. At that Mr. Petrenku's book is promoted by the publishers as a scientific research, it has State University of Moldova label on its title page, the work has been discussed and was approved by the University historical faculty, and academics, scientific institutions' directors, professors, doctors of historical sciences from Bucharest, Yass, Kluzh consulted and advised Mr. Petrenku.

Qu'est-ce qu'un déporté ? : Histoire et mémoires des déportations de la Seconde Guerre mondiale, Ed. - L. Joly, T. Brutmann, A. Wieviorka. Paris, CNRS, 2009.

The reviewed publication is collected works dedicated to various aspects of deportation policy on the territories of the Western and Eastern Europe occupied by the Nazi and, also, to its social-political and cultural consequences. The book was published by French National Center for Scientific Research (CNRS). Draftsmen of the collected book are famous French historians researching period of the World War II: CNRS senior research assistant Annette Wieviorka, CNRS staff scientist Loren Joly, and member of the Paris Museum and center of documentation "Memorial Shoa" Tal Brutmann. Apart from introduction and conclusion the collected book includes 18 articles arranged in four topic sections: "Deported and deportation". "Practice of conduction and implementation of deportations in France during the World War II: policy and performers", "Deportation policy in the countries of Europe and Asia", "Memory of deportations from 1945 to the present day". The reviewer is Alice Orlenko remarks "high scientific level intended by the draftsmen to the publication that reflected in the included into the work articles' complex issues, deepness and newness of the researches of practically all authors, abundance of reference apparatus and sources for the collected texts." At that she makes the following conclusion: "The most detailed and developed articles are those dedicated to history and present days of France. The rest are either French point of view to history of a country, or have a touch of comparative research work (…), or represent short and sometimes shallow survey of fairly complex and controversial processes occurring in the French history." The reviewer consider the collected work useful to get familiar to with an exploration degree of distinctive issues in the French historical science: "It allows to find new angles in research of various aspects of the World War II and demonstrates the French historical community scientific demand."

Multitatuli P.V. Nickolay II. Repudiation that never existed. M.: AST: Astrel, 2010. 639 p.

Yuriy Bakhurin reviews yet another book of P. Multitatuli dedicated to the Nickolay II latest regnal years. Despite introducing some new materials for scientific use common book design concepts put one in doubt regarding its scientific character. Particularly, the review author stresses serious defects in the pursuance of the research methodology, unscrupulousness in literature and sources selection, Multitatuli's predilection to adapt "suitable" facts to a quaint conception of more political than scientific features. Also the review contains multiple actual and logical errors of the book author considerably devaluating the publication. Yuriy Bakhurin makes a conclusion that "the reviewed work would have been an advantage in a certain way only if it had lacked prejudice and evident political bias and the author had had a wider cultural-ethical range of vision."

ОБ АВТОРАХ

Балмасов Сергей Станиславович
историк, автор работ по истории гражданской войны в России и белой эмиграции (Россия).

Бахурин Юрий Алексеевич
аспирант кафедры истории Московского государственного областного социально-гуманитарного института (Россия)

Браун Елена Давыдовна
к.и.н., доцент кафедры Всеобщей истории Российского государственного гуманитарного университета (Россия)

Герберт Ульрих
PhD, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига (Германия)

Жуков Дмитрий
историк, автор работ по истории коллаборационистских формирований в период Великой Отечественной войны (Россия)

Ковалев Борис Николаевич
д.и.н., профессор Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Россия).

Когут Зенон
профессор, директор Канадского института украинских исследований Албертского университета (Канада).

Левит Изяслав Эликович
д.и.н., автор работ в области истории Бессарабии, оккупационной политики Румынии в Транснистрии и Бессарабии (США).

Лозинский **Аскольд**
бывший президент Всемирного конгресса укранцев (США).

Марплз Дэвид
профессор Албертского университета (Канада).

Орленко Олеся Евгеньевна
руководитель международных программ фонда «Историческая память» (Россия).

Симиндей Владимир Владимирович
руководитель исследовательских программ фонда «Историческая память» (Россия).

Стродс Хейнрихс
д.и.н., почетный член-корреспондент Латвийской Академии Наук, член Комиссии историков при президенте Латвийской Республики (Латвия).

Трашка Оттмар
PhD, старший научный сотрудник Университета истории им. Георге Барициу при Румынской академии наук (Румыния)

Хеер Ханнес
PhD, военный историк, автор монографий и статей по истории Второй мировой войны на Восточном фронте и истории вермахта (Германия)

Химка Иван-Павел
профессор Альбертского университета (Канада).

Цыра Адам
PhD, старший архивист Государственного музея Аушвиц-Биркенау в Освенциме (Польша)

Шарков Анатолий Васильевич
д.и.н., профессор Академии МВД Республики Белорусь (Белоруссия).